Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарева»

Н. Г. Юрина

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Учебно-методическое пособие

2-е издание, стереотипное

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2015

УДК 821.161.1(075.8)
ББК 83.3(2Рос=Рус)3я73
Ю72

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
кафедра литературы ГОУ ВПО «Арзамасский государственный педагогический института им. А. П. Гайдара»;
О.И. Бирюкова, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой русской, зарубежной литературы и методики преподавания ГОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева»

Юрина Н.Г.

Ю72 История древнерусской литературы [Электронный ресурс] : учеб.-метод. пособие / Н.Г. Юрина.— 2-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2015.— 302 с.

ISBN 978-5-9765-2368-5

Учебное пособие включает материал, представляющий развитие русской литературы на протяжении XI—XVII веков. Материал в нем изложен не традиционно хронологически, а через отражение эволюции ключевых литературных жанров древнерусской словесности. Пособие включает также комплекс теоретических и практических заданий для самостоятельной работы, планы семинарских занятий, краткий словарь терминов и понятий, краткие биографии древнерусских авторов, тесты и прочие материалы, помогающие усвоить содержание дисциплины.

Для студентов филологических факультетов вузов, преподавателей русской литературы, всех, интересующихся отечественной словесностью.

УДК 821.161.1(075.8)
ББК 83.3(2Рос=Рус)3я73

ISBN 978-5-9765-2368-5□ □ □ □ □ □

© Юрина Н.Г., 2015
© Издательство «ФЛИНТА», 2015

Содержание

От автора 4

Рабочая программа курса «История древнерусской литературы» 8

РАЗДЕЛ I. ЛЕКЦИОННЫЙ КУРС 13

Тема 1. Древнерусская литература — начальный этап в развитии русской литературы 13
Тема 2. Становление древнерусской литературы 23
Тема 3. Русское летописание 31
Тема 4. Жанр повести в древнерусской литературе 47
Тема 5. Своеобразие жанра «Слова о полку Игореве» 78
Тема 6. Житийная литература XI — XVII вв. 85
Тема 7. Жанр ораторского красноречия в древнерусской литературе 110
Тема 8. Эволюция жанра хождения в отечественной литературе XI — XVII вв. 126
Тема 9. Русская публицистика XVI — XVII вв. 137
Тема 10. Возникновение и развитие русской виршевой поэзии 149
Тема 11. Становление русского театра и драматургии 158
Тема 12. Барокко в русской литературе XVII в. 171
Тема 13. Значение древнерусской литературы 176

РАЗДЕЛ II. УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ 182

Теоретические вопросы и задания, выносимые на СРС 182
Тематика практических занятий 204
Тематика рефератов, курсовых и дипломных работ 212
Библиографический список 214
Основная научно-учебная литература 214
Дополнительная литература 226

ПРИЛОЖЕНИЕ 241

Список текстов для обязательного прочтения 241
Примерный перечень вопросов к зачету и экзамену по курсу «История древнерусской литературы» 243
Краткий словарь терминов и понятий 247
Краткие биографии древнерусских авторов 255
Проверка содержания прочитанных текстов 280
Тесты по курсу 294

От автора

«История древнерусской литературы» — первый среди курсов истории русской литературы, с которым предстоит познакомиться начинающим филологам, когда они еще не вполне овладели теоретико-литературными понятиями, основами старославянского языка, навыками анализа художественного текста. Его значимость вполне очевидна: курс является основополагающим звеном в историко-литературном образовании, поскольку рассматривает древнейший этап литературного письменного творчества, на котором сформировалась национальная специфика всей русской литературы, система эстетических и нравственных ориентаций, сохраняющаяся и в Новое время.

Произведения древнерусской литературы на первый взгляд кажутся схематичными, «сухими»: в них мало внешней занимательности, нет интригующего сюжета, внутренний мир героев не раскрываются полностью, подробное описание быта и природы отсутствует, автор прямо заявляет свое мнение обо всех волнующих его темах. Зато тема здесь разрабатывается в самых обобщенных формах, с точки зрения вечного смысла, тексты имеют четкую структуру, ритмическую слаженность повествования. Кроме того, именно средневековые произведения, небольшие по объему и, как правило, ясные в своей семантике, представляют собой благодатный материал для приобретения основных навыков анализа художественного текста.

Задачи дисциплины прежде всего связаны: 1) с овладением теоретическими понятиями, соотносимыми со спецификой и историей создания средневековых текстов, мировоззрением и эстетическими представлениями эпохи, системой жанров литературы Древней Руси; 2) освоением содержания определенного круга произведений; 3) получением знаний о своеобразии историко-литературных условий их написания, жанровой специфики, места в развитии средневековой словесности; 4) созданием представлений о закономерностях и особенностях развития древнерусской литературы в целом и в отдельные периоды; 5) пониманием характера связи русских произведений XI — XVII вв. с фольклором и литературами других стран; 6) выявлением художественной специфики древнерусской литературы, ее роли в патриотическом, нравственном и эстетическом воспитании.

Учебное пособие предназначено для студентов заочного отделения филологических факультетов, где лекционный курс древнерусской литературы не превышает 12–14 часов. Небольшой объем курса и отсутствие

развернутой системы семинарских и практических занятий определил характер изложения материала, особую значимость самостоятельной работы студентов. Цель учебного пособия — раскрыть основные закономерности в развитии русской литературы XI — XVII вв. на основе эволюции ключевых ее жанров; выделив произведения, значимые в плане идейного содержания и художественной ценности, формирующие представление о бытовании того или иного жанра в конкретную историко-литературную эпоху, представить их литературоведческий анализ.

Рассмотрение истории древнерусской словесности через эволюцию литературных жанров, как нам представляется,— нетрадиционный подход в изложении подобного рода материала. В авторитетных учебниках и учебных пособиях основное внимание уделяется, как правило, характеристике всего потока книжной письменности XI — XVII веков, которая представляется по отдельным этапам (Н. К. Гудзий, В. В. Кусков и др.). Учебник Д. С. Лихачева выстраивается соответственно оригинальной и аргументированной концепции сочетания и смены стилей в древнерусской литературе: эпического, стиля монументального историзма, экспрессивно-эмоционального стиля, «второго монументализма» и идеализирующего биографизма, барокко. Это не исключает, конечно, наблюдений за развитием отдельных жанров в рамках древнерусской книжности и глубокого анализа художественной формы литературных памятников (в этом смысле выделяется курс лекций И. П. Еремина). Однако представление истории русской литературы древности через жанровую ее эволюцию позволяет, на наш взгляд, отразить литературный процесс XI — XVII вв. более наглядно, через конкретные явления и процессы в рамках того или иного жанра.

В целом в пособии сохраняется традиционный историко-литературный план изложения. Характером литературного материала объясняется чередование обзорных и монографических тем. Монографически излагается, например, тема, связанная со «Словом о полку Игореве» — произведением, жанровая природа которого не допускает безоговорочного отождествления с той или иной формой (И. П. Еремин рассматривал «Слово…» как жанр ораторского красноречия, Д. С. Лихачев соотносил его с героической песней и т. д.). Вместе с тем другие произведения, имеющие менее целостную структуру, но также не вполне ясные в отношении жанровой принадлежности («Слово о погибели Русской земли», «Моление» Даниила Заточника и др.), условно соотносятся с той или иной жанровой разновидностью.

Не все вопросы и темы освещены в учебном пособии с одинаковой полнотой, что отчасти объясняется ограниченным количеством лекционных часов, отчасти — объемом тех памятников, которые представляют тот или иной жанр. Так, мы практически не затрагивали большую и интересную тему «Переводная литература», предполагая, что она может стать объектом изучения, например, специальных курсов. Значительно сокращена и представлена отрывочно тема «Обобщающие произведения XVI столетия». При всем этом часть заданий для работы студентов предполагает самостоятельное знакомство с такого рода материалом.

При изложении лекционного курса опущены некоторые детали и подробности биографии авторов текстов, предельно сжаты сведения о научном изучении того или иного литературного памятника, его исторической основе. Все это выносится либо в «Краткие биографии древнерусских авторов», прилагающиеся к пособию, либо в список литературы, рекомендуемой для самостоятельной работы в целях закрепления материала и более широкого с ним ознакомления. Разумеется, в пособии говорится не обо всех памятниках древнерусской словесности, некоторые из них представлены полно, другие — схематично, третьи — только упоминаются (но это необходимо, на наш взгляд, для знания историко-литературного контекста). Основное внимание уделяется текстам, которые, на наш взгляд, наиболее показательны с точки зрения эволюции того или иного жанра, с одной стороны, и входят в национальное литературное наследие, известны читателю — с другой. Такой отбор материала ведет, конечно, к упрощению истории древнерусской литературы, впрочем, неизбежному в небольшом пособии. Наконец, автор сознательно отказался от последовательного изложения сюжета литературных произведений. Это объясняется требованием максимальной сжатости и убежденностью, что использование пособия возможно только на основе самостоятельного прочтения необходимых художественных текстов, опубликованных как в хрестоматиях, так и отдельными изданиями. Ссылки на научные источники в тексте лекций даются в свернутой форме (см. **II; 5;** где **II** — раздел в списке основной научно-учебной литературы на стр. 169–176; **5** — номер источника)

Пособие состоит из двух разделов, представляющих соответственно лекционный курс и учебно-методические материалы по дисциплине. Кроме, того, к нему имеется приложение, где дается список текстов для обязательного прочтения, примерный перечень вопросов к зачету и экзамену по курсу, краткий словарь терминов и понятий, краткие биографии

древнерусских авторов (ссылки на них в тексте лекций даются следующим образом: **см. К.б.**), вопросы для проверки содержания прочитанных текстов и тесты.

Мы предлагаем несколько вариантов практических занятий, которые можно использовать с учетом изученного лекционного материала, специфики специальности студентов и уровня их подготовленности. Список основной и дополнительной литературы по курсу содержит наиболее значительные исследования, в то же время доступные студентам-заочникам; вместе с тем широко представлены новейшие статьи по изучаемым проблемам, опубликованные в литературоведческих журналах, размещенные в Интернете.

Самостоятельная работа студентов состоит из теоретических вопросов по изучаемым темам и практических заданий (они располагаются соответственно по разделам: ***I*** и ***II***). Задания повышенной сложности, адресованные прежде всего сильным студентам, отмечены в пособии звездочкой (*). К некоторым заданиям прилагаются ссылки на источник, содержащий необходимую информацию (например: см. **IV; 3, стр. 488–500**; здесь **IV** — раздел в списке основной научно-учебной литературы пособия; **3** — порядковый номер источника в этом разделе; **стр. 488–500** — номера страниц в источнике). Отчетами по самостоятельной работе могут быть индивидуальные сообщения, рефераты, письменно выполненные задания в рабочей тетради, читательские дневники, ответы на тесты.

Предложенная система занятий и самостоятельной работы должна сформировать у студентов представление о древнерусской литературе как неотъемлемой части мировой культуры и одном из источников русской классической литературы, дать представление о литературных жанрах XI—XVII веков и их развитии.

Автор выражает благодарность рецензентам и всем тем, кто помог в подготовке пособия к изданию.

Рабочая программа курса «История древнерусской литературы»

№ п/п	Тема и вопросы, изучаемые на лекции	Примерное количество аудиторных часов, отведенное на изучение темы (по специальностям)			Художественные тексты (минимум)	СРС	Литература
		«Журналистика»	«Рус. яз. и лит.»	«Морд. яз. и лит.»			
1.	**Древнерусская литература — начальный этап в развитии русской литературы.** 1. Понятие древне-русской литературы и ее специфические особенности. 2. Проблема метода древнерусской литературы и основные этапы ее изучения. 3. Основные темы древнерусской лите-ратуры. 4. Периодизация древнерусской лите-ратуры и основные тенденции ее разви-тия. 5. Жанровый состав древнерусской лите-ратуры.	**1**	**1**	**1**		**с. 149**	**с. 176**
2.	**Становление древнерусской литературы.** 1. Основные предпосылки возникновения древнерусской литературы. 2. Философские основы древнерусской литературы и мировоззрение средневекового писателя. 3. Основные жанры древнерусской литературы в период ее формирования.	**1**	**1**	**1**	«Сказание, како сотвори Бог Адама»; «Хождение Богородицы по мукам».	**с. 149–150**	**с. 176–177**

3.	**Русское летописание.** 1. Понятие летописной жанровой формы. 2. Появление русской летописи. 3. «Повесть временных лет» как величайший летописный памятник Киевской Руси. 4. Развитие русского летописания во второй половине XII — XVII в.	**1**	**2**	**2**	«Повесть временных лет»; «Галицко-Волынская летопись».	**с. 150–151**	**с. 177–179**
4.	**Жанр повести в древнерусской литературе.** 1. Понятие жанра. 2. Историческая повесть. 3. Воинская повесть. 4. Историко-легендарная (беллетристическая) повесть. 5. Сатирическая (комическая) повесть. 6. Бытовая повесть. 7. Западные любовно-авантюрные повести XVII в.	**1**	**2**	**2**	«Новая повесть о преславном Рос-сийском царстве»; «Истории о Казанском царстве»; «Летописная книга» Катырева-Ростовского; «Повесть о Тверском Отроче монастыре». «Повесть о битве на реке Калке»; «Повесть о разорении Рязани Батыем в 1237 г.»; «Задонщина»; «Сказание о Мамаевом побоище»; «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков». «Повесть о путешествии архиепископа новгородского Иоанна на бесе в Иерусалим»; «Сказание о Дракуле»; «Повесть о Петре и Февронии Муромских». «Повесть о Ерше Ершовиче»; «Повесть о Шемякином суде»; «Повесть о Бражнике»; «Калязинская челобитная». «Повесть о Фроле Скобееве»; «Повесть о Карпе Сутулове»; «Повесть о Горе-Злочастии», «Повесть о Савве Грудицыне». «История о храбром рыцаре Петре Златых Ключей и о прекрасной королевне Магелоне».	**с. 151** **с. 151–152** **с. 152–153** **с. 153** **с. 153–154**	**с. 179–180**

5.	**Своеобразие жанра «Слова о полку Игореве».** 1. История открытия и изучения памятника. 2. Историческая основа произведения. 3. Особенности композиции. 4. Своеобразие жанра. 5. Фольклорная основа произведения. 6. Проблема авторства «Слова». 7. Значение в истории русской литературы.	**0,5**	**1**	**1**	«Слово о полку Игореве».	**с. 154–155**	**с. 180–181**
6.	Житийная литература XI — XVII вв. 1. Понятие жанра жития. 2. Формирование русской житийной литературы. 3. «Сказание о Борисе и Глебе» как мученическое житие. 4. Житийные произведения Нестора. 5. Киево-Печерский патерик: 6. Развитие жанра жития в XIII — XVII вв.	**1**	**1**	**1**	«Сказание о Борисе и Глебе»; «Житие Феодосия Печерского»; «Киево-Печерский патерик»; «Житие Александра Невского»; «Житие Стефана Пермского» и «Житие Сергия Радонежского» Епифания Премудрого; «Житие Юлиании Лазаревской»; «Житие» протопопа Аввакума.	**с. 155–157**	**с. 181–182**
7.	**Жанр ораторского красноречия в древнерусской литературе.** 1. Понятие жанра. 2. Ораторское красноречие Киевской Руси. 3. Ораторское красноречие XIII в. 4. Ораторская проза XIV — XVII вв.	**1**	**1**	**1**	«Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона; «Поучение» Владимира Мономаха. Торжественные поучения Кирилла Туровского; «Моление» Даниила Заточника; «Слова» Серапиона Владимирского; «Слово о погибели Русской земли»; «Домострой».	**с. 157–158**	**с. 182–183**
8.	**Эволюция жанра хождения в отечественной литературе XI — XVII вв.** 1. Понятие жанра. 2. «Хождение» игумена Даниила как паломническое хождение. 3. Путешествия XIII — XV вв. 4. Хождения XVI — XVII вв.	**1**	**1**	**1**	«Хождение» игумена Даниила; игумена Даниила; «Хождение за три моря» Афанасия Никитина.	**с. 158**	**с. 183**

9	**Русская публицистика XV–XVII вв.** 1. Истоки русской публицистики. 2. Публицистика XV в. 3. Публицистическая литература XVII в.	**2**	**1**	**1**	«Переписка Андрея Курбского и Ивана Грозного»; «Сказания о Маг-мет-салтане» Ивана Пересветова.	**с. 158–160**	**с. 183–184**
10	**Возникновение и развитие русской виршевой поэзии.** 1. Определение виршевой поэзии. 2. Становление русской поэзии. 3. Поэзия Симеона Полоцкого.	**1**	**1**	**1**	Вирши Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева, Кариона Истомина.	**с. 160**	**с. 184**
11	**Становление русского театра и драматургии.** 1. Русская придворная драматургия. Репертуар и своеобразие пьес. 2. Школьный театр XVII столетия. Национальные особенности русского школьного театра. Поэтика. 3. Драматургическое творчество Симеона Полоцкого.	**0,5**	**1**	**1**	«Иудифь»; «Ко-медия притчи о Блудном сыне» Симеона Полоц-кого.	**с. 160**	**с. 184**
12	**Барокко в русской литературе XVII в.** 1. Термин «барокко». Точки зрения на русское барокко. 2. Стиль барокко. 3. Отличия русского барокко от западноевропейского.	**0,5**	**0,5**	**0,5**		**с. 161**	**с. 184**

13	**Значение древнерусской литературы.** 1. Итоги развития древнерусской литературы. 2. Связь древнерусской литературы с последующим литературным процессом. 3. Общекультурное, воспитательное и художественное значение древнерусской литературы.	**0, 5**	**0,5**	**0,5**		**с. 161 Тест по курсу**	**с. 184–185**
	Всего	**12 ч.**	**14ч.+ 2 ч. пр. зан.**	**14 ч.+ 2 ч. пр. зан.**			

РАЗДЕЛ I. ЛЕКЦИОННЫЙ КУРС

Тема 1. Древнерусская литература — начальный этап в развитии русской литературы

1. Понятие древнерусской литературы и ее специфические особенности. Русская средневековая литература, отразившая процесс формирования великорусской народности, постепенно складывающейся в нацию, и эпоху феодальных отношений на протяжении XI — XVII вв., представляет начальный этап в развитии отечественной словесности. Термин «древнерусская литература» достаточно условен, так как 1) охватывает гораздо больший период, нежели называет; 2) современная наука не решила окончательно вопроса о хронологических границах древнерусской литературы, ибо нет полного представления об объеме древнерусских текстов. История древней русской литературы, таким образом, начинается примерно с XI в. и заканчивается в XVII в.

Древнерусская литература развивалась посредством: 1) постепенного выделения художественной словесности из общего потока древнерусской письменности, носившей первоначально синтетический характер; 2) «обмирщения»; 3) беллетризации; 4) постепенной демократизации в области содержания и формы.

Древнерусская литература заметно отличалась от литературы нового времени (XVIII — XXI вв.) по содержанию, языку, формам своего бытования, по способу создания и распространения: она была в значительной степени неавторской. Древнерусская словесность имела рукописный характер бытования и распространения. Книги не печатались (книгопечатание появилось в конце XVI в.), а переписывались на дорогостоящем пергаменте специальной кисточкой особым почерком (устав и полуустав). Чаще всего произведение существовало не в виде самостоятельной рукописи, а входило в состав сборника, несущего определенное практическое назначение. Еще одна особенность древнерусской литературы — ее анонимность и псевдонимность. Известны немногие произведения, о которых с точностью можно сказать, кем они написаны («Поучение» Владимира Мономаха, «Житие» протопопа Аввакума и др.). В средневековом обществе труд писателя оценивался с точки зрения общерелигиозных идеалов. Боясь греха гордыни, авторы или «списатели» редко ставили свое имя под рукописью, порой проставляли имя известного «отца церкви» — Иоанна Златоуста, Василия Великого и т. д. С другой стороны, переписчики нередко осознавали себя соавторами и вносили в тексты

добавления, поправки, редактируя их. Многие тексты древнерусской литературы имеют разные редакции («списки»). Эта черта роднит их с произведениями устного народного творчества. Характерной особенностью древнерусской литературы можно также считать отсутствие в ней строгого деления на художественную, историческую и научную составляющие (синкретизм). Художественное слово в сознании древнего книжника не обладало еще достаточной автономностью, книги вплоть до XVII столетия представляли собой «сборники» и «своды», где исторические, церковные, политические, юридические, деловые документы соседствовали, а порой соединялись по смыслу с художественным, философским, публицистическим, фольклорным материалом. При выделении художественных текстов в древнерусской словесности определяющую роль играет авторская установка на образное изображение жизни. Очень важной особенностью древнерусской литературы является ее средневековый историзм, дополняющийся провиденциализмом. Древнерусская словесность была органично связана с исторической действительностью: ее герои — преимущественно исторические лица: князья, правители государства, военачальники. Художественное время всегда совпадало со временем историческим. Древнерусская литература возникла не столько для удовлетворения эстетических потребностей, сколько для осуществления практических целей. Она строго следует факту и почти не допускает вымысла. Ход истории объясняется через средневековое религиозное миросозерцание, волю Провидения: развитие природы и общества, жизнь человека мыслились как осуществление судьбы, уготованной Богом. Для древней книжности характерен символизм. Древнерусские авторы тяготели к метафорической раскрашенности повествования, к употреблению образов символического значения (образы Карны и Жели (символы скорби и плача) в «Слове о полку Игореве»). Они знаменовали добро или зло, предсказывали войны, эпидемии и другие важные для страны события. Литература XI — XVII веков имела дидактический, нравоучительный характер. Произведения древней словесности были призваны помочь человеку обуздать греховные страсти и избавить от пороков, дать представление о высоком моральном идеале. Наконец, древняя книжность характеризуется «литературным этикетом» (термин ак. Д. С. Лихачева), то есть устойчивостью общих художественных форм и нормативностью. В зависимости от жанра в произведениях повторяются отдельные элементы композиции, традиционные обращения к Богу, вводятся определенные клише.

2. Проблема метода древнерусской литературы и основные этапы ее изучения. В современной науке существует несколько точек зрения

на метод древнерусской литературы. Д. С. Лихачев, придерживавшийся широкого понимания художественного метода (как системы определенных принципов отражения действительности), говорил о многообразии художественных методов в древнерусской литературе и даже у отдельного автора. Другие ученые — И. П. Еремин, С. Н. Азбелев, А. Н. Робинсон, В. В. Кусков — придерживались понимания художественного метода как принципа образного отражения действительности и выдвигали идею о едином художественном методе древнерусской литературы. Еремин называл его «предреалистическим», Азбелев — «синкретическим», Робинсон — «методом символического историзма», Кусков — методом, сочетающим фактографичность и идеальное преображение действительности. Каждый из ученых при этом, очевидно, имел в виду определенные специфические особенности древнерусской литературы.

От XV—XVII вв. сохранилось довольно много различных описей, оглавлений и каталогов библиотек (описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря; «Оглавление книг, кто их сложил» и др.), которые указывают, что уже в Древней Руси существовала потребность в систематизации сведений о книгах. Изучение произведений древнерусской литературы начинается в XVIII в., вместе с ее собиранием, и связано с именами В. Н. Татищева («Российская история с древнейших времен»), Г. Ф. Миллера (издание «Степенной книги»), Авг. Шлецера («Нестор»). Во второй половине XVIII в. Н. И. Новиков публикует памятники древнерусской литературы («Древняя российская вивлиофика»; «Опыт исторического словаря о российских писателях»).

После публикации в 1800 году «Слова о полку Игореве» возникает общественный интерес к древнерусской литературе. Н. М. Карамзин пишет свою «Историю государства Российского», опираясь на рукописные источники. Кружок гр. Н. П. Румянцева публикует научные материалы по древнерусской литературе («Памятники российской словесности XII в.», «Древнероссийские стихотворения Кирши Данилова» и др.). П. М. Строев возглавляет археографические экспедиции на север России и предпринимает научное издание русских летописей. В 1830–40-х гг. собранием и публикацией древних рукописей занимаются специальные комиссии и общества при Российской Академии наук, Московском и Петербургском университетах. Трудами обобщающего характера первой половины XIX в. следует считать «Опыт краткой истории русской литературы» Н. И. Греча, «Историю древней русской словесности» М. А. Максимовича, «Историю русской словесности, преимущественно древней» С. П. Шевырева.

Во второй половине XIX в. были созданы такие значительные труды, посвященные древнерусской литературе, как «Исторические очерки» Ф. И. Буслаева, «История русской литературы» А. Н. Пыпина, «Памятники отреченной русской литературы» Н. С. Тихонравова, «Разыскания в области русского духовного стиха» А. Н. Веселовского и др. Ф. И. Буслаев принадлежал к мифологической школе, с точки зрения которой литературные сюжеты, мотивы и темы восходят к глубокой древности, когда индоевропейские народы жили на их предполагаемой общей прародине, и отражают мифологические воззрения далеких предков. Культурно-историческая школа, возглавлявшаяся Н. С. Тихонравовым, стремилась толковать литературные произведения на основе исторических данных, связав исторический ход литературы с культурным развитием общества. А. Н. Пыпин интересовался прежде всего идейным аспектом литературы, подчеркивал ее связь с жизнью народа, исследуя публицистику, апокрифы, повести. Сравнительно-исторический метод А. Н. Веселовского позволил ученому сблизить русское, византийское и западноевропейское средневековье не только в отдельных сюжетах и мотивах, общность которых он установил, но и в самих принципах и закономерностях развития. В конце XIX и первой четверти XX в. Представители формальной школы А. А. Шахматов и В. Н. Перетц создают каждый свою, но в чем-то общую школу текстологических исследований памятников древней литературы. Они стремились представить историю литературного памятника, учитывая идеи, вкусы и цели его авторов и редакторов.

В XX столетии продолжалась экспедиционная работа по сбору рукописей. Секторы древнерусской литературы существуют в Институте русской литературы, издающем с 1932 г. наиболее значительные исследования в «Трудах Отдела древнерусской литературы», и в Институте мировой литературы, выпускающем с 1961 г. «Исследования и материалы по древнерусской литературе». Ученые поднимали ряд проблем, связанных с древнерусской литературой: стилевое своеобразие («Русская литература» П. Н. Сакулина), художественная специфика («Древняя русская литература XI — XVII веков» А. С. Орлова; «Проблемы стиля древнерусской агиографии XIV — XV вв.» В. А. Грихина), проблема метода («Литература Древней Руси» И. П. Еремина, «О художественном методе древнерусской литературы» С. Н. Азбелева), поэтика древнерусской литературы («Поэтика древнерусской литературы» Д. С. Лихачева), взаимосвязь древней литературы с изобразительным искусством (Д. В. Айналов, Н. Н. Воронин), проблема сатиры XVII в.

(«Русская демократическая сатира XVII века» В. П. Адриановой-Перетц), история русского летописания («Русские летописи» Д. С. Лихачева; «Древняя Русь, сказания, былины, летописи» Б. А. Рыбакова) и др.

3. Основные темы древнерусской литературы. Важнейшими темами древнерусской литературы можно считать следующие: 1) образование и развитие русского государства и русской народности («Повесть временных лет» и др.); 2) красота и величие Руси («Слово о погибели русской земли»); 3) самоотверженная защита земли от внешних врагов («Сказание о Мамаевом побоище»); 4) семья и взаимоотношения внутри нее («Повесть о Петре и Февронии Муромских»); 5) осуждение феодальных раздоров («Слово о полку Игореве»); 6) моральная красота русского человека («Житие Александра Невского»); 7) торжество добра над злом («Повесть о Горе-Злочастии»); 8) монголо-татарская тема («Задонщина»); 9) тема сильной княжеской власти («Моление» Даниила Заточника); 10) тема сотворения Вселенной и человека, свойств и строения Земли, ее животного и растительного мира, будущей судьбы (переводные «Шестоднев», «Христианская топография» Козьмы Индикоплова) и др.

В зависимости от исторического момента литература сосредоточивалась то на военно-исторических сюжетах, то на темах, связанных с государственным строительством. В XI — XII вв. господствует военно-героическая тематика. Тема русской земли, ее величия, свободы и целостности, тема подвижничества также актуальны в первые века существования древнерусской литературы. В период монголо-татарского нашествия главными темами становятся борьба с иноземными завоевателями, укрепление Русского государства, прославление ратных подвигов русского человека. В литературе этого времени особенно сильно проявляется ее героический характер. В летописных повестях, в «Житии Александра Невского», в «Повести о разорении Рязани Батыем» силе и жестокости врага противопоставлены воинская удаль и беспредельная храбрость русских воинов, мужество и самоотверженность всех русских людей. Еще одна тема, важная особенно для литературы XIII в.,— тема сильной княжеской власти. Вопрос о сильном князе, который мог бы возглавить борьбу с внешними врагами, имел для судьбы Русского государства исключительное значение. С середины XV в. военно-героические сюжеты отступают на второй план, и внимание сосредотачивается на теме московского единодержавия. Возвеличиванию родины, внедрению в читательскую среду идей объединения вокруг Москвы служили произведения XV — XVI вв. В

XV в. из античной истории и мифологии в русскую литературу входят «соблазнительные» темы, не характерные для нее — тема «женской любви», тема женской верности и др. («Александрия», «Повесть о Петре и Февронии»). Новый подъем военно-героической тематики был связан с войнами Ивана IV и событиями начала XVII в. Наконец, с 40-х годов XVII в. значительная группа литературных памятников, созданных в демократической среде, ставит в центр своего внимания изображение условий жизни человека среднего слоя общества, который ищет свое место в жизни. Не затронув более или менее заметно содержания русской литературы второй половины XVII в., украинско-белорусская барочная традиция оставила свой след главным образом на литературном мастерстве.

4. Периодизация древнерусской литературы и основные тенденции ее развития. Существует множество периодизаций истории древнерусской литературы. И. П. Щеблыкин (см. **III; 9**), вслед за Н. В. Водовозовым (см. **III; 1**), предлагал выделять в истории древней русской литературы три основных периода: литература Киевской Руси (XI–$5II вв.); литература периода феодальной раздробленности и объединения Северо-Восточной Руси (XIII — начало XVI в.); литература периода укрепления централизованного Русского государства во главе с Москвой (XVI — XVII вв.), обуславливая литературные периоды характером политического, экономического и культурного развития страны.

Существует деление древнерусской литературы на 4 периода. Так, Н. К. Гудзий (см. **III; 2**) рассматривал следующие этапы в развитии древнерусской словесности: 1) XI — XII вв. (литература Киевского периода); 2) XIII — XIV вв. (литература периода феодальной раздробленности); 3) конец XIV — начало XVI в. (литература периода образования русского централизованного государства); 4) XVI — XVII вв. (литература периода укрепления русского централизованного государства) .

В. В. Кусков (см. **III; 5**) выделил пять этапов в развитии отечественной литературы XI—XVII вв.: 1) XI—первая половина XII в. (литература Киевской Руси); 2) вторая половина XII в.— первая половина XIII в. (литература периода феодальной раздробленности); 3) вторая половина XIII — XV в. (литература формирования централизованного государства); 4) конец XV — XVI вв. (литература централизованного государства); 5) литература XVII века (литература формирующейся русской нации) .

Д. С. Лихачев (см. **III; 4**) говорил о следующих периодах: 1) литература Киевской Руси — XI — первая треть XIII в., где господствует эпический стиль и стиль монументального историзма; 2) период монголо-татарского нашествия — середина XIII — середина XIV в., когда

литература «сжимается до одной темы» и черты монументально-исторического стиля «приобретают трагический оттенок и лирическую приподнятость высокого патриотического чувства»; стиль становится менее возвышенным, в какой-то степени упрощается, «приземляется»; 3) конец XIV — первая половина XV в.— век Предвозрождения, период экспрессивно-эмоционального стиля, возрождения летописания, исторического повествования и панегирической агиографии; 4) вторая половина XV — первая половина XVI в.— элементы Возрождения в русской литературе, распространение переводной светской повествовательной литературы, появление русской беллетристики, развитие публицистики; 5) вторая половина XVI — пора «второго монументализма» и идеализирующего биографизма, господство официальной литературы традиционных форм; 6) XVII в.— время перехода к литературе нового времени, развития индивидуального начала в творчестве, появления барочных силлабической поэзии и регулярного театра.

Как видим, предложенные периодизации основаны на историко-литературном или культурологическом принципах. Лишь в основе периодизации Д. С. Лихачева — принцип стилевой. Разница в выделяемых этапах в периодизациях связана со стремлением наиболее точно соотнести литературные процессы с исторической эпохой, включить в рамки того или иного периода ряд текстов со спорной датировкой.

В. В. Кусков, на наш взгляд, предлагает оптимальную периодизацию русской литературы XI — XVII вв.: с одной стороны, она достаточно дробная, а потому наглядная, с другой — цельная, не перегружена дополнительными критериями, как у Д. С. Лихачева. Кроме того, она вполне соответствует предлагаемому в учебном пособии жанровому принципу изложения литературного материала.

Взяв за основу именно эту периодизацию, рассмотрим основные литературные тенденции в русской словесности XI — XVII вв.

1) **XI — первая половина XII в.** Этот период определяется официальным принятием христианства в 988 г., началом формирования русской государственности, интенсивным развитием письменности, возникновением системы образования. Литература этого времени характеризуется активным усвоением византийской культуры, ориентацией на книги религиозно-нравственного содержания (переводятся философско-дидактические сборники, патерики, апокрифы, исторические хроники). Оформляется система жанров древнерусской литературы. В это время созданы оригинальные произведения в различных жанрах: слова (слова Феодосия Печерского

и митрополита Иллариона), хождения («Хождение» игумена Даниила), жития («Сказание о Борисе и Глебе»), летописи («Повесть временных лет»), повести («Повесть об ослеплении Василька Теребовльского») .

2) **Вторая половина XII в.— первая половина XIII в.**— период феодальной раздробленности Руси, возникновения относительно обособленных в культурном отношении центров — Киев, Владимиро-Суздальская земля, Смоленское, Рязанское княжества. Литература приобретает областнический характер, создаются местные литературные школы, в которых развивается местное летописание, агиография, путешествия, исторические повести, жанры ораторского красноречия. Литературными вершинами данного периода можно считать «Слово о полку Игореве», слова Кирилла Туровского, «Слово о погибели русской земли», «Моление» Даниила Заточника и др.

3) **Вторая половина XIII — XV в.** Литературные центры: Москва, Новгород, Тверь, Псков. Основные литературные тенденции: 1) проникновение художественного вымысла и публицистичности в историческое повествование («Повесть о Вавилон-граде»); 2) возникновение стиля «плетения словес» в житийных произведениях (жития Епифания Премудрого); 3) усиление демократических тенденций в летописании (новгородские летописи); 4) возрастание интереса к внутреннему миру человека.

4) **Конец XV — XVI вв.**— литература централизованного государства. Русский народ сплачивается вокруг единого центра — Москвы; областные литературы сливаются в единую общерусскую. Борьба за укрепление единой власти великого князя, а затем государя Руси обусловил расцвет публицистики. Публицистика рождает более свободные литературные формы, связанные с деловой письменностью и бытом. Сосуществуют две прямо противоположные литературные тенденции: 1) соблюдение строгих правил и канонов письменности, церковного обряда, бытового уклада («Великие Минеи Четьи» Макария, «Домострой»); 2) нарушение традиционных канонов в публицистике, агиографии, историческом повествовании («Повесть о Петре и Февронии», переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным).

5) **Литература XVII века**: а) первой половины XVII века; б) второй половины XVII века. Первый подпериод связан с событиями Крестьянской войны и польско-шведской интервенции, с усилением роли торгово-ремесленного населения. Второй подпериод — с церковной реформой и воссоединением России с Украиной. Основные литературные тенденции: 1) появление демократического читателя, расширение тематики; 2) постепенное

освобождение литературы от религиозных канонов; 3) проникновение в русскую литературу элементов западной; 4) изменение жанровой системы: а) житие становится бытовым жизнеописанием, а затем автобиографией («Житие протопопа Аввакума»); б) историческая повесть утрачивает связи с конкретными фактами («О зачале Московского государства»); в) путем проникновения элемента пародии в традиционные жанры церковной и деловой письменности возникает сатирическая повесть («Калязинская челобитная», «Повесть о Ерше-Ершовиче»); г) через проникновение в литературное произведение фольклорных жанров и авантюрности западноевропейских новелл появляется бытовая повесть («Повесть о Фроле Скобееве»). В конце XVII века в русской литературе возникают искусственный нормативный стиль, церемониальная эстетика, элементы украинско-польского барокко. Развиваются силлабическая книжная поэзия, придворная и школьная драматургия, плутовская новелла.

5. Жанровый состав древнерусской литературы. Древнерусская литература существовала около семи столетий, отсюда богатство и многообразие ее жанрового состава. Жанровый состав отечественной литературы XI — XVII вв. складывался в результате взаимодействия трех сфер духовной деятельности: устного народного творчества, церковно-книжной письменности и светской литературы. На первом этапе возникновения древнерусской литературы она заимствовала вместе с христианством и ту систему жанров церковной письменности, которая существовала в Византии. Впрочем, в современном литературоведческом понимании и в церковной письменности не было тогда каких-либо жанров, зато существовали каноны, закрепленные постановлениями вселенских соборов, церковной традицией, церковным уставом.

Церковно-книжная литература строилась на определенном иерархическом принципе. На верхней ступени в ней стояли *книги «Священного писания»* (книги Ветхого и Нового завета). Наиболее широкое распространение на Руси получили книги Нового завета и Псалтырь. Вероятно, были известны также некоторые книги Ветхого завета («Пятикнижие», книга Иисуса Навина, книги Судей и Царств, книги пророков, книга «Руфь»). Далее следовала *церковная гимнография* и *слова*, в которых толковалось содержание писания и смысл церковных праздников. Такие произведения обычно объединялись в сборники — «торжественники». Триоди цветные толковали праздники до Пасхи, а Триоди постные толковали праздники после Пасхи и Пасху. Ниже находились «*жития*» (агиография), «*службы*», апостольские послания, соборные уложения (постановления церковных

соборов). Житийные произведения объединялись в сборники — Прологи (Синаксари), Минеи Четьи, Патерики. Церковные молитвы и песнопения входили в состав главным образом Служебных Миней, то есть книг, содержащих в себе церковные службы применительно к отдельным месяцам.

На грани перехода от жанров церковных к мирским стоят «*хождения*» («*хожения*») — описание путешествий, паломничеств к святым местам — в Палестину, на Афон, в Константинополь. Позднее хождением стали называть всякое описание путешествия, включающее описания природы, быта, социальной жизни.

Система жанров **мирской (светской)** литературы более подвижна. Она вырабатывалась путем широкого взаимодействия с жанрами устного народного творчества, деловой письменности и церковной литературы. Светские жанры были несколько менее стеснены внешними формальными и традиционными требованиями, не связывались с определенным употреблением в быту и поэтому были более свободны в своих внешних признаках.

В первые века существования древнерусской литературы преимущественной формой ее бытования было *летописание*, которое включало в себя различные жанры — историческое предание, легенды, воинские повести, жития, поучения. Господствующее положение среди жанров мирской письменности занимала *повесть*, посвященная различным выдающимся событиям, в ее жанровых разновидностях: воинская, историческая, легендарно-беллетристическая, сатирическая, бытовая. Жанры ораторского красноречия были представлены *словами* и *поучениями*. Развитие древнерусской литературы идет путем постепенного разрушения системы церковных жанров, их трансформации. Жанры мирской литературы развивались в сторону беллетризации, занимательности, психологизации. На смену историческим героям приходят вымышленные, усиливается интерес к бытовым описаниям. В XVII в. все это приводит к коренным изменениям структуры жаров: возникает *виршевая поэзия*, *придворная* и *школьная драма*, а также *сатирическая* и *бытовая повести*, *плутовская новелла*.

Развитие русской литературы XI — XVII вв. идет путем постепенного разрушения устойчивой системы жанров, их трансформации; жанры мирской литературы подвергаются беллетризации. В них все большее отражение находит интерес к внутреннему миру человека, дается психологическая мотивировка его поступков, появляются элементы занимательности, бытовые описания. На смену историческим героям древнерусской

литературы приходят герои вымышленные. Во второй половине XVII в. это приводит к коренным изменениям внутренней структуры и стиля исторических жанров и способствует рождению новых, чисто беллетристических произведений.

В обстановке интенсивного жанрообразования некоторые произведения оказались единичны в жанровом отношении («Моление» Даниила Заточника), «Поучение» Владимира Мономаха — его автобиографическая часть), другие получили устойчивое продолжение (летописи, повести), третьи имели лишь отдельные попытки продолжить их в жанровом отношении («Слово о полку Игореве» и «Задонщина») .

Тема 2. Становление древнерусской литературы

1. Основные предпосылки возникновения древнерусской литературы.

литературы. Возникновение древнерусской литературы было вызвано общественными и духовными потребностями. Основными предпосылками возникновения древнерусской литературы стали: 1) образование государства, 2) появление письменности, 3) высокоразвитое народное творчество.

Древнерусское государство формируется на протяжении нескольких веков: IV — VII вв. (период военной демократии); VIII — X вв. (формирование собственно государственности). Образование государства обуславливает возникновение письменности как важнейшего средства хранения, передачи и получения информации.

Письменность на Руси появилась еще до принятия христианства, о чем свидетельствуют договоры Олега с греками (911 г.), берестяные грамоты, надписи на ремесленных изделиях. Толчком к дальнейшему развитию письменности на Руси стало официальное принятие христианства в 988 г. Русь приняла христианство из Византии — высоко культурного государства. Византийская православная церковь, в отличие от католической (римская церковь выдвигала в качестве литературного языка латинский), допускала свободное развитие национальных языков. Литературным церковным языком Руси стал древнеславянский, близкий по своему характеру древнерусскому.

К концу X в. на Руси начинает складываться система образования, появляются переводчики с греческого на славянский. Главными очагами письменности становятся монастыри, среди которых важнейшую роль играл Киево-Печерский монастырь (основан в середине XI в.).

К X в. в фольклоре восточных славян происходят значительные изменения: намечается переход от мифологических сюжетов к историческим,

формируется народный эпос, развивается деловая письменность, появляются жанры с устойчивыми клише, особой выразительностью.

Русская литература периода становления в значительной степени была представлена переводными книгами византийского происхождения. Посредниками между Русью и Византией стали болгары, принявшие христианство за сто с лишним лет до русских и, держась византийского церковного обряда, успевшие разработать литературный язык для перевода книг. Начало литературному славянскому языку было положено знаменитыми греческими миссионерами в Моравии **Кириллом** и **Мефодием (см. К.б.),** сделавшими переводы на славянский язык основных книг христианского вероучения, церковных правил и некоторых житий в конце IX в. К концу X в. в Болгарии были отредактированы переводы Священного писания, сделаны их «толкования» (толковые книги «Пророков», толковая Псалтырь, толковые Евангелия и Апостол, «Шестоднев» (обширный трактат, объясняющий рассказ ветхозаветной книги Бытия)), переведены произведения византийских богословов и проповедников, жития, церковные песнопения, сочинения по всеобщей истории. Массовый поток болгарских книг, начавшийся в конце X в., разросся в первой половине XI в., во время интенсивной книжной деятельности князя Ярослава Владимировича. Книжность из Византии приходит на Русь почти в чистом виде, поэтому этот процесс получает название трансплантации (пересадки). Д. С. Лихачев («Возникновение русской литературы»; см. **II; 7**) называет влияние Византии на возникновение русской литературы определяющим: благодаря ему русская культура становится частью общеевропейской.

Вместе с христианством Киевская Русь получила отдельные части Библии, Священного писания в иудейской и христианской религиях. Библия на Руси вплоть до XV в. ходила отдельными частями: ветхозаветные чтения в церкви («Паримийник»), Пятикнижие Моисеево, 12 «малых» пророков, Псалтырь, Евангелие, Апостол.

Библия состоит из двух частей: Ветхого и Нового завета. В Ветхий завет входят книги исторические (Бытие, Исход, Левит, Числ, Второзаконие, объединяемые именем Пятикнижия Моисея, книги Иисуса Навина, Судей, четыре книги Царств, пророческие книги), включающие мифы, легенды и предания о происхождении еврейского народа, его судьбах, о его знаменитых героях, царях, ритуальные и моральные постановления. Пророческие книги представляют смесь из проповедей, оракулов и изречений разновременного происхождения, содержание которых — проповедь культа

главного иудейского божества Ягве, объяснение разного рода бедствий гневом за нарушение договора, заключенного богом с народом. Среди поэтических книг наиболее популярными были Псалтырь — собрание 150 псалмов, которое в иудейской и христианской религиях вошло в богослужебную практику, и Песнь Песней — собрание свадебных песен. Дидактические изречения представлены в Библии Притчами Соломона, Книгой премудрости Соломона и Екклезиастом. К разновидности эсхатологических сочинений, говоривших о гибели мира, принадлежит книга пророка Даниила. В составе Нового завета также были книги исторические (четыре Евангелия и «Деяния апостолов»), дидактические («Апостольские послания») и эсхатологические («Откровение, или Апокалипсис» Иоанна). В них повествовалось о земной жизни Иисуса, излагалось его учение, рассказывалось о проповеди апостолами христианства и изображался в символических образах конец мира. Новый завет не имел такого влияния на средневековую литературу, как Ветхий, в отношении стилистическом; он был использован, главным образом, как источник новых моральных, философских и общественных представлений.

2. Философские основы древнерусской литературы и мировоззрение средневекового писателя. Мировоззрение древнерусских писателей было неразрывно связано с их религиозными убеждениями. Философскими основами древнерусской литературы стали христианские канонические книги –Псалтырь («Ветхий завет»), Евангелие и Апостол («Новый завет»). Именно они были фундаментальными при философском осмыслении мира, предпринятом в византийской литературе в IV в. (Григорий Богослов, Василий Великий, Иоанн Златоуст), в русской — позже (Иоанн Домаскин и др.).

Основные философские идеи средневековья, на которых основывались древнерусские книжники, были христианскими по своей сути: 1) учение о святой Троице — триединстве Бога и триединстве бытия и сознания; 2) идея божественного образа человека, отличного от других тварей своей бессмертной, разумной и словесной душой; 3) идея двойственности мира и человека; 4) идея познания материального мира с помощью разума и пяти чувств, а также через «духовные очи» (путем аскезы, молитвенного экстаза); 5) идея Бога-добра и дьявола-зла; 6) идея свободы человеческой воли, способной выбирать между добром и злом; 7) идея «власти мирской» от Бога; 8) идея органической связи этического и эстетического. Таким образом, авторское мировоззрение определялось теологической точкой зрения на человеческую историю, на государственную власть, на самого человека, искусство. Только к XVII в. возникает стремление найти

реальные причины исторических событий — по преимуществу в характерах исторических лиц. Возникает необычное для предшествующего периода совмещение добрых и злых черт в художественном характере, отражение его формирования под влиянием внешних обстоятельств.

В сознании средневекового писателя мир существовал в двух измерениях: реальном, земном, и идеальном, духовном, небесном. С двойственным характером мировоззрения древнего книжника связаны, как отмечал И. П. Еремин (см. **II; 5**), две стороны художественного метода древнерусской литературы: 1) воспроизведение единичных фактов в их конкретности; 2) идеализация фактов реальной жизни, изображение должного. Первая сторона художественного метода ведет к историзму древнерусской литературы, вторая — к ее символизму.

Восприятие истории как осуществления воли Провидения объясняет тот факт, что художественное обобщение в Древней Руси строится в подавляющем большинстве случаев на основе конкретного исторического факта. Древнерусские тексты — это повествования о битвах, о хождениях в святую землю, о построении церквей и просто о реально существовавших людях: святых или князьях-полководцах. Произведения на явно вымышленные сюжеты в древнерусской словесности отсутствуют. Вымысел, с точки зрения средневекового писателя, был равен лжи, кощунственному посягательству на осуществляющуюся в историческом процессе божественную волю. Разрыв между историческим событием и первым произведением о нем редко бывал велик. Последующие произведения изменяли и комбинировали первые, но, как правило, не создавали совершенно новое освещение событий. Опасаясь лжи, писатели основывали свои тексты на документах, которыми считали и всю предшествующую письменность. Даже проповедники старались избегать иносказаний и баснословий. Вымышленные сюжеты, которые проникали из фольклора и переводных сочинений, на русской почве приобретали историческую окраску, связывались с теми или иными историческими лицами.

Развитие древнерусской литературы на протяжении всех веков ее существования представляет собой борьбу за право на художественную «неправду». Легенда явилась одним из проявлений усиления в русской литературе XV в. художественного вымысла. Древнерусская словесность предшествующего времени боялась открыто фантастического и воображаемого как лжи. К XVII в. художественная правда постепенно отделяется от правды бытовой. Литературное воображение как бы легализуется, становится допустимым с точки зрения нового отношения к литературе

и миру. Но, вступая в свои права, фантастика долго маскируется под изображение бывшего, действительно существовавшего или существующего. Вот почему в XVI в. жанр документа как формы литературного произведения вступает в литературу одновременно с вымыслом.

Свои произведения древнерусский писатель обычно строил на контрасте добра и зла, добродетелей и пороков, должного и сущего. Он подводил читателя к мысли о том, что высокие моральные качества человека — результат упорного труда, нравственного подвига. Отсюда — дидактизм древнерусской литературы.

Рассматривая действительность, следуя ей и оценивая ее, древнерусский писатель соотносил свой труд со служением родной стране. Все русские писатели XI — XVII вв. мыслили свой труд как пророческое служение, выступали просветителями, распространителями знаний, истолкователями действительности, участниками общественной жизни страны. Это чувство высокого призвания писателя, патриотизм передался и русской литературе нового времени.

Особое значение для средневекового писателя имели «общие места» в произведении. Он стремился не поразить читателя новизной, а успокоить его привычностью. Составляя свое литературное произведение, автор как бы совершал некий обряд. Он восхвалял или порицал то, что принято восхвалять и порицать, придавая славословию или хуле приличествующие случаю формы. Поэтому текст древних литературных произведений в основном лишен художественных неожиданностей, нежелательных в любых обрядах.

3. Основные жанры древнерусской литературы в период ее формирования. Древнерусскую литературу в период ее становления определяли переводные тексты. Кроме книг Священного писания (полностью Библия была переведена в XV в.), основной их поток составляла патристика, агиографическая литература, апокрифы, византийские хроники и естественнонаучные сочинения.

Особое место в русской литературе эпохи ее становления занимала **патристика** (учительная литература, сочинения «отцов церкви» III — XI вв.) (с греч. «отец») — литература, предлагающая философское обоснование догматов христианской религии, содержащая полемику с «еретиками», проповедь христианской морали, основ монашеского быта. Богословско-полемический трактат, диалог, открытое письмо, слово, беседа — таковы литературные жанры, в рамках которых отцы церкви преимущественно писали. Патристическая литература теснейшими узами сплеталась с эллинистической философией и эллинистическим красноречием.

В области красноречия отцы церкви были учениками софистов, которые в II — IV вв. возродили искусство красноречия и выдвинули из своей среды крупных ораторов. Наибольшим авторитетом пользовались у древнерусских книжников сочинения Иоанна Златоуста (слова и поучения, собранные в сборник «Златоструй»), Василия Великого (девять бесед о шести днях творения мира), Кирилла Иерусалимского («Оглашения»), Ефрема Сирина («Увещательные слова египетским монахам), Ипполита Римского («Сказание о Христе и антихристе»). Сочинения отцов церкви распространялись преимущественно при помощи сборников, в состав которых входили избранные сочинения или отрывки из них целого ряда авторов («Изборник Святослава 1076 г.»), или при помощи пандектов (сборники отрывков из библейских книг и произведений отцов церкви, распределенные по отдельным тематическим рубрикам) («Пандект» Никона Черногорца). Древнерусские писатели заимствовали впоследствии у греческих предшественников их искусство излагать мысли, учились приемам ораторского мастерства (в античной традиции): делению тематического материала на части, применению разного рода риторических фигур — обращений, восклицаний, противоположений, аллегорий, основанных на игре слов каламбуров; чередованию сходных по синтаксическому строению предложений, придающих речи ритмический характер; чередованию повествовательной речи с диалогической и т. д. Таким образом, византийская учительная литература повлияла на создание не столько богословской русской прозы, сколько на ораторскую прозу.

Из византийской литературы на Русь пришли **жития** в различных их разновидностях: жития, ставящие вопросы христианской морали, самосовершенствования («Жития Антония Великого» (VI в.)), жития об утверждении монашества и борьбе с ересями («Житие Феодора Студита» (XI в.)), эсхатологические жития («Житие Василия Нового» (X в.)), жития героико-эпического характера («Житие Георгия Победоносца» (IX в.)). О. В. Творогов (см. **VII; 15**) говорил о двух сюжетных типах заимствованных житий: житие-мартирий (повествования о мучениях борцов за веру в языческие времена или жития о подвигах затворничества, юродства) — например, «Житие святой Ирины», и житие о святом подвижничестве — например, «Житие Алексея, Человека божиего». Жития, возникшие в первые века существования христианства, имели элементы античного исторического жизнеописания, эллинского романа и надгробной похвальной речи (занимательность сюжета, назидательность и панегирик) .

Жития стали материалом для церковных песнопений и чтений в церквях и монастырях. Для этого были созданы особые сборники кратких житий: Прологи (в византийской литературе — Синаксарий) и Минеи. Основным материалом Прологов стали сокращенные сказания о жизни мучеников и святых, расположенные в порядке месяцев и чисел по дням церковной памяти каждого святого. Причем если к одному числу относилось описание жизни нескольких святых, то сначала помещались жития мучеников, затем — «исповедников» (твердо исповедовавшие христианское учение), далее — «святителей» (стоявшие на высоких ступенях иерархии), наконец — аскетов, юродивых, пустынников и столпников, сделавшихся известными благодаря своим аскетическим подвигам. Проложные жития были очень сжаты (1/4–1/5 страницы), ограничивались констатированием главнейших фактов из жизни святого. Кроме житий святых, еще на византийской почве, в Прологи был включен ряд ветхозаветных и новозаветных сведений об Иисусе, Марии и пророках. На славяно-русской почве Пролог пополнился новыми материалами (житиями русских святых (о погребении Ольги), краткими повестями и поучениями из патериков). Минея Четья («месячное чтение»), подобно Прологу, также является сборником житий, сказаний и поучений, расположенных по дням месяцев и предназначенных первоначально для чтения в церкви. Общее количество житий в Минее Четье меньше, чем в Прологе, поэтому в ней под числом месяца помещается обычно только одно житие. Древнейшие сохранившиеся списки Минеи Четьи — Супрасальская рукопись (XI в.) и Успенский сборник (XII в.)

Кроме житийных текстов, к агиографической литературе принадлежали также **патерики** («отечники» — от греч. «отец») — сборники дидактических новелл из жизни монахов-пустынников (не о всей жизни), прославившихся своими чудесами и аскетическим подвигами. Для патериков был характерен простой и безыскусственный стиль, беллетристический характер, разнообразие легендарных и даже сказочных мотивов, бытовые эпизоды, причудливая фантастика. В XI — XII вв. переписывались и читались Синайский, Египетский, Римский, Скитский, Алфавитный и Иерусалимский патерики.

В первые века существования литературы древней Руси большое хождение имели **апокрифы** (от греч. «тайный», «не всем доступный») — внеканонические сказания, в которых в наглядных поэтических картинах показывалось то, что недостаточно полно рисовал библейский текст. Первоначально включали произведения, рассчитанные на узкий круг

читателей (еретики использовали для критики положений ортодоксальной догматики). Позднее они стали включать литературу, тематически совпадающую со Священным писанием, но дающую другое толкование библейских мифов, легенд, преданий и их героев. Главная особенность апокрифов — проникновение в них народно-поэтических мотивов, художественных приемов устной поэзии, занимательность, образность.

Апокрифы проникают на Русь в устной передаче, главным образом, из Болгарии (приносят паломники, побывавшие в «святых местах») .

Тематически апокрифы близки Библии. Можно выделить следующие их группы: 1) «деяния» и «обходы» апостольские, в основе которых описание проповедей апостолов в разных странах и их путешествия («Петрово хождение по вознесении господни»), 2) эсхатологические — описания конца мира и загробной жизни («Хождение Богородицы по мукам», «Видение Павла», «Сказания отца нашего Агапия»), 3) старозаветные («Како сотвори Бог Адама», «Сказание о Соломоне и Китоврасе», «Соломон и царица Савская»), 4) новозаветные («Сказание Афродитиана о чуде в Персидской земле»), 5) апокрифические жития («Никитино мучение», «Житие Георгия Победоносца») .

Апокрифы иногда соединялись и в большие компиляции. Такое собрание ветхозаветных апокрифов в славянском переводе было уже в XII — XIII вв. под названием «Толковая палея» («палея» с греч. «ветхая»). Позже в болгарском переводе с греческого появилась на Руси «Историческая палея», представляющая библейскую апокрифическую историю.

Другим широко распространенным жанром переводной литературы в период становления русской словесности стала византийская **хроника** («временник», «летовник»). По содержанию она заключала в себе изложение мировой истории, от сотворения мира до событий, современных автору, причем изображение исторического процесса было подчинено определенной схеме: мир возник по божьей воле и при непосредственном божественном участии, судьбы мира предопределены для торжества христианской веры. Со стороны формы византийские хроники (Иоанна Малалы (сирийское «Малала» значит отец, учитель) (VI в.), Георгия Амартола («амартола» — с греч «грешник») (IX в.), Георгия Синкелла (VIII в.)) тяготели не к историческому трактату, а к популярному чтению на исторические темы: авторы не забывали о занимательности изложения, часто останавливались на курьезных случаях в ущерб существенному историческому материалу. Переводные хроники расширяли кругозор русского читателя, давали определенное представление о всемирной

истории, сведения о греческой мифологии и литературе, о различных философских системах (Демокрит, Сократ и т. д.). Русская летопись испытывала влияние переводных хроник до конца XIII — начала XIV в.

В период формирования древнерусской литературы большой популярностью пользовалась переводная византийская повесть. Особо читаемыми на Руси были воинские повести «Александрия» и «Троянские деяния», историческая повесть «О полонении Иерусалима» Иосифа Флавия, легендарно-сказочная «Повесть об Акире Премудром», богатырская повесть «Девгениево деяние».

Имели бытование также **сборники морально-философских сочинений** («Стослов» патриарха Геннадия; «Пчела»), **естественно-научные труды** (сборники «Физиолог», «Шестоднев», «Христианская топография» Космы Индикоплова), **христианская гимнография** (великопостная покаянная молитва Ефрема Сирина) .

Тема 3. Русское летописание

1. Понятие летописной жанровой формы. Летопись (хроника) — вид исторического повествования по годам, широко распространенный в средние века. Несмотря на чисто внешний признак (писание «по летам»), летопись — это не просто погодная запись событий, это «законченный, систематизированный труд по истории русского народа» (Б. Д. Греков), «энциклопедия жизни нашего государства» (Д. С. Лихачев).

Летопись — синтетическая жанровая форма, способная включать в себя другие жанры или их элементы. Летописцы (как правило, выходцы из княжеско-боярской или монастырской среды) фиксировали события, свидетелями которых они были или о которых слышали, соединяли записи о них с легендами, повестями или сказаниями о различных лицах, житийными текстами, посланиями, юридическими документами и проч. в отдельные *своды*. Таким образом, древнерусский летописец был многосторонен: это и художник, и историк, и этнограф, и политик, и юрист, и религиозный проповедник, и фольклорист. В составе летописи дошли до нас многие произведения древней русской литературы: «Поучение» Владимира Мономаха, «Сказание о Мамаевом побоище», «Хождение за три моря» Афанасия Никитина и др.

Хронологический принцип расположения материала позволял летописцу включать в летопись самые разнообразные и по содержанию и по форме тексты. Весь летописный повествовательный материал можно разделить на несколько групп. Во-первых, это погодные записи — древнейшая форма летописного повествования, небольшая по объему, сообщающая

о рождении или смерти князя, природных явлениях, важных общественных событиях и проч. Они документальны и нейтральны в стилистическом отношении (лишены эмоциональности). Погодные записи вводятся в повествование особыми формулами: «В лето… года», «Того же лета», «Потом же», «Тогда же». Во-вторых, это документы из княжеских архивов — уставные грамоты, договоры с соседними государствами и т. д. Наконец, это собственно художественный материал: летописные сказания, летописные рассказы и летописные повести. Летописные сказания имели устно-поэтическое происхождение. Летописный рассказ, напротив, всегда документален, на языковом уровне отражает эпоху. Летописная повесть как правило рассказывает о смерти какого-нибудь князя, поэтому содержит черты агиографического жанра (некролог, плач по умершему). Отдельные формы летописного повествования часто смешиваются друг с другом: летописный рассказ может перейти в повесть, повесть может включать исторические события.

Летописание — ведущее явление в русской литературе старого времени. Ни в какой другой литературе оно не занимало такого большого места и не играло такой значительной роли, как в русской. Это свидетельствует, с одной стороны, о культурном уровне, достигнутом древней Русью после принятия христианства и возникновения письменности, с другой, о духовном облике образованного русского человека, стремящегося осмыслять настоящее путем его соотнесения с прошлым.

Летописи составлялись по поручению князя, игумена или епископа (тогда она приобретала официальный характер), реже — по личной инициативе. Главный принцип летописания — установка на правду: писать «вся добраа и недобраа», «не украшая пишущаго». Переписывая включаемые в летопись материалы, летописец стремился создать единое повествование. Как правило, оно подчинялось исторической концепции, соответствующей интересам того или иного политического и духовного центра (политическую тенденциозность летописцев подчеркивали А. А. Шахматов, Н. К. Гудзий; напротив, И. П. Еремин полагал, что древнерусский летописец стремился незаинтересованно и правдиво поведать о событиях, подлежащих Божьему суду). Наряду с официальной идеологией в летописи отражались взгляды их непосредственных составителей.

Летопись была компиляцией, вобравшей в себя большое количество отдельных произведений, не только письменных, но и устных. Вследствие разнородности материала, из которого составлялась летопись, нельзя говорить о единстве летописного стилистического строя. Язык летописи

лаконичен и прост, почти всегда без метафор и сравнений, без восклицаний и вопрошаний, повествование сдержанно. Взволнованно, с цитатами из Библии, могли писаться отрывки — риторические церковные похвалы умершим князьям, религиозные наставления современникам. В развернутых рассказах значительное место занимала диалогическая речь, вносящая в изложение элементы драматизации.

2. Появление русской летописи. Летописание можно считать наиболее ранним видом оригинального (непереводного) литературного творчества Древней Руси. Появилось оно на основе устных преданий и отдельных письменных источников в связи с потребностью уяснить прошлое, понять истоки различных явлений, в целях сохранения сведений о настоящем для потомков.

Вопрос о времени возникновения летописания Древней Руси не решен учеными окончательно. Одни считают, что первые краткие летописи (погодные записи) появились уже в X или даже в конце IX в., еще до принятия христианства, с которым обычно связывают начало древнерусской письменной культуры Руси. Так, Б. А. Рыбаков соотносил возникновение русского летописания с появлением христианского духовенства (867 г.), еще до пришествия варягов. Первый Киево-Печерский летописный свод был создан, считал он, в конце X в. при Десятинной церкви Добрыней (дядя князя Владимира), епископом Белгородским, и Анастасом Корсунянином. Другие (А. А. Шахматов) соотносят это с переводами и дополнениями иностранных (прежде всего византийских) хроник первой половины XI в. Третьи (Д. С. Лихачев) полагают, что появлению летописи предшествовали нелетописные исторические сочинения (сказания о первых русских христианах и распространении христианства на Руси), которые пополнялись различными материалами и превращались в летопись.

Ни первоначальные летописные записи, ни повести, легенды и сказания в записях долетописной редакции, ни древнейшие своды, предшествующие «Повести временных лет», до нас не дошли. Тем не менее установлено, что во второй половине XI в. летописание в Древней Руси уже существовало и использовало в качестве материала не только легенды и предания, но и письменные источники, документы, литературные памятники. Центром летописной работы в это время был Киев (первые летописные записи датируются предположительно концом X в.), однако записи велись и в Новгороде (с 1017 г.), и, возможно, в некоторых других городах.

Вопрос о генезисе ранних летописных сводов, несмотря на существование большой литературы, посвященной проблеме, нельзя считать

решенным. А. А. Шахматов называл в качестве первых русских летописных памятников «Древнейший Киевский свод» (1039), «Новгородскую летопись» (1036), «Древний Новгородский свод» (1050). Очевидно, первым крупным памятником древнерусского летописания стал летописный свод, составленный в 70-е годы XI в. игуменом Киево-Печерского монастыря Никоном Великим — «Первый Киево-Печерский свод» (1073). На основе труда Никона в том же монастыре двумя десятилетиями спустя был написан другой летописный свод, который получил в научной литературе условное название «Второй Киево-Печерский свод» 1095 г. Неизвестный его автор пополнил труд предшественника летописными сведениями из других русских городов, из византийских хронографов, предпослал своду предисловие, где призывал вспомнить, «какими были древние князья и мужи их» и как они «обороняли Русскую землю». Стилистически «Начальный свод» примыкал к предшествующей традиции: здесь тот же живой диалог; близкие по времени к летописцу события изображаются с большим количеством реалистических подробностей; легендарный материал отступает на второй план; даются краткие обязательные характеристики князей и митрополитов, обильные ссылки на церковную литературу.

3. «Повесть временных лет» как величайший летописный памятник Киевской Руси. На основе летописной традиции XI в. была создана самая значительная летопись Киевской Руси — «Повесть временных лет» (1113). Она была названа так учеными по первым своим строкам: «Се повести временных лет, откуду есть пошьла Русьская земля, кто в Кыеве нача первее княжити и откуду Русьская земля стала есть». Свод дошел до нас в позднейших летописных памятниках, соединившись с последующими сводами. Старшими и наиболее ценными из них являются: «Лаврентьевская летопись» 1377 г., которая включает вторую, сильвестровскую, редакцию, «Первая Новгородская» (XIV в.) и «Ипатьевская летопись» 20-х гг. XV в., содержащие третью редакцию 1118 г.

В основу «Повести временных лет» легли летописные своды XI в., русско-византийские договоры X в., византийские хроники, тексты Священного писания, сказание о грамоте словенской, предания о восточнославянских племенах, о первых русских князьях и т. д. Редактируя предшествующие своды, Нестор первый связал историю своего народа с мировым историческим процессом, начав рассказ с разделения всей земли между сыновьями библейского Ноя, смешения языков после вавилонского столпотворения и выделения из племени сына Ноя, Иафета, славянского народа. Затем автор, опираясь на переводные хроники, объединил

сведения из византийской истории и современной ему истории славян, описал христианизацию славян, создание грамоты, включил рассказ о соглашениях русских с греками, легенду об апостоле Андрее, о смерти Олега от своего коня, рассказ о взятии Ольгой Искоростеня при помощи птиц. В отличие от Нестора, Сильвестр в редакции 1116 г. и анонимный редактор 1118 г. внесли иную версию рассказов о половецких походах и княжеских съездах, подчеркнули в них роль Владимира Мономаха, сделали ряд новых книжных заимствований. Они также придали чудесному космический характер, ввели поэтический язык, близкий к народному разговорному (Нестор склонялся к речи книжной, украшенной грецизмами в области лексики и славянизмами в области синтаксиса). В отличие от Нестора, в описании сражений повторяющего краткие деловые формулы старших сводов, выдубицкие летописцы дают развернутые картины боя, более реалистические и в то же время поэтически образные.

Существует несколько гипотез об источниках, составе и редакциях «Повести временных лет». А. А. Шахматов («Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (1908), «Повесть временных лет» (1916)) связывал ее основу со «Вторым Киево-Печерским сводом» (1095), восходящим к деятельности Киевской митрополии, и говорил о трех редакциях: 1113 (Нестор), 1116 (Сильвестр), 1118 (неизвестный автор). В. М. Истрин («Замечания о начале русского летописания» (1921)) соотносил первую редакцию «Повести временных лет» с русскими дополнениями к «Хронографу по великому изложению», созданному при дворе митрополита-грека в 1039 г., вторую считал несторовской (начало 10-х гг. XII в.). Д. С. Лихачев («Русские летописи и их культурное значение» (1947)), придерживаясь датировок редакций, предложенных Шахматовым, говорил о двух идейных источниках «Повести временных лет» — «Первом Киево-Печерском своде», созданном Никоном Великим в 70-е гг. XI в. в Киево-Печерском монастыре, и «Втором Киево-Печерском своде» (начало XII в.) неизвестного автора. Оба источника были проникнуты патриотическим пафосом, политической остротой, исторической широтой, изложены «по летам», опирались на греческие хроники. Б. А. Рыбаков («Древняя Русь: сказания, былины, летописи» (1963)) выдвинул гипотезу об активном личном участии Владимира Мономаха в создании второй, сильвестровой, редакции. Третью он связывал с деятельностью сына Мономаха, Мстислава. Таким образом, вопрос о составе и источниках «Повести временных лет» не решен окончательно.

В отношении литературно-стилистическом особенностью «Повести временных лет» является ее многожанровая и многостилевая структура, охватывающая все богатство изобразительных средств древнерусской письменности. Материал, образовавший летопись, представлен, во-первых, погодной записью, констатирующей факты. Для нее характерны документальность, отсутствие тропов. В центре ее внимания — важные для страны события: известия о рождении и смерти князей, их строительная деятельность; небесные знамения; церковные дела и т. д. Во-вторых, летопись включает записи государственных договоров (договоры Олега и Игоря с Византией и др.). В-третьих, в большом объеме представлены литературные жанры: *воинская повесть* (походы Святослава (6479); осада Киева печенегами; описание Лиственской битвы 1024 г.); *историческая повесть* («Повесть об ослеплении Василька Теребовльского»); *историческое сказание* (крещение Ольги), *житие* («Сказание о двух варягах-мучениках»; «О кончине Феодосия Печерского»; «Об основании Печерского монастыря Антонием»; житие Бориса и Глеба); *церковное и светское поучения* (поучение Феодосия и «Поучение» Владимира Мономаха, дошедшее в составе «Повести» по Лаврентьевскому списку); *произведения ораторские* (речь философа о греческой вере, речи князей), *публицистические выступления* «отцов» церкви и *посмертные некрологи*, связанные с жанром надгробных похвальных слов (некролог княгине Ольге; похвала Владимиру). В «Повести временных лет» можно выделить также фольклорные жанры: а) *топонимические легенды* (об основании Киева; о происхождении названия г. Переяславля), б) *библейские легенды* (о посещении Русской земли апостолом Андреем, о разделе земли между сыновьями Ноя), в) родовые и дружинно-эпические *предания*, сказания, связанные с могильниками (о смерти Олега; о крещении Ольги в Царь-граде), г) *сказки, былины* (женитьба Владимира на половецкой княжне Рогнеде; подвиг Кожемяки; сказание о Белгородском киселе), д) *пословицы и поговорки* («Сгинули как обры»; «Беда как в Родне»; «Мир стоит до рати, а рать до мира»; «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его»), е) *обрядовый фольклор* (месть Ольги древлянам). Наконец, библейские изречения, фрагменты переводных сочинений, рассуждения о пользе книг. Итак, автор «Повести временных лет» стремился совместить задачи исторического, публицистического, религиозно-нравоучительного и литературного повествования.

Целью летописца становится осмысление темы русской земли, ее исторической судьбы, начиная с момента возникновения и кончая первым

десятилетием XII в. Содержание летописи определяет идея величия и могущества Руси, общности интересов и целей всей Русской земли, равноправной в ряду других мировых государств. Важность замысла определила монументальность, эпический план повествования. Первые (недатированные) страницы «Повести…» воспроизводят события мировой истории, частью которой, по мысли летописца, является история русского народа. В соответствии с библейской историей летописец ведет свой рассказ от «всемирного потопа», когда земля была разделена между сыновьями Ноя: Симом, Хамом и Иофетом. «Язык словенск», по утверждению летописца, происходит «от племени Иофета».

Из описаний Нестора следует, что славянские племена жили по Дунаю, на территории нынешних Венгрии и Болгарии. Оттуда произошло расселение славян на восток и север, вследствие чего образовалась древнерусская народность. Описанием нравов и обычаев русских племен (поляне, древляне, вятичи, родимичи и др.), данным в соответствии с христианской моралью, заканчивается недатированная часть «Повести временных лет».

Погодные записи начинаются с 852 года, когда «начася прозывати Руская земля», и доведены до второго десятилетия XII века. В датированной части летописец подкрепляет свои записи не только устными, но и письменными источниками: житийными, воинскими повестями, поучениями, словами священнослужителей, князей. Так, «Повесть об ослеплении Василька Теребовльского» стала живым откликом на обострившиеся княжеские усобицы конца XI в. Хронологический принцип изложения материала позволяет включать новые записи, представить историю как непрерывную последовательность событий, но ведет к некоторой фрагментарности.

Художественно-стилистические средства «Повести временных лет» весьма разнообразны: эпическое повествование связано со стилем устной поэзии, историческая документалистика — с агиографией, ораторское красноречие — с разговорным стилем. Разнородный в жанровом и стилевом отношении материал объединен общей патриотической мыслью, хронологическим принципом изложения, единой историко-философской концепцией: история — это арена борьбы добра и зла; это свидетельство определяющей роли Божества в жизни человечества; это наглядный пример современникам в художественной форме. Монологи и диалоги действующих лиц, переносящие читателя в обстановку эпохи, заговоры и заклинания, драматизированные загадки, пословицы, поговорки разнообразят повествование.

Значение «Повести временных лет» можно определить следующим образом. Во-первых, она заложила основы русского летописания, повлияла

на развитие областных летописей и общерусских летописных сводов XV — XVI вв. Во-вторых, стала историческим памятником, свидетельствующим о событиях прошлого, о характере и нравах наших предков, книжном и разговорном языке своего времени. В-третьих, летопись оказала влияние на последующую отечественную литературу как источника поэтических сюжетов и образов («Синав и Трувор» А. П. Сумарокова, «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина, «Песнь о Вещем Олеге» А. С. Пушкина, «Думы» К. Ф. Рылеева и др.). Наконец, «Повесть временных лет» наглядно отражает эстетические взгляды русских книжников, их представления о «должном» в области художественного творчества, первые опыты в области литературы. Таким образом, можно говорить об историко-познавательном, философском, эстетическом, филологическом и воспитательном значении произведения.

«Повесть временных лет» была опубликована только в XVIII веке. До этого она была известна в многочисленных списках. Наиболее древний ее список был найден любителем родной старины графом А. И. Мусиным-Пушкиным и подарен Александру I, который передал ее в Публичную библиотеку. Изучение «Повести временных лет» начал русский историк, автор «Истории Российской с древнейших времен», В. Н. Татищев. После него серьезное исследование произведения предпринял немецкий историк и филолог, адъюнкт Петербургской Академии наук, А. Шлецер. В конце XVIII века он выпустил трехтомное исследование «Нестор», где дал высокую оценку русской летописи. Впоследствии «Повесть временных лет» изучали М. И. Сухомлинов («О древней русской летописи как памятнике литературном», 1856), А. А. Шахматов («Разыскания о древних летописных сводах, 1908), Д. С. Лихачев («Русские летописи и их культурно-историческое значение», 1947) и др.

4. Развитие русского летописания во второй половине XII — XVII в. Летописание второй половины XII — начала XIII в. носило областной характер. В основном получали распространение княжеские летописи, повествования о жизни и подвигах того или иного правителя. Наиболее богатыми были традиции летописи во Владимирском, Ростовском княжествах, в Новгороде, на юге Руси. Распавшись по областям, летопись теснее переплетается с областными литературными явлениями и вкусами: песенных отголосков почти нет в Новгородской летописи, но их много в Галицкой; княжеских биографий в житийном стиле нет ни в той, ни в другой, но ими богата летопись Владимиро-Суздальская.

Летописные своды, созданные в годы монголо-татарского нашествия являются источниками исторических сведений о том времени. Не в меньшей мере они ценны и как памятники общественной мысли эпохи, и как произведения литературы. Перед нами не только описание того или иного события, не холодная констатация факта, но и его оценка летописцем, отражение местных летописных традиций.

Киевская летопись XII — XIII вв. продолжала следовать манере «Повести временных лет»: чередовала развернутые исторические рассказы (борьба Мономаховичей и Ольговичей и др.) с краткими сообщениями и заметками о событиях. Киевская летопись XII в.— цельная и выдержанная «княжая» летопись, излагающая историю очередного великого князя. В стилевом отношении она отличается разрозненностью литературных манер и даже идеологического настроения, различными типами исторических повествований. Наиболее часто встречаются реалистические рассказы об исторических событиях, лишь несколько приукрашенные книжной фразеологией; реже попадаются оцерковленные повести, тяготеющие к житийной манере. Основное настроение Киевской летописи XII в. совпадает с тоном летописцев второй половины XI и начала XII в.: забота о «Русской земле», верность старшему князю, воинская честь — идеалы, которые руководят летописцем. В Киевской летописи XII в. окончательно оформляются жанры исторической и воинской повестей. Преобладание в тематике Киевской летописи воинских сюжетов было причиной того, что традиция этих сюжетов сложилась здесь наиболее отчетливо и через Киевскую, а позже Галицко-Волынскую летопись, влияла на стиль внелетописной воинской повести до XVI в.

Художественные традиции Киевской летописи продолжала «**Галицко-Волынская летопись**», состоящая из двух частей: летописи Галицкой (1201–1267) и Волынской (1267–1290). В Галицкой летописи преимущественно говорится о военных столкновениях, бедствиях, мятежах и распрях, взятии Киева монголо-татарами в 1240 г. и поездке в Орду, сопутствующих главным образом княжению Даниила Галицкого. Здесь последовательно отражается идея единства русских сил в борьбе с общими врагами Русской земли — половцами и татарами. Автор Галицкой летописи тяготеет к светскому героическому пафосу, драматизму повествования. Галицкая летопись отличается большей фрагментарностью (отказ от деления текста на погодные главы), меньшей украшенностью стиля. В центре повествования Волынской летописи — Владимир Василькович, изображенный не столько как воин и правитель, сколько как благочестивый

и заботливый князь, рачитель о храмах и иконах, почитатель книжного дела. Волынская летопись ближе к традиции жанра: она сохраняет хронологический принцип изложения материала (хотя прием изложения событий строго по годам — «погодная сетка», как и в Галицкой летописи отсутствует), церковно-книжный стиль (автор включает в повествование изречения, притчи и афоризмы, цитаты из Священного писания), господство религиозно-нравственного начала в характеристиках князей.

Кроме Киева, одним из центров русского летописания стал Новгород. Здесь оформляется «Древний Новгородский свод 1050 г.», возникший по инициативе епископа Луки, дополнявшийся во второй половине XII в. монахом Германом Воятой. Свод Вояты лег в основу самой старшей из дошедших до нас новгородских летописей — **«Первой Новгородской»** (ок. 1330). Расцвет новгородского летописания приходится на 30–50-е гг. XV в. По поручению архиепископа Евфимия II, создается «Софийский временник» (1432), сориентированный на областные проблемы. Новгородская летопись XIII — XIV вв. значительно расширяет тематику, описывает не только отношения новгородцев с князьями, борьбу с иноземцами, но и следит за жизнью других русских княжеств, а также немцев, татар, шведов. В Новгородском летописании редки своды; погодные записи ведутся в нем почти непрерывно, под свежим впечатлением от событий. Новгородский летописец многого недоговаривает, пишет как бы для того, кто был сам участником или свидетелем событий. Особенностью стиля является простота слога, скептическое отношение к происходящему, авторская эмоциональная оценка событий, сдержанность в деталях, лаконизм, энергичность речи, носящей монологический характер, разговорные обороты языка, легко воспринимаемая поговорочная форма. Летописные рассказы здесь литературно мало обработаны. Новгородская летопись не знает развитой воинской повести с ее традиционной образной фразеологией, чуждой лаконичному и близкому к местному просторечью стилю Новгородской летописи. Не вполне развернулись в литературную повесть рассказы о борьбе Новгорода со шведами на Неве в 1240 г. и немцами на Чудском озере в 1242 г., повествование о крестовом походе против Новгорода шведского короля Магнуса в 1348 г. Особой силы и драматизма достигает Новгородская летопись в описании недорода и голода, мора скота и стихийных бедствий (буря, град). В отличие от южнорусских и среднерусских летописей, Новгородская летопись, как правило, не включала в изложение готовые литературные памятники (исключение — повесть

о взятии крестоносцами Царьграда), использовала разговорные выражения и деловую лексику.

Владимирские летописные своды конца XII — начала XIII в. подбирали материал исходя из идеи первенства Владимира во всем Ростово-Суздальском крае и идеи преемственности власти Киева Владимиром. Стилистическое оформление этого материала было обусловлено нахождением летописания в церковных кругах. Отсюда переплетение поучительных рассуждений с фактами, церковные цитаты, преобладание книжных оцерковленных сказаний с искусственно украшенной стилистикой, житийная манера составления биографий князей («страстотерпца Андрея Боголюбского», «благоверного» Всеволода) и епископов. Владимирцы использовали торжественный тон, ярко выражали авторское «я». Летописцы украшали свое повествование нравоучительными и благочестивыми размышлениями, прославляли благочестие своих князей, часто цитировали Библию.

Батыево нашествие, а затем тяжелые годы иноземного ига привели в первой половине XIV в. к ослаблению исторического самосознания и упадку летописания. Вместе с тем в конце XIII — первой половине XIV в. начинают вестись летописные записи в Твери и Пскове, в 20-е гг. XIV в. зарождается летописание в Москве.

«Первый Тверской летописный свод» был составлен в 1305 г. при дворе тверского князя Михаила Ярославича. Для памятников тверского летописания характерна полемическая заостренность, особый интерес к теме борьбы с монголо-татарским насилием. После разгрома Твери в 1375 г. великим князем московским Дмитрием Ивановичем тверское летописание временно прекращается. Оно возобновляется в 1382 г. и существует вплоть до потери Тверью своей самостоятельности. Эта областная летопись стремится показать, что руководящую роль в русской истории играет Тверь, что тверские великие князья — опытные военачальники и мудрые государственные деятели, достойные стать самодержцами Руси.

Псковская летопись XIII — XIV вв. — официальная, местная по преимуществу (нашествие татар мало затронуло Псковскую область), носит практический, деловой характер (описание городского строительства, мора, постановлений князей и посадников). Ее основу составляют краткие погодные записи, не развернувшиеся в рассказы и сохраняющие непосредственность впечатлений современника. Описания боевых столкновений с «безбожной латиной» далеки от воинских повестей южных летописей: не претендуют на литературную изысканность, но ценны своей фактичностью, живыми

картинами быта. В содержании и стиле Псковской летописи незначителен налет церковности. Она тяготеет к просторечию, областному словарю. Около 1425 г. в Ипатьевском монастыре был сделан «Ипатьевский список», содержащий три основных памятника — «Повесть временных лет», «Киевскую летопись» и «Галицко-Волынскую летопись», что свидетельствует о преодолении псковской летописью рамок местного летописания.

В течение XIV в. московская летопись ведется главным образом при Успенском соборе, частично при других церквах и монастырях. Она сообщает общие сведения церковного характера о постройках и росписях церквей, о чудесах у гроба митрополита Петра; но рядом помещаются в ней заметки, относящиеся к великокняжеской семье. В основу первого московского летописного свода, предположительно датируемого 1340 г., легли записи семейного летописца Ивана Калиты и летописца митрополита Петра (не дошедший до нас «Летописец великий русский») .

Конец XIV — первая половина XV в.— расцвет русского летописания. В это время создаются многочисленные летописные своды, летописание разных городов находится в тесном взаимодействии. Повышенный интерес к историческому прошлому в летописании проявляется в том, что в начальную часть вновь создаваемых летописных сводов, как правило, включаются рассказы о истории Киевской Руси — «Повесть временных лет», выборки из нее. История каждого княжества становится продолжением истории всей русской земли. Составители летописных сводов включают в них летописи разных княжеств, внелетописные по происхождению повести, жития, публицистические и юридические памятники. Центром русского летописания становится Москва, московское летописание приобретает общерусский характер.

Реально дошедшим до нас списком летописи конца XIV в. является **«Лаврентьевская летопись»**, переписанная в Суздальско-Нижегородском княжестве «мнихом Лаврентием» с помощниками в 1377 г. Летопись начиналась «Повестью временных лет», рассказывавшей о былом величии русской земли, включала «Поучение» Владимира Мономаха и носила возвышенно-патриотический характер. Предназначенный, по замыслу составителей, для оспаривания у Москвы ее первенства, свод послужил, однако, едва ли не укреплению собственно московской летописной традиции. Подобно агиографической переработке статьи 1239 г. суздальцем Лаврентием свои биографические к ней дополнения из жития московского князя, Александра Невского, делает и составитель одного из московских сводов. Составители больших общерусских сводов

(Фотий и его продолжатели) использовали «Лаврентьевскую летопись» как источник.

В начале XV в. при дворе митрополита Киприана собираются подлинники и копии летописей из разных городов, в Москве создается первый общерусский свод — «Троицкая летопись» (1409) (погибла в пожарах 1812 г., воссоздана историком М. Д. Приселковым в середине XX в.). В «Троицкую летопись» вошли извлечения из новгородской, тверской, рязанской, смоленской, московской летописей, которые были обработаны летописцем в соответствии с идеей объединения Руси. Составители свода намеренно отразили столкновение областных интересов, чтобы прославить политику московских князей; в количественном отношении московские известия преобладали над тверскими, новгородскими, ростовскими и др. Преемником Киприана был Фотий, под руководством которого создавался летописный свод «Владимирский Полихрон» 1423 г., не дошедший до нас целиком. Отличия свода Фотия — в приглушении темы розни русских земель; в использовании литературных памятников разных областей, созданных вне летописи; во включении в летописный материал памятников права, народных преданий о русских эпических богатырях (Алеше Поповиче, Добрыне, Рогдае Удалом и др.). Свод Фотия был принят во всех главных летописных центрах Руси. В дальнейшем создавались новые своды (Московский свод 1463 года, 1472 года и др.).

«Новгородскио-Софийский свод» архиепископа Евфимия II 1448 г. также имел ярко выраженный общерусский характер. В нем стираются характерные для новгородского летописания стилистические и идеологические признаки, узкая документальность, юридическая направленность. Летопись включила в свой состав свод Фотия, выдающиеся произведения русской литературы, в том числе повесть о Тохтамыше, «Слово о житии и о преставлении князя Дмитрия Ивановича» и др. Оформляется свободная манера связного литературного рассказа. Значительно расширяется лексика за счет заимствований из немецкого, итальянского, шведского.

Общерусский характер тверского летописания отчетливо проявляется в ряде сводов XV века, особенно 1455 года, где пропагандируется идея сильной княжеской власти.

Характер работы летописцев конца XV в. меняется. Так, например, составитель «Московского свода 1479 г.» не только добавляет известия, добытые из разных источников, но и сокращает излишние длинноты в текстах предшественников, убирает второстепенные подробности и подвергает их литературной обработке. Записи делаются все более обстоятельными и точными.

В летопись проникают деловые выписки из казенных книг — посольских (распоряжения послам и их донесения после возвращения) и разрядных (служебные назначения и «пожалования»). Есть предположение, что в конце XV в. летописи составлялись и переписывались не только по заказу государственных деятелей и монастырей, но и по заказу отдельных частных лиц («Ермолинская летопись», переписанная для архитектора и скульптора В. Д. Ермолина).

В 1442 г. (датировка А. А. Шахматова; поздние исследователи говорили о конце XV — XVI в.) возник первый **русский «Хронограф»** (новые редакции — в 1512, 1533 гг.) — всемирно-историческое описание с включением русского материала. Обращаясь к тому же содержанию, что и летопись, «Хронограф» разрывал с летописной традицией в изложении истории и истолковании смысла событий. Отказ от погодного принципа изложения, от строгой хронологии, от принципа достоверности свидетельствует о том, что направленность произведения определялась новыми задачами. Создателям «Хронографа» интересна не столько историческая ценность события, сколько характерный его сюжет, содержащий в себе общий смысл. Закономерности, лежащие в основе жизни государств, исторических деятелей, основные моральные принципы «Хронограф» связывает с божественным предначертанием, торжеством «правды» над «неправдой». «Хронограф» стремился к раскрытию внутреннего мира героев, понимая его как мир сильных страстей. Отсюда экспрессивность психологических характеристик, гиперболизация. Стиль «Хронографа» опирается во многом на традиции житий, проповедей, слов, отличается эмоциональной приподнятостью, торжественностью, обилием перифраз, эпитетов, тяготением к диалогам, символике, библейским образам.

В XVI в. общерусское летописание стало централизованным: оно велось в Москве. Летописцы в других городах при изложении событий близкого к ним времени вынуждены были почти буквально передавать официальное великокняжеское (с середины XVI в. — царское) летописание. Единое общерусское летописание было представлено рядом сменявшихся сводов — свод 1508 г., свод 1518 г., свод 1534 г. В 20-е гг. XVI в. начинается составление самой обширной по размеру русской летописи — «**Никоновского летописного свода»**, пополнявшегося почти полвека. В период малолетства и правления Ивана Грозного были составлены «Воскресенская летопись», «Львовская летопись» и «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича». На примере «Летописца» видно, как под влиянием нового отношения к материалу изменяется традиционная

форма летописи. Стремление к идеализации образа Ивана Грозного придало каждому факту особое освещение. Идейное единство повествования повлекло за собой единство тематическое — отбор материала, сосредоточенного вокруг одной темы или одного героя. «Летописец» знаменует собой новый тип исторического повествования, где единство точки зрения на историческое событие и единство темы взаимосвязаны и обусловлены друг другом. Хронологическая сетка еще держится здесь по традиции, не играя никакой роли в формировании содержания. Все эти особенности «Летописца» приближают его к историческим повестям. Основная часть «Летописца» отведена рассказу о Казанском походе Ивана IV и о событиях, предшествовавших ему. Основная мысль связана с идеей «божьей помощи» царю в его борьбе с последним оплотом «безбожных татар». Житийно-легендарные элементы в рассказе выступают в виде «чудес» и «знамений». Повествование включает пышные церковно-книжные эпитеты, оттеняющие религиозную чувствительность царя, молящегося «со слезами», произносящего благочестивые речи с цитированием Библии. Воинские эпизоды «Летописца» стремятся воздействовать на читателя не столько украшенностью стиля, сколько самой идеей защиты православных от «басурман». Широко привлеченные описания жизни царского двора наполнили «Летописец» бытовыми сценами, изложенными живым языком. Так, в недрах летописи формировались приемы бытового повествования.

В 70-е гг. XVI в. на основании переводных византийско-славянских всемирных хроник, московских летописных сводов и правительственных документов, а также областных летописей Твери, Ростова Великого, Новгорода и т. д. был создан многотомный летописный свод, богато иллюстрированный **«Лицевой летописный свод»** — объединение в одной редакции всего предшествующего летописания (около 10 тысяч листов и 16 тысяч красочных иллюстраций). При описании событий русской истории составитель «Лицевого свода» воспользовался «Никоновской летописью». Эта официальная версия «Никоновской летописи» утверждала новый исторический стиль: усиление религиозных элементов в описании жизни князей (молитвы благочестивых князей перед боем и после него; религиозно-чувствительные речи; пышные тропы; внимание не только к событиям, но и к внутреннему миру их участников, раскрытие мотивов поведения героев с помощью введения их вымышленных речей и молитв-размышлений). Наряду с усилением «литературности» летописного повествования, в «Никоновском своде» наблюдается стремление

документально изображать события, отсюда — сильная струя приказной деловой речи.

В XVII, даже в XVIII в. летописный жанр продолжал существовать, но в нем появляются публицистичность, личное отношение к материалу, занимательность. Происходит перерождение жанра под влиянием европейской литературы. Летописи вытесняются историческими повестями («Временник» Ивана Тимофеева). В «Хронографе» второй редакции (1617) возникает новый подход к характеристикам исторических лиц, связанный с усилением светского момента. В характеристиках автора «Хронографа» нет резкого противопоставления персонажей злых и добрых, строгого осуждения грешников. Он стремится показать, как стал злым и жестоким Иван Грозный, как совмещались хорошие и дурные качества в Борисе Годунове, патриархе Гермогене, Козьме Минине.

В 1630 г. сложилось обстоятельное, богатое историческими сведениями повествование о событиях «смутного времени» — «Книга глаголемая новый летописец». Его не вполне можно считать летописью: само распределение материала здесь другое, не по годовым статьям, а по главам с заголовками (материал упорядочивается по сюжетному принципу). Первопричиной политической и социальной борьбы автор считает убийство прямого наследника Грозного, царевича Дмитрия, и гонения на Романовых. Эта историческая концепция подкрепляется материалом официальных документов и предшествующих литературных сказаний о «смуте», что привело к соединению двух стилей — пышной риторики панегириков и делового стиля документального материала.

Из казачьей среды выходят Сибирские летописи XVII века: Первая сибирская летопись (1620-е), Есиповская (1636) и Строгановская (начало 1670-х гг.). **«Есиповская летопись»**, созданная дьяком Саввой Есиповым, — первая история Сибири, рассказ о ее природе, о населяющих ее племенах, о местных царьках и князьях. Прославляя поход Ермака, простого казака, автор противопоставляет его гордому царю-язычнику Кучуму — одиночке, бросившему вызов небесным силам. Ермак и его дружина — божье орудие в той мере, в какой они представляют православную Русь. Летопись постепенно утрачивает свой официальный характер и обрастает различными фольклорными сюжетами (как и в народных песнях, в летописных сводах рассказывается о разбойничестве Ермака на Волге, его смерти, убийстве на пиру русскими татарина Сейдяка). «Есиповская летопись» риторична, обстоятельна в описании природы, быта и нравов сибирских народов, опирается на старые литературные источники, использует книжный язык.

«Строгановская летопись» отличается строгой фактичностью, более деловым тоном. Она в значительной мере изложена деловым языком; включает целиком царские грамоты и деловую переписку богатых промышленников Строгановых и воеводы Перепелицына с Москвой.

В XVII в. традиционное летописание приходит в упадок.

Тема 4. Жанр повести в древнерусской литературе

1. Понятие жанра. Повесть — древнейший эпический жанр русской литературы, описывающий в объективной, «безличной» манере то или иное событие. Новелла и роман появляются в отечественной словесности только в XVII — XVIII вв.

В древнерусской литературе существовало несколько жанровых разновидностей повести: историческая, воинская, историко-легендарная (беллетристическая), сатирическая (комическая), бытовая. Первые две из них — самые древние, оформившиеся уже к XI — XII вв. Историко-легендарная повесть появляется к XV веку. Сатирическая и бытовая повести возникают в XVII столетии. Каждая из названных разновидностей имела специфические особенности, о которых пойдет речь ниже.

2. Историческая повесть. Господствующее положение среди жанров мирской литературы XI — XVII вв. занимала в древней словесности историческая повесть, посвященная выдающимся событиям. К повести примыкали исторические сказания и предания. В основе сказания лежал какой-то сюжетно завершенный эпизод, не развернутый в особое повествование; в основе предания — устная легенда. Эти жанры обычно входили в состав летописей, хронографов. Историческая повесть была основана на изображении достоверных событий, она не допускала художественного вымысла в современном значении, опиралась на документированные факты или свидетельства очевидцев. Эти повести писались почти тотчас же после событий, которым были посвящены. В них широко использовалась юридическая, военная и др. специальная терминология эпохи.

Черты исторической повести формируются в составе летописи: описание преимущественно событий недавнего прошлого; главный герой — только историческая личность, имеющая общественный вес (причем, если деятельность его направлена на благо родины, то ему приписывались все церковные и светские добродетели); сюжет связан с событиями, имеющими значение для государства в целом.

Уже в «Повести временных лет» формируются две разновидности исторической повести: 1) историко-документальная («Повесть об ослеплении Василька Теребовльского», где нет морализирования, библейских

сопоставлений, образы не идеализированы); 2) повесть с элементами агиографического стиля («Об убиении Борисове», где присутствует контраст между идеальным князем-мучеником и злодеем Святополком, прославление святых, но и реалистические детали).

Характерный образец исторической повести, охватившей материал с 1146 по 1154 г., представляет повесть о Изяславе Мстиславиче в Киевской летописи. Ее автор изображает борьбу Мономаховичей и Ольговичей за киевский престол. Повесть изобилует деталями, воссоздающими реальную обстановку. Изяслав Мстиславич показан как носитель принципов справедливости, рыцарского отношения к своим княжеским обязанностям: он воюет «за стол отца своего и деда своего», твердо держит «крестное целование», перед битвой всегда советуется со своей дружиной, щедр и гостеприимен, созывая на пиры весь народ. Общие места, повторяющиеся диалоги, некоторая замедленность повествования в произведении — от манеры устного эпического сказа. В обстоятельном описании битв мало литературных украшений, зато все моменты сражений изображены как будто их участником (описание тумана, позволявшего видеть «толико до конець копья», плач Изяслава над телом убитого брата и т. д.) .

К историческим повестям периода феодальной раздробленности относятся «Повесть об убийстве в Киеве Игоря Ольговича», повесть Петра Бориславича о клятвопреступлении Владимирки Галицкого, повесть Кузьмища Киянина об убийстве Андрея Боголюбского (все три из «Киевской летописи»), «Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 г.», «Сказание об убиении в Орде кн. Михаила Черниговского с боярином Федором» (1245), «Повесть о захвате Батыем Киева» (1240), летописная «Повесть о Тверском восстании 1327 года».

Тверская повесть «Убиение великого князя Михаила Ярославича Тверьского от безбожного царя Азбяка» по жанровым признакам близка к житию. Она была создана в XIV в. Содержание и характер основного изложения (описание вражды тверского князя Михаила с московским) близки к историческим фактам и отражают современность, что заставляет предполагать в авторе очевидца. В повести используется известный еще в киевских житиях и летописи способ художественной характеристики героев путем их противопоставления (величественный образ тверского князя и отрицательная фигура Юрия Московского).

Военный быт феодального Пскова опоэтизирован в одном из ранних псковских литературных произведений — в «Повести о князе Довмонте» (первая половина XIV в.). Она состоит из ряда описаний защиты Пскова

от нападений ливонских рыцарей и литовских феодалов. Стиль ее отразил черты агиографии, традиции воинской повести и устных народных сказаний.

Наиболее значительные исторические повести конца XIV — XV в. встречаются в общерусских летописных сводах. Кроме повестей о Куликовской битве, к ним относятся произведения с сильным воинским колоритом: «Повесть о Шевкале», повесть «О Московском взятии от царя Тохтамыша», повесть «О чудесном избавлении Москвы от нашествия Темир-Аксака в 1395 г. Владимирской иконой Богородицы», повесть «О нашествии и осаде Москвы Едигеем в 1409 г.» и др. В них отразился интерес к событиям мирового значения.

В 1453 г. была создана повесть «О взятии Царьграда турками» Нестора Искандера, включенная в «Хронограф», приписываемый Пахомию Логофету. Содержание ее делится на две части — об основании Царьграда и о взятии его турками (легенда сливается с историческими фактами). Повесть отличается широтой проблематики, философской устремленностью, умелым использованием образов и формул воинских повестей, следованием античной традиции, картинностью и лиризмом. Вымысел здесь носит чаще всего символический характер и служит для выражения идеи предопределенности исторических событий. С проникновением в XIV — XV вв. в историческую повесть стиля «плетения словес» большое значение приобретают художественный вымысел, широкие обобщения, сочетание исторического характера с философским.

С именем митрополита Макария и царского духовника Андрея-Афанасия связан своеобразный исторический сборник, так называемая **«Степенная книга царского родословия»** (1560–1563 гг.), представляющая житийные варианты повествований о правителях православного государства и отражающая широкое проникновение сознательного вымысла в историческое повествование. Главная задача составителей этого нового по форме исторического произведения — создать идеализированные образы мудрых правителей Руси, отважных воинов, примерных христиан. Через все произведение проводится мысль о законности единодержавной, «самовластной» формы правления на Руси, унаследованной от римского императора Августа. Книга построена в виде родословной лестницы великих князей, начиная от Владимира святого и кончая царем Иваном. При этом каждое житие представлялось в виде «степени» (ступени) восходящей на небо «лествицы», подобной тем, какие являлись в видениях библейскому патриарху Якову или святому Иоанну Лествичнику.

Отношение составителей «Степенной книги» к историческому материалу обнаруживалось не только в видоизменении отдельных сюжетных ситуаций, но и в создании новых рассказов, отсутствовавших в летописных источниках. В отличие от житий, княжеские биографии включают вставки из исторических источников, попытки исторического толкования событий, витиеватые отступления. «Степенная книга» — по сути историко-публицистический труд, прославлявший русских государей.

Летописные повести XVI в. еще выдержаны в летописном стиле («Рассказ о Псковском взятии», «Рассказ о смерти Василия III» и др.). Так, например, в «Повести о псковском взятии в 1510 году» тот же последовательный, обстоятельный и неторопливый рассказ, в отдельных местах умеренно славянизированный. Фольклорные обороты встречаются нечасто, автор более склонен украшать свою речь литературными оборотами, ориентируясь на памятники, известные с Киевского периода («Девгениево деяние», «Слово о полку Игореве» и др.). **«История о Казанском царстве»** («Казанский летописец», 1564–1566 гг.), произведение не официального, а частного характера, также отличается вниманием к художественной стилистике. События излагаются с момента основания Казани в 1172 г. легендарным болгарским царем Саином до взятия города Иваном Грозным в 1552 г. Ее история рассматривается с точки зрения усиления влияния Москвы. Главное место уделяется событиям 40–50-х гг. XVI в.: походы на Казань, строительство города Свияжска на правом берегу Волги, падение Казани. Лишь по необходимости соблюдая традиционную церковность выражения, обязательную для повести о борьбе с «погаными», она отдает преимущество мотивам, ситуациям и образам светской беллетристики: привет Русской земле с пожеланием ей «расти, величатися и расширяти-ся»; «зоологические» метафоры; мотив основания города и пророчеств, ему сопутствующих; полные красок, звуков и движения боевые картины и т. д. Используется в повести и фольклорная поэтика: фольклорные эпитеты и выражения (сцена въезда Ивана Грозного в Москву). Историческими источниками являются свидетельства очевидцев. Сам автор служил у казанского царя, был крещен Грозным и перешел на службу к нему. Главный герой — Иван Грозный — сурово расправляется с изменниками и несправедливыми судьями, но милостив к народу. Его поход продиктован интересами обороны страны. В этой исторической повести сильны черты поэтики воинской повести (главное место уделяется походу на Казань и ее падению): фантастические картины видений, знамений, предрекающих падение Казани; устойчивые стилистические формулы в описании

битвы; изображение внутреннего психологического состояния персонажей, фольклорная образность. Вместе с тем, вопреки канонам воинской повести, враги здесь изображаются героически, а «падение храбрых казанцев» сопровождается разграблением мечетей, убийствами и жестокостями, совершаемыми русским войском. Устойчивые стилистические формулы воинских повестей, включенные в общее описание битвы, дополняются новыми сравнениями воинов с птицами, белками. Новым можно считать попытку раскрыть психологическое состояние врага во время битвы, рассмотрение сюжетных событий в причинно-следственной связи, нарушение традиционных норм риторического стиля (прямые обращения к читателю и действующим лицам, искусственные обороты и выражения). Таким образом, «Казанская история» — это не летописец, как воспринимали ее поначалу, а новая разновидность исторической повести. Она пользовалась широкой популярностью среди читателей XVII в. М. В. Ломоносов использовал ее в исторических экскурсах, встречающихся в его одах и поэмах, в своем историческом труде — «Краткой истории». М. М. Херасков в поэме «Россияда» переложил целые эпизоды из «Казанской истории» на поэтический язык.

Светские повести занимают в письменности XVI в. более скромное место, чем в письменности второй половины XV столетия. Существенно отличаются они от повестей предшествующего периода и по своему дидактическому характеру. «Повесть о воеводе Евстратии», например, имела ярко выраженный дидактический характер. Традиционная, казалось бы «Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков» испытала влияние беллетристики. В «Повести о царе Федоре Ивановиче» (конец XVI — начало XVII в.) находим приемы устной поэзии («плач» царицы Ирины) и публицистические размышления о престолонаследии и будущем устройстве государства.

Историческое повествование XVII в. Жанры исторического повествования (историческая повесть, сказание) в XVII в. претерпевают значительные изменения. Остается лишь оболочка средневекового историзма, внешние приемы. Авторы искали своих персонажей на страницах летописей и хронографов, но уже не заботились о том, чтобы их поступки хотя бы приблизительно соответствовали тому, что в этих летописях и хронографах сказано. Источник уже не сковывал фантазию писателя. Историческим оставалось только имя, герой, по существу, оказывался вымышленным, его действия уже не зависели от фактов.

В историческую повесть периода «смуты» («Повесть 1606 года», «Новая повесть о преславном Российском царстве», «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства», «Повесть о преставлении князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского», «Сказания и повести еже содеяся в царствующем граде Москве», «Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов») проникает публицистический и фантастический элементы.

«Повесть 1606 г.», созданная вскоре после воцарения В. Шуйского, видимо, его сторонником, не скупится на осуждение противников царя, прежде всего Бориса Годунова. Она не ограничивается авторскими оценками, стремится воздействовать на читателя самым подбором фактов, сообщая в числе «злодейств» Годунова даже несомненно вымышленных (самоотравление, отравление царя Федора). Теряя от этого в отношении исторической достоверности, повесть становится интереснее как явление литературное. Повесть начинает рассказ о воцарении Годунова (он «неусыпно помышляя, како и коим начинанием начати и царский престол восхитити»), который характеризуется как «змий», «раб», «завистник». Самозванца автор сближает с Юлианом, который также до воцарения «власы постриг и бысть мних», подчеркивает его чернокнижие, гонение на православных. «Повесть 1606 г.» была дополнена затем царскими грамотами и повествованием о дальнейших событиях. Этот ее вариант носит условное название «Иного сказания».

В связи с усилением роли посада — торгово-ремесленного населения городов и формированием демократического читателя происходит обмирщение и демократизация жанра исторической повести. В них усиливается занимательность, появляется интерес к быту, личной жизни человека, новый герой, вступающий в активную борьбу за свои убеждения, чувства, веру, меняющийся под воздействием ситуации. Личное начало, индивидуальная авторская позиция характерны для многих писателей этой эпохи.

В 1610–1611 гг. была написана **«Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском»**. Автор — дворянин, сын боярский или приказный дьяк, который противопоставляет себя «земледержцам и правителям», т. е. боярству. Выдерживая форму «подметных писем» (неоформленные в традиционные литературные жанры воззвания), автор обращается ко всем православным христианам, призывает, прочитав, передать письмо другому. Обычным для грамот 1611–1612 гг. является содержание — обличение злых умыслов поляков, в частности Сигизмунда, прославление Гермогена, который непрестанно

молится о спасении страны, совет вооружаться против врагов. Однако в тексте повести много чисто литературной риторики (библейские сравнения), главным в содержании становится не описание событий, а их оценка (похвала защитникам осажденного поляками Смоленска). Страх наказания за смелое слово заставляет автора скрывать свое имя («ино жена и дети осиротити, меж двор пустити, или будет всего того горши,— на позор дати»). Привнесение литературных украшений в деловое содержание «подметного письма» создало смешение в «Новой повести» двух стилей: книжно-риторического и разговорного. К особенностям повести можно отнести: демократизм (образ народа трактуется по-новому: как основа всех национальных деяний), отсутствие исторических экскурсов, ориентацию на злободневный материал, сочетание патетического призыва с деловой речью и лирическими авторскими отступлениями, использование ритмизованной речи, новые психологические характеристики (отражение противоречий между помыслами и поступками человека) .

В 1616–1619 гг. Иван Тимофеев, правитель какой-то канцелярии, создает «Временник», где изображает историю России от Ивана Грозного до Михаила Романова. «Временник» содержит исторические сведения, которые не зафиксировал более ни один автор. Кроме того, Тимофеев описывает многие события как мемуарист, свидетель событий, а не как историк (принятие царского венца Борисом Годуновым и др.) .

Исторические повести, созданные после вступления на московский престол Михаила Романова, отличаются резким смешением разных стилей и жанров: житий, поучений, воинской повести, русского Хронографа. Так, в «Сказании» Авраамия Палицына, **«Летописной книге» И. М. Катырева-Ростовского (см. К.б.),** «Повести книги сея от прежних лет», «Словесах дней и царей и святителей московских» И. Хворостинина **(см. К.б.)** книжный язык соседствует с просторечием и дьячьим языком приказов, иноязычными заимствованиями (из латинского и польского). Традиционным в них является провиденциалистская позиция, риторическая форма поучений, опора на фактический материал, эпически спокойное повествование. Новыми тенденциями стали: изображение быта, стремление к документальности, отказ от религиозной дидактики, использование пейзажных зарисовок, сочетание эпического, драматического и лирического элементов, принципиально новое изображение человеческого характера (психологическая характеристика). В отдельных случаях встречается рифмованная проза, которая входит в моду. В «Повести о городах Таре и Тюмени», описывающей события 30-х гг. на юго-востоке Сибири, встречаются общие

формулы воинских повестей, риторические восклицания, отступления, библейские сравнения, отвлеченные метафоры и перифразы.

Исторические повествования XVII в. о событиях прошлого и настоящего стали переплетаться с вымышленными сюжетами, все большее место начинают занимать мотивы и образы устного народного творчества. Историческая повесть постепенно утрачивает историзм, приобретает характер любовно-приключенческой новеллы, на основе которой развивается потом русский авантюрно-приключенческий роман. Главное внимание переносится на личную жизнь человека, возникает интерес к бытовым и морально-этическим вопросам. Сюжеты из всемирной истории перерабатываются в духе новеллы со сказочными элементами (сказочно-исторические повести). Так, в «Слове о благочестивом царе Михаиле» речь идет о дворцовом перевороте при византийском императоре IX в. Михаиле III, который закончился смертью Михаила и воцарением Василия Македонянина. Характеры исторических лиц совершенно изменены. Повесть обходит молчанием отрицательные черты личности Михаила, который носил в жизни прозвище «пьяница», рисует его как «благочестивого царя». Образ Василия в повести имеет явно сказочное происхождение. Это плут-авантюрист, добивающийся расположения царя. Автор берет из хроники Амартола наиболее занимательные сведения, развивает отдельные краткие замечания в целые эпизоды в духе фольклора. Из сказочной поэтики заимствована также формула повторений эпизодов в композиции повести (дважды добивается Василий встречи с Михаилом, трижды объезжает вокруг Царьграда на укрощенном коне и т. д.), сказочная награда в «полцарства», сказовый язык.

В «Повести о зачале Москвы», «Сказании об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» большое значение имеют любовные эпизоды, утверждающие тему основания города ценою чьей-то крови. Нарушается хронология, зато интрига становится более напряженной, психологизм — более глубоким, усиливается занимательность, в повествование проникают элементы сказовой народной речи. В **«Повести о Тверском Отроче монастыре»** наблюдается вольное обращение с историей (Ксения, героиня ее, называется дочерью Едимоновского пономаря, на самом деле она была дочерью новгородца Юрия Михайловича и т. д.), большую важность здесь имеет литературный замысел, романический элемент (посвящение себя Богу из-за неразделенной любви).

В 1678 г. архимандритом Тихоном была составлена так называемая Латухинская Степенная книга — описание наиболее замечательных, с точки

зрения составителя, событий русской истории с древнейших времен до 1670-х гг. Общий план обзора и многое в содержании было заимствовано из Макарьевской «Степенной книги», кроме того, из Синопсиса, Казанского летописца, Нового летописца Авраамия Палицына, из Азовских повестей, рассказов современников о восстании Разина и т. д. Сохраняя план Степенной книги XVI в., то есть располагая исторический материал по «степеням», автор расширяет рамки своего изложения событиями областной истории. Тихон отказывается от риторического стиля предшествующего столетия, зато пытается перелагать виршевым складом материал своих источников (некоторые отрывки из «Сказания» Палицына) .

К историческим сочинениям последней четверти XVII в. можно отнести «Созерцание краткое лет» Сильвестра Медведева (записки о стрелецком восстании 1682 г.) **(см. К.б.),** «Историю о царях и великих князьях земли русской» Федора Грибоедова.

3. Воинская повесть. Описания событий, связанных с военными походами князей, постепенно приобретают характер исторического документального сказания, свидетельствующего о формировании жанра воинской повести. Под воинской повестью следует понимать исторические повести древней Руси, описывающие военные события, имеющие определенную структуру, набор художественных приемов и особое языковое оформление. Композиция воинской повести включала в себя описание сбора войск, выступления в поход, подробного хода боя и его результатов. Преобладающим приемом (особенно при описании битвы) была гипербола. В воинской повести использовалась определенная, воинская, терминология и фразеология («бысть сеча зла», «утер поту»). Типизировались идеи произведений (поражение — наказание за грехи, победа — помощь ангельских полков) .

Воинские повести не равны историческим по степени реальности, по точности изображаемых событий. Одни из них отражают действительные исторические факты с сохранением деталей, другие — сочиненную картину, лишенную реальных черт описываемого события. «Сочиненность» проявлялась более всего в описаниях боевых столкновений (реки крови, тучи стрел, треск оружия и т. д.).

Уже к XII в. для передачи воинской тематики сложились отдельные элементы: военные термины, которым в древнерусском языке была присуща образность, некоторые приемы народного героического эпоса и небольшое количество книжно-литературных формул, переданных летописи переводной византийско-славянской исторической литературой. В «Повести

временных лет» воинская повесть формируется, в частности, в сказании о мести Ярослава Святополку за гибель Бориса и Глеба. В основе сюжета — композиционные элементы воинской повести: сбор войск, выступление в поход, подготовка к бою, бой, его развязка. Аналогично построены сказания о битве Ярослава с польским королем Болеславом в 1018–1019 гг., о междоусобной борьбе Ярослава с Мстиславом в 1024 г. В Киевской летописи XII в. (например, в «Рассказе о походе на половцев») стабилизируется не только воинская фразеология, но вырабатывается и некоторая общность схемы, по которой развивается в них все событие, в частности ход сражения. Авторы, склонные к церковной стилистике, вводят «знамения небесные», предвещающие победы или поражения, молитвы вождей перед началом битвы, чудесную помощь небесных воинов, которые обращают в бегство численно превосходящие войска противника. Но даже при наличии всех этих чисто литературных эпизодов в каждой воинской повести остается какая-то доля реальности, исторической правды, сохранившейся среди общих мест воинского стиля.

К воинским повестям XIII в. относятся написанные в рязанском княжестве **«Повесть о битве на реке Калке»** (1224) и «Повесть о разорении Рязани Батыем» (конец XIII — начало XIV в.). Первая из них — летописная повесть, дошедшая до нас в двух редакциях. В ней сообщается о появлении на русской земле «таурмени», неведомого народа, который первоначально разбил половцев (таким образом «всемилостивый Бог» отомстил «кровь крестьянску»), а затем после отказа русских князей от союза с ним, принудил сдаться дружины южных русских князей на реке Калке. Повесть выполнена в обычном стиле летописных воинских повестей, основанных на устных преданиях. Она опирается на реальные факты и толкует их с точки зрения религиозно-моралистической, сохраняет прямую речь действующих лиц, пользуется привычной воинской фразеологией («бысть сеча зла и люта»). В повести сильны фольклорные традиции (присутствуют пословицы; упоминается о гибели 70 богатырей и Александра Поповича). Сквозь обязательное религиозное осмысление события видна действительная причина поражения: «недоумение» русских князей, не сумевших объединиться.

Форма воинской повести, распространенная песенными вставками героического и новеллического характера, характерна и для **«Повести о разорении Рязани Батыем»**. Споры об авторстве повести не утихают до сих пор. Произведение включено в большой свод повестей о св. Николае Зарайском, написанный, очевидно, разными людьми. К тексту повести

Волоколамского списка XVI в. есть приписка: «Сие написал Евстафий», на основании чего Н. В. Водовозов (см. **III; 1**) считал автором человека, пережившим татарское нашествие на Рязань. Повесть состоит из нескольких частей, разновременных по содержанию. Основная часть — рассказ о нашествии татар на Рязанскую землю и судьба княжеской семьи: смерть князя Федора Юрьевича, его жены и малолетнего сына. Вторая часть в духе воинской повести описывает сбор войск Юрием Ингваревичем, речь князя, сражение с Батыем «близ предел рязанских» и месть Батыя за убитых татар — гибель великой княгини в церкви, разорение богатств Рязани. Песенную основу имеет вставка о Евпатии Коловрате, где описывается бой малой дружины с несметной силой татарской. Наконец, заключительная часть рассказывает о погребении мертвых рязанцев князем Ингварем. Автор не дорисовывает начатых картин, делает отступления, после которых возвращается к прерванному повествованию, выдерживает героический тон, используя былинные мотивы и гиперболические характеры. Он добивается драматизма повествования, одновременно используя достаточно скупые художественные средства (таким образом делается акцент на событиях). Присутствуют некоторые элементы жанра ораторского красноречия в обращении князя рязанского Юрия к дружине (риторические восклицания и т. д.). Достоверные факты сочетаются в повести с вымышленными (в обороне Рязани участвуют и Всеволод Пронский (умер в 1208 г.), и погибший Олег Красный (умер в 1258 г.)). Исторической науке не известно лицо по имени Коловрат. Так что, образ Коловрата — это поэтическое обобщение силы и мощи русского народа, не склонившего головы перед поработителями. В соответствии с законами былинного эпоса, Евпатий рассекает шурина Батыя Хостоврула пополам, в соответствии с рыцарским эпосом, противники восхищаются смелостью и силой убитого, Батый отпускает оставшихся в живых дружинников и отдает им тело Епатия. В повести преобладает не песенная, а сказовая (эпическая) манера повествования. Воинские сражения даны в образных картинах, а характеры героев раскрыты в диалогах. В повести достаточно силен религиозный мотив: звучит призыв умереть «за святые божии церкви и за веру христианскую», неоднократно появляется образ «смертной чаши» — добровольной жертвы. Рязанский князь, как и подобает благочестивому герою, прежде чем выступить в поход, молится в церкви, прощается с женой и, приняв благословение епископа, идет навстречу врагу. Слог отличается лаконизмом, обилием воинской фразеологии («и бысть сеча зла и ужасна», «и течаше кровь християнская, яко

река силная»). Заключительная похвала рязанским князьям отличается особой литературной отделкой и тонкостью рисунка: особой сжатостью, отточенностью формулировок, ритмом синтаксических оборотов, напоминающим повторяемость орнаментальных мотивов.

Религиозно-моралистические рассуждения автора о причинах гибели Рязани, где говорится о попустительстве божием, наказании за грехи, соседствуют с осуждением отсутствия единства русских войск и прославлением мужества защитников родной земли.

Повесть привлекала внимание многих писателей XIX — XX вв. и явилась сюжетным источником ряда известных литературных произведений. По ее мотивам создали свои произведения поэты Н. М. Языков, Д. В. Веневитинов, Л. А. Мей, С. А. Есенин и др.

Более лаконично и менее выразительно летописное «Сказание о взятии Батыем Владимира» в 1238 г. и битве на реке Сити, где в бою с Батыем погиб владимирский князь Юрий Всеволодович. Рассказ о падении города пронизан чувством обреченности и безысходности судьбы Владимирцев. Под 1240 г. в «Ипатьевской летописи» помещен рассказ об осаде Киева. Особо выразительно в этом рассказе описано «многое множество» врагов, из-за количества которых разговаривающие в городе не слышали друг друга. Эти и другие летописные рассказы (о захвате монголо-татарами города Козельска) раскрывают картины мужества и патриотизма русских людей, их бедствия в период иноземного ига.

Тема Куликовской битвы потребовала литературной обработки, которая реализовалась в трех художественных произведениях московской литературы XIV в., появившихся друг за другом: летописная повесть «Побоище великого князя Дмитрия Ивановича на Дону с Мамаем», лирико-эпическая повесть «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище». Их обыкновенно относят к повестям «Куликовского цикла». Все они проникнуты патриотическим пафосом прославления победы над иноземными захватчиками, явившейся результатом сплочения русских сил вокруг Москвы. Первая из них относится к жанру воинских повестей. Рассказ здесь ведется по строгому плану; фактическая часть опирается в известной степени на документальные данные (Синодик, разрядные книги) и свидетельства очевидцев. Выпадает из обычного текста воинских повестей речь великого князя, где он отказывается от безопасного стояния в стороне от боя (традиция народной поэзии). Московский князь показан в летописной повести миролюбивым, он постоянно молится, ему помогают «аггелы», «святых мученик полкы и великих христовых воин Георгия и Дмитреа

и Бориса». Этому иконописному князю традиционно противопоставлены образы «аспида» Мамая и «нечестивого, поганого» Ягайло, «велеречивого отступника» рязанского князя Олега. В памятнике используются характерные воинские формулы: «исполчишася своими полкы», «вдав плещи свои побежав» и т. д. В летописной повести не только воссоздаются основные исторические события (сбор русских войск, битва на реке Непрядве, возвращение с победой великого князя в Москву), но дается и их эмоциональная оценка.

«Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче» (**«Задонщина»**) (конец 80-х — начало 90-х годов XIV в.), «писание Софониа старца рязанца» (это имя присутствует в ряде списков памятника, но до конца эта версия авторства научно не подтверждена; Р. П. Дмитриева (см. **VI; 12**) поставила под сомнение авторство Софония)
.

«Задонщина» очень близка «Слову о полку Игореве», из которого заимствуется композиция, стиль (обороты, выражения, дословные картины, поэтические образы, одухотворение природы, строфика, поэтические приемы, символы).

Так же как и «Слово о полку Игореве», «Задонщина» начинается с небольшого вступления, которое не только настраивает слушателей на торжественный лад, но и определяет главную тему произведения — воздать «похвалу» Дмитрию Ивановичу, его брату Владимиру Андреевичу и «возвести печаль на восточную страну». Идея произведения связана с прославлением единения русских сил на Куликовом поле, которое привело к блестящим результатам.

Подобно «Слову о полку Игореве», «Задонщина» разделена на отдельные песни. Дмитрий соответствует Игорю, Владимир — Всеволоду. Как не идущие к делу, опущены вторая часть — «Песнь о великом Святославе» и третья — «Возвращение Игоря». Зато первая — «Игорев поход», благодаря своему описательному характеру, введена целиком в основание сюжета «Задонщины». Повторен зачин «Слова», упомянуто имя Бояна. Первая удачная стычка с половцами, описанная в «Слове о полку Игореве», не использована в лирико-эпической повести, так как первый момент боя с татарами на Куликовом поле был неудачен для русских. Зато разработка второго, трагического боя, представлена в «Задонщине» весьма полно. Одинаковые грозные знамения природы сопутствуют обеим ратям (сильные ветры, синие молнии, вой серых волков и т. д.), используется одинаковый рефрен: «О русская земля! Теперь бо еси за соломянем побывала».

Плачи княгинь, боярынь по воеводам, жен по воинам «Задонщины» близки по манере плачу Ярославны. Вторая часть «Задонщины» — «похвала», прославляющая победу русского войска после выступления из засады полка Дмитрия Волынца, в отличие от первой — «плача», отличается от «Слова о полку Игореве» (иная тональность, «психологизация» действия, использование диалогов, отсутствие языческих мифологических образов, усиление христианского элемента — русские воины сражаются за «святые церкви, за православную веру», следы деловой прозы — перечень убитых, титулование князей, однообразные приемы введения прямой речи). После короткого отступления, рассказывающего о бегстве Мамая в Кафу, поэма завершается благодарственной речью великого князя к участникам боя и традиционным возгласом: «Богу нашему слава». Поэт не остановился на одних заимствованиях и многое внес от себя (сбор новгородцев, снаряжение полков, диалог богатырей-монахов).

Отличие «Задонщины» от традиционной исторической повести очевидно и принципиально. Софоний не стремился к строго последовательному повествованию, к цельности рассказа. Как бы предполагая, что ход событий известен читателю, он свободно группировал факты и многое оставил за пределами внимания. Воспеть Куликовскую битву, прославить участников победы — таков в целом замысел произведения. Его невозможно было реализовать в привычных формах летописного или житийного повествования. Отсюда — столь решительное обращение к «Слову о полку Игореве» как образцу, идейно-художественные особенности и жанровая природа (сочетала жанровые признаки слова, плача, похвалы, воинской повести) которого оказались наиболее близки авторскому замыслу.

Поэтической структуре «Задонщины» присуща строфичность, подчеркнутая одинаковыми зачинами: «И сказал князь великий Дмитрий Иванович…», «И сказал ему Дмитрий…». Стиль «Задонщины» отличается пестротой: поэтические части памятника тесно переплетаются с частями, носящими прозаический характер.

«Сказание о Мамаевом побоище» (первая половина XV в.) — это историческое повествование в художественном преломлении. Неизвестный автор рисует событие, обращаясь к художественному вымыслу: он использует ряд вставных эпизодов, являющихся по сути литературными иллюстрациями к основному рассказу (повесть о приходе Ольгердовичей к великому князю; посещение Дмитрием Троицкого Радонежского монастыря; испытание примет перед боем; единоборство Пересвета с татарским исполином; переодевание великого князя; спасение заколебавшихся

русских войск засадным полком; обмен Дмитрия одеждой с боярином Михайлом Бренком и его героическая гибель; поиски князя после боя и др.). Будучи эпическим произведением с широким охватом событий (действие происходит в Москве, в стане Мамая, в пределах рязанской и литовской земель), «Сказание…» отличается особой эмоциональностью. Автор передает скорбь Русской земли, страдающей под гнетом монголо-татар, состояние воинов накануне сражения, общерусский дух войска. В «Сказании о Мамаевом побоище» усилен религиозный элемент: введены монологи-молитвы, подчеркивающие благочестие Дмитрия; используется образ митрополита Киприана — духовного отца Дмитрия; звучит мотив стыда предателя Олега Рязанского.

Тяготение к беллетризации повествования, к усилению занимательности проявляется в отказе от точности исторических фактов, допуске анахронизмов. В «Сказании…» поход Дмитрия Ивановича благословляет митрополит Киприан, на самом же деле он находился в это время в Киеве; союзником Мамая был литовский князь Ягайло, а в тексте фигурирует Ольгерд, умерший в 1377 г. Текст включает вымышленные монологи (гибель Мамая в Кафе от некоего купца) и эпизоды (сцена новгородского веча, где принимается решение идти на помощь Дмитрию). Внося в произведение вымышленные факты, допуская неточности, автор усиливал публицистическое и художественное его звучание. В «Сказании о Мамаевом побоище» сочетается книжная риторика, стиль воинской повести и элементы деловой письменности.

Одна из ярких воинских повестей XVI в., отразивших прочную связь с литературной традицией,— «Повесть о прихождении Стефана Батория на Псков». Ее автор, предположительно,— псковский иконописец Василий. Здесь излагается обстоятельный рассказ об осаде Пскова, воспроизводящий весь ход военных действий; «многогорделивый» Баторий противопоставляется псковичам. Повесть отличается насыщенностью событиями, вниманием к их хронологии, опорой на документальные источники (польские грамоты) наряду с фантастическим элементом (участие в защите города Богородицы и псковских святых). Для нее характерна церковная риторика («гордонапорная Литва», «злозамышленное их умышление») и использование пословиц и поговорок («Глава ногам диктует»; «Затеял выше думы дело, выше Бога совет») .

Образцами воинского стиля XVI в. могут служить также повести о походе на Москву крымского хана Саип-Гирея (1541) и о взятии Казани

(1552), вошедшие в состав «Летописца начала царства царя и великого князя Василья Ивановича» (1553–1555).

Взятие Азова казаками в 1637 г. и длительная его осада турецкими войсками были описаны в ряде повестей. Повести об Азове являются последним значительным звеном в истории русской воинской повести и отражают ее эволюцию в XVII веке. Так, в **«Повести об Азовском осадном сидении донских казаков»** (автор, по предположению А. Н. Робинсона,— есаул Федор Порошин) совмещаются элементы жанров исторической повести, деловой письменности, казачьей войсковой отписки, казачьего фольклора. Главный ее герой не выдающаяся историческая личность, а небольшой коллектив казаков, защищающий Московское государство и православную веру от турецкого султана. Фактический материал повести окрашивается лирически, в соответствии с напряженной драматической обстановкой, в которую поставлены были осажденные казаки. Отвага и мужество азовских героев рисуются почти в легендарных чертах. Защита Азова представлена через использование гиперболы (сверхъестественные картины батальной обстановки, необычайный гром неприятельских труб и барабанов), вымышленные речи, которые произносят поочередно турки и казаки. Победа казаков объясняется чудесным заступничеством небесных сил во главе с Иоанном Предтечей. Написана повесть в форме казачьего войскового донесения, в ней использованы типичные формулы официальной переписки. Деловой язык сочетается с несколько архаичным для XVII в. стилем воинской повести. Впервые изображается психология «массы», вводится казачий фольклор («прощание» казаков, изнемогших в сражении, почти буквально воспроизводятся донские песни; используются типичные фольклорные эпитеты: «орлы сизыя», «волцы серыя», «леса темныя») .

4. Историко-легендарная (беллетристическая) повесть. Историко-легендарная повесть получает оформление в конце XIV — первой половине XV в. в новгородской литературе. В жанровом отношении она стоит на грани жития и повести: реальные события в произведениях этого типа получают легендарно-мистическое истолкование. Связанные с одним лицом и объединенные в единый текст, они воспринимались и обозначались как жития.

Для историко-легендарной повести характерно: 1) наличие исторического прототипа героя; 2) авторское самоустранение; 3) отсутствие христианской дидактики и провиденциализма; 4) легендарная основа, часто проявляющаяся на уровне композиции (произведение состоит из отдельных,

преимущественно сюжетных рассказов); 5) гиперболизация либо контрастная обрисовка героя; 6) занимательность сюжета; 7) живость, образность изложения; включение деталей быта, прямой речи в сюжетно-композиционную структуру; 8) использование элементов фольклора.

Все эти черты находим, например, в **«Повести о мутьянском воеводе Дракуле»** (ряд ученых — А. Х. Востоков, Я. С. Лурье — приписывал ее авторство дьяку Федору Курицыну, возглавлявшему посольство в Молдавию и Венгрию в 80-е гг. XV в.). Историческую ее составляющую определяет прежде всего наличие реального прототипа главного героя — румынского воеводы Влада Цепеша, который правил в 60–70-е гг. XV в. В повести отсутствует авторское отношение к поступкам героя, христианской дидактики. «Легендарное» выражается в композиции (фрагментарность повествования), в гиперболизированной и контрастной обрисовке героя. Создается впечатление, что автор намеренно подчеркивает в характере и поведении героя взаимоисключающие качества. Дракула способен на добрые поступки, на великодушие, он решителен и смел. В то же время он творит невероятные жестокости, коварен и скор на расправу.

В научной литературе предлагались самые противоположные трактовки идеи произведения: осуждение тирании и, наоборот, поддержка грозной и справедливой власти государя.

Одна из первых легендарных повестей — **«Повесть о путешествии Иоанна на бесе в Иерусалим»**. В ней много бытовых, натуралистических подробностей, сближающих ее по своему типу с рассказами Киево-Печерского патерика, с одной стороны, и с народными сказками — с другой. Повесть соткана из ряда мотивов, известных из житий, народных сказок и патериков: мотив покорения беса, плавания против течения, прибытия святого в монастырь по воде, мотив беса, оборачивающегося животным, женщиной, мотив самоотворяющихся дверей и самозажигающихся свечей при появлении святого в церкви, мотив путешествия на бесе. Л. А. Дмитриев отмечал, что произведения этого жанра стоят на грани жития и повести (отдельные легендарно-исторические сказания, связанные с одним лицом, объединенные в единый текст, становятся житием — «Житие Иоанна Новгородского»).

Другой новгородской легендарной повестью является «Повесть о чудесном спасении Новгорода во время осады суздальцев» **Пахомия Логофета (см. К.б.).** Автор повести рассказывает о том, как во время осады Новгорода суздальцами в городе оказались лишь «князь Роман молод», владыка Иоанн и посадник Якун. Для отражения приступа вынесли

на забрало острога из церкви Спаса икону Знамения. Три дня съезжались нападавшие с осажденными, икона оборотилась лицом на город, спиною к осаждавшим «и паде на них тма на поле, и ослепоша вси». Краткий рассказ этот Пахомий Серб дополнил некоторыми, очевидно, устными известиями и летописными событиями. В своем «Похвальном слове Знамению» автор изобразил дело так, что плакала Богородица, раненная стрелою суздальцев, а владыка Иоанн собрал ее слезы в свой омофор. Изображаемые события схематизированы и лишены всяких конкретизирующих деталей, местного и исторического колорита. Поход на Новгород соединенных сил суздальцев, полочан, рязанцев и др. рассматривается как поход одного великого князя, называемого «лютым фараоном». В трафаретном описании приступа («стрели якоже дождь») Пахомий допускает явные анахронизмы, упоминая о современной ему артиллерии («и громы каменных метании»), включает длинные речи-молитвы Иоанна и ответный «глас свыше». За фактической частью изложения в «Слове» следовало традиционное «радование» Богоматери, заканчивавшееся «радованием» Великому Новгороду.

К середине XV в. относится новгородская «Повесть о посаднике Щиле», написанная на основе устного предания о реально жившем монахе, построившем в окрестностях Новгорода церковь Покрова (10-е гг. XIV в.). Автор назвал Щила посадником и отнес действие к более раннему времени жизни популярного архиепископа Иоанна. В повести рассказывается, как ростовщик Щил, нажив имущество неправедным путем, строит церковь, но Иоанн отказывается ее освящать. Чтобы замолить грех ростовщичества, по повелению Иоанна Щил ложится в гроб и велит себя отпевать. Когда отпевание оканчивается, Щил проваливается в пропасть. Иоанн велит запечатать церковь, а на стене написать изображение Щила в аду. По распоряжению архиепископа по Щилу поют сорокоусты в сорока церквах, затем повторяют их еще и еще сорок дней. Постепенно меняется изображение Щила: он выходит из ада по шею, по пояс, целиком. Гроб с его телом, наконец, находят на поверхности земли. Таким образом утверждается идея неугодности Богу «нечистых» подаяний и сила церковной молитвы.

К московским легендарным повестям конца XV — начала XVI в. относятся «Повесть о Вавилоне граде», «Повесть о старце, просившем руки царской дочери», «Повесть о купце Дмитрии Басарге», «Повесть о царице Динаре». Первая слагается из двух сказаний: о воцарении в Вавилоне Навуходоносора и о сооружении каменного змея у ворот города; о сыне

его Василии и о гибели Вавилона. Царь вавилонский Аксеркс для предохранения города от мора приказал всех заболевших отправить в лес. Там изгнанники увидели однажды под сосной младенца, которого кормила коза. Когда царь Аксеркс умер, младенца выбрали новым царем. Это был мудрый и храбрый царь, построивший новый город, вокруг которого расположил каменного змея. Он победил всех недругов при помощи своего меча самосека, а перед смертью замуровал меч в стену «до скончания веку». Когда на сына Навуходоносора напали враги, тот долго не решался нарушить запрет отца, но, по настоянию бояр, выехал с мечом к войску, меч отсек головы Василию его воинам, а каменный змей опустошил город. Основные мотивы этих сказаний, несомненно, восходят к сказочным сюжетам о змеях и чудесных мечах. Идея связана с концепциями «падения» великих государств из-за нарушения их правителями каких-то значимых запретов.

Легендарные мотивы встречаются также в новгородской «Повести о видении пономаря Тарасия» и в «Повести о белом новгородском клобуке». Ростовские легенды отразились в «Повести о Петре, царевиче ордынском», смоленские — в «Повести о Меркурии Смоленском», владимирские — в «Повести о Тимофее Владимирском», муромские — в «Повести о Петре и Февронии».

«Повесть о Петре и Февронии» бытовала и в качестве «жития», так как главные ее герои — канонизированные церковью в 1547 г. святые. Однако ее сказочный характер (мотив борьбы со змеем и мотив мудрой крестьянской девушки) и фантастика, герой, уступающий в духовном отношении героине, воспрепятствовали включению ее в «Великие Минеи Четьи» Макария. Повесть была написана протопопом дворцового собора в Москве **Ермолаем-Еразмом (см. К.б.)** на основе муромских преданий XV в. Идея ее — прославление красоты и силы женской любви, способной преодолеть все, даже смерть, прославление благочестивого супружества. Более ярким в произведении является характер центральной героини — дочери рязанского крестьянина, которая не по воле Бога, а благодаря личным качествам становится княгиней и доказывает свое моральное право на это. В повести затрагивается множество проблем: актуальные для современности проблемы социального неравенства, боярского своеволия, взаимоотношения князя и бояр; нравственно-философские проблемы любви, мудрости, верности, проблема борьбы со злом и др. Широко используются фольклорные образы и мотивы (борьба со змеем, зависть окружающих людей; волшебный меч; мудрая дева и т. д.). Композиционно повесть состоит

из четырех относительно самостоятельных новелл, объединенные общими героями и идеей. Приемы изложения в новеллах совпадают: широкое использование сказочных мотивов, ведущая роль диалогов, конкретность обстановки основного действия, лаконичность зачинов и концовок. По сути это первая в русской литературе любовно-приключенческая повесть с острым сюжетом, вымыслом, занимательностью и яркими характерами.

«Повесть о Петре и Февронии» оказала несомненное влияние на формирование Китежской легенды, необычайно популярной в старообрядческой среде. Эта легенда изложена в романе П. И. Мельникова-Печерского «В лесах», в очерках В. Г. Короленко. Поэтическая основа легенды пленила Н. А. Римского-Корсакова, создавшего на ее основе оперу «Сказание о невидимом граде Китеже и мудрой деве Февронии».

Б. Н. Путилов (см. **I; 3, стр. 185–186**) считал сюжетные (беллетристические) повести (в том числе «Повесть о Петре и Февронии») дальнейшим развитием легендарной повести с ее новым подходом к исторической тематике и герою. Отличительными особенностями беллетристических повестей ученый называл: 1) вымышленность сюжета, созданного в результате сложного творческого сплетения фольклорных мотивов и образов, церковной легенды и исторических элементов; 2) своеобразие героев (изображаются как лица якобы исторические, но истории, летописи неизвестные); 3) особую авторскую позицию (автор не формулирует прямо своих идей, отказывается от прямых высказываний и характеристик); 4) раскрытие идеи произведения через логику сюжета, через образы.

С легендарно-беллетристическими повестями можно соотнести и «видения» XVII в. Литературный жанр «видений», возникший в атмосфере «смуты», В. О. Ключевский определил так: «… видение — обыкновенно резкая обличительная проповедь с таинственной обстановкой, вызванная ожиданием или наступлением общественной беды, призывающая общество к покаянию и очищению, плод встревоженного чувства и набожно возбужденного воображения» («Отзыв об исследовании С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII в. Как исторический источник»»). Старшим образцом этого жанра в начале XVII в. была «Повесть о видении некоему мужу духовну», утверждающая идею божественной милости. В «тонком сне» некий муж услышал колокольный звон. Подойдя к Успенскому собору, в открытые двери он увидел, как Богородица вместе с Иваном Предтечей просили Христа пощадить народ, взывали к его милосердию, когда он обвинял народ в злобе, лукавстве, разврате, грабежах. Наконец, послышался голос: «Тебе ради, мати

моя, пощажу их, аще покаются, аще же не покаются, то не имам милости сотворити над ними». В последние годы польско-шведской интервенции «видениями» пользуются не только как иллюстрирующими повествование эпизодами, но и как самостоятельными произведениями («Иное видение», «Повесть о видении мниху Варлааму в великом Новгороде») .

В XVII в. написаны также легендарные по своей основе «Сказание об Унженском кресте», «Повесть о Соломонии бесноватой», «Притча о хмеле», «Слово о царе Михаиле», «Повесть о происхождении табака» и др.

Переводными легендарно-нравоучительными рассказами XVII в. являются рассказы из сборников «Римские Деяния» (притча «о Страшном суде» и др.), «Звезда Пресветлая» («О возношении и гордости и невнимании молитвы богородице дево радуйся» и др.), «Великое Зерцало», «Грешных спасение» Агапия Критянина и т. д.

5. Сатирическая (комическая) повесть. Сатирическая повесть — произведение, в котором изображаемые герои или события представляются через их осмеяние. Термин «сатирическая литература» применительно к повестям XVII в. Использовали А. С. Архангельский, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. Эти произведения написаны и прозой, часто ритмизованной, и раешным стихом. Они тесно связаны с фольклором и по своей художественной специфике, и по способу бытования. Памятники, относимые к сатирической повести, в основном анонимны. Их тексты подвижны, вариативны. Их сюжеты известны, как правило, и в письменности, и в устной традиции.

Большинство сатирических повестей XVII в. объединяет в отдельную группу памятников не только критическое отношение к современной жизни, но и стиль, ряд общих композиционных свойств (снятие оппозиции между смешным и несмешным, выбор оксюморона как основного тропа и доминанты при построении текста). Пародирование старых литературных и нелитературных форм — основной прием изображения в них. Пародированию подвергаются церковная литература (жития, песнопения, акафист), челобитные и судные грамоты, лечебники, толковая азбука. Авторы сатирических повестей изображают бытовую ситуацию, воплощают общественно значимую тему. Типичность изображения сочетается в них с индивидуальными конкретными чертами в обрисовке действующих лиц и их окружения. Широко используется бытовой язык, деловые формулы, пословицы и поговорки. Герои, взятые из жизни, говорят присущим им повседневным языком, с особой интонацией, образностью, выражающими настроение говорящего. В стиле сатиры

XVII века ирония придает своеобразные оттенки отношению автора к изображаемым событиям. За ней то кроется сочувствие автора к герою («Служба кабаку», «Азбука о голом и небогатом человеке», то слышится насмешка над ним («Калязинская челобитная», «Повесть о попе Савве») .

Сатирическая литература посада связана с фольклорными жанрами, которые используются не только в качестве стилистического украшения (приемы устно-поэтических сказок — образный язык, зачины и концовки, элемент чудесного), но и композиционно. Манера сказа сближает сатирическую повесть с творчеством скоморохов: особая наклонность к рифмованной речи, прибаутки, небылицы, шутливые поговорки и т. д. Кроме приемов фольклорной поэтики (небылицы, зооморфные образы и др.), использовались книжные средства комедийного осмеяния: пародия, гротеск, аллегория, нарочитая грубость языка и изображаемого быта, самоирония.

Тематика сатир XVII в. разнообразна: обнищание посадской массы, разоряемой «богатыми мужиками» («Азбука о голом и небогатом человеке», «Сказание о роскошном житии и веселии»), произвол «сильных людей» («Послание дворительное к недругу»), земельные тяжбы и судебные порядки («Повесть о Ерше Ершовиче («Список с судного дела слово в слово: как был суд у Леща с Ершом»)»), взяточничество судей («Повесть о Шемякином суде»), лицемерие ханжество попов и монахов, формальное благочестие официальной церкви («Сказание о куре и лисице», «Повесть о бражнике»), низкий уровень нравственности и невежество духовенства («Повесть о попе Саве», «Колязинская челобитная», «Стих о жизни патриарших певчих»), массовый приезд по приглашению русского правительства на службу иностранцев («Лечебник выдан от русских людей, как лечить иноземцев и их земель людей»), пьянство («Служба кабаку»), паразитизм и «малоумие» («Повесть о Фоме и Ереме», «Сказание о крестьянском сыне»). Приемы сатирической повести: карикатурное изображение («Повесть о Ерше Ершовиче»), нагромождение нелепых случайностей, усиливающих сатирическую остроту образов, набор абсурдных сочетаний и оксюморонов («Лечебник на иноземцев»), опора на сказочные образы («Повесть о Шемякином суде»), пародия на церковные жанры («Повесть о бражнике»), использование аллегорических образов («Повесть о Куре и Лисице»).

В **«Повести о Ерше Ершовиче»** рассматривается земельная тяжба между рыбами из-за владения Ростовским озером. Лещ и Головль, крестьяне, бьют челом рыбам-судьям на «ябедника, на вора, на разбойника» Ерша, который вместе с семьей попросился на ночлег на одну ночь, потом

добился позволения пожить еще малое время, а потом завладел озером и стал притеснять законных его владельцев. Приведенный приставом Окунем на суд, Ерш утверждает, что он из семьи боярской, что знают его в Москве, что Лещ и Головль были холопами у его отца, а он отпустил их на волю вместе с женами и детьми. Так как стороны не имеют документов, подтверждающих их права на владения, суд прибегает к свидетельским показаниям рыб Лодуги, Сига и Сельди. Свидетели называют Ерша воришкой и обманщиком, говорят, что в Москве его знают только пьяницы. Отрицательную характеристику его подкрепляют Осетр и Сом, рассказывающие о проделках Ерша. Судьи решают дать Лещу с Головлем грамоту на Ростовское озеро, а Ерша по всем рыбным бродам и омутам бить кнутом. Во всех редакциях повести Ерш изображается как плут, наглец, ловкий мошенник, умеющий извернуться в трудных обстоятельствах. Сатире подвергаются прежде всего его качества, но и образы именитых судей даны в сатирическом ключе. Повесть представляет собой первый образец литературной иносказательной сатиры, где герои-рыбы действуют в соответствии со своими особенностями, но их отношения — это зеркало отношений человеческого общества.

В **«Повести о Шемякином суде»** объектом сатирического обличения избирается судья Шемяка, взяточник и крючкотворец. Прельщенный возможностью богатого «посула», судья ставит в такое положении формально правых истцов, что они вынуждены откупаться от «убогого» крестьянина, чтобы тот не требовал выполнения постановления суда. Положив за пазуху завернутый в тряпицу камень, бедняк показывает его судье при разбирательстве каждого иска — об оторванном хвосте лошади, об убийстве ребенка попа, об убийстве больного старика. Шемяка, не допуская никаких отступлений от юридических норм, выносит решение в его пользу, а узнав, что в противоположном случае бедняк бросил бы камень в ему в голову, начал «Бога хвалити, что по нем судил». Так, идеей произведения становится торжество «правды» над «кривдой» благодаря корыстолюбию судьи. Сатира в повести строится на комизме положения, в котором оказываются и судья, и истцы. Беспристрастный, внешне спокойный тон протокольного повествования «судебной отписки» только заостряет сатирическое звучание повести.

«Калязинская челобитная» обличает жизнь монахов, удалившихся от мирской суеты вовсе не для того, чтобы, умерщвляя свою плоть, предаваться молитве и покаянию. За стенами монастыря скрывается сытая и полная пьяного разгула жизнь. Используя форму делового документа,

повесть раскрывает несоответствие жизненной практики монашества требованиям монастырского устава. Основным средством сатирического обличения является здесь язвительная ирония, скрытая в слезной жалобе челобитчиков.

А. М. Панченко обратил внимание на характер смеха в древнерусской литературе и его изменение в XVII столетии: на смену средневековому смеху (церковники объявили смех и скоморошество порождением дьявола) приходит смех «ренессансный», в котором ирония направлена на некий объект, на субъект повествования, ирония превращается в автоиронию, распространяется и на читателя, и на автора («смех над самим собой»). Древнерусская пародия — это пародия, по мнению ученого, особого типа, которая вовсе не ставила перед собой цель осмеять пародируемый текст. Читатель смеется не над каким-то другим автором, не над другим произведением, а над тем, что читает, то есть смех в этих произведениях имеет универсальное значение. А. М. Панченко, Д. С. Лихачев, А. М. Ранчин (см. **II; 9**) склонны говорить не о «сатирической» повести, сатире XVII в., а о «смеховой» (комической) литературе: в ней представлен «неправильный», вывернутый наизнанку, комический мир. Так, например, в «Повести о Шемякином суде» трагикомические злоключения бедного брата (увечье, нанесенное лошади, невольное убийство поповского ребенка и старика) не имеет отношения к сатирической установке. Они не соотнесены с социальной реальностью и представляют цепь невероятных «анекдотических происшествий», как и повесть в целом. «Азбука о голом и небогатом человеке» также не является сатирой в строгом смысле слова. Это прежде всего горький смех, направленный на самого смеющегося и на мир, построенный «наизнанку», вопреки нормам здравого смысла и морали.

Сатирическая направленность, тематика и здоровый, жизнерадостный тон сближали русские комические повести с переводными западноевропейскими «смехотворными» новеллами — **фацециями** (от лат. facetia). «Фацеции» часто с нескромными подробностями в шуточной, нередко сатирической форме рассказывали о различных случаях из жизни простодушных крестьян, сластолюбивых церковников и легкомысленных женщин. Для сборников фацеций были характерны сатирические сюжеты, лаконичная, острая и живая форма, меткий язык, наконец, рифмованные двустишия, обобщающие смысл отдельных анекдотов. К ним примыкали книги переведенных басен — Эзопа, Бабрия, Абстемия («Зрелище жития человеческого») .

6. Бытовая повесть. Особую группу повестей, возникших на грани XVII — XVIII вв. или в новых редакциях получивших широкое распространение в письменности этого времени, составляют бытовые повести — «Повесть о Горе-Злочастии»), «Повесть о Савве Грудицыне», «Сказание о молодце и о девице», «Слово о мужах ревнивых» и т. д. В основе их изображения — повседневная жизнь, быт. Главный герой — «средняя», обычная личность, активно ищущая себя в жизни. Еще одна черта бытовой повести — особый интерес к отношениям между полами. Если для предшествующей литературы характерно подчинение сюжета церковной морали (добро торжествует реально или метафизически), бытовая повесть отказывается от теологической «заданности», ее сюжет получает внутреннюю, собственную динамику развития. Бытовая повесть отразила влияние западноевропейской новеллы, описывающей напряженное действие из частной жизни героя, столкновение личности с законами и нормами внешней жизни, тяготеющей к необычному. С другой стороны, бытовая повесть активно опирается на традиции народной поэзии.

Некоторые ученые (В. В. Кусков; см. **III; 5**) считают первой светской бытовой повестью «Повесть о Петре и Февронии» (сер XVI в.) Ермолая-Еразма, которая воссоздает не исторические, не агиографические события, а частную жизнь человека.

«Повесть о Горе-Злочастии, как Горе-Злочастие довело молотца во иноческий чин» (вторая половина XVII в.) задумана в широком морально-религиозном плане, который раскрывается уже в вводной части. Рассказав о грехопадении первых людей, изгнании их из рая и о «заповедях законных», которые дал им Бог, автор изображает, как стало «зло племя человеческо», и как за это Бог послал на него несчастия. Дальнейшая биография Молодца — типичный случай безотрадной жизни всего человечества.

От Ф. И. Буслаева («Исторические очерки русской народной словесности и искусства», 1861) идет традиция характеризовать героя повести как представителя нового времени, борца с чрезмерной опекой семьи, со старым мировоззрением. Д. С. Лихачев трактовал молодца как жертву своей собственной судьбы, персонифицированной как Горе-Злочастие, образ «безвольного бездомного бродяги-пропойцы, дошедшего до последней степени падения».

История безымянного Молодца (лицо вымышленное) открывается обстоятельными наставлениями, которые дают ему родители. Причем «родительское учение» (не пить «двух чар за едину», не прельщаться на «добрых красных жен») имеет целью не спасение души молодца, а достижение им

житейского благополучия. Впервые в русской литературе с такой проникновенностью была раскрыта внутренняя жизнь человека. Резко разойдясь с многовековой традицией русской литературы, повесть рассказывала не о единичном событии, а стремилась к обобщающему повествованию. Безвестный Молодец не носит признаков местных или исторических. В повести нет собственных имен, упоминаний географических и исторических, создающих иллюзию реального существования в пространстве. Только по случайному упоминанию «платья гостиного» можно догадаться, что герой принадлежал к купечеству. Кто были родители, невеста, друзья молодца, остается неизвестным: освещены лишь важнейшие историко-социальные детали, а также лица, психологическое содержание которых резко подчеркнуто. Окружающие молодца лица оттеняют драматическую судьбу одинокого безвестного человека, лица собирательного, подчеркнуто вымышленного. Однако невзрачная жизнь героя осознается в повести как судьба всего страдающего человечества. Взяв внешние очертания Горя-Злочастия из сказок и лирических песен, автор своеобразно переосмыслил фольклорный тип. В повести Горе появляется сначала во сне, как будто образ, рожденный расстроенной мыслью героя. Но вместе с тем оно показано как существо, живущее особой жизнью, как могучая сила, которая «перемудрила» людей («злая доля», отличная от традиционного образа врага человеческого рода — дьявола). Горе привязалось к человеку как бы в наказание за нарушение запрета похвальбы. Этот момент совершенно чужд фольклору. Проблематика повести многоаспектна: это проблемы социальной несправедливости, отцов и детей, добра и зла, праведничества, горя-злочастия, человеческой свободы, столкновения старого и нового мировоззрения. Идея произведения связана с осуждением непокорности Молодца, отвергнувшего традиционный бытовой уклад, но не противопоставившего ему ничего, кроме своего стремления к свободе. Поэтика повести отразила сильное влияние устно-поэтического стиля (лирические песни помогли создать художественный образ, в изобилии встречаются приемы и формулы былины), но в целом это новый оригинальный вид лироэпического повествования, в котором сочетаются фольклорные традиции с отголосками средневековой книжности (духовный стих) .

«Повесть о Савве Грудицыне, весьма удивительная и истинная, о случившемся в нынешние дни, как человеколюбивый Бог являет человеколюбие свое народу христианскому» описывает события первой трети XVII в. (создана в 70-е гг. XVII в.). Повесть связана с традиционными жанрами древней литературы — с воинской повестью, поучением,

религиозно-легендарной повестью, житием, но вместе с тем отмечена чертами литературного новаторства. Впервые в древнерусской литературе в центре одной из частей произведения — любовная интрига (история любви Саввы и молодой жены Бажена) с реалистической развязкой (родители узнают о неправедной жизни сына и пытаются вернуть его в Казань). Автор расширяет рамки повествования, показывая героя на фоне больших исторических событий своего времени (Савва участвует в русско-польской войне). «Повесть» своеобразна по своему стилю: начало ее выдержано как историческое сказание, подвиги героя описываются в героико-эпическом манере русских былин и воинских повестей, лирические отступления выражены в традиционных риторических восклицаниях. Образ беса, следующего за Саввой, история болезни героя и исцеления от иконы Казанской Божьей матери дается в традиционной агиографической манере. Образ Саввы — обобщающий тип молодого человека переходной эпохи.

Особенно замечательна повесть в композиционном отношении. Ее действие развертывается на широком полотне, по нескольким сюжетным линиям, каждая из которых в отдельности могла бы быть достаточной для самостоятельного повествовательного произведения. Читатель наблюдает крушение твердого уклада жизни в купеческой семье Грудицыных, взаимоотношения молодой жены и старого мужа Баженовых, приключения двух «названных братьев» — Саввы и беса и т. д. В связи с этим в повести многократно меняется место действия: Устюг-Великий, Казань, Орел соликамский, Шуя, Москва, военный лагерь под Смоленском. Наряду с элементами фантастики и легенды (чудесная помощь Богородицы, демонологическая фантастика), здесь налицо стремление со всеми подробностями, хотя и с некоторыми фактическими ошибками, передать реальные черты эпохи, вплоть до введения в повествование действительных исторических личностей — царя Михаила Федоровича, бояр Шеина и Стрешнева, сотника Якова Шилова и др. Сам род Грудицыных-Усовых не вымышлен, а существовал в действительности. Жизнь главного героя изображена от его рождения до смерти, а сам он показан во всех важнейших проявлениях человеческой личности: через отношение к семье, религии, любви, другим людям. Для выражения эмоций своих героев автор повести нашел новые средства: выход Саввы за город, на поле, после любовной неудачи; «епистолии» родителей героя и т. д. В повести используется лексика переходной эпохи («епистолия», «артикул», «рота») и архаизмы, стилизующие текст под древность («сеть любодеяния», «изъем злато из опчага»). Основная идея повести — спасение грешника молитвой и покаянием,

победа над дьяволом при помощи божественной силы. Бес не всесилен, и тот, кто на него уповает, непременно потерпит крах. Зло рождает зло и делает человека несчастным. Такова нравственная коллизия повести. Сохранилось около 80 списков повести. Пометки на ее листах свидетельствуют о повсеместном ее распространении в различных слоях: купечество, духовенство небольших городов и сел, мещане и крестьяне. В списках XVIII в. архаический язык, свидетельствующий о духовном звании автора, заменяется разговорным, сокращается эпизод исцеления, опускаются начальные строки о событиях «смуты», отчего выигрывает любовная и авантюрная стороны повествования.

Широкий исторический и бытовой фон, большое количество действующих лиц, изображение судьбы простого человека, рассказ о его любви, переживаниях, известная психологичность, наличие духовного развития героя позволяют считать повесть одним из источников русского романа. Однако признать ее первым романом мешает ряд ее традиционных особенностей, и в первую очередь традиционность и невыразительность стиля, отсутствие индивидуальных речевых характеристик.

«Повесть о Фроле Скобееве (История о российском дворянине Фроле Скобееве)» (возникла, вероятно, в 80-е гг. XVII в.) выходит из круга исторической, житийно-демонологической и морально-нравоучительной тематики средневековья в область легкого и занимательного рассказа. Хорошо развитая интрига, юмор, элементы психологизма и реалистического бытописания, сатирические тенденции — отличительные черты этой повести. Своеобразен язык, сочетающий элементы славяно-русского языка и просторечия, народно-поэтической и заимствованной лексики («реестр», «персона», «банкеты» и др.), канцелярской речи («в Новгородском уезде имелся дворянин Фрол Скобеев») московских приказов (это позволяет предположить возникновение повести в приказно-чиновничьей среде). Тематически и стилистически повесть близка устным бытовым и сатирическим сказкам, с одной стороны, и плутовской новелле, вошедшей в круг чтения в XVII в., с другой. Главный герой — активный, но неразборчивый в средствах человек, который всегда добивается задуманного, рисуется без малейшего оттенка сатиры. Повесть рассказывает о том, как ловкими проделками устраивает свое благополучие «ябедник», бедный новгородский дворянин Фрол Скобеев. Он обманом проникает в дом богатого стольника Нардын-Нащекина, соблазняет его дочь Аннушку и затем увозит ее из родительского дома. Тайно обвенчавшись с ней, он плутовскими проделками добивается у стольника прощения и признания этого брака.

Воля, настойчивость, здравый смысл, жизненный практицизм — те положительные качества, которыми обладает Скобеев, наряду с аморальностью, цинизмом. Поступки героя мотивированы не вмешательством посторонней силы, а свободным выбором, вытекающим из характера и свойств его натуры.

А. М. Панченко, Д. С. Лихачев (см. **II; 9**) называли «Повесть о Фроле Скобееве» одной из первых русских плутовских новелл. По законам жанра новелла не знает дидактики и назиданий, никого не осуждает и не оправдывает; новелла строится по принципу сюжетной занимательности; в ней отсутствует строгое деление действующих лиц на добрых и злых. Герой «Повести о Фроле Скобееве» — обычный, рядовой человек, плут, а все остальные попадаются на его плутни; стиль повести — стиль деловой прозы, живого, разговорного языка) .

Повесть привлекла внимание писателей XVIII и XIX вв.: в 80-х гг. XVIII в. на ее основе Н. И. Новиков написал повесть «Новгородских девушек святочный вечер»; Н. К. Карамзин использовал сюжет в повести «Наталья — боярская дочь»; в 60-х гг. XIX в. появилась «Комедия о российском дворянине Фроле Скобееве» драматурга Д. В. Аверкиева, а в середине 40-х гг. XX в. композитор Т. Н. Хренников создал комическую оперу «Фрол Скобеев».

В **«Повести о Карпе Сутулове»** бытовых черт несколько меньше и они более общего характера, чем в повестях о Савве Грудицыне и Фроле Скобееве. Тем не менее действие повести развивается в русской бытовой обстановке: в произведении изображается уклад жизни крупного купечества. Сутуловы и Бердовы действительно принадлежали к именитым купеческим семьям допетровской Руси. Муж Татьяны едет в Литовскую землю обычным для России XVII в. купеческим путем. Показана также роль воеводы в русском быту второй половины XVII в. От иноземных и русских фольклорных вариантов сюжета «Повесть о Карпе Сутулове» отличается тем, что в ней активная роль принадлежит только жене: она самостоятельно расправляется со своими настойчивыми поклонниками. Новое время, иная общественная среда отразились на более житейски-практическом подходе автора к вопросу о женской добродетели. Татьяна соблюла завет мужа, но она не возмущается поведением своих поклонников, а весело смеется над ними вместе с воеводой, издевается над архиепископом, заставляя его переодеться в женскую рубаху. Женщина извлекает материальную выгоду из неудавшейся затеи поклонников: она дважды берет с них деньги, а муж относится к ситуации снисходительно, с практицизмом.

Намеренное сказочное замедление рассказа происходит с помощью приема повтора разговора купцов Сутулова и Бердова, вопроса поклонников о том, кто стучится в ворота. К фольклорной традиции восходит трехчленная композиция с неожиданным, занимательным финалом — дележ денег между «строгим» воеводой и «благочестивой» Татьяной. Язык повести сочетает книжную лексику (славянизмы «сия рек», «отъиде») и просторечия, придающие бытовой колорит («доброй жено, заклад твой и стоит тех денег»).

Русский колорит новеллы лишь поверхностное наслоение. Он не затрагивает сюжетной конструкции типично плутовской новеллы в духе Боккаччо.

7. Западные любовно-авантюрные повести XVII в. Большинство переведенных в последней четверти XVII в. повестей относится к группе любовно-авантюрных романов, частью непосредственно связанных с рыцарским эпосом. Любовно-авантюрные переводные повести переносили читателя в сказочный мир средневековых путешествий, где королевичи-рыцари боролись с похищавшими девушек чудовищами, встречали полузверей-полулюдей, овладевали несметными богатствами. Обычная схема этих повестей, украшенная вставными сказочными эпизодами,— торжество добродетели после разнообразных тяжелых испытаний. Новым для читателя было смелое нагромождение в повести всевозможных приключений, особое внимание к любовным переживаниям героев и элементы рыцарской идеологии, рыцарского быта. На русской почве, не имевшей корней для полного осмысления рыцарской культуры, ближе всего оказались воинские понятия рыцарства: осуждение убийства спящего врага, выбор именитого противника, сокрытие рыцарского имени и т. д. Ритуал служения «прекрасной даме» и образы странствующих рыцарей, ищущих приключений для славы и чести, остались чуждыми русскому быту. Но интерес к запросам личной жизни оказался созвучным настроениям русского читателя. Чуждая русскому быту иноземная обстановка обретает под рукой переписчиков русские детали: в западных городах появились терема златоверхие, бояре, посадники, подьячие, на пирах гости закусывали лебедями, играли на гуслях и домрах; описания рыцарских турниров стилизовались под поединки былинных богатырей.

Наибольшую популярность из переведенных повестей приобрела **«История о храбром рыцаре Петре Златых Ключей и о прекрасной королевне неаполитанской Магилене»** (восходит к французской «Книге о прекрасной Магелоне»). Сюжет произведения — история разлученных судьбой любовников, их приключения и торжество нежной любви

добродетельных и благочестивых влюбленных. Все герои истории идеально прекрасны. Петр с юности «к храброму делу воинскому тщание» проявил, победил всех своих сверстников и был «сердечно» любим всеми за свое мужество. Магилена, единственная дочь, «велми прекрасна, яко и на свете другия несть ей подобной», добродетельна и благочестива. Рыцарские подвиги Петра Златые Ключи, которые он совершил, уехав из родного дома, изображены как «наука», которою обязаны овладеть «королевские и княженецкие дети», если они хотят «без срамоты и укоризны» наследовать отцовский престол.

Отправившись в чужие страны, Петр скрывает свое имя и получает имя рыцаря «Златых Ключей» от двух золотых ключей, прикрепленных к его шлему. Рыцарские турниры, на которых Петр заявляет о себе как храбрый воин-рыцарь, описанные былинным стилем, и пиры в честь участников боя, где рыцари галантно беседуют с дамами, занимают сравнительно мало места в романе. В центре внимания — любовная история, представленная в ореоле рыцарства, психологические переживания влюбленной пары. Любовь, вспыхнувшая между героями на пиру после галантного разговора, приводит к решению Магилены уехать на родину Петра, но с сохранением клятвы хранить чистоту до брака. Наказанный за нарушение клятвы (Петр, увидев наготу Магилены во время сна, «стал мыслить недоброе»), Петр теряет невесту: кинувшись за птицей, унесшей мешочек с перстнями, он заблудился. Магилена продает свои драгоценности и основывает в городе, где жили родители Петра, больницу, трудится там и молится о встрече с Петром. Автор вставляет в повесть сказочный эпизод восточного происхождения: унесенные птицей перстни находят в рыбе, пойманной в море, и тогда родители Петра и Магилены решают, что он утонул.

Любовно-авантюрные повести XVII в. (кроме «Истории о храбром рыцаре Петре Златых Ключей», сюда относятся «Повесть о Бове-королевиче», «Повесть о римском цесаре Оттоне» и сокращенная ее редакция «Повесть о царице и львице», «История о семи мудрецах», «История о славном короле Брунцвике», «Повесть о Василии Златовласом», «Повесть о Валтасаре», «Повесть о Еруслане Лазаревиче» и др.) оказались прямыми предшественницами волшебно-рыцарского романа XVIII в. Для русской литературы XVII в. авантюрный сюжет даже в богатырском, а не рыцарском оформлении не стал особенно продуктивным. Только в следующем столетии возник значительный цикл подражательных памятников этого жанра — так называемые петровские

повести. Переводные романы привнесли в Россию любовную тему, вкус к приключениям, к галантной «чувствительности». Переработки переводных произведений XVII в. можно встретить в XVIII в. у М. Д. Чулкова, В. А. Левшина. Отдельные сюжеты вошли в лубочную литературу, многие были обработаны в сказках. Некоторые сюжеты были использованы В. М. Гаршиным, Л. Н. Толстым, А. Толстым, а в XX столетии — А. М. Ремизовым

Тема 5. Своеобразие жанра «Слова о полку Игореве»

1. История открытия и изучения памятника. Разновидностью исторического повествования, проникнутого сильным лирическим чувством, стало **«Слово о полку Игореве»** (80-е годы XII в.). Созданное на юго-восточной окраине Руси, оно обошло всю русскую территорию. «Слово…» было найдено меценатом-любителем русских древностей графом А. И. Мусиным-Пушкиным в начале 90-х гг. XVIII в. и утеряно в московских пожарах 1812 г. Осталось первое печатное его издание (1800) с комментариями археографа Н. Н. Бантыш-Каменского и его ученика А. Ф. Малиновского. В 60-х годах XIX столетия в бумагах Екатерины II был найден писарский список с рукописи Мусина-Пушкина, сделанный в 1795–1796 годах. Имеющийся в нашем распоряжении текст, реконструированный путем сопоставления печатного издания и этого списка, позволяет судить о сущности памятника, его художественном строении, образах, поэтическом языке.

Неоднократно возникали дискуссии по поводу подлинности «Слова» из-за отсутствия древнего списка, а также произведений XII в., более или менее равных «Слову» по силе художественной выразительности. Так, в 1832 г. историк М. Т. Каченовский пытался доказать позднее происхождение произведения. Против его точки зрения выступал А. С. Пушкин (неоконченная статья о «Слове»). В 1838 г. был опубликован текст «Задонщины», обнаруживший следы влияния «Слова». В 1870-е гг. спор о подлинности «Слова» был продолжен. Поэт и современник Пушкина П. П. Вяземский усматривал в нем влияние древнегреческой литературы, литературовед и фольклорист В. Ф. Миллер — южнославянской (болгарской). Филолог А. А. Потебня доказывал оригинальность «Слова», его связь с народной поэзией. Главным аргументом «скептиков» было то, что в древнерусской литературе отсутствуют памятники, хотя бы сколько-нибудь по своим художественным качествам приближающиеся к «Слову о полку Игореве», что язык произведения будто бы не находит параллелей в языке древней словесности.

В конце 1930-х — 1940-е гг. вновь звучит версия о неоригинальности произведения — французский славист А. Мазон называет его поздней подделкой «Задонщины». Той же точки зрения придерживался российский историк А. А. Зимин, считавший, что «Слово» было написано на основании «Задонщины» в XVIII в. и автором его был Иоиль Быковский, ярославский архимандрит, у которого А. И. Мусин-Пушкин приобрел сборник со «Словом». Против выступали ученые Академии наук СССР В. П. Адрианова-Перетц, Б. А. Рыбаков, позже — Д. С. Лихачев и др. Они отвергли версию литературной мистификации и указали на отражение в «Слове» деталей исторической обстановки XII в., на архаические элементы в языке «Задонщины», обусловленные влиянием «Слова». Наиболее значимыми трудами, посвященными памятнику, были трехтомная работа Е. В. Барсова ««Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси» (1887–1889), В. Н. Перетца «Слово о полку Игореве. Памятка феодальной Украины — Руси 12 века» (1926), А. С. Орлова «Слово о полку Игореве» (1946), Д. С. Лихачева «Слово о полку Игореве» (1950), В. П. Адриановой-Перетц ««Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI — XII вв.» (1968), Б. А. Рыбакова ««Слово о полку Игореве» и его современники» (1971), пятитомная «Энциклопедия «Слова о полку Игореве»» (1995), подготовленная сектором древнерусской литературы Пушкинского дома Российской АН.

2. Историческая основа произведения. Исторической основой произведения является поход 1185 г. новгород-северских князей: Игоря, его брата Всеволода, сына Владимира и племянника Святослава — на половцев. Не успев к выступлению против половцев в летнем походе южнорусских князей 1184 г., который был успешен, они решили искать собственной славы. Впервые в истории военных столкновений с половцами войско не только было полностью разгромлено (осталось 16 человек), но русские князья попали в плен. Существует два летописных рассказа о походе Игоря: в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях. Рассказ «Ипатьевской летописи» подробен и последователен. Повествование окрашено драматизмом, образностью, эмоциональностью, не без участия религиозной сентиментальности. Идея единства русской земли нашла здесь место в упреке Святослава Киевского побежденным князьям за то, что они «не воздержавше уности, отвориша ворота на Руськую землю». Рассказ «Лаврентьевской летописи», будучи отрывочен и краток, кое в чем дополняет «Ипатьевскую летопись», но противоречит «Слову…»: автор не сочувствует потерпевшим поражение князьям, нагружает изложение

библейскими цитатами, религиозной дидактикой. Академик Шахматов предположил, что основой для «Ипатьевской летописи» стала повесть, созданная в Черниговской области (расположенной к Игорю Новгород-Северскому), а для «Лаврентьевской летописи» — Переяславская версия, с ревнивым ослаблением сочувствия Игорю и с особым подчеркиванием значения Владимира Переяславского, ликвидирующего последствия Игорева поражения.

Ученые датируют время написания «Слова о полку Игореве» между 1185 (Игорь бежал из плена) и 1187 г. (с молодой женой и ребенком вернулся из плена Владимир).

3. Особенности композиции. По общему мнению исследователей «Слова о полку Игореве», поэтический его план делится на три основных раздела. Первый из них посвящен событиям Игорева похода и последствиям русского поражения, второй — Святославу Киевскому как хранителю Русской земли, и третий — возвращению Игоря из плена. Эти основные разделы «Слова» предваряются вступительной частью — размышлением автора о стиле для «трудных повестий о полку Игореве», причем он склоняется «начать» свою «песнь» по «былинам сего времени, а не по замышлению Бояню» (былины — действительность, замышление — фантазия). Побегу Игоря предшествует плач его жены Ярославны на путивльской стене, ее обращение к светлому-пресветлому солнцу, ветру-ветрилу, Дону с просьбой помочь Игорю и его дружине. В заключении «Слова…» к Игорю применено изречение Бояна, песнотворца старого времени, о взаимной тяжести разлуки Русской земли со своим героем. Но солнце вновь сияет на небе (намек на миновавшее затмение), а Игорь-князь — на Русской земле. Здесь же поется слава русским князьям. Опираясь на творческую фантазию, автор свободно переходит от одного места действия к другому, делает отступления в прошлое. Таким образом, в «Слове о полку Игореве» нет целостного рассказа о походе. Автор не столько рассказывает о событиях похода Игоря, сколько обсуждает, лирически их переживает. В определенной степени поражение войск Игоря для автора повод поразмыслить о судьбах русской земли.

В «Слове о полку Игореве», хотя и в очень обобщенной форме, выступают образы-типы. Так, Игорь — смелый, мужественный, но несколько легкомысленный князь. Всеволод — воин-богатырь, Святослав — могучий и мудрый правитель, заботящийся о благе своей земли. Ярославна — воплощение женственности и супружеской любви. Анимистическое (одушевленное) восприятие природы («трава сникла от жалости» и т. д.),

космогонические символы солнца и месяца, борьбы тьмы (зла) и света (добра), зооморфное действие героев (Игорь плывет «гоголем», Боян «растекается» «шизым орлом», Ярославна плачет птицей-«зегзицею»), упоминание старорусских богов и мифических существ (Даждь-бог, Велес, Дева-обида, Желя, Див и др.) подтверждает связь поэтики автора с древними языческими представлениями.

В интонации «Слова о полку Игореве» искусно соединены лирическая и эпическая линии, с преобладанием первой, о чем свидетельствует общая взволнованность тона, обилие риторических обращений и восклицаний, большое количество авторских отступлений. «Слово» написано ритмизованной прозой, местами напоминающей ритм русских былин. Песенный музыкальный ритм «Слова» создается одинаковым ритмом симметрично построенных, рядом стоящих коротких фраз, строфическим построением плача Ярославны, рефренами («Ярославна рано плачет в Путивле на забрале», «за землю Русскую, за раны Игоревы»), обильной аллитерацией.

4. Своеобразие жанра. Жаровое своеобразие «Слова о полку Игореве» определяли по-разному. В древнерусской литературе, с ее строгой системой жанров, «Слово» (как и ряд других памятников — «Моление» Даниила Заточника, «Слово о погибели Русской земли») оказалось как бы вне жанровой системы. Д. С. Лихачев объяснил это сосуществованием в русской культуре XI — XIII вв. системы литературных жанров и системы жанров фольклора, которые, воплощая новые формы исторического и патриотического самосознания, порой пересекались между собой.

Действительно, с жанром воинской повести (позиция, например, Е. В. Барсова) произведение сближает использование военной терминологии («главу свою приложить»; «испить шеломом Дону»), опора на фактический материал, композиция центральной части (описание традиционного сбора войск, выступления в поход, столкновения с врагом и т. д.). Но композиция произведения необычна для воинской повести — в центре внимания автора не столько последовательный рассказ о событиях похода, сколько рассуждения о нем, оценка поступка Игоря, раздумья о печали, охватившей Русскую землю, обращение к событиям прошлого. С жанром жития произведение роднит распадение повествования на ряд самостоятельных эпизодов. В то же время, назвав произведение «словом» (в тексте есть также определение произведения как «трудной повести», «песни»), автор, очевидно, указывал на то, что оно предназначалось для произнесения перед слушателями (хотя в древнерусской литературе «словами» называли произведения различных жанров).

Ученые отмечают, что «Слово о полку Игореве» как повесть («почнемъ же, братие, повесть сию») отличается от жанра других повестей особой концентрацией риторических элементов (образные метафоры, символика, гиперболизм выражения), песенным строем («певше песнь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пети»), сильно выраженным авторским началом. «Слово…» не есть рассказ, это раздумье над судьбой родной земли; не события владеют ходом повествования, оно подчиняется развитию поэтических идей, смене настроений и эффектам картинности. Оно развертывает и раскрывает историческое бытие Руси «от старого Владимира до нынешнего Игоря».

С жанром ораторского красноречия (на эту связь обратил внимание И. П. Еремин — см. **II; 5**) «Слово о полку Игореве» роднит его трехчастная композиция, обращенность к слушателю, использование риторических вопросов и восклицаний, проявление авторского «я» в исторических отступлениях, т. е. темпераментное, горячее обращение к современникам, эмоциональный отклик на события, взволнованное раздумье о судьбах родины.

Д. С. Лихачев (см. **II; 8, т. 3**) отмечал, что жанр «Слова» «не определился еще с достаточной четкостью», что до нас не дошло ни одного произведения, «которое хотя бы отчасти напоминало его по своему характеру». Ученый показал, что в «Слове о полку Игореве» соединились жанры героического эпоса, «славы» и «плача», образовав, возможно, совершенно новый жанр светской, княжеско-дружинной среды (в то время как Боян слагал «песни-славы», традиции которых перешли в жития), находящийся на грани между литературой и фольклором по особенностям поэтики, но имеющий автора. В том же духе воинского патриотизма и сочетания плача и похвалы написаны, считал Лихачев, «Похвала Роману Мстиславичу Галицкому», «Слово о погибели Русской земли» и «Похвала роду рязанских князей». В. В. Кусков и Н. И. Прокофьев (см. **V; 14**) отмечали, что автор «Слова о полку Игореве» сумел добиться органического слияния эпического повествования («повести») с лиризмом («песней») и создал оригинальную лироэпическую героическую поэму».

Исследователи давно обратили внимание на ритмичность «Слова» и на этом основании не раз пытались рассматривать его как памятник стихотворный. В памятнике, безусловно, присутствует преднамеренная ритмика, она входит в художественные задачи автора, но это все же не стих, а ритмизованная проза; при этом ритмические фрагменты в «Слове» чередуются с фрагментами с другим ритмом или с фрагментами, где он вообще

отсутствует. Те же самые черты — в других памятниках XI — XII вв.— словах Туровского, «Слове и Законе и Благодати» Илариона. Общими чертами в них являются повторы сходных синтаксических конструкций, единоначатие, звукопись, повторы сходно звучащих слов.

5. Фольклорная основа произведения. Сходство с фольклором сказывается в художественных средствах: в использовании отрицания в строении метафор («не буря соколы занесе черезъ поля широкая»), в постоянстве эпитетов («чистое поле», «злато слово», «острые мечи» и т. д.), в песенной символике (герой — сокол; кукушка — тоскующая женщина; ворон — символ грубой силы), в приеме противопоставления положительного и отрицательного (не десять соколов пускает Боян — вещие персты налагает), в сравнении с природными образами (Всеволод — буй-тур, Боян — соловей и т. д.), в фольклорных образах (сравнение битвы с жатвой, с посевом; смерти — с брачным союзом), повторах («трубы трубят», «песнь пояше», «думою сдумати»), наличии рефренов («О Русская земля, ты уже за холмом»; «Ярославна рано плачет…»), в приеме олицетворения природы, звуковой и цветовой образности (золотое седло, ожерелье, слово, стол; серебряная седина, берега, струи; синее море, Дон, мгла, вино, серые волки и т. д.). Но художественная форма «Слова о полку Игореве» не лишена и книжной стихии. Это проявляется в изысканной конструктивности как всего произведения, так и отдельных его частей, в риторизме, книжной фразеологии («вещиа пръсты на живая струны въскладаше») .

Языческие боги, упоминаемые в «Слове»,— это художественные образы, обладающие для автора сильной поэтической окраской, а не культовым содержанием. Автор — христианин, а не язычник. Называя ветры «стрибожьими внуками», говоря о русском народе как о «дажьбожьем внуке», а о Бояне как о «Велесовом внуке», он поэтически одухотворяет природу, считая человека ее частью. А. Н. Робинсон обращал внимание на то, что в произведении перемешаны образы языческих славянских богов и шаманских половецких тотемов. Славянский Стрибог стал в «Слове о полку Игореве» покровителем половцев: «ветри, Стрибожи внуци, веют… стрелами на… плъкы Игоревы» (а Стрибог, как известно, стоял в языческом пантеоне рядом с Даждьбогом, внуками которого называются силы Игоря). Русские князья получают героические характеристики, связанные с символикой половецких тотемов волка и быка. Во время побега Игорь пользовался покровительством волшебного тюркского волка — «скочи… босым влъком». Храбрый князь Всеволод получает прозвище «Буй Тур»,

восходящее к другому половецкому тотему. Все это свидетельствует о стадии поэтической символизации старых родовых верований.

Можно говорить о «звучности», музыкальности «Слова о полку Игореве» (половцы наступают «с кликом», гремят мечи о шеломы, трещат копья, трубят трубы, кричат телеги в полночь, звенит слава). Здесь особую важность приобретают аллитерации (чаще на начальную согласную: «*п*ороси *п*оля *п*рикрываютъ», «*к*нязи сами на себе *к*рамолу коваху») и ассонансы (создающий напевность на *о*: «не был*о* он*о* обидь п*о*р*о*ждено, ни с*о*к*о*лу, ни кречету, ни тебь, чрърный в*о*р*о*нъ, п*о*ганый П*о*л*о*вчине). Живописный талант автора проявляется в описании блеска доспехов, освещенных солнцем, кровавых зорь, синих молний, мглистых туманов, красных щитов русских. Каждая из тематических частей «Слова о полку Игореве» распадается на законченные строфы, музыкальные по строению, частью даже наделенные повторным припевом, рефреном («о Руская земля, уже за шеломянемъ еси», «а Игорева храбраго плъку не кресити»).

6. Проблема авторства «Слова». Авторство «Слова о полку Игореве» — до сих пор нерешенная проблема. Существуют несколько версий: Галицкий книжник Тимофей (Н. Головин), «словутный певец Митуса» (А. К. Югов), тысяцкий Рагуил Добрынич (В. Г. Федоров), его сын (И. А. Новиков), певец Ходына (В. Д. Кузьмина, А. Ю. Чернов), летописец Петр Бориславович (Б. А. Рыбаков), черниговский воевода Ольстин Олексич (М. Т. Сокола), князь Игорь (Н. В. Шарлемань), киевский князь Святослав (В. В. Медведев), Галицкий князь Владимир Галицкий (С. Г. Пушик) и др. А. С. Орлов вслед за Е. В. Барсовым считал, что это «первостепенный дружинник, бродячий член княжеской дружины, передвигавшийся от одного княжеского стола к другому», о чем свидетельствует отличное знание княжеских отношений за целое столетие, начитанность в летописной и переводной литературе. Б. А. Рыбаков и В. Ю. Франчук защищали авторство Петра Бориславича, киевского боярина, летописца, дипломата. Рыбаков, составив «словесный портрет» автора (благородное происхождение, светский, бывалый воин, тонкий политик, знаток истории, имеющий профессиональные навыки письменного творчества), обратил внимание на сходство 1) политических симпатий и антипатий; 2) манеры аргументировать оценку действий князей ссылками на исторические примеры; 3) литературной манеры и стиля автора «Слова о полку Игореве» и летописца Петра Бориславича, «мемуары» которого вошли в «Ипатьевскую летопись» за 1146–1154 и 1181–1196 гг. Исследовательница В. Ю. Франчук, будучи лингвистом,

проследила оригинальную манеру летописца и автора «Слова о полку Игореве», подтвердив версию Рыбакова.

Отказавшись от поиска конкретного имени автора «Слова о полку Игореве», Д. С. Лихачев в статье «Размышления об авторе «Слова о полку Игореве»» предположил, что он был участником похода Игоря, был его «хотью» (любимцем), доверенным лицом, летописцем, изложившим историю похода в летописи и передавшим в этом описании заветные думы Игоря. В то же время он был певцом, который сам записывал свой текст.

Таким образом, в настоящее время вопрос об авторстве «Слова о полку Игореве» нельзя считать окончательно решенным.

7. Значение в истории русской литературы. «Слово о полку Игореве» является блестящим показателем той высоты культурного развития и народного самосознания, какая достигнута была древней Русью еще в отдаленную пору. По своим художественным качествам оно стоит в одном ряду с лучшими созданиями мирового героического эпоса.

«Слово о полку Игореве» стоит у истоков русской, украинской и белорусской литератур. Произведение оказало огромное влияние на последующее развитие отечественной литературы. Образы и мотивы «Слова о полку Игореве» можно обнаружить в «Песнях, петых на состязаниях в честь древним славянским божествам» А. Н. Радищева, «Певце во стане русских воинов» В. А. Жуковского, «Святославе» К. Ф. Рылеева, «Руслане и Людмиле» А. С. Пушкина, романах А. Ф. Вельтмана «Кощей бессмертный» и «Святославич», «Аскольдовой могиле» М. Н. Загоскина, «Снегурочке» А. Н. Островского и др. В XX веке отголоски «Слова» звучат в стихотворениях А. А. Блока «Новая Америка», И. А. Бунина «Ковыль», И. Северянина «Игорь и Ярославна», М. А. Волошина «Гроза», поэме В. М. Саянова «Слово о Мамаевом побоище», в повести Б. А. Лавренева «Кровавый узел», в творчестве западных и южных славянских писателей.

«Слово о полку Игореве» неоднократно переводилось. К лучшим поэтическим переводам памятника на современный русский язык можно отнести переводы В. А. Жуковского, А. Н. Майкова, Д. Д. Минаева, Н. В. Гербеля, И. И. Козлова, Л. А. Мея, К. Д. Бальмонта, Н. А. Заболоцкого.

Тема 6. Житийная литература XI — XVII вв.

1. Понятие жанра жития. Житие (соответствует греч. vita — жизнь; более широко «агиография» — от «hagios» — «святой» и grapho — «пишу») — литературный жанр биографии, жизнеописания святых — знаменитых епископов, патриархов, монахов — основателей тех или иных монастырей; реже — биографии светских лиц, причисленных к лику

святых. Житие создавалось ближайшими друзьями святого, но не раньше его канонизации. Писалась такая биография с целью прославления памяти святого и сохранения для потомков его деяний. Жанр возникает именно в христианской литературе; эпоха его расцвета в византийской литературе — VIII — XI вв. Из литературы, предназначенной для чтения, в Древней Руси житие пользовалось наибольшей распространенностью.

Каноны жития оформляются в Византии в VIII — XI вв.: определенная структура, идеальный герой без каких-либо индивидуальных черт, сознательное преобразование фактов реальной жизни в соответствии с идеей прославления духовных и нравственных качеств героя.

Житийная схема, сложившаяся на протяжении нескольких столетий, определяла в основных чертах характеристику идеального святого, стиль и композиционные элементы жития. Каноническому житию было свойственно неторопливое повествование в третьем лице; иногда допускалось отступление: обращение автора к читателю, похвала от своего имени святому, патетически окрашенные отступления, подкрепляемые цитатами из «священного писания». В некоторых житиях встречался портрет святого, схематично нарисованный путем простого перечисления основных его примет. Начиналось житие со вступления, включающего самоуничижение автора и доводы, побуждавшие его «отважиться» писать житие. Затем шла главная часть, которая строилась по плану: 1) родители и родина святого; 2) этимологический смысл его имени; 3) обучение; 4) отношение к браку; 5) подвижничество; 6) предсмертные наставления; 7) кончина; 8) чудеса. Заключение содержало похвалу святому. По этому плану излагались не все биографические сведения о святом, а только те, которые соответствовали обобщенному и канонизированному типу христианского героя. Стиль житий большей частью богато украшен сравнениями, метафорами, эпитетами. В композиционном отношении для них характерны диалогическая форма речи, длинные монологи, молитвы, плачи, лирические отступления и восклицания.

Житие требовало от агиографа строго определенного изображения героев — резко отрицательного или подчеркнуто положительного. Главный герой был обязательно идеализированный положительный образ, стойкий борец за веру, победитель чудовищ и злых сил, мудрец; «злодей» вводился в житие для контраста и присутствовал на заднем плане. Житие не предполагало изображения становления характера, поэтому события его — лишь иллюстрации святости героя. Автор жития, изображая

человека, стремился устранить все черты его индивидуального характера. Основным средством построения образа становится гипербола.

Особой разновидностью житийных текстов были «патерики» («отечники») — произведения, в которых давалось не все жизнеописание того или иного монаха, а лишь наиболее важные с точки зрения их святости подвиги. Переводные патерики бытовали на Руси с XI в. («Египетский патерик», «Иеру салимский патерик», «Римский патерик»). Патериковым рассказам была свойственна сюжетность, занимательность, сочетание наивной фантастики с бытовыми эпизодами.

2. Формирование русской житийной литературы. К самостоятельной литературной работе в области агиографии русские писатели первой половины XI в. были достаточно подготовлены изучением образцов переводных византийских житий конца X — начала XI в. («Житие Антония Великого»; «Житие Алексея, человека Божьего»). Они знали сюжеты, панегирический стиль и развитую трехчастную композицию (вступление, изложение биографии, заключительная похвала) крупных византийских житий, включаемых обыкновенно в Минеи Четьи. Они знали, вероятно, с первой половины XI в. и легендарно-фантастические новеллы переводных патериков. К середине XII в. русские составители житий знакомятся с третьей основной разновидностью житийного жанра — кратким двухчастным житием (изложение и похвала) греческих менологиев, синаксариев, получивших в славянском переводе название Пролога, и быстро усваивают ее.

Русские проложные жития, начиная с XII в. (списки Пролога известны с XIII в.), особенно проложные жития князей, использовали приемы греческих житий и приемы старых летописных статей, содержащих исторические и биографические факты. Проложные статьи о княгине Ольге, о Борисе и Глебе вошли в первоначальный славянский текст Пролога. В XIII в. возникают более пространные формы проложных житий, в которых элементы церковной книжности переплетались с устными народно-эпическими преданиями (например, жития Феодосия Печерского и Кирилла Туровского) .

Первые русские жития органически связаны со старшими киевскими летописными сводами и вместе с ними отражают отдельные эпизоды княжеской борьбы XI — XII вв. Каждому типу героя (мученик, исповедник, преподобный, столпник, юродивый) соответствовал свой тип жития и определенная композиция. Древнерусские писатели, опираясь на византийские образцы, создали ряд произведений агиографической литературы, используя отечественный материал. Были случаи, когда при написании

жития какого-нибудь отечественного святого заимствовалось то, что говорилось относительно одноименного святого византийского. Такое свободное отношение к материалу было следствием того, что агиография ставила себе целью не достоверное изложение событий, а поучительное воздействие. Отсюда — элементы риторики и панегиризма, которые присущи большинству произведений житийной литературы, установившийся тематический и стилистический шаблон житийного жанра. Но в русской литературе создается совершенно оригинальный жанр княжеского жития, в котором ореолом святости окружается княжеская власть. Отличительные особенности такого жития — историзм, связь с летописями и воинскими повестями (т.е. светской литературой) .

Оригинальное древнерусское житие формируется в конце XI — начале XII в. в двух разновидностях: как мученическое и преподобническое жития. Из византийских житий русские авторы XI — XII вв. заимствовали лишь общие тенденции: они пытались примирить в житийных опытах идеальные образцы и стилистику византийских житий с живым публицистическим изложением событий современности, известных по нежитийным статьям той же летописи, а нередко и с укоренившимися народно-поэтическими мотивами (например, в рассказах о княгине Ольге, о Владимире). В житийной литературе часто звучат идеи о единстве Русской земли, необходимости ее защиты от княжеских междоусобиц, о русских святых, защищающих свое отечество. Местные святые создавали популярность и князю, и его уделу, и монастырю; его мощи, предания о нем привлекали к монастырю богомольцев. Житие на русской почве являлось не только доказательством или оправданием святости (описание «чудес» у гроба святого), но часто и предварительной агитацией в пользу признания еще неканонизированного святого.

Первым русским житием считается летописная статья «О убиеньи Борисове» под 6523 (1015) г. в «Повести временных лет», включенная, по предположению ученых, еще в «Древнейший Киевский свод» 1039 г. Это рассказ об убийстве старшим князем Святополком, сыном Владимира, двух своих братьев — Бориса и Глеба. В манере изложения «О убиеньи Борисове» соединяются черты и летописно-документального, и агиографическо-панегирического стиля. Борис и Глеб показаны добрыми христианами. Оба брата со смирением принимают свою участь, неустанно молятся, цитируют псалмы. Им воздается автором в конце статьи похвала в стиле церковных служб (тип акафиста): «Темь же и мы должни есмы хвалити достойно страстотерпца христова, молящеся прилежно к нима,

рекуще: радуйтася, страстотерпца христова, заступника Русьская земля, яже ицеление подаета приходящим к вама с верою и любовию. Радуйтася, небесная жителя, в плоти ангела бывша…». Значительное влияние церковной лирики заметно и в трогательном плаче Глеба, ожидающего своих убийц. Церковная стилистика не скрыла, однако, характерных приемов летописного стиля: живого драматического диалога (встреча Святополка с жителями Вышгорода), бытовых деталей («златая гривна» на шее любимого отрока Бориса — Георгия) .

Летописные статьи о княгине Ольге, о ее внуке Владимире не выделяются, как статья о Борисе и Глебе, из ткани летописного изложения ни по композиции, ни по стилю. В них четко звучат народно-эпические, былинные мотивы, вступающие в явное противоречие с попытками нарисовать облик Ольги и Владимира как праведников и христианских просветителей Руси (мотив жестокой мести Ольги, сообщение о женолюбии, пирах и военных набегах Владимира).

Элементы жития можно найти в летописной статье 6491 (983) г. о варяге и его сыне, убитых язычниками-киевлянами ввиду сопротивления отца, не отдавшего сына на жертвоприношение идолам.

3. «Сказание о Борисе и Глебе» как мученическое житие. Первым самостоятельным и законченным по форме (с большой, трехчастной композицией) оригинальным русским житием мученического типа явилось анонимное «Сказание о Борисе и Глебе» (А. С. Орлов был склонен приписывать его «Иакову мниху», писателю XI в., создавшему также «Память и похвалу князю русскому Владимиру» — см. **III; 6**). Ученые доказали, что в оригинале памятник содержал только «Сказание об убиении», завершавшееся пышной похвалой. «Сказание о чудесах» создавалось постепенно несколькими авторами с середины XI до 1115 г. при церкви Бориса и Глеба в Вышгороде, возле Киева.

По форме «Сказание» значительно отличается от канонического жития византийского типа и обнаруживает связь с летописной повестью (основано на реальном историческом факте — убийстве Святополком своих младших братьев Бориса и Глеба в 1015 г. и их канонизации в середине XI в.). Хорошо зная греческие жития, автор выстраивает свое изложение по обычному трехчастному плану: житие, похвала, повесть о чудесах. Однако в нем нет последовательного изложения жизни святых, а рассказан только эпизод их смерти (на этом основании А. Н. Робинсон называет произведение житийно-исторической повестью). Сказанию предшествует краткая экспозиция, которая знакомит с главными действующими

лицами. Точное название имен, факты, указание на конкретное место действия — признаки исторической повести. В основной идее переплетаются мысль о единстве русской земли, утверждение прав старшего в роде и мученичество святых за веру. Однако в отличие от исторической повести, «Сказание» — произведение лирическое, содержащее молитвы, плачи, монологи-размышления героев и автора. Борис и Глеб изображаются идеальными христианскими мучениками. Борис — идеальный образ «младшего» князя, он наделен высокими христианскими добродетелями: смирением, покорностью Божьей воле, незлобием. Образ Глеба дублирует Бориса, хотя перед угрозой смерти он ведет себя как растерявшийся ребенок. Ореол святости, которым окружены герои, создается через прославление христианских черт их характера, использование религиозной фантастики, обобщенной характеристики внешности героев, авторскую похвалу, где сочетаются традиционные библейские сравнения, молитвенные обращения, цитаты из книг «священного писания». Пространные молитвы Бориса и Глеба отличаются этикетным, то есть общепринятым, характером, некоторой искусственностью, которая тем не менее принималась читателем как деталь житийного ритуала.

«Сказание» состоит из двух повествовательных частей — описания жизни святых и посмертных чудес. Первая часть заключается ораторской похвалой князьям Борису и Глебу. В торжественной похвале автор анонимного «Сказания» применяет самые разнообразные стилистические приемы: риторические вопросы и обращения к святым («Вы небесные люди, земные ангелы, столпы и утверждение нашей земли»), концентрическое расширение похвалы (обращение сначала к гробнице святых, затем к церкви, где они положены, к Вышгороду, где находится эта церковь, наконец, лирическое молитвенное обращение), перифразы (Бориса и Глеба автор называет «забралом Русской земли») .

Идея «Сказания» звучит в первых же словах произведения — в цитате из «Псалтыря»: «Род правыих благословиться, рече пророк, и семя их в благословении будет». В соответствии с этим автор восхваляет Ярослава как лучшего представителя «рода правыих», сына князя-просветителя Владимира, брата святых. С другой стороны, дается урок князьям, не покоряющимся старшим.

Анонимное сказание о Борисе и Глебе надолго утвердило в русской литературе новый жанр княжеского жития, активно бытующего вплоть до XVIII в. Оно перерабатывалось мало, так как, видимо, удовлетворяло читателей и редакторов и было им понятно.

3. Житийные произведения Нестора. С 70-х годов XI в. центром общекультурной и литературной деятельности Киевского государства становится основанный в начале 60-х годов Киево-Печерский монастырь. Здесь сосредотачивается и летописание и агиографическая работа. Киево-Печерский монастырь бережно собирает в своих стенах предания, легенды о своих подвижниках. Большинство из них литературного происхождения, усваивалось из читаемых в монастыре сказаний синайских, палестинских, египетских переводных патериков и распространялось в устной передаче, соотносясь с именами киево-печерских отшельников.

В агиографических статьях киево-печерских летописцев, так же как и в статьях переводных патериков, изображался идеальный, обобщенный тип монаха-аскета, образец для подражания монастырской «братии». Созданный в сфере устных монастырских легенд и преданий, житийной литературы, этот абстрактно-иконописный образ заслонял конкретного исторического человека и его деятельность. На первый план выдвигалась дидактическая сторона и занимательность повествования. Легендарно-фантастический, чудесный элемент становится преобладающим в житийной литературе, при этом круг чудес небольшой: это повторение или варьирование евангельских чудес (те же исцеления хромых, слепых, бесноватых, то же чудесное насыщение голодных при отсутствии нужного количества продуктов) .

Наиболее яркими образцами агиографии стали произведения монаха и диакона Киево-Печерского монастыря **Нестора** (ок. 1057 — нач. XII в.) **(см. К.б.): «Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпцу Бориса и Глеба»** (80-е гг. XI в.) и «Житие Феодосия Печерского». Написанное до Нестора анонимное «Сказание о Борисе и Глебе» не отвечало ни тону, ни поэтике, ни стилю византийских житий, знатоком которых он был. В нем было много исторического материала и мало элементов, которые создавали жизнеописание идеализированного святого. Для Нестора анонимное «Сказание» не было настоящим житием, которое было бы пригодно к чтению во время богослужения или в монастырской келье, и он взялся за переработку его в духе византийских монашеских и великомученических житий. Его рассказ приобретает обобщенный характер, опускаются конкретные исторические подробности. С другой стороны, «Чтение…» Нестора и «Сказание о Борисе и Глебе» имели общую идейную основу — торжество христианского смирения над дьявольской гордыней, ведущей к вражде.

Называя свое произведение «Чтением», часто употребляя обращение «братие», Нестор, рассчитывал, по-видимому, на произнесение его жития. Отсюда — обилие общих церковно-назидательных мотивов, принятых в несветской литературе.

Из двух несвязанных произведений (летописной статьи «О убиеньи Борисове» и анонимного «Сказания о Борисе и Глебе») Нестор создал единое целое, предварив свое «Чтение» большим вступлением и заключением. Между изолированными частями о чудесах своего первого источника Нестор вставил связующие фразы. Из летописного текста автор заимствовал также отдельные места из «Речи философа» (988), вероятно, несколько хронологических дат, несмотря на свое стремление избегать конкретно-исторических данных. Из анонимного сказания автор использовал не только весь фактический материал со всеми его отступлениями от летописи (в том числе и ошибочными), но и некоторые риторические и лирические эпизоды, пересказывая их в индивидуальной манере.

Несторовская переработка анонимного «Сказания о Борисе и Глебе» и нескольких летописных отрывков шла неизменно по линии последовательного усиления агиографического, назидательного и беллетристически-занимательного элемента. Борис и Глеб становятся образцами святости от рождения, с юных лет они стремятся к аскетическим подвигам, с радостью принимают «венец мученический», произнося перед смертью большие монологи. Борис с детства зачитывается «Священным писанием» и житиями, желая «ходить по стопам святых». Он не хочет жениться, но не смеет ослушаться повеления отца. «Ратные» не осмеливаются выступить против «святого» Бориса. Борис и Глеб не молят убийц о пощаде, а принимают смерть с радостью, как предназначенное им от рождения страдание. Таким образом, Нестор дополняет житие обязательными для житийной схемы моментами, предложив вместо драматического эпизода убийства и последующей борьбы князей попытку целостной биографии Бориса и Глеба. После традиционного восхваления Бога и обращения к читателям с просьбой простить «грубость» его, Нестор начинает повествование издалека — с момента сотворения мира и грехопадения людей.

Кроме мученического жития, агиографическая литература Киевской Руси дала первый образец преподобнического жития — **«Житие Феодосия Печерского»** (конец XI в.). В центре повествования — иной тип героя — монах, посвятивший жизнь самосовершенствованию и воспитанию монастырской братии, князей, христиан вообще. Поводом к написанию жития Феодосия, составленного Нестором, вероятно, послужила его

канонизация — внесение митрополитом имени Феодосия в Синодик, как об этом сообщала «Повесть временных лет» под 1108 г.

В житии Феодосия тесно переплетаются многочисленные устные предания о Феодосии с литературными мотивами, заимствованными из византийских житий и новелл переводных патериков.

Как и в «Чтении…», Нестор обращается в житии Феодосия не к читателям, а к слушателям (житие предназначалось для произнесения во время церковной службы или, подобно патерикам, для чтения во время монастырской трапезы) .

Следуя византийским образцам, Нестор соблюдает трехчастную композицию (вступление, основная часть, заключение). Он начинает житие Феодосия, как и «Чтение…», с пространного вступления, с обращения к слушателям, применяя традиционный прием авторского самоуничижения. После вступления следует полная биография, основанная не столько на фактических данных, сколько на аналогиях с мотивами византийских житий: Феодосий, рожденный от благочестивых родителей, показан с детства жаждущим подвигов, избегающим игр, носящим худую, заплатанную одежду, преуспевающим в чтении божественных книг. С 13 лет Феодосий начинает подвижническую жизнь. Трижды он убегает из дома, дабы посвятить себя служению Богу, наконец, находит приют у Антония. Дальнейшее изложение жизни Феодосия в монастыре построено Нестором по типу тематически не связанных новелл патериков. Основная тема жития — борьба Феодосия с бесами, его аскетические подвиги и небольшой круг чудес. «Пронырство бесов» в житии приобретает черты то сказочных, то бытовых мотивов.

Таким образом, авторитет литературной традиции в творчестве Нестора значителен, но этот автор умел и чужое пересказать по-новому, с яркими художественными деталями. В своих житийных произведениях Нестор избегал называть собственные имена, заменяя их родовыми обозначениями (Киев — «столный град», Ярослав — «иной брат святых» и т. д.), часто употреблял свои излюбленные обороты, сравнения (сравнения героев с библейскими Каином, Иосифом), опирался на сюжеты народных быличек. Связь Нестора с общественной жизнью Киево-Печерского монастыря внесла в усвоенные им у византийских агиографов литературные формы живое, реальное содержание. Значение его произведений — в создании манеры оригинального русского жития — с его историзмом, патриотическим пафосом, опорой на национальную жизнь.

Являлся ли Нестор-диакон, автор двух рассмотренных житий, тем же лицом, что и Нестор-летописец, автор «Повести временных лет»,— вопрос спорный (см. **VI; 12 или VII; 19**). А. А. Шахматов, Д. С. Лихачев, Н. В. Водовозов, В. В. Кусков отождествляли этих авторов. Иной точки зрения придерживались, например, М. Т. Каченовский, Р. Ф. Тимковский, А. Кубарев, П. Казанский. С. А. Бугославский указывал, например, на тот факт, что в древнерусских памятниках нет отождествления авторов житийных текстов и «Повести временных лет». О двух Несторах говорит одно описание иконописи Киево-Печерской лавры XVIII в. В житии Феодосия и в летописных статьях по истории Киево-Печерского монастыря авторы сообщают о себе противоречивые данные; различно рассказаны в этих памятниках и обстоятельства смерти Феодосия. Автор обоих житий Нестор-диакон по своей писательской манере, общим задачам, стремлению к старославянским формам резко расходится с авторами летописных статей на аналогичные темы. Это позволяет предположить существование в конце XI — начале XII в. двух авторов, носивших имя Нестор, заключал Бугославский. А. А. Шахматов, напротив, объяснял в свое время различия между «Повестью временных лет» и «Житием Феодосия Печерского» тем, что 1) последнее было составлено Нестором в 80-е гг. XI в., а летопись — 25 лет спустя; 2) Нестор включил в «Повесть временных лет» старший «Киевский свод», в котором и находились статьи, противоречащие «Житию Феодосия Печерского».

4. Киево-Печерский патерик. В первой половине XIII в. появились памятники, составившие основу Киево-Печерского патерика, сборника легендарных сказаний о прославленных своими деяниями иноках Киево-Печерского монастыря, который связывался в сознании писателей первой четверти XIII в. с воспоминаниями о былом могуществе всего Киевского государства, уступившего место Владимиро-Суздальской Руси.

«Киево-Печерский патерик» складывался постепенно, не раз дополнялся новыми материалами, перестраивался по составу. Он включил следующие произведения 20-х гг. XIII в.: послание **Симона** (? — 1226), епископа Суздальского и Владимирского **(см. К.б.),** бывшего монаха Киево-Печерского монастыря, к Поликарпу, монаху этого же монастыря, его же повесть о том, как была построена Печерская Успенская церковь, и послание Поликарпа к игумену Киево-Печерскому Акиндину.

Поликарп, монах Киево-Печерского монастыря, был крайне недоволен своим положением в монастыре, добивался назначения на какой-нибудь крупный церковно-административный пост. Одна из влиятельных

княгинь, жена Ростислава Рюриковича, Верхуслава-Анастасия взялась выхлопотать ему епископское место и обратилась к епископу Симону предоставить Поликарпу одну из вакантных епископских кафедр. Желая положить конец домогательствам Поликарпа, Симон написал ему обличительное послание, в котором обвинил в «малодушии и высокомыслии», назвал «санолюбцем», советовал не покидать «тихого и безмятежного жития» в обители. К посланию Симон прилагает 9 рассказов о «черноризцах печерских»: 1) Об Онисифоре пресвитере и недостойном мнихе; 2) Об Евстратии постнике; 3) О Никоне многотерпеливом и сухом; 4) О священномученике Кукше и Пимене Постнике; 5) Об Афанасии затворнике; 6) О преподобном Святоше, князе Черниговском; 7) О черноризце Еразме; 8) О черноризце Арефе; 9) О Тите священнике и Ефагрии диаконе. Послание заканчивалось «Сказанием о святых черноризцах Печерских», доказывающим значение и святость Печерского монастыря, одно погребение на территории которого искупало все грехи. Поликарп, убежденный аргументами Симона, отказывается от своих мыслей и в обращении к игумену Киево-Печерского монастыря Акиндину повествует о духовных подвигах Печерских монахов.

Неизвестно, были ли все девять рассказов написаны Симоном специально для Поликарпа или присоединены к посланию позднее. Сказания о печерских монахах были в значительной мере подражанием греческим патерикам, что проявилось: 1) в чередовании сюжетно завершенных и взаимно не связанных между собой рассказов; 2) в стремлении выделить эффектный эпизод из жизни святого и сделать его центром повествования; 3) в подчеркивании иррационального в образе жизни и поведении печерских монахов; 4) в сгущенной фантастике — в разного рода видениях, чудесах, таинственных гласах, исчезновениях, борьбе с бесами. Правда, в отличие от патериков, рассказы Симона довольно велики по объему, часто перегружены мелкими подробностями, чересчур расцвечены риторическими эффектами. Основанные на устных преданиях, они богаты разного рода легендарными мотивами: душа замученного Евстратия унеслась на небеса на огненной колеснице, запряженной огненными конями; блаженный Афанасий умер и воскрес, когда выяснилось, что никто из монастырской братии не хотел его, человека убогого, похоронить.

С другой стороны, в рассказах Симона присутствуют отдельные жанровые зарисовки, интересные своими бытовыми подробностями, характеризующие монастырский быт, отношение князей к монастырю (рассказ об истязаниях в плену у половцев Никона-черноризца) .

Послание Поликарпа к игумену Печерского монастыря Акиндину (20-е—30-е гг. XIII в.) начинается с краткого обращения к Акиндину, где упоминается, что ранее Поликарп уже рассказывал о «содеянном» черноризцами, но многое передал неверно («исповеда неразумно»), затем следует серия из 11 рассказов о тринадцати печерских монахах.

Все написанное Поликарпом относительно четко делится на три группы. Это, во-первых, рассказы, посвященные описанию аскетических подвигов (повесть об Иоанне Затворнике, повесть о Пимене, повесть о Марке Пещернике). Они ведутся или от лица автора, или устами святого и обычно описывают разного рода самоистязания, умерщвления плоти, примеры терпения и выносливости. Во-вторых, обширная группа рассказов о чудесах (чудеса наказания «татей» Григорием-чудотворцем, чудеса исцеления и иконописания Алимпия-живописца, чудеса хлебопечения Прохора Лебедника и т. д.). Они состоят из ряда отдельных, нанизанных один на другой эпизодов, связанных между собою только именем того святого, жизни которого приписываются. В-третьих, новеллы с напряженной интригой и элементом занимательности о взаимоотношении монахов с князьями или о борьбе с бесами (повести о юном Моисее Угрине, о Феодоре и Василии) .

Рассказы Поликарпа написаны в том же жанре «житийных» чудес, что и у Симона. Источниками для них стали летопись (описание голода и дефицита соли во время войны Святополка с Давыдом Игоревичем), жития Антония и Феодосия Печерских, устные предания (борьба с бесами, развлекающими монахов музыкой, мешающими в работе, пробуждающими чувственность). Вводя много бытового материала, Поликарп в некоторых местах прибегал к летописному стилю, вводя выразительные диалоги, натуралистические описания, грубоватые шутки, афоризмы пословичного типа («еже бо человек всееть, то и пожнеть»). Но в нравоучительных рассуждениях — обилие словесно-декоративных приемов (витиеватые предисловия, обильные цитаты и т. д.). Как бы ни были разнообразны, занимательны и связаны с бытом рассказы Киево-Печерского патерика, образы самих героев выступают перед читателем еще очень смутно. Поступки людей заслоняют самих людей; их душевные переживания не выходят за пределы принятых трафаретов.

Послания Симона и Поликарпа в середине XIII в. были объединены в одно целое и дополнены летописным сказанием 1074 г. о «первых черноризцах печерских». Этим было положено начало первой, или так называемой основной редакции того сборника, который, по-видимому, уже

тогда получил название «Киево-Печерского патерика» и приобрел широкую популярность в древнерусской литературе.

Литературное значение патерика было исключительно велико. Он не только подытоживал развитие русской агиографии XI — XII вв., но, повествуя о славном прошлом знаменитого монастыря, будил чувство общерусского патриотизма, напоминал о времени процветания и могущества Киевской Руси. «Киево-Печерский патерик» явился значимым этапом на пути развития сюжетного повествования в древнерусской литературе: в нем отразились живые характеры, бытовые детали, изящество вымысла. Симон и Поликарп явились последними представителями киевской историко-агиографической школы, которые сохранили в своем писательском труде любовь предшественников к родной земле и ее культуре, интерес к общественной жизни.

5. Развитие жанра жития в XIII — XVII вв. Жития подвижников церкви, которые можно датировать серединой — концом XIII в., отличаются от более древних образцов агиографии более сжатым изложением, но в целом их можно охарактеризовать как памятники, строго соблюдающие каноны житийного жанра («Житие Авраамия Смоленского», «Житие Варлаама Хутынского», «Житие ростовского епископа Игнатия»). Иную картину мы наблюдаем в княжеских житиях, создававшихся в это время. В XIII в. в них проникают элементы повести. Примером этого процесса может служить **«Житие Александра Невского»**, созданное на основе воинской «Повести об Александре Невском».

Переработка стиля из воинского в житийный свелась к замене светских уподоблений героя-князя библейскими. К началу повести присоединилось авторское вступление, где, кроме авторского самоуничижения («аз худый, грешный»), есть ссылка на очевидцев событий («се же слышах от самовидца»). В конце произведения появилась монастырская запись о чуде с разогнутой умершим Александром рукой, что предрешало рано или поздно канонизацию. Наконец, в самом тексте постоянно делались отступления церковно-риторического характера, приводились молитвы князя.

Цель жития — запечатлеть в памяти людей облик мужественного, храброго человека, защитника своего отечества от военных и духовных посягательств внешних врагов. Произведение не укладывается в узкие рамки канона житийной литературы, и, сознавая это, древнерусские книжники внесли его в состав летописей. Только в XVI в., когда Александр Невский

был причислен к «лику святых», его житие вошло в состав «Великих Четьих Миней» Макария и «Пролога».

Житие не составляет полной и систематически изложенной биографии князя; в нем отсутствует многое, что известно о князе Александре Ярославиче из других источников. Перед нами ряд эпизодов из его жизни и деятельности, ряд отрывочных воспоминаний (автор отмечает, что о подвигах русских мужей на Неве он слышал «от господина своего великого князя Александра и от иных, участвовавших в то время в этой битве»), вольный порядок которых только в самых общих чертах воспроизводит последовательность событий. В житии нет ни одной даты, ни одного обстоятельного рассказа; некоторые факты изложены неясно. Главным для автора является сам образ князя — защитника родины.

Начинается «Житие Александра Невского», в соответствии с трафаретом, авторским самоуничижением и сообщением о том, что Александр «Богом рожен от отца благочестива и нищелюбца» великого князя Ярослава и «от матери благочестивыя Феодосии». Ростом был выше других людей, в силе равен Самсону, в мудрости — царю Соломону. Далее описывается приезд Андреяша «от западныя страны», пожелавшего наслушаться премудрости Александра, и решение шведского короля захватить землю Александра. В гиперболических формах описывается сражение Александра со шведами. Когда «краль части Римския от полунощныя страны» пришел со многими полками к реке Неве, собрал русский князь свою небольшую дружину, помолился в церкви св. Софии и со словами «не в силе Бог, а в правде» выступил в поход, перебил «бесчисленное множество» неприятелей, а «самому королеви возложи печать на лицы острым своим копием». В соответствии с житийной традицией Александр уповает на помощь святых Бориса и Глеба, преодолевает искушение католической верой. В духе воинской повести автор сообщает о том, что князь воодушевляет речью войско, подробно описывает битву, перечисляет подвиги дружинников Александра — Гаврило Алексеича, Саввы, Ратмира и др., а также участие в сражении на стороне русских мучеников Бориса и Глеба и ангела. В типичном для воинских повестей стиле рисуется и другая победа Александра — разгром немецких рыцарей на Чудском озере: на восходе солнца воины Александра, полные «львиной» отваги, сошлись с неприятелем. И была «сеча зла»: «не бе видети леду, покрыся бяше кровью». Вновь люди видят полк божий в воздухе, который помогает Александру.

Второй план жития — описание взаимоотношений Александра с Ордой и западными соседями. Автор смягчает элемент, унижающий князя, не

принятый в житии. Он подчеркивает только удивление Батыя, вызванное видом русского князя, отмечает, что князь отмолил русских воинов от участия в походах татар, воздвигнул церкви и собрал испуганных людей в свои дома. Александр отвергает предложение папских послов, пришедших из Рима и призывавших принять католичество. Он посылает папе ответ, в котором заявляет, что Русь не примет чуждого учения. Наконец, завершается житие посмертным чудом взятия грамоты Александром у митрополита Кирилла, великим плачем народа и словом митрополита. Авторское присутствие ощущается во вступительной части, в отборе и интерпретации материала, в характеристике Александра через аналогии (Иосиф — по красоте, Самсон — по силе и т. д.), в эмоциональном заключении.

Характеристики Александра Невского в произведении очень разноплановы. В соответствии с житийным канонами подчеркиваются его христианские добродетели. В то же время герой — величественный, мужественный и непобедимый полководец.

«Житие Александра Невского» — это новая разновидность княжеского жития, соединяющая элементы жития и воинской повести. В стилевом отношении оно внесло в русскую агиографию риторико-панегирическую струю.

После смерти в 1389 г. князя Дмитрия возникло произведении **«Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского»** (ок. 90-х гг. XIV в.). Композиция его свойственна жанру «княжеских» житий, отличающихся от риторических церковных житий прибавлением элемента светского: усиливается фактичность биографии, вносятся поэтические добавления (предания, песни), документальные данные (черты летописной княжеской похвалы). В «Слове…» великий князь прославляется как святой.

Подобно церковным житиям, «Слово…» начинается изображением младенчества героя: родившись от благородных (вариант — благоверных) родителей, сродник Бориса и Глеба, Дмитрий был воспитан в благочестии, измлада «во духовных делесех прилежа». Целомудренно живя во браке, Дмитрий «ратным же всегда во бранех страшен являшеся». В заключительной части, после описания погребения князя, автор восхваляет героя. Вследствие введения героического элемента (сокращенная повесть о нашествии Мамая) произведение сильно удаляется от житийного жанра. Еще больше это подчеркивает присутствие плача великой княгини Евдокии по мужу, близкого народным текстам. Другие княжеские жития эпохи монголо-татарского ига («Житие Михаила Черниговского», конец

XIII в.) более строго выдерживали агиографическую традицию, представляли гибель русских князей как добровольное страдание за православную веру.

В первой половине XIV в. пишутся как жития подвижников церкви и монашества (московское «Житие митрополита Петра» епископа Прохора), так и княжеские жития. Последние были представлены, с одной стороны, героическим типом (псковская «Повесть о Довмонте»), с другой — княжеским житием-мартирием (тверская «Повесть о Михаиле Тверском», вероятный автор которой — игумен тверского Отроча монастыря Александр). «Житие митрополита Петра» является примером тех изменений, которым подверглась традиционная, унаследованная от византийской литературы, житийная схема в агиографии северо-восточной Руси. Автор жития для развития действия и для характеристики и прославления своего «героя» пользуется обычными житийными приемами: описанием чудесного «благоухания» в церкви, вмешательством в ход событий иконы, откровением во сне, явлением ангела и пр. Но он допускает и ряд необычных для агиографии новшеств. Живому Ивану Калите он составляет характеристику в духе житийной похвалы. Местами повествование по стилю сближается с летописной публицистикой, особенно там, где речь идет о выдвижении Петра в митрополиты и завязавшейся вокруг этого события борьбе в церковных кругах. Рассказ жития сух и сжат, в языке его мало цветистых риторических выражений, что вполне соответствует строгой фактичности его содержания.

Стиль «плетения словес» в русском житии. В конце XIV — начале XV в. в русской литературе происходит возрождение и развитие риторическо-панегирического стиля литературы Киевской Руси в связи с подъемом национального самосознания и вторым южно-славянским влиянием (проникновением неославянского стиля школы болгарского патриарха Евфимия (вторая половина XIV в.) с его цветистой фразеологией, многочисленными риторическими тропами и фигурами, изобилием цитат — «пышный» стиль). Евфимий пересмотрел старую систему перевода книг с греческого на славянский и установил новую путем буквального следования языку оригинала. Вместе с тем он стремился утвердить новую орфографию, подчиненную строгим грамматическим нормам, и графику, подобную греческой. Реформа Евфимия приводит к созданию нового стиля «извития», или «плетения словес» (первоначально смысл выражения — создание похвал, затем — создание словесной орнаментики). Благодаря

избранию Евфимия в патриархи, его реформа обрела официальный статус и была поддержана болгарским царем.

Русские книжники под влиянием южнославянской литературы изменяют содержание и внешнее оформление своих произведений, а также орфографию (особая огласовка слов, не существовавшая в живой речи) и графику (полууставной почерк, особая манера иллюстрирования). В Москву новую манеру письма занесли мастера этого стиля, приехавшие в Россию,— митрополит Киприан, Пахомий Логофет и Григорий Цамблак (последний прославился главным образом своими торжественными проповедями панегирического типа).

Стиль «плетения словес» выражался: 1) в изменении композиции жития (появлении небольшого риторического вступления, сокращении биографической части, введении плача по умершему святому и похвалы); 2) в описании отдельных чувств человека (абстрактном психологизме), динамики чувств и психологической мотивировке поступков героя; 3) во введении пространных, витиеватых речей-монологов для изображения душевного состояния человека; 4) в измышлении фактов из жизни подвижника, исходя из общих истин; 5) в авторских риторических отступлениях, рассуждениях морально-богословского характера; 6) в особом интересе к форме: использовании серии цитат, оценочных эпитетов, метафорических сравнений, библейских параллелей, обилии словесных повторов (синонимических сочетаний, сочетаний однокоренных слов, этимологически одинаковых окончаний), одинаковых по конструкции предложений, аллитерации, ассонансов, перифразов (вместо «князь» — «властитель той земли»); 7) в абстрагировании повествования (изгоняются собственные имена, если действующее лицо эпизодично («некая жена», «человек един»)); 8) в обыгрывании окончаний слов, скрытой рифмовке. Напряженные поиски слова исходили из представления о тождестве слова и сущности божественного писания и божественной благодати. Стремление к экспрессии основывалось на убеждении, что житие святого должно отразить частицу его сущности, быть написанным «подобными» словами и вызывать такое же благоговение, какое вызывал и он сам. Своеобразная игра слов должна была придать изложению значительность, ученость, заставить читателя искать тайный и глубокий смысл за отдельными изречениями, сообщить им мистическую значительность. Новый риторический стиль «плетения словес» имел немаловажное значение для общения русской книжной культуры с книжной культурой Болгарии и Сербии, способствовал обогащению русского литературного языка и дальнейшему развитию литературы.

Ранними образцами нового агиографического стиля стали «Житие митрополита Петра», написанное митрополитом Киприаном (90-е гг. XIV — начало XV в.), «Слово о житии и преставлении Дмитрия Ивановича» (90-е гг. XIV — первая половина XV в.).

Югославянские традиции ярко отразились в житийных произведениях **Епифания Премудрого (см. К.б.)** — «Житие Стефана Пермского» (1396) и «Житие Сергия Радонежского» (1417–1418). Используя риторический стиль, который он сам называет «плетением словес», Епифаний вводит поток многочисленных неповторяющихся эпитетов (до 20–25 подряд), изобилие новых тропов, фигур, сравнений. Изменяя структуру жития, он открывает **«Житие Стефана Пермского»**, прославляющее миссионерскую деятельность русского монаха в коми-пермяцкой земле, риторическим вступлением, а после биографической части вводит три патетических плача («Плач пермских людей», «Плач церкви пермской», «Плач и похвала инока списающа»), где находим сгущенный метафорический стиль. Во вступлении Епифаний говорит о стремлении увековечить память Стефана Пермского и об источниках, которыми он пользовался; сообщает читателю, что он собирал материал к произведению двадцать лет и взялся за него, только когда увидел, что никто не принялся за эту важную работу. В биографической части сообщается о рождении Стефана в Устюге, о тщательной его подготовке к будущей миссии (чтение Библии, изучение пермского языка, сложение новой пермской грамоты, переводы русских книг на пермский язык), о жизни у язычников и борьбе с их обрядами. В «Житии Стефана Пермского» Епифаний приоткрывает круг своих интеллектуальных интересов, рассказывает о спорах со Стефаном, оценивает его как образованного человека. Согласно старой агиографической традиции, он многократно повторяет мысль о своей «грубости», «худости», «невежестве», вводит традиционную ссылку на свое незнакомство с мыслителями античности, передает события синхронно, будучи внимательным к историческим фактам и датам. Образы Стефана и Пама, его идейного противника, автор дает традиционно контрастно: один — ученый-богослов, аргументирующий свои речи и действия Писанием, другой — человек наивного опыта. Вместе с тем он по-новому подходит к изображению отрицательного героя, делая его незаурядной личностью, пользующейся авторитетом. Наконец, поражает полное отсутствие в житии прижизненных и посмертных чудес положительного героя.

Стиль «плетения словес» получает выражение главным образом в трех плачах, где используются риторические вопросы и восклицания,

сопоставления с библейскими персонажами, метафорические сравнения, анафоры, многообразие синонимов, вкрапление отдельных фольклорных мотивов. Епифаний добивается особой ритмики текста через обыгрывание окончаний слов, нанизывание одинаковых по конструкции предложений, одинаковых метафор и сравнений. Первостепенное значение приобретает даже не сам подвиг героя, а его эмоциональная характеристика автором, всегда повышенная, как бы преувеличенная и вместе с тем абстрактная. Таким образом, «Житие Стефана Пермского» нарушает традиции жанра: 1) своим размером, 2) обилием фактического материала, 3) включением этнографических сведений о Пермском крае, 4) новой трактовкой отрицательного героя, 5) отсутствием описаний прижизненных и посмертных чудес; 6) композиционной структурой.

Широкая, разбросанная манера повествования в «Житии Стефана Пермского» уступает место более сжатой, фактически более насыщенной, более связной манере повествования в **«Житии Сергия Радонежского»**. После вступления с традиционными формулами авторского самоуничижения (авторское признание в своей неучености ни риторике, ни философии, ни книжным премудростям, «грубости ума», косноязычности) следует разделенная на эпизоды с заглавиями биография Сергия, перемежаемая цитатами, рассуждениями, лирическими эпизодами. Повествование течет медленно, плавно, но в непрерывном развитии; умело сочетаются традиционно-литературные агиографические элементы с историческими и легендарными. Здесь язык приобретает выразительную сдержанность: «житие скорбно, житие жестко, отвсюду теснота, отвсюду недостатки». Присутствуют в тексте и поэтические пейзажи, лирические места («слезы теплые, плакания душевная, воздыхания сердечная, бдения повсенощная, пения трезвенная, молитвы непрестанная») .

Меньшее значение в «Житии Сергия Радонежского» имела игра со словом, стремление создать ритм. Все повествование делилось на отдельные главы с названиями. По своей тональности и стилю житие более ровно и спокойно. В нем нет экскурса в прошлое героя, оно заканчивается не плачем, а молитвой. Если в «Житии Стефана Пермского» Епифаний показал себя виртуозом-стилистом, то в «Житии Сергия Радонежского» он предстал мастером сюжетного повествования.

Пахомий Логофет (? — 1484) **(см. К.б.)** перерабатывал прежние агиографические произведения в новом панегирическом стиле. Он ориентировался на строгое соблюдение церковных канонов, пышную риторическую форму, усиливал в своих обработках элемент «чудес», сокращал длинные

жития («Житие Сергия Радонежского» Епифания), с целью сделать их пригодными для церковной службы, расширял элемент «похвалы» святому в новом цветистом стиле. Всем житиям Пахомий старался придать единообразную парадную форму: для него характерны изысканные эпитеты — «светолучная заря», «душетленные страны». Агиографическим мастерством Пахомия восторгались средневековые книжники, но творчество его носило рассудочный характер: тексты приводились в соответствие с формальными требованиями жанрового канона. Чаще всего он перерабатывал все местное, конкретное, историческое, сглаживал индивидуальные черты авторов и разнообразие областных манер. Самостоятельная работа Пахомия — «Житие Кирилла Белозерского». Оно ценно значительным количеством биографического материала, не подменяемого общими местами, авторской заинтересованностью темой и талантливостью рассказчика.

Отголоски стиля «плетения словес» находим и в публицистике, и в исторической русской повести конца XVI — начала XVII в. Так, «Повесть о честнем житии царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии», составленная патриархом Иовом не позднее 1603 г., в стилевом отношении следует манере того риторического витийства, которое с XV в. культивировалось в русской панегирической литературе — житийной и исторической: длинные периоды с искусно вставленными одно в другое предложениями, обилие вычурных метафор, сложных эпитетов, большое развитие словесно-декоративного орнамента. Включение традиционных лирических монологов-молитв царя Федора, лирических отступлений, предложений одной синтаксической конструкции, глагольных рифм позволяет автору, не имеющему реальных данных для изображения царя Федора как идеального монарха, заменить исторический портрет неумеренно расцвеченным риторикой условным образом.

Житие XVI века. Жития XVI века дошли до нас и в отдельных текстах, и в сборниках, и, что особенно характерно для этого периода, в составе больших сводов — патериков и «Великих Миней Четьих» Макария. Многие из житий этого периода были посвящены святым — основателям монастырей конца XV и XVI в. Жития церковных деятелей XVI в. были близки по времени к жизни своих героев и сохранили благодаря этому ряд живых реалий. По сюжетам они были довольно традиционны. Полемика между «иосифлянами» и «заволжскими старцами» повлияла на внутреннее содержание житийных текстов конца XV — начала XVI в., особенности облика святого. В «иосифлянских» житиях святой в своем мировоззрении и практике выступал приверженцем внешнего обрядового

благочестия и «божественного писания», защитником права монастырей на землевладение, сторонником светской власти. В текстах, созданных в среде «заволжских старцев», на первый план выдвигалось стремление святого к внутреннему самосовершенствованию, его терпимость к еретикам, отрицание монастырского «стяжательства», сдержанное отношение к светской власти.

В 50-е гг. XVI в. начинается грандиозная коллективная работа кружка книжников архиепископа Макария над 12-томными **«Великими Минеями Четьими»** — собранием оригинальных и переводных житий, сохранившихся на Руси от начала христианства до середины XVI в. Они отличались от Прологов и от Миней предшествующего времени широтой задачи и характером исполнения. Над составлением Миней Макарий работал с 1529 г., не менее 20 лет (списки 1541, 1552 и 1553–54 гг.). Они включали расположенные по дням месяца русские и переводные жития, поучительные «слова», «Хождение» игумена Даниила, «Повесть о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия и другие произведения. Основной материал был дополнен рядом текстов, тесно связанных с церковью (книги Священного писания и толкования на них; сочинения «святых» писателей, сочинения нецерковного характера, но пользующиеся популярностью на Руси). Собирая книги, Макарий исходил: 1) из «великой душевной пользы читателей», т.е. нравственного их содержания; 2) из соответствия их канону (поэтому было отвергнуто, например, легендарное «Житие Петра и Февронии»); 3) из идеи борьбы с ересью. Кроме редакторской работы над собранными материалами (Макарий должен был переводить на литературный язык своего времени оставшиеся в тексте греческие слова и обороты, болгаризмы и сербизмы), руководство Макария состояло в заказе ряда новых житий. Среди авторов, привлеченных к работе, были и церковные деятели и светские люди (Д. Толмачев, Д. Герасимов, священник Сильвестр, Ермолай Еразм, В.М. Тучков, пресвитер Андрей и др.). Среди житий — описания жизни еще не канонизированных святых («Житие Иосифа Волоцкого» епископа Крутицкого Саввы). Жития в макарьевских редакциях отличались красноречием, вниманием к фактической стороне жизни святого (шаблонный идеальный образ святого), напыщенными похвальными словами в честь святого.

В «Великие Минеи Четьи» Макария вошло в том числе переработанное новгородское «Житие Михаила Клопского», причем впервые в истории древнерусской книжности составление этого жития было поручено светскому лицу — московскому чиновнику и воину, сыну боярскому

Василию Тучкову. Тучков не только значительно усилил антиновгородские тенденции жития (ввел эпизод, в котором святой предсказывает гибель Новгороду), но и значительно изменил структуру: ввел начало от сотворения мира и Адама, эпизод посещения Руси апостолом Андреем, прославление нынешнего «великого и славного» Новгорода и архиепископа Макария. Затем после традиционного самоумаления он перелагает текст, вводя пространные нравоучительные монологи героя, благочестивые мотивировки его действий, усиливая элемент чудесного, устраняя бытовые и исторические детали, абстрагируя события и героев. Стилистически Тучков ориентировался на южнославянские шаблоны, упоминал Гомера, Овидия, Ахилла, Геркулеса.

Житие XVII столетия. В XVII в. одна за другой были составлены по крайней мере три многотомные «Минеи Четьи» Германом Тулуповым в 1627–1632 гг., Иоанном Милютиным в 1646–1654 гг. и Дмитрием Ростовским в 1689–1705 гг. В первые два сборника вошли исключительно жития, сказания и памятники исторического содержания. Дмитрий Ростовский пополняет Минеи латинскими и польскими источниками. В 1641 г. в Москве впервые напечатали «Прулог», использовав все его основные рукописные редакции. Он переиздавался до конца века восемь раз с существенными дополнениями. Много заново переведенных или отредактированных житий публиковалось в Москве («Житие Алексея — человека Божия» и др.). Сочинялись и новые по форме жития — стихотворные (стихотворная биография Иисуса Христа, сделанная Карионом Истоминым).

Традиционные каноны жития, закрепленные в XVI в. Макарием, разрушаются проникновением бытовых деталей и фольклорной легенды («Житие Иоанна Новгородского»). В житии XVII в. отразился интерес к личности, что вело к превращению его первоначально в повесть-биографию (бытовую повесть), затем — автобиографию. Элементы легендарности, присущие житию, еще присутствуют в таких произведениях, но в то же время в центре внимания — становление характера в определенных бытовых условиях.

Историко-бытовой материал занял в **«Житии Юлиании Лазаревской»** (20–30-е гг. XVII в.) столь большое место, что от этого изменился и самый характер жития. Автор произведения, **Дружина Осорьин**, описывает жизнь своей матери в связи с жизнью «рода»: предков, семьи ее мужа и детей. Это расширяет рамки биографии Юлиании, вносит в нее элементы семейной хроники. Крупное поместное хозяйство — та бытовая

обстановка, в которой проходит жизнь Юлиании, замужней дворянки. В поместье мужа, часто годами отлучающегося по служебным делам, молодая женщина, «добротою исполнена и разумна», ведет хозяйство, справляется с многочисленной челядью, не довольствуясь дневными трудами, рукодельничает по ночам (ночная работа приравнивается к ночной молитве). С детства Юлиания «бога возлюби», «посту и молитве добре прилежаще», хотя жила в такой глуши, где и церкви не было. Оставшись сиротой (родители ее «живяста во всяком благоверии и чистоте»), она чуждалась детских игр, так как «нравом из детска возраста кротка и молчалива». Сиротское детство сначала в доме бабки, затем тетки, где ей приходилось выслушивать попреки и насмешки своих двоюродных сестер, постоянно сидеть либо за прялкой, либо за пяльцами. Едва Юлиании исполнилось шестнадцать лет, она была выдана замуж за богатого дворянина Георгия Осорьина. На молодую женщину легло нелегкое бремя ведения домашнего хозяйства. Во время первого голода Юлиания тайно раздает пищу нуждающимся, во время второго — распродает имущество, покупает «жито» и кормит всех: «ни единого от просящих не отпусти тща». Когда запасы были израсходованы, Юлиания раздает хлеб из лебеды и древесины, и он кажется нищим слаще настоящего. Во время язвы героиня мыла больных в бане, омывала умерших, хоронила и давала деньги на сорокоуст. При этом ни разу «не опечалися, ни смутися, ни поропта, и не согреши ни во устах своих». Она идеализирована и в ее отношениях к родителям мужа, которым она кротко подчинялась, и в ее отношениях с мужем. Таким образом, повесть утверждает святость подвига высоконравственной мирской жизни, жизни, посвященной служению людям.

Неканонизированная церковью, местночтимая муромская подвижница Юлиания своей благотворительностью заслужила репутацию «блаженной». Житие писалось до предшествующего канонизации ритуала — с протокольным опросом исцеленных у гроба; до сего времени не ясно, была ли Юлиания причислена к сонму святых. Осорьин еще не отходит полностью от агиографической традиции: он идеализирует героиню, подчеркивает ее происхождение от «боголюбивых» и «нищелюбивых» родителей, взросление в любви к Богу, аскезу под старость (она не уходит в монастырь, но ходит без теплой одежды, спит на поленьях, кладет в обувь скорлупу) и предчувствие своей кончины. Дружина Осорьин вводит элементы житийно-легендарной поэтики: помощь святого Николы в борьбе Юлиании с бесом, истязания героини бессонницей, холодом и голодом, голос в церкви, возвещающий, что на ней «дух святой почиет». Как

и подобает святой, Юлиания сама предчувствует свою кончину и благочестиво умирает. В минуту смерти Юлиании окружающие видят около ее головы золотой нимб; из клети, куда было положено ее тело, «благоухание велие повеваше»; через десять лет в ее гробе обнаруживают целебное «миро благовонно». Нарушение канонов проявляется в бытовом характере фантастики (бесы приносят раздоры в семью, мятеж «рабов»), в отсутствии традиционных вступления, плача и похвалы, наличии в стиле канцеляризмов, интересе к частной жизни человека (в центре внимания — светский герой, изображенный в реальной обстановке: упоминается о частых бранях среди детей Юлиании, редком посещении ею церкви). Все это превращает житие в бытовую повесть (Т. Р. Руди доказывает, что в произведении проявляется не обмирщение житийного жанра, а, напротив, сакрализация, религиозное осмысление повседневной жизни — см. **доп. лит. к теме**) .

В **«Житии протопопа Аввакума им самим написанном»** (1672 — 1673 гг.), созданном в Пустозерске, впервые отождествились агиограф и прославляемое им лицо. Житие стало литературной исповедью, автобиографией с широко развернутым историческим и политическим фоном, с сатирическим обличением идейных противников. Чтобы оправдать свой рассказ, Аввакум приводит требование старца Епифания, сподвигшее его к литературной исповеди. Автор отбирает лишь самые важные эпизоды из своей жизни. Главное в житии — рассказ о собственной жизни от юности до 55 лет, о мученических страданиях, которые пришлось вынести Аввакуму и его близким в борьбе за древнее благочестие во времена утверждения новой веры. Автор описывает свое рождение в семье сельского священника-пьяницы, первые жизненные испытания, борьбу с патриархом Никоном, ссылку в Тобольск и Даурию, возвращение на Русь, монастырские темницы под Москвой, лишение сана и ссылку в Пустозерск. Таким образом, в центре внимания — его жизнь в семейно-бытовых и общественных отношениях. Идея произведения связана с утверждением мысли, что старый обряд теснее связан с самой жизнью, ее национальными основами, бытом, что он воплощение истинной духовности, что ради его защиты следует пожертвовать всем. Аввакум написал свое житие народным языком с использованием просторечных слов и оборотов, нередко с элементами натуралистичности.

Создавая «Житие», Аввакум в известной мере пользовался агиографическим каноном. С традиционными формами жития произведение связывает немногое: наличие вступления, ссылок на авторитет «отцов церкви»,

религиозная фантастика. Аввакум неоднократно указывает на то, что «божья сила» чудесно спасала и поддерживала его в напастях: пищаль, направленная на него, не стреляет; он и его семья не тонут в воде; ангел чудесно насыщает его; по его молитве лед расступается, образуется прорубь, и он утоляет свою жажду; герой наделен способностью исцелять больных и одержимых бесами. Автор также использует житийные образно-выразительные средства. За всяким событием Аввакум видит символический, таинственный смысл, и это тоже сближает его с древнерусской агиографией. «Житие» оканчивается изображением «казней» 1670 г. в Пустозерске. Но дальше, вне связи с основной фабулой, следует несколько эпизодов из жизни Аввакума, которые и по композиции, и по тематике напоминают «чудеса», которые всегда присоединяются к древнерусскому житию.

Описывая свою жизнь, Аввакум отказывается от традиционных схем. Это находит отражение в новом подходе к изображению человека. Аввакум не идеализирует себя, признается в обмане ради спасения жизни одного гонимого человека. С другой стороны, он с симпатией изображает своих мучителей. В тексте — обилие бытовых зарисовок, пейзажных описаний и картин социальной и общественно-политической жизни своего времени (сведения о быте и жизни русских людей XVII в., о климатических условиях Сибири, государственных порядках). Автор отказывается от хронологии в повествовании, ярко проявляет личную позицию, чувства (Аввакум тужит, печалится, плачет, боится, жалеет, дивится и т. д.), использует просторечия и диалектизмы. Полемичность произведения определяется сатирическими выпадами Аввакума против своих противников (патриарха Никона, архиепископа Илариона, воеводы Пашкова, боярина Шереметьева). Для поэтики «Жития» характерна драматичность сцен; острота конфликтов (социальных, этических, религиозных); лиризм и публицистичность отступлений; разговорный язык; использование черт устного рассказа (народные пословицы, поговорки, каламбуры («Бес-то не мужик: батога не боится»), нарушение последовательности; наличие ритма и рифмы, звуковых повторов, аллитераций и ассонансов; использование возможностей формы сказа — неторопливого рассказа от первого лица. Как отмечал В. В. Виноградов, в стиле жития сказовая форма сочеталась с проповедью, и это обусловило тесное переплетение церковно-книжных элементов языка с разговорно-просторечными и даже диалектными.

Собственное житие в пустозерской ссылке создал и **инок Епифаний** (1675). Написанное в подражание «Житию» Аввакума, «Житие» Епифания существенно отличается от своего образца скупым изложением внешней,

фактической стороны биографии. Он ее плохо помнил и явно не дорожил. В центре внимания Епифания его внутренний душевный мир, его настроения, сомнения, страхи, радости. Повышенный интерес к своему внутреннему «я», стремление описывать не столько факты, сколько свои переживания, склонность к самоанализу придавали «Житию» Епифания характер скорее лирической исповеди, чем автобиографии. В житии Епифания немало места уделялось подробному описанию разных «сонных видений», таинственных гласов, чудес, при этом реальная действительность тесно сплеталась с иллюзорной.

В конце 70-х — начале 80-х гг. XVII в. неизвестным старообрядческим автором создана «Повесть о житии боярыни Морозовой». В соответствии с агиографической традицией в произведении сообщается о рождении героини от благочестивых родителей, ее обучении священнослужителем Аввакумом, постнических подвигах, милостынях, монашестве. Но в житии нарушается характерная структура. Отсутствует риторическое вступление, плач, похвала, посмертные чудеса; прижизненные чудеса сводятся к видениям. Главная героиня показывается не столько как праведница, сколько как человек, отстаивающий свои убеждения. Она отказывается от участия в брачной церемонии царя, от посещения никонианской церкви, участвует в словопрениях с патриархом Питиримом, не принимает компромиссов и выбирает голодную смерть.

Во второй половине XVII в. автобиографию составляет также игумен Полоцкого Богоявленского монастыря Игнатий Иевлевич.

Тема 7. Жанр ораторского красноречия в древнерусской литературе

1. Понятие жанра. Красноречие — область творчества, характерная для древнейшего периода развития русской литературы. «Золотой век» древнерусского красноречия — XII век. Такого расцвета не знала ни одна средневековая литература Западной Европы, где в эту эпоху красноречие вообще не получило широкого развития. Уже в XIII — XIV вв. эта разновидность литературы приходит в упадок и скоро почти совершенно исчезает из культурного обихода. В конце XVII — начале XVIII в., в Петровскую эпоху, были попытки возродить этот род творчества в деятельности Стефана Яворского, Гавриила Бужинского, Феофана Прокоповича. Временное восстановление прежних позиций ораторского красноречия сменилось окончательным его упадком. Со второй половины XVIII в. красноречие замыкается в узкой сфере церковной проповеди.

В первые века своего существования русская книжность приняла весь спектр текстов болгарской ораторской литературы — как переводной

с греческого, так и самостоятельной. Русские не только переписывали соответствующие болгарские сборники, они русифицировали их язык, дополняли статьи самостоятельными произведениями, составляли новые своеобразные учительные энциклопедии.

Все дошедшие до нас памятники церковного и светского красноречия Киевской Руси по содержанию своему и по форме, а также по объему и языку делятся на два разряда: памятники **дидактического красноречия** и памятники **торжественного красноречия**.

Дидактическое красноречие не предъявляло к автору каких-либо особых требований: эта область была доступна в той или иной степени всем, кто владел пером или даром речи. Дидактическое красноречие обычно преследовало чисто практические цели непосредственного назидания, несло информацию или содержало полемику по богословским вопросам. Произведения этого типа обозначались терминами «поучение» или «беседа». Поучение — произведение поучительно-наставительного характера, содержащее рекомендации («Поучение» Владимира Мономаха) .

Поучения или беседы были обычно невелики по объему, часто лишены каких-либо риторических украшений и написаны на общедоступном языке. Проповедь, обращенная к широкому кругу слушателей и читателей, излагала элементарные основы христианской религии, избегала отвлеченных философских элементов, стилистической украшенности речи — всего, что могло бы затруднить ее понимание для непосвященных.

Торжественное красноречие требовало, в отличие от дидактического, не только глубины содержания, но и большого профессионального мастерства. Торжественная речь должна была привлечь внимание широкой аудитории, преследовала не узкопрактические цели — назидания и сообщения информации, а требовала постановки проблем широкого общественно-политического или философско-богословского охвата (война и мир, защита Руси, внешняя и внутренняя политика, борьба за политическую и культурную независимость от Византии и т. д.). Характерный признак торжественного красноречия — злободневность. Произведения этого рода обычно обозначались термином «слово». Слово — прозаическое поучительное произведение духовной литературы древней Руси («Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона). С другой стороны, слово существовало как повествовательный жанр светской литературы («Слово о полку Игореве»).

Составлялось слово в строгом соответствии с литературной византийской и античной традицией. Все произведения, за редким исключением,

в композиционном отношении делились на три части: вступление, повествовательная часть и заключение. Значение вступления — эффектное открытие речи, привлечение к ней внимания слушателей и читателей, постановка задачи. Повествовательная часть содержала рассказ о том или ином конкретном событии, лиро-эпический по своей природе, с пояснениями и комментариями автора. Заключение — завершающая речь. В церковном красноречии это обычно молитва, с которой автор обращается к Богу. В светском красноречии это или «похвала» герою, которому посвящена речь, или обращение автора к читателю и слушателю с тем или иным призывом. Авторы использовали одни и те же стилистические приемы: риторические обращения к читателю или слушателю (иногда — к героям повествовательной части), риторические вопросы и восклицания, метафоры, антитезы и повторы. Ритмический строй речи, образующийся чередованием предложений одной и той же синтаксической конструкции или повторением первого или последнего слова, в произведении торжественного красноречия таков, что возникает впечатление стихотворения в прозе. Торжественная речь всегда носила эмоционально приподнятый характер: оратор стремился придать ей наибольшую убедительность, увлечь слушателя, пробудить его воображение, рассеять то или иное предубеждение.

В отличие от дидактических, преследующих цели непосредственного назидания и имеющих практическое назначение, слова и поучения торжественные, как правило, не ставят себе каких-либо утилитарных задач. Все они носят, так сказать, праздничный характер и посвящены прежде всего прославлению того события, к которому приурочены. Освящение храма, перенесение мощей, тот или иной праздник — таковы поводы к составлению произведений этого типа.

2. Ораторское красноречие Киевской Руси. Древнейшим памятником торжественного красноречия Киевской Руси является **«Слово о Законе и Благодати»** (между 1037–1050 гг.) митрополита **Иллариона** (сер. XI в.) **(см. К.б.).** Слово посвящено князю Владимиру I и представляет собой попытку раскрыть всемирное значение крещения Руси.

Содержание «Слова о Законе и Благодати» четко делится на три части: первая часть посвящена характеристике Ветхого завета («Закона») как подготовительной ступени к Завету новому («Благодати»). Вторая содержит похвалу князю Владимиру, крестившему Русь. Третья — молитву от лица всей Русской земли. Начинается слово похвалой Богу, который, желая спасти человечество от «идольскаго мрачения», дал ему сначала «Закон», а затем послал своего сына, чтобы обновить человечество «евангелием

и крещением» и ввести в «жизнь вечную». «Закон» подготовил людей к «Благодати», но он был дан евреям и не имел распространения среди других «языков»; «благодать» имеет значение общечеловеческое, так как «благо и щедро» простирается «на все края земленые». Далее автор восхваляет идеального князя-просветителя Владимира, утвердителя веры на Руси. «Друг правде», «милостыни гнездо», он мудро пасет свою землю, крестится сам и крестит всех жителей своей земли, смиренно совещается с епископами о том, как «закон уставити», строит и украшает церкви и монастыри, покровительствует бедным, больным, наблюдает за делами своей земли после смерти и молится о сохранении ее «в мире и благоверии», избавлении от «всякое рати и пленения, от глада и всякоя скорби». Заканчивается «Слово о Законе и Благодати» молитвой «от всея земли нашея», которая пользовалась в старину большим распространением и имела богослужебное употребление. Таким образом, «Слово о Законе и Благодати» построено по ступенчатому принципу: каждая новая часть конкретизирует основную тему. Кроме того, если первая часть выдержана в спокойном ритме философского размышления, вторая давалась в с большим эмоциональным подъемом, а третья была проникнута наивысшим патриотическим пафосом.

В литературном отношении «Слово о Законе и Благодати» безупречно с точки зрения требований жанра. Стройная композиция, парадная пышность стилистического оформления, ритмический строй речи — все это свидетельствует об очень высоком уровне литературной культуры автора. Значение «Слова» не только в совершенстве риторического стиля (развернутые аллегории, риторические вопросы и восклицания, повторы, библейские цитаты и параллели, сопоставления и антитезы, символические уподобления), но и в его публицистичности, патриотическом пафосе, выражении идеи могущества и независимости Руси, равной другим странам христианского сообщества. Автор считает, что крещение Руси — прямой результат божественного попечительства о русском народе, что Владимир — князь, воплощающий идеал христианских добродетелей и воинских доблестей. Это стало причиной широкой популярности «Слова о Законе и Благодати» среди древнерусских книжников XII — XV вв., черпающих из него отдельные приемы и стилистические формулы.

В XII в. переживает расцвет смоленское ораторское красноречие, связанное с деятельностью **Климента Смолятича** (? — после 1164 г.) **(см. К.б.)** и Кирилла Туровского. Смолятич пользовался славой «книжника и философа, которого в Русской земле не бывало». Единственным сочинением

его, дошедшим до нас, является «Послание к просвитеру Фоме», адресованное смоленскому князю Ростиславу, упрекавшему Климента за тщеславие и опору на греческую философию, а не на Библию. В ответном послании известный книжник отводит обвинение в гордыне и отстаивает свое право на толкование Библии, предлагает ее аллегорическое видение. Переписка Ростислава и Климента — один из первых примеров дискуссии в древнерусской литературе.

Большой популярностью в Киевской Руси пользовались слова представителя риторической киевской школы **Кирилла Туровского** (XII в.) **(см. К.б.)** на «праздники господьскыя», включенные древнерусскими книжниками даже в сборники «Златоуст» и «Торжественник», куда входили слова и поучения знаменитейших мастеров византийского ораторского искусства. Эти воскресные проповеди Кирилла Туровского, написанные в жанре панегирических слов, посвященных прославлению праздников, привлекли внимание современников прежде всего пышным внешним оформлением.

Опытный «вития», Кирилл Туровский составлял свои слова по плану, в соответствии с правилами византийского панегирического красноречия: вступление обычно носило у него лирический характер, в нем объяснялось значение того праздника, о котором шла речь далее; изложение представляло пересказ того евангельского события, в честь которого был установлен праздник; заключение состояло чаще всего из традиционной похвалы празднику и обращения к читателю с просьбой присоединиться к ней.

Примыкая к тому направлению христианской ораторской литературы, которое, комментируя библейский текст, стремилось вскрыть его «сокровенный» смысл, Кирилл Туровский придавал символический смысл не только евангельским эпизодам, но и явлениям окружающей действительности, природы. Так, **«Слово на новую неделю по Пасхе»** содержит сопоставление весеннего обновления природы с духовным возрождением человечества в христианстве; въезд Христа в Иерусалим — с торжеством христианства во всем мире и т. д. «Слово» начинается своего рода введением, объясняющим повод его написания: мы, «нищие словом» и «мутные умом», можем сказать «мало нечто» о празднике. Далее автор характеризует праздник Пасхи: новая неделя — это обновление людей, принявших христианскую веру. Таким образом, картина весеннего пробуждения природы аллегорическая: светлеет

небо, солнце согревает землю, тихо веют ветры — и тут же приводится параллель: весна — это вера Христова.

Символизм, аллегоризм, метафоричность, наличие антитез, риторических вопросов и восклицаний, сравнений, уподоблений, стремление к ритмичности и плавности речи — отражение южнорусской манеры ораторского красноречия, тяготеющего к приемам византийских проповедников.

Из ораторских приемов Кирилл Туровский особенно тяготел к приему драматизации, красочной аллегории при пересказе евангельских эпизодов или сложных богословских концепций. Для оживления рассказа он вводил пространные диалоги, длинные монологи-«плачи», изображал события прошлого как современные («Пойдем же ныне, братие, на гору Елеонскую умом» — «Слово на вознесение»). Для повышения эмоциональной выразительности речи Туровский прибегал к риторическому восклицанию и риторическому обращению, к антитезе, к риторическому вопросу с последующим ответом, к чередованию сходных по содержанию предложений одной и той же синтаксической конструкции с анафорическим повторением первого, а иногда последнего слова или слогов («Ныне младенци радостно хвалим бывает, его же серафими в вышних с страхом беспрестанни славят. Ныне путешествует в Иерусалим, измеривый пядию небо и землю дланию…» — «Слово в неделю «цветную»»). В особенности Туровский любил сопоставлять сюжеты, мотивы и изречения Ветхого и Нового завета, подчеркивая косность первого и духовность второго.

Кирилл Туровский не только подражал наиболее прославленным византийским писателям (Иоанн Златоуст, Григорий Богослов, Епифаний Кипрский, Евсевий Александрийский, Георгий Амартола), но и компилировал тематическую канву, манеру изложения, детали, использованные предшественниками, свободно переосмысляя традиционный материал. В отличие от «Слова…» Иллариона, торжественные слова Туровского не имеют публицистической окраски.

Произведения Туровского воспитывали у слушателей чувство слова, компенсировали отсутствие книжной поэзии, подготавливали русского читателя к восприятию стиля «плетения словес» и орнаментального стиля XIV — XVI вв.

Дидактическое красноречие Киевской Руси было представлено **«Поучением» Владимира Мономаха (см. К.б.),** написанным им в конце жизни (вероятно, в 1117 г.). «Поучение» дошло до читателя в составе Лаврентьевского списка «Повести временных лет» под 1096 г. В идейном отношении «Поучение» выходит за рамки семейного завещания

и приобретает общественное значение через призыв отказаться от личных интересов ради блага родины, соблюдать требования общегосударственного правопорядка (единство государства, строгое соблюдение клятв, договоров, сохранение мира и т. д.), заботиться о церкви (соблюдать религиозную обрядность). Обращаясь к своим детям, Мономах (1053–1125) призывал их к активному образу жизни, к единству, защите государственных интересов.

Поучение Мономаха состоит из трех частей. Вступление обращено к детям и содержит характерное для древнерусских писателей самоуничижение. Центральная часть содержит дидактические рассуждения и описания «трудов» князя, расположенных в хронологическом порядке. По манере письма она похожа на краткие летописные погодные записи, фиксирующие заключения мирных договоров. В заключении автор восхваляет Бога, наделившего его определенными достоинствами, и призывает детей творить добро.

Наказы Мономаха носят религиозно-нравственный характер: он советует наследникам «страх Божий иметь выше всего», не лениться, самим вникать во все государственные дела, всегда быть готовыми защитить подданных, быть справедливыми, держать слово, помогать нищим, защищать сирот, вдов, быть милосердным в суде, почитать старших, сторониться пьянства, разврата, любить жену, но не давать ей власти над собой. Три добрых дела, считал он, побеждают зло: покаяние, слезы и милостыня.

Мономах вспоминает о собственной жизни, подкрепляет наказы наглядными примерами (и здесь прибегает к стилю житийного жанра). Он описывает 83 больших похода, в которых участвовал, охотничьи «ловы», ставя в заслугу себе ловкость, выносливость («коней диких своими руками вязал»; «и на войне, и на охоте, день и ночь, в зной и холод, не давая себе покоя, не надеясь ни на посадников, ни на бирючей; сам делал все»). Автобиографическая часть «Поучения» предшествует первой автобиографии в древнерусской литературе — «Житию» протопопа Аввакума.

Поводом и примером для работы Мономаха над сочинением, как показал М. П. Алексеев (см. **VII; 16, т. 2, стр. 39–80**), могли послужить рассказы его жены — англосаксонской принцессы Гиты об «Отцовских поучениях» (VIII в.), которые использовались для воспитания королевских детей в Англии. Можно провести аналогии с произведениями из средневековых литератур: с «Наставлениями» французского короля Людовика Святого, апокрифическим поучением англосаксонского короля Альфреда. Но параллели эти имеют лишь типологический характер: поучение Мономаха

вполне самобытно и гармонически сочетается прежде всего с характером государственной деятельности самого князя, с потребностями его времени.

Вводя распространенный в средневековой словесности жанр поучения в русскую литературу, Владимир Мономах проявляет как образованность, так и писательское мастерство. Он умело пользуется афоризмами «Псалтыри», «Шестоднева», материалами «Изборника» Святослава (1076 г.), содержащего греческие образцы поучения — «Поучение Василия Великого юношеству», «Слово некоего отца к сыну своему», «Поучение Ксенофонта к сынома своима».

Жанр поучения к детям традиционно опирался на библейские примеры (поучения в притчах Соломона). Однако, в отличие от канонических поучений, носящих только религиозно-дидактический характер, «Поучение» Мономаха содержало конкретно-исторические черты (в нем отразился идеал государственного и общественного деятеля эпохи междоусобных войн), автобиографическую часть, раскрывающую характер автора — смелого воина, мудрого правителя, человека, способного воспринимать красоту окружающего мира.

Отдельные места «Поучения» Мономаха отмечены чертами истинной поэтичности. С лирическим воодушевлением автор говорит о «божьем промысле», о красоте и богатстве мироздания, свидетельствуя о высоком уровне художественного мастерства, которым владели русские авторы к началу XII в. «Поучение» Владимира Мономаха — единственный в древнерусской литературе образец морального наставления, созданный не духовным лицом, а государственным деятелем. Оно опиралось на традиции существующих жанров, но и предваряло новые: литературный жанр автобиографии, который появился на Руси лишь в XVII в.

3. Ораторское красноречие XIII в. Интересным памятником ораторского красноречия ростовско-суздальской книжной культуры является **«Моление» Даниила Заточника (см. К.б.),** которое совместило в себе элементы просительного обращения и публицистического послания. Оно дошло в двух редакциях («Слово» (XII в.) и «Моление», «Послание» (XIII в.) Даниила Заточника), обе из которых вслед за риторическим вступлением содержат написанную высоким стилем просьбу облегчить судьбу автора, находящегося в бедности, подвергаемого гонениям, но обладающего незаурядным умом и образованностью и могущего быть советником князю. В центре «Моления» Даниила Заточника — идея сильной княжеской власти. Автор использует в своем произведении цитаты и афоризмы,

заимствованные из библейских книг, из «Пчелы», «Физиолога», «Повести об Акире Премудром», летописи, что придает произведению особую литературную специфику. Кроме того, памятник отличается своей загадочностью. До сих пор остаются не до конца решенными вопросы о времени его создания, о том, кто такой Даниил Заточник. Диаметрально противоположно решается проблема взаимоотношения двух основных редакций произведения.

Вопрос о редакциях и датировке произведения вызвал немало разногласий. «Первую» («Слово») датируют концом XII в. «Вторую» («Моление») связывают с временем татарского нашествия на Русскую землю. Такого соотношения редакций придерживались С. П. Обнорский, Б. А. Романов, указывающие на архаичность языка «Слова». Противоположное мнение выдвигали Н. К. Гудзий и В. М. Гусов (см. **VI; 12 или VII; 19**), выводившие старшинство «Моления» из наличия в этой редакции конкретного социально-обличительного материала.

Наиболее существенное различие между «Молением» и «Словом» — в их идейной направленности. В обеих редакциях в равной мере превозносится сила и могущество князя и княжеской власти. Однако в «Слове» князь не противопоставляется боярам, а в «Молении» резко подчеркивается превосходство князя над боярами. С точки зрения фактической наполненности, историчности и присутствия личного начала «Моление» дает большее представление о жизненных обстоятельствах, которые побудили автора написать текст. Здесь автор стремится установить новые критерии оценки общественной ценности человека не по тому положению, которое он занимает на ступеньках общественной лестницы, а по его личным достоинствам. Даниил Заточник считает, что право человеку на уважение в обществе дает прежде всего его ум. В «Слове» автор предстает перед нами в обобщенном образе библейского бедняка, от которого отвернулись его ближние и который терпит напасти не известно от кого. Без всякой логической связи в обращение к князю врывается бурный и несвязный памфлет против женщин.

«Вторая» редакция построена в соответствии с требованиями средневековой поэтики и состоит из трех частей: 1) вступления, 2) изложения и 3) заключения. Все три части взаимосвязаны, и каждая последующая расширяет основную тему. Текст начинается пышным риторическим обращением к «братии», предвкушением славы, которой будет окружено имя мудрого автора. Затем идет обращение к князю Ярославу Всеволодовичу, многократно сопровождающееся одними и теми же начальными словами:

«Княже мой, господине!». Вначале автор старается внушить к себе сострадание, затем настойчиво стремится доказать превосходство ума над богатством и воинской храбростью. Князь не должен лишить хлеба нищего мудреца и не должен возносить до облаков богатого глупца, ибо нищий, но мудрый подобен золоту в грязном сосуде, а богатый, но глупый подобен подушке из дорогой ткани, набитой соломой. Затем автор сообщает, что он пострадал под рабским ярмом и испытал всю горечь холопской зависимости от бояр. При этом он дает понять, что многие дружили с ним, когда он был богат, теперь же, при напасти, его постигшей, они отвернулись от него и, притворно выражая ему сочувствие, в сердце своем смеются над ним. Говоря о своей судьбе, автор прибегает к игре слов, использует аллитерацию: «Кому Переславль, а мне Гореславль; кому Боголюбиво, а мне горе лютое; кому Белоозеро, а мне чернее смолы…». Князь, может быть, посоветует ему жениться, взяв богатую жену,— продолжает автор, но тут же решительно возражает на это — злая жена подобна ссадине: здесь чешется, а здесь болит. Категорически высказывается он и против другого выхода из бедственного положения — поступления в монахи: лучше в бедности окончить свою жизнь, чем солгать Богу. Таким образом, тематика произведения многообразна: воспевание мудрости; тема идеального князя; тема бедности и богатства; тема семьи; взаимоотношения князя и его подданных; критика монашества. Ни в одном произведении предшествующего периода русской литературы личное начало не заявляется так настойчиво и принципиально, как в «Молении».

Спорно определение жанра и авторской сословной принадлежности (см. **VI; 12 или VII; 19**). Так, А. С. Орлов относил «Моление» к литературному памфлету, а его создателя считал человеком светским, начитанным и по церковным книгам, но не летописцем, а скорее рядовым членом княжеской канцелярии («признаков высокого и независимого положения, особой близости к князю, например, в виде участия в княжой думе, не замечается»; «видно заискивание и шутовское озорничество, которое тонет среди пышных цитат, долженствующих установить единственную привилегию автора — его книжность»). П. П. Миндалев называл автором первой редакции дружинника, относительно же второй полагал, что она сложилась «уже не в дружинной, а в иной среде» (предположительно, холопской). А. Н. Робинсон считал «моление»-послание самостоятельным жанром, хорошо известным европейскому Средневековью. К нему относились, например, просительная элегия монаха Эрмольда, посланная им из заключения сыну короля Людовика Благочестивого (IX в.), и «Пословицы»

(XIII в.), сочинение некоего итальянского «заточника». Византийские моления — литературно изложенные ходатайства о помиловании, об освобождении из тюрем — облекались в форму афоризмов и притч, иногда стихотворных. Образцы этого жанра были созданы Феодором Продромом и ослепленным в тюрьме Михаилом Гликой (XII в). Признавая типологические соответствия в жанровой структуре, тематике и стилистике этих молений, А. Н. Робинсон связывает своеобразие русского памятника с его памфлетным характером. В. В. Кусков считал «Моление» контаминацией послания-просьбы, поучения, обличительного слова и панегирика. Вслед за И. У. Будовниц и А. Н. Робинсоном ученый относил произведение к памятникам ранней дворянской публицистики. Л. А. Дмитриев утверждал, что Даниил — подневольный человек из категории княжеских «милостников», которые происходили из самых различных слоев. Д. С. Лихачев возводил нарочитую грубость автора, его балагурство к скоморошьим традициям. А. П. Щапов и Н. К. Гудзий предполагали, что Заточник — холоп, М. Н. Тихомиров, вслед за Д. Айналовым, подчеркивал отличное знание им ремесел и выводил отсюда принадлежность его к ремесленникам.

Мы не можем даже быть уверенными, существовал ли в действительности Даниил, когда-то впавший в немилость у своего князя и находившийся на озере Лача. Неясно и само слово «заточник»: оно может иметь значение и «заключенный», и «заложившийся». «Моление», по существу, не имеет сюжета, состоит из афоризмов, изречений, соединенных таким образом, что из последовательного их чтения можно понять биографическую линию автора. Эти пословицы частью заимствованы из летописей («Не лгал бо ми Ростислав князь: лепше бы ми смерть неже Курское княжение»), частью сочиненные («Кому Переяславль, а мне Гореславль»). Объединенные стоящим за ними человеком, они становятся уже не сентенциями вообще, а начинают восприниматься как перипетии жизни Даниила, князя, к которому он обращается, различных представителей общества того времени, о котором он говорит. Личностный характер повествования усиливается сквозным обращением Даниила к князю: «Княже мой, господине!». Этот повтор на протяжении всего текста придает ему цельность, делает его афористическим по форме повествованием о судьбе человека. По идейной направленности «Моление» не расходится с другими памятниками этого периода. Пользуясь книжными цитатами («Земля и деревья дают плоды, а князь людям — богатство и славу»), автор рисует идеальный образ князя — радетеля о благе подданных: физически и нравственно совершенного, щедрого, богатого, покровительствующего мудрым.

К XIII в. относятся учительные слова **Серапиона Владимирского** (? — 1275), епископа Владимира, Суздаля и Нижнего Новгорода. Из пяти небольших слов, дошедших до нас и, несомненно, принадлежащих Серапиону Владимирскому, самым выдающимся примером красноречия писателя большинство ученых считает его третье «Слово». Идея его связана с призывом к духовному возрождению ради спасения Русской земли. Слова Владимирского представляют собой как бы единый цикл, в котором автор с болью описывает бедствия периода нашествия монголо-татар. Они сходны в содержательном отношении: содержат обличение грехов и призыв к покаянию, обращенный к слушателям. В двух поучениях о монголо-татарском иге автор утверждает идею божьего гнева за грехи современников, погрязших в пороках и безверии. В двух последних своих словах, созданных в последние годы жизни, Серапион Владимирский говорит о местных обычаях: выступает против самосудов над волхвами, выкапывания утопленников ради урожая и т. д.

Поучения Серапиона Владимирского следуют традиции торжественного красноречия домонгольской эпохи: они кратки, отличаются сдержанным цитированием Библии, образностью. Автор тщательно выбирает синонимы для передачи мысли («землею трясеть и колеблеть»), варьирует повествовательную форму и серию вопросов, умело использует обычные риторические приемы церковного ораторства (риторические вопросы, восклицания, повторы, сцепление однородных синтаксических единиц в периоды и перечисления), которыми, однако, не злоупотребляет. Лирические характеристики разоренной Руси приобретают особую выразительность благодаря ритму, который присущ всем поучениям Серапиона. Подобно тому, как в Библии встречаются параллельные выражения, создающие иллюзию стиха, Серапион расчленяет свою речь на парные предложения, своего рода двустишия, основанные на параллелизме или на противопоставлении. Ясность плана, логичность доказательств и удачное соединение изысканно-книжных оборотов речи с простым, почти разговорным языком характерны для авторской манеры Серапиона Владимирского. В отличие от Иллариона и Кирилла Туровского, в «словах» Серапиона Владимирского сильнее выражены непосредственные человеческие чувства, им присуща большая простота и ясность изложения. Его поучения получили литературное признание и попали в популярные сборники XIV — XVвв. «Златоуст», «Измарагд», «Златая Цепь».

Наконец, в XIII в. создано **«Слово о погибели русской земли»** (не ранее 1240 г.), где идет речь о монгольском нашествии 1237–1238 гг. на

северо-восточную Русь. Центральная идея «Слова» — прославление Русской земли, «светло светлой и украсно украшенной», скорбь о разорении ее иноземцами. С гордостью рисует неизвестный автор природные богатства своей «светло светлой» и «украсно украшенной» родины, ее необъятные просторы (на западе они соприкасаются с землями «чехов», «угров» и «ляхов», на севере замыкаются «Дышучим морем», на востоке тянутся далеко за «буртасами» и «мордвой»). Кроме того неизвестный автор говорит о славе Руси — грозных князьях и честных боярах.

И. П. Еремин предполагал, что завершающая текст фраза свидетельствует о переходности по отношению к какому-то несохранившемуся повествованию, героем которого был, вероятно, великий князь Юрий Всеволодович, павший в неравном бою с татарами. А. В. Соловьев считал, что «Слово о погибели русской земли» по стилю и жанру было близко «Слову о полку Игореве». Оба произведения имеют однотипные заглавия, написаны в свободном ритме, пронизаны глубоким лиризмом, объединяют прошлое и настоящее — все это свидетельствует, по мнению исследователя, о том, что авторы двух произведений принадлежали к одной поэтической школе. Н. И. Серебрянский и А. С. Орлов считали «Слово» предисловием к светской биографии Александра Невского, написанной одним из его дружинников после смерти князя (см. **VI; 12 или VII; 19**).

Патриотический пафос, лирическое восприятие природы, отчетливая ритмическая проза, детали поэтической фразеологии, традиционные для ораторского красноречия средства (риторические восклицания, гиперболы, антитезы) сближают «Слово о погибели русской земли» со «Словом о полку Игореве».

4. Ораторская проза XIV — XVII вв. В XIV в. жанр ораторского красноречия переживает кризис. Культивируется преимущественно церковное красноречие.

Жанр поучения, церковный по характеру и по форме, занимал в древнерусской книжности особое место. В самую раннюю пору общей христианизации Руси в нее проникли югославянские сборники поучений, проповедей, «слов», преимущественно переведенных с греческого. В процессе бытования учительных сборников на Руси их состав варьировался, пополнялся новыми, оригинальными произведениями местных писателей, зачастую прикрывавших собственное авторство именами византийских общепризнанных знаменитостей. Наивысшего развития учительные сборники достигли на Руси в XIV в. («Златоуст», значительно пополнивший состав одноименного своего югославянского предшественника; «Книга,

глаголемая Измарагд»; «Златая цепь»; «Паисиевский» сборник). Тематика и форма церковного учительства, его система дидактики наиболее отчетливо отразилась в составе «Измарагда» (грецизм, значит «изумруд»). Это произведение представляет собою свод церковных и морально-бытовых норм, изложенных афористически в сотне строф. Общими темами являются добродетели, грехи и наказания, «казни божии», семейный уклад. Включение столь разнообразного материала в свод обозначало пригодность для ранней русской эпохи значительной суммы предписаний, веками накопленных церковной культурой. Сам факт создания такого свода свидетельствовал о наступившей потребности сведения воедино норм для руководства церковно-общественным бытом всей Руси в целом.

К XV в. самостоятельное учительное творчество на Руси было стеснено, по крайней мере для провинциальных областей, и вместо живой проповеди рекомендовалось оглашать подходящие к случаю статьи из этих сборников. Они сохранили в своем составе и ранние русские поучения против язычества, и первые элементарные схемы догматов и обрядов новой веры, критику отступлений от нее в «двоеверном» быте, и ораторскую риторику похвал и прославлений, назначенную для людей, уже вкусивших от литературного искусства.

В XV в. в связи с господством риторического стиля в литературе ораторское красноречие несколько восстанавливает свои былые позиции, в частности, в так называемых «словах», связанных с именами чаще всего крупных деятелей. Лучшие из них посвящены московскому великому князю Дмитрию Ивановичу, тверским князьям Михаилу Александровичу и Борису Александровичу. Здесь украшенный риторический стиль уже прямо подчинен задачам общественным: элементы религиозной похвалы, панегирик князю, публицистический пафос и историческое повествование слиты воедино. В середине XV в. создано «Похвальное слово инока Фомы тверскому князю Борису Александровичу», образец ораторской публицистики. В нем переплетаются темы могущественной княжеской власти и единства Руси. В центре произведения — образ могучего и славного русского князя, мудрого политика, храброго воина. Идеализация Бориса достигается системой риторических приемов, сравнением с царями великих мировых держав, подчеркиванием морального совершенства князя. В слове настойчиво проводится идея союза московского и тверского князей: рассказывается о братском отношении Бориса к Василию Темному, об обручении будущего Ивана III с дочерью Бориса.

Отдельные черты жанра поучения можно обнаружить в **«Домострое»** (первая половина XVI в.), устанавливающем нормы для семейного быта, регулирующем государственную жизнь и обязанности человека по отношению к царю и государству. По сути это назидательно-публицистический памятник, «поучение и наказание всякому православному христианину», развивающее традицию переводных проповеднических сборников («Измарагд», «Златоуст»). Составленный в богатом торговом обществе Великого Новгорода, «Домострой» был затем несколько упорядочен в Москве благовещенским священником Сильвестром, выходцем из Новгорода. Во всех редакциях «Домострой» делится на три основных части: «како веровати» и «како царя чтити» (поведение в миру); «како житии с женами и с детьми и с домочадцы» (поведение в семье); «о домовном строении» (хозяйство). Большая часть статей написана живым русским языком, не содержит сложного сюжета. Иногда в повествовании «Домостроя» встречаются аллитерации, прямая речь, ритм. Сильвестр присоединил к «Домострою» свое «Поучение и наказание ото отца к сыну», где повторил основные положения и подкрепил их примерами из своей жизни.

Лишь в середине XVII в. церковное красноречие возрождается, хотя и на иной основе: украинской «барочной» традиции, проводниками которой становятся воспитанники Киево-Могилянской коллегии (Иоанн Шматковский, Лазарь Баранович, Иоанникий Галятовский и др.). Теория «барочного» красноречия требовала от оратора не только обширных энциклопедических познаний, но и профессионального мастерства. Обязательная трехчастная композиция, актуальная тема, пояснение мысли при помощи сравнений, развлечение слушателей шуткой, неожиданным вопросом, каламбуром — вот традиционные приемы ораторов XVII столетия. В результате создавалось целое архитектурное сооружение, четкое по своему композиционному строению, но обрамленное крайне сложным и вычурным словесно-декоративным орнаментом.

Литература XVII в. пополнилась большим количеством поучений и проповедей. Многократно переиздавались сборники сочинений отцов церкви — Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста, Иоанна Лествичника. С поучениями выступали все русские патриархи XVII в.— Филарет, Иосиф, Никон, Иоаким, Адриан. В Москве трудились необычайно плодовитые проповедники — Епифаний Славинецкий, Евфимий Чудовский, Симеон Полоцкий, на Урале неизвестный проповедник подготовил большой рукописный сборник проповедей «Статир».

Образцом ораторского красноречия XVII в. могут служить проповеди **Епифания Славинецкого**. Они относительно просты, хотя элементы «барочного» стиля в них уже явны. Склонный к отыскиванию во всем таинственного, аллегорического смысла, Епифаний иногда всю проповедь превращает в сплошное толкование Св. писания. Он цитирует «Одиссею», Плутарха, Демокрита. В духе «барочной» прозы Епифаний использует нарочито затрудненную речь, насыщенную сложными и вычурными метафорами.

Наиболее яркое выражение украинское «барочное» красноречие на русской почве получило в ораторской прозе **Симеона Полоцкого (см. К.б.).** В 1681 г. вышел первый сборник его проповедей — **«Обед душевный»**, а в 1683 г. второй — **«Вечеря душевная»**. Следуя установившейся традиции, темами для своих проповедей Полоцкий брал обычно текст Священного писания, какой-либо богословский вопрос. Характерной особенностью его проповедей является обилие различных образных «прикладов», взятых из различных областей знания: истории библейской и гражданской, жизни древних философов, мифологии и поэзии. Для проповедей Полоцкого характерны свойственные «барочному» стилю метафоричность и аллегоричность. Словесный украшающий элемент занимает в них большое место, но иногда он опирается на старую библейско-византийскую традицию: «огнь, терние греховное попаляяй, хлад беззаконий отгоняяй, сосуды душ наших от скверн очищаяй».

В 1680–1690-е гг. пробовал подражать ораторскому искусству Симеона Полоцкого **Карион Истомин (см. К.б.)** — сборник проповедей «Веселеил, си есть Скиния божия» (1699). В начале XVIII в. традиция украинского «барочного» красноречия отразилась в творчестве Дмитрия Туптало, **Стефана Яворского (см. К.б.),** Гавриила Бужинского, Феофилакта Лопатинского. Новый этап в развитии русской «барочной» ораторской прозы начинается с появлением «политического» красноречия Феофана Прокоповича.

В русской исторической и публицистической литературе уже в XV — XVI вв. был известен жанр «плача» как особой формы лирического сетования о судьбе всего государства или отдельной его области в годину тяжелых бедствий (так описано взятие Царьграда 1453 г., плачем закончена повесть о Псковском взятии 1510 г.). В начале XVII в. жанр «плача» почти одновременно был использован в украинско-белорусских землях и в Московской Руси в аналогичной исторической обстановке. «Фринос» Мелетия Смотрицкого (1610 г.) выразил страстную защиту теснимого иезуитами православия. «Плач о пленении и о конечном разорении

превысокаго и пресветлейшаго Московского государства» (1612) — лирическое сетование о бедствиях русского народа и горячий призыв против польской интервенции. Он написан после сожжения Москвы и взятия Смоленска. Описание фактов в «Плаче» дано через риторические картины, эмоциональную речь участников событий, покаянные размышления автора, его рассуждения о причинах «смуты».

Риторическое вступление, портрет Самозванца — «предтечи богоборного антихриста, сына тьмы», описание былого величия и теперешнего разорения Московского государства позволяют считать неизвестного автора продолжателем традиций Кирилла Туровского и Даниила Заточника. Создатель «Плача» связывает причину бедствий с падением общественной морали русского народа: «правда в человецех оскуде, и воцарися неправда, и всяка злоба и ненависть и безмерное пиянство и блуд и несытное мздоимание и братоненавидение умножися». «Плач» осуждает русских изменников, поддерживавших планы Сигизмунда, и ставит в пример всем патриарха Гермогена, преданного рачителя христианской веры. «Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского» — панегирик князю Скопину-Шуйскому, украшенный торжественной риторикой, уподоблениями воеводы библейским героям, цитатами из священного писания. Изображая Скопина защитником Русского государства от «польских и литовских людей», отравленным на пиру бесталанным воеводой Дмитрием Шуйским, неизвестный автор показывает его смерть как оплаканную всем народом.

В XVII в. появляются нравоучительные трактаты, в основном переводные. Они отличались от поучений и проповедей своей «научностью», детальностью и систематичностью изложения, а нередко и светским содержанием. В качестве примера можно указать «Арифмологию» Николая Спафария, где перечислялись добродетели и грехи, «Тестамент греческого царя Василия к сыну своему Льву Философу» о правилах управления государством.

Тема 8. Эволюция жанра хождения в отечественной литературе XI — XVII вв.

1. Понятие жанра. Странничество (паломничество) по монастырям и святым местам (в Константинополь, в Палестину, на Афон) начинается на Руси в XI в. В средневековом сознании земли «святые» (южные и восточные) противопоставлялись «грешным» (северным и западным). Жизнь на «грешных» землях наносила ущерб душе. Тяжелое странствие

и поклонение святыням считалось своего рода покаянием, приобщением к Божественной энергии, духовным очищением.

Представители русской церкви отправлялись на Восток за книгами, иконами, для укрепления связей с авторитетными зарубежными церквями. Частные путешественники («паломники», «калики», названные по наименованию пальмовых ветвей, которые они приносили с собой, или по названию обуви — «калиг») стремились приобщиться к религиозным святыням, увидеть природу и богатства Палестины. Уже с XII в. массовые паломничества были запрещены специальными указами (новгородский епископ Нифонт расценивал их как способ «порозну ходяче ясти и пити»). К началу XIII в. запреты на путешествие в Палестину распространились даже на рядовых монахов, которым было рекомендовано «не ногами искать спасения и бога», а выполнять обеты иноческой жизни.

В XII в. паломничества к «святым местам» создали в русской литературе особый литературный жанр «хождений» («паломничеств», «странников», «путников») — описаний паломнических путешествий, которые должны были удовлетворить запросы людей, лишенных возможности побывать в святых местах. Авторы сознательно стремились сделать читателей попутчиками в благочестивых странствиях, настроить на религиозные размышления, отвлечь от мирской суеты. С другой стороны, паломнические сочинения были путеводителями для будущих путешественников. Поэтому «хождения» — не художественные произведения в собственном смысле: художественные их достоинства возникали ненамеренно. Первоначально авторы не стремились отразить быт, нравы народа, историю стран, описания природы и проч., а только фиксировали увиденные святыни и место их расположения.

К XII в. оформляются каноны русского паломнического хождения: 1) сжатый рассказ о пути к святым местам; 2) подробное изложение их истории, перечень (часто фрагментарный), достопримечательностей, описание их внешнего вида; 3) отсутствие рассказа об обратном пути; 4) авторы часто не упоминали своего имени, мало писали о себе (повествование обычно от первого лица множественного числа — «мы»); 5) тяготы пути соотносились с бедствиями, ожидающими человека на земном пути искушений и спасения; 6) милость к автору со стороны властей рассматривалась как честь, оказанная Руси, или свидетельство Божественного покровительства паломнику; 7) фрагментарность повествования; 8) сочетание в стиле разговорного языка при описании городов, культуры и языка книжного, старославянского при цитировании Библии, в лирических отступлениях.

В отличие от других христианских литератур средневекового периода, на Руси хождения бытовали не на латинском, а на древнерусском языке. Первые паломничества дошли до нас в устных преданиях, вошедших в летописи и книжные легендарные сказания (былина о Василии Буслаеве, отправившемся к Христову гробу, былина о «сорока каликах», легенда о полоцкой княжне Евфросинии). В XII в. появляются авторские хождения.

2. «Хождение» игумена Даниила как паломническое хождение. Игумен **Даниил** (вторая пол. XI — начало XII в.) **(см. К.б.)** побывал в Палестине (с 1106 по 1108 г.) и описал свое путешествие не позже начала 1113 г. В отличие от других писателей, он не дал о себе сведений биографического характера, только по особому вниманию к южным князьям и по упоминанию в хождении реки Снови, протекающей в Черниговском княжестве, можно предположить, что он был игуменом какого-то южнорусского, возможно, черниговского монастыря. Даниил называет себя «игумен Даниил Руския земля», тем самым подчеркивая, что он представитель, пусть не официальный, Киевского государства. Патриотизм Даниила заставляет его внимательно отметить те случаи, когда ему, как «игумену русскому», было оказано предпочтение перед другими паломниками. Он рассказывает, как король Балдуин провел его в своей свите через толпу паломников в церковь Гроба Господня на Пасху «и повеле поставити высоко над самыми дверми гробными», чтобы он мог видеть всю церемонию; как его пускали туда, куда никому не было разрешено входить («в столп Давидов») .

В пространном вступлении, содержащем этикетное самоуничижение, автор говорит о цели и обстоятельствах путешествия, своем литературном замысле. Даниил стремится описать святые места, чтобы читатели устремились к этим местам мыслью и душою и тем самым приняли «от Бога равную мзду» с теми, кто «доходил до святых мест». Тем самым читатели должны были получить ту же пользу для души, что и путешественник (наряду с познавательным, хождение обретало нравственно-воспитательное значение). Главной задачей Даниила становится создание представления о всех памятных местах Иерусалима и его окрестностей, связанных с библейской историей. Рассказ строится по плану: 1) путь от Царьграда до Иерусалима; 2) Иерусалим и его окрестности; 3) древняя Галилея и места Самарии; 4) нисхождение света святого к гробу Господню; 5) заключение, или послесловие (хвала Богу, покаяние в грехах, описание чуда возгорания лампады в храме Гроба Господня). К каждому описанию Даниил присоединяет краткое напоминание об эпизодах земной жизни Христа, Богоматери, Апостолов, пророков.

Повествование о путешествии по «святой» земле заканчивается в центре Иерусалима хвалой Богу, покаянием в грехах и описанием чуда в храме Гроба Господня.

К началу XI в. уже сложилось два типа греческих и латинских описаний Палестины: сжатые, представляющие собой по сути перечень пройденных мест, иногда с указанием расстояний между ними («Бордосский путник» 333 г.), и развернутые, в которых упоминание о каждом пункте сопровождалось либо ссылкой на соответствующий факт библейской истории, либо точной цитатой из нее, из апокрифа или местной легенды. Даниил тяготеет ко второму типу «путников», дававших своеобразное топографическое переложение библейского повествования. Описания святынь у Даниила конкретно: указывается месторасположение здания, размеры, число дверей, окон, столпов, ступеней, материал, из которого сделаны отдельные его части, перечисляются все иконы, кадила и другие церковные предметы. Местные легенды, прикрепляющие те или иные события церковной истории к определенным местам, Даниил сообщает обычно в краткой форме (описание темницы, где был заключен Иисус), в развитом виде легенды приводятся тогда, когда они опираются на книжные источники, например, апокрифические сочинения (легенда о том, что голова Адама оказалась под камнем, на котором стоял крест Христа: и в минуту его смерти «камень тъ проседеся над главою Адамовою и тою разселиною сниде кровь и вода из ребр владычень и омы вся грехи рода человеча») .

Сомнение в «чистоте» латинского христианства Даниил отразил в описании пасхального «чуда» в Иерусалиме. Он отметил, что три православных «кандила» на гробе загорелись от «небесного огня», а от «фряжьских кандил» «ни одно же возгореся», и даже тогда, когда их зажгли от горевших лампад, их «свет инак бяше». Не понравилось, видимо, Даниилу и латинское богослужение, когда начала «латина верещати свойскы». Но эти сомнения не помешали Даниилу, как и многим его современникам, признавать достоинства «латинян» и общаться с ними. Латинского короля Балдуина он называет мужем «благодетельным» и «смиренным», ставит в заслугу «фряжскому епископу», что тот «обновил и устроил добре» запустевший в Назарете дом Иосифа, мужа Марии; с благодарностью Даниил упоминает, что в пути его и спутников «фрязи почьстиша добре питием и ядением и всем».

Богато иллюстрируя свое изложение библейскими и апокрифическими сказаниями и местными легендами, Даниил не ограничивает задачи своего описания одной религиозной тематикой. Он рассказывает о природе,

земледелии, скотоводстве, промыслах Палестины, народах, ее населяющих, описывает ландшафт, архитектуру, при этом параллельно отражает «русскую» тему (запись на вечное поминание десяти русских князей враждовавших княжеств; упоминание об особом почете русским в Палестине и т. д.). Так, например, он сообщает, что на острове Ахии «лежит святый мученик Исидор и в том острове ражается мастика и вино доброе и овощь всякий», что на острове Самосе «рыбы многы всякы и обилен есть всем островот», что Иерусалим живет «дождевою водою», так как «безводно место то есть», но божием повелением здесь «родиться пшеница и ячмень изрядно… виногради мнози…». Подробно описана река Иордан, в которой «вода мутна вельми и сладка пити». Даниил сравнил ее с рекой Сновью, измерил ее глубину («ибо перебродих на ону страну Иордана»), описал леса по ее берегам, в которых «древо невысоко, вербе подобно есть», зверей («и свинии дикии бещисла много, и пардуси мнози ту суть, львове же»). Тем не менее многие деловые описания дополнены легендарными справками: Содомское море «мертво, не имать в себе никако же животна, ни рыбы, ни рака, ни сколии», со дна его исходит смола черная — «ту бо есть мука под морем тем»; гора Хеврон и ее окрестности — Хананея, которую «обеща бог Аврааму», богаты и плодовиты: «пшеницею и вином и маслом и всяким овощом обилна есть зело, и скотом умножена есть; и овци бо и скоти дважди ражаются летом…».

Художественная сторона описания несущественна для Даниила: цель его повествования — дать наглядное представление о каждом предмете. Палестинский пейзаж, например, создавался с помощью повторяющихся и слабо живописующих определений: «грозно и безводно есть место то и сухо», «дебрь каменна и страшна», «место красно и высоко», «лес велик и част». Свои впечатления Даниил выражал сдержанно: «дивно», «добре» и т. д. Лишь изредка, в лирических отступлениях, он использовал приподнятую, украшенную речь, передавая, например, религиозные настроения паломников при виде Иерусалима. В целом язык его хождения, за исключением цитат из Библии или апокрифов, прост и точен (автор провозгласил, что писать произведения подобного рода надо «не хитро, но просто»), обстоятелен в описаниях, напоминает язык летописей. Стиль совмещает разговорную речь (описание городов), старославянизмы (цитирование Библии), умеренно риторическую речь (лирические отступления) .

Родоначальник в русской литературе жанра хождения, Даниил дал образец, которому следовали писатели-паломники до XVII в., акцентируя внимание либо на светской, либо на религиозной части описания. Со

временем хождение Даниила было переработано в своего рода путеводитель, из которого выпали все биографические моменты. По нему проверяли свои сведения более поздние путешественники. Один из них — Даниил Корсунский (XVI в.) — лишь слегка подправив и дополнив некоторыми новыми данными хождение Даниила, пустил его в свет под своим именем.

3. Путешествия XIII — XV вв. В XIII в. путешествовать в Палестину и Византию стало довольно трудно. Монголы наводнили русские степи и закрыли доступ на юг. Лишь с начала XIV в. возобновились деятельные отношения Руси с Афоном и Константинополем. Хождения шли главным образом из Новгорода. Их связь с традицией XII в несомненна, но и очевидно, что дальнейшее развитие жанра «хождений» было обусловлено расширившейся тематикой и новыми задачами самих путешествий, диктуемых временем.

К XIII в. относится более бедная фактическим материалом и более схематичная, в отличие от хождения Даниила, «Книга паломник», или «Странник» новгородца **Добрыни Ядрейковича**, впоследствии архиепископа новгородского Антония, который посетил Царьград в 1200–1204 гг. Добрыня отправился в Царьград, видимо, по церковным делам (приглашение иконописцев, зодчих), а попутно осмотрел и описал все религиозные достопримечательности. «Книга паломник» давала достаточно схематический перечень святынь, зато включила в себя местные царьградские легенды, в том числе фантастические, которые не встречаются у Даниила (автор описывает «12 кошей» хлеба, оставшегося от того, которым Христос накормил народ во время проповеди; рога того «овна», которого Авраам принес в жертву вместо своего сына). В описании зданий Добрыня-Антоний оказался точным, как и Даниил. Но, в отличие от последнего, автор «Книги паломник» сопровождает свое изложение нравоучениями: «Смотрим же, братие, сице добродетель доводит чти и сана великого».

В XIII в. Константинополь был городом величественных храмов, грандиозных дворцов, произведений искусства, привезенных из Египта, Италии, Малой Азии. Поэтому в отличие от ранних хождений (например, новгородца Антония), в XIV в. хождения в Царьград включают описания замечательных произведений монументального искусства. Двадцатыми годами XIV в. датируется «Сказание о святых местах о Костянтинеграде», автором которого считают новгородского архиепископа **Василия**. К середине XIV в. (1348–1349) относится хождение в Царьград Стефана Новгородца («От странника Стефанова Новгородца»), первое в истории русской литературы мирское путешествие, описывающее колонны Софийского храма,

статую Христа в «новой» базилике, колонну Константина Великого, художественную утварь храмов, а также гавань с решетчатыми вратами и военные суда — катарги. Хождение написано просто, сжато и носит деловой, строго фактический характер. Достопримечательности Константинополя получили изображение точное, но художественно наивное. Стефан не морализирует и не прибегает к дидактике. Элемент чудесного и легендарного присутствует в хождении в умеренной степени (легенда о появлении изображения мадонны на мучном лотке в Студийском монастыре). Характер путеводителя по Константинополю имеют также новгородские анонимные «Сказание о Царьграде» и «Беседа о святынях Царьграда» (XIV в.) .

XIV — XV вв. выдвигают не только паломников-писателей: описания путешествий в это время делаются и участниками официальных посольств в Константинополь и Западную Европу по церковным делам, и купцами, совмещающими паломничество и торговые поездки. В это время растет интерес к мирской жизни, быту городов, обычаям латинских стран. Эта новая тематика обогатила бытовой речью язык хождений и сократила цитирование легендарных памятников («Исхождение» Авраамия Суздальского). Московское «Хождение» **Игнатия Смольнянина** описывало путешествие из Москвы к Царьграду. Описание религиозных достопримечательностей Царьграда и Палестины выполнено в обычной манере паломнических хождений: перечень святынь сопровождается кратким изложением связанных с ними легенд, изредка — выписками из Библии. Подробно описывалась дорога к Царьграду: встреча с татарами и «фрягами», а также вооруженное столкновение в Царьграде двух партий — сторонников императора Иоанна II и Мануила II, а затем венчание Мануила на царство.

В 1439 г. появилось старшее русское описание Западной Европы, возникшее в связи с русским посольством в Феррару и Флоренцию, где должен был собраться собор для обсуждения вопроса о возможности соединения разделенных с XI в. христианских церквей — «Хождение на Флорентийский собор» и «Заметка о Риме» неизвестного автора. Митрополит Исидор-грек, только поставленный на русскую митрополию, двинулся в путь с большой свитой. Рассказ о посольстве сохранился в путевом дневнике и примыкающем к нему описании мистерии благовещения (автор точно не известен, предположительно, светский человек). Дневник («Дневник путешествия Исидора в Западную Европу») начинается с описания дороги из Москвы в Тверь, а затем городов, встречающихся на пути к Риму. Автор описал иноземные диковины: «палаты вельми чюдны», «садове красны»,

фонтаны, водопроводы, монастырское книгохранилище, часы с ангелом, трубящим в трубу. Чужие обычаи (католики вешают на иконе изображение «вощаны» людей или частей тела, исцеленных иконой) описываются спокойно, без полемики. Интерес к религиозным предметам выражен слабо в нескольких заметках о монастырях, мощах Марка и других, «иманых из Царьграда», в описании особо богатых церквей. Легендарное проявляется в эпизоде спасения корабля от бури на пути из Риги благодаря молебну. Автор не дает своей оценки унии и доводит путешествие до возвращения в Суздаль (то есть нарушает канон традиционного хождения), что дает возможность предположить в нем светского человека.

К XV в. относится **«Хождение за три моря»** тверского купца **Афанасия Никитина (см. К.б.),** который в 1466 г. направился по торговым делам в Персию, был ограблен недалеко от Астрахани монголо-татарами, затем с шемахинским послом, ехавшим от Ивана III, попал в Персию, а оттуда — в Индию. С начала описания Индии Никитин фиксирует собственные впечатления о стране: его поражает вид нагих черных туземцев с особыми прическами, жара. Он описывает одежду всех сословий, пищу, нравы, обычаи, положение женщин, торговых людей, общественное устройство, способы торговли, двор бедерского султана, выезды хана Магомета, его братьев и бояр. Представляя ряд городов и местностей (Калькутту, Цейлон, область Пегу, Южный Китай), Никитин делает замечания о природе страны, климате, погоде, верованиях жителей, об управлении, количестве войска. Русские слова в его повествовании чередуются у него с восточными.

Религиозный и преданный своей вере, Никитин жалуется, что, живя в Индии четыре года, он потерял счет времени, не мог соблюдать христианские посты и праздники, иногда постился с индийцами по их обряду. Вспоминая родину, Никитин говорит о ней с любовью: «А Русская земля! — да сохранит ее Бог! Боже, сохрани ее». Тема тоски по родине, пожалуй, основная тема «Хождения». Она присутствует не только в словах Никитина о том, что нет на свете страны, подобной Русской земле, хотя «правды мало в ней», но и в других местах, где тоска по родине отражена косвенно.

Форма хождения Никитина напоминает паломническое путешествие — рассказ от первого лица, разделение повествования на ряд самостоятельных эпизодов, перечень географических пунктов с указанием расстояний между ними, традиционное упоминание богатства и изобилия описываемых стран. Но содержательная часть отличается от канонов значительно:

1) цель путешествия не религиозная, а торговая; 2) поведение героя не соответствует идеальному поведению паломника (не отмечает христианских праздников, ест с иноверцами и т. д.); 3) повествование характеризует героя, включает обильный автобиографический материал; 4) записки напоминают дневник, автор не заботится о красоте стиля; язык прост, включает много разговорных слов; 5) автор со строгой фактичностью описывает обычаи и нравы жителей Индии, животный мир, климат, местные предания, легенды; 6) рассказывается о приключениях на пути в Индию и о бесконечной обратной дороге домой.

Идеей произведение можно считать вывод из многолетних наблюдений Афанасия Никитина, что жизнь разных народов имеет много общего и достойна уважения, что земля не оканчивается пределами трех морей и что нет в мире лучше Русской земли.

Значение «Хождения за три моря» можно определить следующим образом: 1) автор дал русскому читателю представление об огромных пространствах земного шара — от Египта до Тихого океана; 2) произведение почти энциклопедично: содержит сведения о городах мусульманского Востока, экономике, торговле, религии, быте, климате, войнах, искусстве, ремеслах и многом другом; 3) облик самого повествователя свидетельствует о мировоззрении, культуре, религиозности русского человека XV в., его отношении к нравам и обычаям других народов и т. д.; 4) автобиографичность и лиричность «Хождения», передающего душевные переживания и настроения автора, были новыми чертами в древнерусской литературе XV в., предваряющими появление автобиографических житий XVII в.

4. Хождения XVI — XVII вв. После завоевания турками Константинополя в 1453 г. значительно сократилось количество частных путешествий в Палестину. Привычный путь через Царьград стал мало доступным. Но вместе с тем именно с XVI в. начались поездки царских послов на христианский Восток для раздачи милостыни обедневшим под властью турок восточным патриархам и монастырям и для ознакомления с политическим состоянием дел Турции. Сведения о религиозных достопримечательностях Востока приносили в Москву в XVI в. и восточные монахи, сами нередко приезжавшие сюда за царской милостыней. Так, ко времени митрополита Макария относится не лишенное литературного значения описание Афонской горы и ее монастырей игуменом Пантелеймонова русского монастыря на Афоне **Иоакимом** (1560). При всей краткости, делающей местами это описание похожим на справочник, оно хорошо передает впечатление от суровой и дикой природы Афона. На

горе не пашут и не разводят скот, зато вокруг есть фруктовые сады, виноградники, масличные рощи, реки, обильные мелкой рыбой. В заключении упоминается о дани, которую брали турки со всех видов монастырских доходов.

В распоряжении русских авторов хождений в XVI в. оказался переведенный с греческого справочный путеводитель «Поклоненье св. града Иерусалима», где описываются святыни Иерусалима и его окрестностей с указанием расстояний до соседних пунктов, сжатым изложением связанных с ними библейскими или местными легендами. Именно он был взят за основу хождения, возникшего в связи с посольством от Ивана IV в 1558 г. в Царьград, Иерусалим, Египет и на Афон для передачи местным монастырям царской милости. Возглавлял посольство архидиакон Геннадий, а докладную записку составлял **Василий Поздняков**, купец по профессии. С именем Позднякова и связывают обычно хождение «Послание благоверного царя и великаго князя Иванна Васильевича». Оно включало обширные самостоятельные части (риторическое послание Ивана Грозного к патриарху Иоакиму; описание официального приема русского посольства патриархом), лишь после этого следовал обычный рассказ о самом путешествии, впечатлениях от чужой природы, от жизни местных христиан, их легенд.

Хождение Позднякова в конце XVI или в самом начале XVII в. было переделано кем-то, знавшим о поездке в Палестину Трифона Коробейникова в 1593–1594 гг., и под именем этого путешественника сделалось одним из наиболее популярных памятников древнерусской литературы. В 1582 г. Иван IV отправил посольство в Царьград и на Афон раздать милостыню на помин души убитого им сына. В этом посольстве был в том числе купец Трифон Коробейников, впоследствии участвовавший в поездке в Палестину. В хождении Трифона Коробейникова описываются церкви, торги, укрепления в городах, при этом часты сравнения их со знакомыми русскими местами. В турецких владениях внимательнее всего описаны мечеть и быт дервишей. К сжатому описанию Царьграда добавлен рассказ-легенда о том, как «безбожный царь Салтан по дьяволю учению» хотел разорить церковь св. Георгия. «Хождение Трифона Коробейникова и како ходил во Иерусалим и многия святыя места видел» (1582) сделалось своего рода обобщением всех популярных паломничеств о Палестине и заняло важное место в сознании массового читателя.

Паломнические сочинения в XVII — начале XVIII в. («Хождение» Арсения Суханова (XVII) и др.) переживают упадок. Хождение как жанр,

сохранив свои характерные признаки, видоизменилось после того, как в его рамки вплелись самостоятельные части — официальные документы в виде посланий, грамот, статейных списков и развитые повести с бытовыми, историческими и легендарными сюжетами. Авторы акцентируют внимание на собственных злоключениях, на современных событиях, вводят в описание чудес и религиозных торжеств бытовой элемент, используют легенды о чудесах святых мест. Эти паломничества менее ярки в описаниях. В них преобладает художественный вымысел, лаконичность, переплетение разговорной русской лексики с иноязычной. Паломничества как сочинения чисто религиозные и почти документальные по своей основе лишаются своего значения.

В XVII в. возрос интерес к отечественной географии и к описанию соседних стран, особенно граничащих с Русским государством на востоке. Записи о Китае, Персии, Индии, Кавказе содержали не только географический материал, но и наблюдения над бытом и нравами незнакомых народов. Участники экспедиций, отправлявшиеся с правительственным заданием, обычно записывали добытые сведения по возвращении — в приказе или воеводской канцелярии с них снимали «распросные речи», чем и объясняется специфически документальный язык сохранившихся описаний. «Роспись Китайскому государству…» **Ивана Петлина**, описывающая поездку в Монголию и Китай 1618–1619 гг., включает сведения о монгольской религии, земледелии, китайских городах, торговле, обычаях при царском дворце. «Сказание о хожении» купца **Федота Котова**, побывавшего в 1623–1624 гг. в Персии, повествует о пути через русские города (Самару, Саратов, Астрахань), природе Персии, городских каменных постройках, зрелищах, персидских праздниках.

«Хождение» казанского купца **Василия Гагары**, посетившего в 1634 г. Палестину, значительно отличается от ранее написанных произведений этого жанра особым вниманием к своей личности (автор сообщает, например, о том, что решение идти к святым местам возникло после разорения и смерти жены — наказаний за «житие блудно и скверно»). В этом хождении чередуется рассказ о святынях с заметками о своих частных делах (торговые предприятия на Кавказе, описание бань в Тефлисе, собирание на обратном пути сведений об отношениях Крыма к Турции, Турции к Москве и рассказ о пасхальном чуде в Иерусалиме, когда герой пытается подпалить себе божественным огнем бороду, чтоб убедиться в его отличии от огня обычного) .

От посольств второй половины XVII в. дошли до нас «статейные списки» — официальные и подробные донесения послов из Венецианской республики, Флоренции, Франции, Испанского государства, Мальты, содержащие пространные описания церемоний, приемов, проводов и произнесенных речей, придворного быта, устройства садов, театра, зверинцев — статейные списки посольства Василия Лихачева, Ивана Чемоданова. Особо замечательным литературным явлением конца XVII в. является дневник путешествия по Италии (1697–1699 гг.) стольника **Петра Андреевича Толстого**, впоследствии министра Петра I. Толстой отмечает отличия неаполитанской архитектуры от итальянской, интересуется происхождением предметов искусства, описывает внутреннее устройство помещений, быт и нравы жителей Венеции, уличную жизнь города (карнавалы, ссоры, драки и т. д.), политические учреждения. Дневник Толстого насыщен иноземными словами и выражениями, которые иногда поясняются.

Тема 9. Русская публицистика XVI — XVII вв.

1. Истоки русской публицистики. В XVI в. на Руси широкое распространение получил новый вид литературы — отдельные сочинения, посвященные острым вопросам политической и общественной жизни. Эти произведения можно определить как памятники публицистики.

Истоки русской публицистики находим в московской литературе 60-х гг. XV в., когда был создан первый памятник публицистики «Слово избрано от святых писаний», защищающий церковную политику великого князя Василия Васильевича. Выдвинув идею преемственности власти византийских императоров московскими великими князьями, неизвестный автор (предположительно, Пахомий Серб) осуждает подписание унии византийским императором Иоанном Палеологом, обвиняет его в предательстве веры своих отцов. В 80-е гг. было создано «Послание на Угру» архиепископа ростовского **Вассиана**, адресованное Ивану III. Призывая великого князя немедленно выступить против хана Золотой Орды Ахмата, наступавшего на Москву, автор указывает на пример его предков, которые «обороняху Русскую землю от поганых». К началу XVI в. относится «Послание» **Спиридона-Саввы**, где автор рассказывает о получении русскими великими князьями знаков царского достоинства от римских цезарей. Здесь же доказывается, что литовские князья прежде были их слугами и даже княжеский титул получили лишь благодаря родству с русскими князьями. Впрочем, публицистические черты можно обнаружить уже в XIV в. в новгородской литературе, например, в «Послании архиепископа Новгородского Василия ко владыце Тферскому Феодору о рае» (40-е

гг. XIV в.). Здесь ведется полемика по вопросу о «рае», оспаривается точка зрения епископа тверского Федора, говорившего, что «рай погибл, в немже был Адам», и поддерживающего идею «мысленого» рая. Ссылаясь на Библию, апокрифические сказания, Пролог, древние свидетельства святых райских посетителей и соседей, Агапия, Макария, Ефросима, на показания новгородцев, доходивших в своих путешествиях до рая и ада, на сведения, приобретенные в паломничестве в Палестину, Василий доказывает существование рая «на востоце в Едеме».

В публицистических трудах старца псковского Елеазарова монастыря **Филофея** (послание к великому князю Василию Ивановичу, 1510–1511 гг.; послание к дьяку М. Г. Мисюрю-Мунехину, «Послание на звездочетцев», 1524) оформляется знаменитая теория «Москвы — Третьего Рима». Ее можно свести к следующим основным положениям: 1) все происходящее в жизни людей и народов совершается десницей божией; 2) в истории человечества нет и не может быть ничего случайного: промысел божий ведет человечество к конечным целям его земного бытия; 3) по свидетельству пророков, история человечества есть история мировых царств, чередующихся в порядке преемственности тех народов, которых промысел божий избирает орудием своих предначертаний; 4) круг исторических судеб человечества закончится торжеством и гибелью трех мировых царств, трех избранных народов; с гибелью последнего, третьего, царства наступит конец мира, последний страшный суд; 5) два царства уже пали: ветхий Рим и Рим новый, Константинополь, изменивший православию, принявший латинство на восьмом флорентийском соборе; 6) единственным хранителем истинной веры осталось царство Русское с соборной церковью Успения Божьей матери в «богоспасаемом граде» Москве; 7) русский царь — единственный христианский царь во всей вселенной, единственный наследник власти повелителей ветхого и нового Рима.

В анонимном «Сказании о князьях владимирских» (памятник публицистической литературы второй пол. XV в.— начала XVI в.) представлялась родословная всех наиболее известных в истории царей и властодержцев, начиная с раздела земли потомками Ноя. Утверждая распространившуюся в официальных московских кругах идею «Москва — Третий Рим», автор возводит историю московских князей к римскому императору Августу. Особо подчеркивается, что венец царский, которым венчаются русские князья, подарен царем греческим Константином Мономахом. Несмотря на явное неправдоподобие фактов и хронологическую путаницу, «Сказание» пользовалось большой популярностью.

Толчком к развитию публицистики XVI века стало новгородско-псковская ересь «стригольников» середины XIV в., новгородское движение «жидовствующих» 70–90-х гг. XV в. и полемика между «иосифлянами» и «заволжскими старцами» конца XV — начала XVI в. В основе ереси «стригольников» лежало отрицание церковной иерархии и молитв за умерших. Насколько можно судить по дошедшим памятникам литературы «жидовствующих» («Плач Иеремии» и др.), движение это не было только ересью в собственном смысле этого слова. Еретики отрицали царство небесное, второе пришествие, воскресение мертвых, поклонение иконам, божественное начало Христа, догмат о троичности Бога, церковную иерархию, посредническую миссию священников и монахов между Богом и человеком. Но это была не только «богословская ересь», но и умственное антиклерикальное течение, связанное своим происхождением и направленностью с ранним европейским гуманизмом: «жидовствующие» усиленно занимались астрологией (рукопись «Шестокрыл», «Космография»), логикой (рукопись «Логика»), изучали зависимость человеческого поведения от телесных свойств («Аристотелевы врата»), гадание («Громник», «Лопаточник» — гадание по лопаткам животных). В Новгород, Псков, а затем в Москву эти отзвуки западных гуманистических течений проникали через литовских евреев и захватили по преимуществу образованные круги. В середине 80-х гг. XV в. возникает кружок московских вольнодумцев (Иван Волк, Елена Волошанка, Семен Кленов и др.), который критикует творения «отцов церкви» и институт монашества. На соборе 1490 г. еретики были преданы проклятию, а в 1504 г. собор снова осудил их и приговорил к казни. Ересь вызвала активную деятельность владычного двора новгородского архиепископа Геннадия (справки «О летах седьмой тысячи», «Речи посла цесарева», «Геннадиевская Библия» 1499 г.) .

Содержанием творчества **Иосифа Волоцкого** (ок. 1439–1515) **(см. К.б.)** как писателя-публициста, положившего начало движению «иосифлян», стала борьба за московское единодержавие. С 1494 по 1506 г. Волоцкий работал над сборником из 16 слов, который почитатели его таланта позже назвали **«Просветитель»**. Первые 12 слов посвящены богословско-полемической критике «зловерия» новгородских еретиков, основанной на текстах из Ветхого завета, ибо «еретицы не приемлют свидетельства апостольского и отеческого»; последние четыре содержали общую оценку ереси и рассуждения о необходимости немедленной ее ликвидации. В ереси Волоцкий усматривает движение, оппозиционное по отношению к господствующему вероучению и существующему политическому порядку

московского единодержавия, и предлагает самое радикальное средство водворения порядка — казнь участников ереси. Жалость по отношению к еретикам неуместна, преступна, не достигает цели, так как «еретический недуг» неисцелим. Во многом по настоянию Волоцкого в 1504 г. в Москве был созван собор на еретиков, на котором они были осуждены: одних сожгли, других сослали. Существенным результатом борьбы с ересью стало появление полного свода библейских книг, отсутствовавшего до тех пор на Руси (переводы 1498–1499 гг., инициированные архиепископом Геннадием) .

На церковном соборе 1503 г. Волоцкий, возглавив группу священнослужителей «иосифлян» («стяжателей»), участвует в полемике с «заволжскими старцами» («нестяжателями») по вопросу о монастырских вотчинах. Волоцкий занял непримиримую позицию по отношению к «обидящими святыя божии церкви»: он защищал монастырское землевладение и подчинение церкви государству как гарантию неприкосновенности монастырских приобретений, в то же время требовал отказа монахов от личного имущества, дисциплины, труда, соблюдения иерархии. Позиция его по вопросу о монастырском землевладении отразилась в сочинении **«Устав»**, где наряду с выписками из церковно-канонических правил в пользу неотъемлемости церковных имуществ, Иосиф привел свидетельства из житий святых, подтверждающие божественность кары за посягательство на собственность церкви. Сочинения Волоцкого создали особую манеру, свойственную «иосифлянам»: опора на широкий круг «божественных писаний» (при этом смешивались канонические книги и апокрифические), отсутствие стройности, логической последовательности, внутреннего единства, авторское вступление и «наказания» (наставления и обличения), формальный (не духовный, как у «заволжских старцев») аскетизм, свобода в обращении с языком (грубые натуралистические образы, просторечная лексика, разговорные обороты, детали быта, обличительный пафос). Эту манеру встречаем, например, в «словах» и «посланиях» идеолога «иосифлян» Даниила, ставшего с 1522 г. митрополитом.

Одновременно с «иосифлянами» русское монашество конца XV — первой половины XVI века выдвинуло противоположную им по своим церковно-общественным воззрениям группу — «заволжские старцы» (по местоположению монастырей, воспитавших их, на реке Соре). Идеологической их основой стало мистическое учение «великого старца» **Нила Сорского** (ок. 1433–1508) **(см. К.б.),** устроителя скитского монашества на Руси. На соборе 1503 г. против еретиков, куда Сорский был приглашен Иваном III,

он выступил с предложением отнять у монастырей земли. Опираясь на авторитет апостолов и отцов церкви, Сорский призывал монахов отказаться от земного богатства («излишних не подобает нам имети»), разъяснял, что жертва монастырю «по насилию от чюжих трудов собираема». Возражая Волоцкому, утверждавшему, что богатства монастыря позволяют заниматься благотворительностью, он заявлял, что монастырь должен быть центром духовного просвещения и утешения, не налагать на себя политических функций. Если по уставу Волоцкого особые надзирающие иноки должны были следить за монахами во время церковных служб, то Сорский предлагал исполнять церковные обряды сознательно-добровольно: «рассуждением по силе своей сотвори» (**«Устав»** и **«Предание о жительстве скитском»**). «Устав» Волоцкого предписывал строгую внешнюю дисциплину, подавляющую индивидуальную волю, Сорский предлагал монахам самим наблюдать, кто сколько может вынести «поста, трудов и молитвы», внешней обрядности предпочитая внутреннее духовное молитвенное настроение. Вместе с тем «Устав» Сорского был более терпим к еретикам — после традиционного проклятия им и их писаниям отмечалось: «еретики вси чюжи нам да будут». На соборе после требования Волоцким казни «жидовствующих» раздался протест «заволжских старцев», их призыв действовать на заблуждающихся убеждением и молитвой. Популярности сочинений Сорского у читателей способствовала свойственная им художественная образность изложения, приподнятый стиль учительной литературы (риторические вопросы, восклицания, угрозы, увещевания, призывы к покаянию), психологические характеристики. Стилевая манера «заволжских старцев» продолжала оформляться в полемических выступлениях и сочинениях последователей Сорского (Вассиана Патрикеева, Максима Грека, Ивана Охлебинина, Григория Тушина и др.): нарочито книжный общий характер повествования; ссылки на церковно-каноническую и житийную литературу; язвительное остроумие; продуманность композиции.

2. Публицистика XVI века. Эпоха преобразований 1550-х гг. вызвала особую активность общественной мысли и отразилась в письменности обилием публицистических произведений, посвященных вопросам современной жизни. Обсуждались способы устройства войска, управления государством, проекты судебной реформы. Из памфлетов («изветов») середины XVI в. можно назвать «Валаамскую беседу» (т. е. проповедь) святых Сергия и Германа, игуменов Валаамского монастыря (проблемы монастырского землевладения; участия иноков в мирских делах; взаимоотношения

иноков с «миром» и правителем; отношения к иным верам, обычаям), «Благохотящим царем правительница и землемерие» (проблема крестьянства; вред пьянства). К проблеме монашества, нравственной ответственности царя перед Богом, его взаимоотношениям с подданными обращался в своих произведениях **Максим Грек** (1480–1556) **(см. К.б.)** — «Повесть страшна и достопамятна о совершенном иноческом жительстве», философский трактат «Беседа Ума с Душой», «Слово о покаянии», «Стезание Любостяжателя с нестяжателем».

В литературном отношении среди памфлетных произведений этого времени выделяются **«Сказание о Магмет-салтане»**, «Сказание о греческих христианских книгах», «Сказание о царе Константине» **Ивана Пересветова** (XVI в.) **(см. К.б.).** «Сказание о царе Константине», с явными намеками на Московское царство, посвящено обличению вельмож. Когда император Константин в трехлетнем возрасте лишился отца, подчеркивает Пересветов, вельможи, завладев царством, предали его междоусобицам и неправедному суду. Все это стало главной причиной гибели Царьграда. Та же мысль о подавлении мудрости царя богатыми и лживыми вельможами — в «Сказании о Магмет-салтане» и в «Речах воеводы Петра». Идеал правителя Пересветов видит в Магмет-султане, правителе-философе, который своей преобразовательской деятельностью ввел «правду» — налоги в казну, жалование вельможам, справедливый суд, постоянное войско, отмену рабства (приказ сжечь «докладныя» книги). «Речи воеводы Петра» призывают к поиску идеала правды и в аллегорической форме предсказывают мировую славу Русскому государству и Ивану Грозному. Этот прием Пересветов использовал в рамках новой литературной формы, выросшей в области деловой письменности — челобитной. Писатель превращает челобитную в публицистическое произведение с ярко выраженной художественностью повествования.

К числу наиболее ярких публицистов второй половины XVI в. относятся царь **Иван Васильевич Грозный** (1530–1584) **(см. К.б.)** и князь **Андрей Михайлович Курбский** (ок. 1528–1583) **(см. К.б.).** Переписка Грозного (в двух письмах) и Курбского (в четырех письмах) отличается особой страстностью и субъективизмом.

После неудачного сражения в Литве в 1562 г. возглавлявший русское войско Курбский, боясь гнева царя, перешел на сторону неприятеля. В 1564 г. он переслал на родину письмо («Послание князя Андрея Курбского, написанное царю и великому князю Московскому из-за прелютого его гонения»), адресованное Ивану Грозному, в котором объяснил мотивы своего

поступка. Автор обвинил царя в потери облика идеального правителя, перечислил его тиранские поступки в отношении заслуженных, но оклеветанных воевод, грозил страшным судом. В заключение Курбский заявил о необходимости разделить власть между царем и боярством, перечислил собственные неоцененные заслуги и обиды, нанесенные царем. Это письмо Курбского написано в риторическом стиле, возвышенным славянским языком церковной книжности, с соблюдением правил риторики и грамматики. В послании («епистолии») четкое построение, много риторических вопросов, восклицаний, создающих эмоциональный эффект. Оно соответствует стилю «заволжских старцев».

Иван IV отвечает обширнейшим «Посланием царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России ко князю Андрею Курбскому» (1564), где защищает самодержавие, обвиняет Курбского и его единомышленников в похищении царской власти, данной Богом (мысль о похищении царской власти боярами — основной мотив в письмах Ивана Грозного; идея его посланий — божественность царской власти и тождественность преступлений перед царем и Богом). Он описывает обиды от бояр, нанесенные ему с детства и ставит в пример изменнику самоотверженную преданность его холопа Василия Шибанова, принявшего мученическую смерть за своего господина. Свой ответ Иван Грозный адресует не только Курбскому, но и «всему Российскому царству». Вынужденный оправдываться, царь изображает себя окруженным многочисленными врагами, изменниками, себялюбцами, в борьбе с которыми законны самые жестокие средства. Оправдываясь, он обвиняет, не останавливаясь перед явной клеветой. Письмо русского царя разнохарактерно по стилю: то торжественно и скорбно, сдержанно и официально, то иронично и раздражительно до мелочей — царь то возмущается наставительным тоном Курбского, то смеется над его угрозами (соответственно чередуется высокий слог с просторечиями). В соответствии с «иосифлянской» манерой, Грозный не учитывает правил риторики и поэтики, речь его порывиста, насыщена бытовыми образами, остротами, иронией. Грозный отвечает не только на каждую укоризну оппонента, но и снижает его торжественную риторику, осмеивает ее, иронизируя над позой наставника, принятой Курбским. Стремясь унизить противника, убедить читателя в явной бессмыслице его упреков, Грозный использует «подсмеятельные» слова, насмешку, брань, «кусательные вопросы». Утверждения самого царя обосновываются многочисленными пространными цитатами из святых книг и параллелями из мировой истории. Язык и стиль письма исследовал историк

В. О. Ключевский, который отметил в нем отсутствие последовательности, раздраженный тон, недоговоренность.

Слабые стороны формы, языка и стиля послания Ивана Васильевича подчеркнул Курбский в своем «Кратком отвещании князя Андрея Курбского на зело широкую епистолию великого князя Московского»: оно недостойно, ибо полно неукротимого гнева; в нем много священных слов «хватано» и несвязно перемешано с «варварскими» («туто же о постелях, о телогреях», неистовые «баб басни»); так «преизлишно и звягливо» (несвязно) царю писать не следует; оно посылается «в чужую землю», где живут люди искусные «не токмо в грамматических и риторских, но и в диалектических и философских учениях», а уровень его вызовет смех у ребенка. Таким образом, Курбский подчеркивает в изложении Грозного пестроту стиля, сочетание в нем высокой риторики с просторечием; он упрекает царя за обилие в его изложении цитат, введение «грубого» просторечия, ставит в вину излишнюю и недостойную «ученых и искусных мужей» темпераментность стиля. Картины быта царского двора, перенесенных в детстве оскорблений Курбский считает неуместными, презрительно называя их «баснями» о «постелях, о телогреях» (упоминание царевой постели, на которую опирался князь Шуйский, и его ветхой шубы, в которой Шуйский ходил, пока не разворовал царскую казну) .

По своим взглядам князь-эмигрант был близок к «нестяжателям» первой половины XVI в., по литературной манере — Максиму Греку с его возвышенной риторикой, сложностью синтаксиса. Собственные послания Курбский строил по четкому плану, предельно ясно выражал их идею. Эти послания невелики по объему, написаны «высоким» стилем (риторические вопросы и восклицания, антитезы, анафоры, эпитеты). Языку писателя чужды вульгаризмы, просторечия; зато в произведении — особая эмоциональность, лирическая взволнованность. Это своего рода «цицероновская» речь, высказанная логично и последовательно, но лишенная конкретных деталей. Упрекая царя в оскорблении изгнанника, Курбский хотел было «на коеждо слово» царя «отписати», хорошо владея «отеческим» языком, но, фактически не опровергает своего противника, полагаясь на Божий суд, решает промолчать.

Не получив вовремя этой «епистолы», царь еще раз написал Курбскому (1579), взяв Вольмар (1577), куда бежал его оппонент («Грамота послана государем также из Владимирца (Вольмера) к князю Андрею Курбскому с князем Александром Полубенским»). Грозный кается в своих беззакониях, выражает надежду, что Бог «может пучиною милости своея потопити

их». Далее — излагаются воспоминания о бесчинствах «избранной рады», упреки в нерасположении и предательстве царской династии. В сентябре 1579 г. Курбский ответил двумя письмами, слитыми воедино, написанными литературно и пророчащими смерть всему роду Грозного. В первом сентябрьском письме Курбский отступает от своей краткой манеры изложения, рассматривает каждый упрек оппонента, приводит обильные цитаты из святых книг, однако без нарушения чувства меры. В целом повторяются те же аргументы и оправдание себя и единомышленников. Письмо рассчитано скорее на зарубежного читателя (включает полонизмы, отражает влияние западных риторик). Вместе с тем отправил свой запоздалый ответ на первое письмо и перевод двух отрывков из книги Цицерона в доказательство, что невольное бегство не есть измена.

Значение переписки Грозного и Курбского не только в отражении исторических событий и духа времени XVI столетия, облика авторов, но и состояния публицистического жанра эпохи. Послания Грозного — яркое свидетельство начала разрушения строгой системы жанров и стилей, которая создавалась стараниями книжников конца XIV — XVI вв. и появления стиля индивидуального.

В 1551 г. в Москве проходил церковный собор, названный Стоглавым. Постановления его были изданы в особой книге, состоящей из царских вопросов и соборных ответов на эти вопросы. Стоглавый собор утвердил сложившийся на Руси церковный культ как незыблемый; его решения были направлены против любых реформаторско-еретических учений.

В послании «отцам» Стоглавого собора Иван Грозный призывал их защищать христианскую веру «от всяких козней вражиих». Собор осуждал чтение и распространение «богомерзких» и «еретических отреченных книг», выступал против скоморохов и против «иконников», которые пишут не с «древних образцов», а по собственным представлениям.

«Стоглав» (так называлась книга постановлений собора, состоящая из 100 глав) начинался сообщением об иерархах, прибывших на собор, затем следовали «царские» вопросы и ответы на них собора, распадавшиеся на две группы: 37 вопросов о «церковном строении» (недостатки в быту монашества, в высшем церковном управлении и суде, пороки приходского духовенства и мирян и т. д.); 32 вопроса о разностях в культовой практике, столичной и провинциальной, о народных суевериях. Окончательную редакцию всей соборной книги приписывают митрополичьему дьяку, трудившемуся под руководством архиепископа Макария.

Таким образом, публицистика XVI в. отразила полемику по важнейшим проблемам времени: государственное управление, значение царской власти, место боярства и служилого дворянства, положение крестьянства, роль монашества, обличение еретичества, монастырское землевладение, регулярное войско, праведный суд, вред суеверий. Политические проблемы в ней были соотнесены с моральными, философскими, эстетическими. Кроме апелляции к Писанию, значительную роль играет логика, факты личные и общественные. Публицистику XVI в. отличает жанровое разнообразие: 1) полемическое «слово», 2) «наказание» («поучение»), 3) «слово ответное», 4) беседа, 5) челобитная, 6) публицистический памфлет, 7) эпистола, 8) аллегорическая повесть. Она сыграла важную роль в формировании русской литературы и русского литературного языка. Традиции русской публицистики XVI в. находим в полемических посланиях Аввакума и исторических повестях XVII в.

Как отмечал Я. С. Лурье, публицистика XVI в. отразила признаки устремленности русской литературы к Ренессансу (обращение к «мирским» темам, яркие авторские индивидуальности, вера в силу разума, в возможность построения общества на неких разумных началах, открытие ценности человека самого по себе).

3. Публицистическая литература XVII века. Публицистика начала XVII в. связана с агитационной письменностью — грамотами. Грамота — это деловой, канцелярский жанр, смысл которого — в информации о каких-то событиях, в передаче фактов, в запрещении или приказании что-то сделать. Но грамоты Смутного времени не только информировали, они стремились убеждать, воздействовать не только на разум, но и на душу читателей. Для них характерна повышенная эмоциональность, в принципе чуждая делопроизводству и всегда присущая художественным текстам. Авторы грамот писали ритмической и рифмованной прозой, широко использовали риторические приемы, рисовали картины народных бедствий, включали в тексты «плачи». В итоге информация отодвигалась на второй план, и грамота становилась произведением красноречия, публицистики. Так агитационная письменность Смутного времени подготовила художественное переосмысление деловых жанров — одно из литературных открытий первой половины XVII в.

Грамоты и воззвания организаторов народных ополчений составлялись иногда при помощи опытных книжников. Элементы «высокого стиля», религиозной чувствительности появляются в этой публицистике, когда

речь идет о судьбе государства, о патриотах или предателях. Прямым воздействием литературных повестей объясняется обширное историческое предисловие в грамоте **Пожарского** из Ярославля, дающее обзор исторических событий, начиная с прекращения династии Калиты. Здесь и религиозно-историософское истолкование событий, и деловой стиль, и риторика. Грамоты полны не только призывов к единению, но и картин запустения Московского государства, надругательств интервентов над национальными святынями.

Все это готовило почву для появления так называемых «подложных» грамот — своеобразных литературных мистификаций. Такова грамота 1611 г., составленная от имени смоленских «пленных», живущих в обозе у осаждавшего Смоленск польского короля Сигизмунда. Авторы мистификации полагали, что призыв к единению будет весомее, если вложить его в уста людей, испивших до дна чашу вражеских «милостей».

Во второй половине XVII в. публицистика была представлена прежде всего старообрядческой литературой. Помимо агиографии, старообрядческая литература обращалась к жанрам полемического послания, трактата, воззвания. Идея староверия и сам борец за нее — вот две ключевые темы, которые воодушевляли протопопа **Аввакума (**1621–1682**) (см. К.б.).** Их можно обнаружить в его обширной «Книге бесед» (1669–1675), «Книге толкований» (1675–1677), в чисто полемическом «Евангелии вечном» (1679), содержащем догматический спор с пустозерским «соузником» Аввакума Федором. Предметом спора стали вопросы церковного обряда (двуперстие или трехперстие, осьмиконечный крест или четырехконечный, семь или пять просфор за литургией, поясной или земной поклон после великопостной молитвы Ефрема Сирина, поминание царя за обедней и т. д.).

К публицистической литературе XVII в. относится трактат активного борца против самосожжения инока **Евфросина**, который условно назвали в науке «Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей». Трактат не отличался стройностью построения: повествование о «новоизобретенном пути самоубийственных смертей» нередко перебивалось полемическими выпадами против лично известных автору проповедников самосожжения. В стилистическом отношении произведение характеризуется чередованием двух различных стилистических пластов: сугубо книжного «витийства» и традиционного в старообрядческой литературе XVII в. «вяканья». «Витийство» отражается в длинных периодах, метафорической речи, основанной на изысканных

сравнениях и уподоблениях, риторических фигурах, развернутых обращениях. Евфросин преимущественно пользовался риторическими формулами, выработанными древнерусской ораторской и агиографической прозой, но порой в поисках новых риторических формул отталкивался от стилистики «воинских» повестей. «Вяканье» выражается в простоте и гибкости разговорного языка, краткости фразы, использовании пословиц, поговорок, каламбуров, прибауток, натурализме бытовых зарисовок. Видоизменяется в корне и полемический метод Евфросина: книжное «прение» переходит в словесный поединок; богословско-догматическую и церковно-историческую аргументацию сменяют брань, ирония и сатира. Разоблачить проповедников самосожжения, снять с них ореол «святости», наконец, развенчать сам акт самосожжения — такова основная задача, которую ставил себе Евфросин. В изображении автора «гари» — ужасное, бессмысленное по своей бесцельной жестокости явление, способное внушить ужас и отвращение своими натуралистическими подробностями.

В поддержку никоновских реформ и против раскольников выступили официальные печатные издания: «Скрижаль», «Жезл правления» Симеона Полоцкого, «Увет духовный» Афанасия Холмогорского и другие.

Полемические сочинения XVII в. были связаны также с дискуссиями о католичестве и протестантстве («Изложение противу римской веры» Ивана Хворостинина, «Изложение на люторы» Ивана Наседки), с исправлениями церковных книг («Прение Лаврентия Зизания с московскими справщиками») .

На соборе 1666–1667 гг. зародилось две партии — грекофильская («старомосковская») и западническая (партия «латинствующих»). По иронии судьбы первую из них возглавил украинец Епифаний Славинецкий, а вторую — белорус Симеон Полоцкий, оба питомцы Киевской школы. Грекофильская партия обогатила русскую письменность многочисленными переводами, но сводила просвещение лишь к количественному накоплению знаний по различным наукам. Представители ее считали, что прерывать многовековую национальную традицию русской культуры опасно. «Латинствующие» говорили о необходимости качественной перестройки отечественной культуры на основе западноевропейской (польской) Они перенесли на русскую почву барокко в польском варианте. С «латинствующих» начались в России «любопрения» — литературные, эстетические, историософские споры. Они создали в Москве профессиональную писательскую общину, в которой выработался особый писательский тип — литератор-профессионал, участвующий в педагогической

и книгоиздательской деятельностях, имеющий личную библиотеку, знающий языки, иностранных авторов, считающий писательский труд своей главной жизненной задачей.

Уже после смерти Епифания Славинецкого и Симеона Полоцкого, в годы правления Софьи (1680-е гг.), произошло открытое столкновение «латинствующих» и грекофилов. Последние захватили руководство первым московским высшим учебным заведением — Славяно-греко-латинской академией, открытой в 1686 г., однако писательский профессионализм уже прочно утвердился в России.

Тема 10. Возникновение и развитие русской виршевой поэзии

1. Определение виршевой поэзии. Одним из значительных явлений в развитии русской литературы XVII в. становится появление поэзии (виршей, стихов) .

Виршевая поэзия — досиллабические и силлабические стихи книжного происхождения. Досиллабические русские вирши (возникли в начале XVII в.) отличались свободной ритмической структурой, неравносложностью строк и имели рифму, чаще глагольную (порой ее заменяли ассонансы и консонансы). Силлабические вирши (появились в 60-е гг. XVII в.) характеризовались равносложностью симметричных строк и смежной рифмовкой; в них преобладали женские рифмы (иногда был белый стих). Наиболее распространенный размер — тринадцатисложник с цезурой после шестого или седьмого слога.

2. Становление русской поэзии. Проблема истоков русской поэзии до сих пор остается одной из актуальнейших в российском литературоведении. Еще в XIX в. сложились две точки зрения на истоки и причины возникновения книжной поэзии в России. А. И. Соболевский считал, что силлабические стихи — вирши — возникли под влиянием украинской и польской поэзии («Из истории русской литературы XVII века», 1891). Л. Н. Майков полагал, что рифмованные стихи явились сами собой, не как подражание западноевропейским («О начале русских вирш», 1891). Ученые XX столетия тяготели к той или другой точке зрения (А. М. Панченко (см. **II; 10**) говорил о постепенной замене декламационного стиха скоморохов украинско-польским силлабическим стихом; Л. И. Тимофеев (см. **VI; 12**) связывал появление русской поэзии с закономерным усилением эмоционально-публицистического элемента в отечественной литературе) .

Ритмичность речи, подчеркнутая нередко глагольной рифмой, была характерна ранее главным образом для памятников древнерусского ораторского красноречия («Слово о погибели Русской земли»), но иногда

она встречалась в произведениях других жанров: в «Галицкой летописи», «Слове о полку Игореве». Основа такой ритмичности и сопровождающей ее рифмы — в соединении синтаксически однородно построенных предложений. Ритмическое движение особенно сильно проявлялось в гимнографии, в которой текст и мелодия образовывали некое единство. Однако к началу XVI в. на основе гимнографической традиции появляется и внебогослужебная лирика — так называемые «стихи покаянные, слезны и умиленны, чтоб душа пришла к покаянию». Они уже отделяются от церковных обрядов, хотя по тематике еще тесно с ними связаны (особенно с великопостным циклом). В «стихах покаянных» преобладают мотивы греха и покаяния, смерти и страшного суда, ухода от мира в «прекрасную пустыню». Во время польско-шведской интервенции в «стихах покаянных» отражается тема защиты Родины. «Стихи покаянные» — это, разумеется, не проза, но и не стихи в нашем понимании. Они не декламируются, а распеваются «на восемь гласов», как гимнография, причем мелодия играет в них большую роль.

Стихотворство как осознанная, противостоящая и прозе вообще, и ритмической прозе, и гимнографии форма художественной речи возникло в первом десятилетии XVII в., в Смутное время. В рукописную книгу тогда проникают и фольклорные размеры (раешный стих, тоника) и заимствованная украинско-польская силлабика. С этого момента и начинается история русской поэзии западноевропейского типа. Принцип силлабического стихосложения, по-видимому, был знаком русским авторам уже в начале XVII века, но не из теоретических руководств, а по самим образцам виршевой поэзии, которые помещались в украинских старопечатных книгах, приходивших в Москву (на московском Печатном дворе, в Посольском приказе увеличивается число украинцев; в 1608 г. один из них, Федор Гозвинский, переводит с греческого басни Эзопа и его полулегендарную биографию). С этого времени термин «вирши» вошел в русский литературный обиход.

В 1621 г. поэт **Евстратий** создает стихотворную молитву, написанную силлабическим стихом с перекрестной рифмой. Автор предварил ее латинской пометой — «серпантинный (змеиный) стих». И действительно, графически стихотворение исполнено как «серпантинный» рисунок: из соседних стихов исключены общие элементы (флексии) и вписаны между строк. В результате строки становятся зигзагообразными, «змеиными»,— иначе их просто нельзя прочесть. В европейской поэзии XVI — XVII вв. были широко распространены всякого рода «курьезные» стихи, например

палиндромы (перевертыши), читавшиеся одинаково слева направо и справа налево. Сложился также особый жанр изобразительной эпиграммы, который предусматривал оформление текста в виде рисунка — креста, звезды, бокала, лучей солнца или языков пламени, сердца и т. д. Стихотворство Евстратия — это типичный образец такой «алхимии слова».

Еще один источник знакомства русского книжника с особой системой стихотворства — устная поэзия — также нашел себе применение уже в первой трети XVII в. Раешником написана, например, стихотворная часть «Послания дворянина к дворянину» (1608–1609 гг.) помещика **Ивана Фуникова**. Произведение построено в первой своей части на том принципе, какой организует рифмованную пословицу, сказку-прибаутку, свадебные приговоры, раешные представления. Позднее этим принципом воспользуется сатирическая повесть («Повесть о Горе-Злочастии») .

Стихотворения Ивана Фуникова и Евстратия обозначили полюсы того широкого диапазона, в котором предстояло развиваться русской поэзии XVII в. От скоморошьего осмеяния мира до медитативной лирики, от балагурства до «богословия в стихах», от раешника до строгой силлабики — такими были ее тематические и метрические возможности, намеченные уже в начале XVII в.

Первые поколения московских стихотворцев пишут неравносложные стихи, называя их «двоестрочным согласием» и подчеркивая таким образом принцип парной рифмы. Такого рода стихотворные опыты называются современными исследователями **«досиллабическими»** (неравносложными) виршами или стихами (неупорядоченные в ритмическом отношении стихи, где количество слогов в строке свободно менялось, чередование ударений значения не имело, употреблялась преимущественно глагольная рифма). Досиллабический стих не предполагал элемента музыкальности, целиком был основан на средствах речевой выразительности, лишь условно выражал внутреннее состояние человека.

«Двоестрочное согласие» в некоторых принципиальных моментах совпадало с раешным стихом. И там, и тут каждая строка представляла собой интонационно и синтаксически завершенный оборот. И в раешнике, в досиллабической вирше наряду с преобладающей женской рифмой обильно использовалась рифма мужская и дактилическая. Но «двоестрочное согласие» было отождествлено с «высоким», серьезным стихотворством, а раешник с его смеховым колоритом — со стихотворством простонародным. Иерархическое обособление привело за собой изменения в технике. Это ярко проявилось в стихотворениях «приказной школы».

К началу 30-х гг. в Москве сложилась поэтическая школа — «приказная школа», которая активно функционировала вплоть до реформы Никона (Петр Самсонов, Алексей Романчуков, белые священники Стефан Горчак и Михаил Рогов, монах **Савватий** (первая пол. XVII в.) **(см. К.б.)** и др.). Главный жанр школы — стихотворная эпистолия, которая подчеркивала избранность и автономность этого литературного цеха. Приказные поэты писали эпистолии прежде всего друг другу, но также и царю Михаилу, и князю Д. М. Пожарскому, Ивану Никитичу Романову и др. В них как правило очень мало информации (чаще всего — просьба о покровительстве), но большой объем (сто строк и более). Ясно, что приказные стихотворцы не столько заботились о содержании, сколько щеголяли умением писать «двоестрочными согласиями». Их эпистолии сплошь снабжены акростихом: из первых букв каждой строки слагается прозаическая фраза, содержащая имя адресата и имя автора. Это — знак литературной элегантности, элемент литературной игры. В отличие от раешных стихов, где присутствуют звуковые рифмы, в том числе корневые и составные, в произведениях приказных авторов господствуют рифмы грамматические, или суффиксально-флексивные, когда глагол рифмуется с глаголом, прилагательное с прилагательным в одной форме и т. д. Это, конечно, говорит о техническом несовершенстве приказных стихотворцев. Скоро приказные стихотворцы перешли от литературной игры к серьезным занятиям. Савватий написал цикл нравоучительных стихотворений — «О свете», «О плоти», «О утробе», в котором развивал традиционную для христианской культуры тему суетности и бренности человеческой жизни, тему, которая стала одной из основных в европейском барокко.

Приказная поэтическая школа была если не официальной, то официозной (традиционные советы юным, этикетное авторское самоуничижение, обличение «внешней мудрости»). Традиционализм приказных поэтов был сознательным и искренним. Отнюдь не случайно в период Никоновой реформы (1850-е гг.) они оказались в стане убежденных защитников старого обряда, и приказная школа прекратила свое существование.

Сам Никон стал основателем песенно-поэтической школы в монастыре Новый Иерусалим. После ухода с патриаршего престола в 1658 г. он сделал свой любимый монастырь своеобразным просветительским центром, где завел библиотеку, школу, живописную мастерскую. Из поэтов никоновской школы наиболее плодовитым был **Герман** (? — 1682) **(см. К.б.),** которому принадлежит 14 духовных песен и несколько эпитафий. Герман использовал различные, иногда сложные и даже изощренные метрические

схемы; но особенно любил акростих («Радуйся», «Герман монах моляся писах» и др.). Никоновская школа ввела в русский обиход духовные песни.

Досиллабические вирши можно обнаружить в «Сказании» Авраамия Палицына, «Летописной книге» Катырева-Ростовского, богословском трактате князя И. А. Хворостинина «Изложение на еретики-злохульники». Особенно богаты рифмованными эпизодами внутри прозаического текста исторические повести и мемуары о событиях «смутного времени» (уже в «Житии царя Федора Ивановича», написанном Иовом, можно наблюдать обилие рифмованных строк). В «досиллабический» период книжные вирши обслуживали сравнительно узкий жанровый круг: богословскую полемику (Хворостинин, Иван Наседка) и жанр посланий (Шаховской, справщики Московского печатного двора и др.). Досиллабические вирши, просуществовавшие в течение всего XVII в. (вирши 1681 г. Тимофея Каменевича-Рвовского в его послании к Кариону Истомину; «Торжественник») и даже перешедшие в XVIII в., когда силлабика давно уже была усвоена культурными слоями, значительно расширили свою тематику, вплоть до любовной и вошли в широкий обиход.

Наряду с досиллабическими виршами уже в первой трети XVII в. появляются силлабические, которые утверждаются преимущественно в жанре послания («Послание» князя **С. И. Шаховского** (XVII в.) **(см. К.б.),** стихи из трактата попа **Ивана Наседки** (1570–1660) **(см. К.б.),** обличения «Многие укоризны» князя **И. А. Хворостинина** (? — 1625) **(см. К.б.))** .

Полемические вирши кн. И. А. Хворостинина, опыты кн. С. И. Шаховского, короткие «вирши», заключающие повесть кн. Катырева-Ростовского и другие стихотворные произведения первой трети XVII в. (силлабические вирши Федора Гозвинского, Антония Подольского) ведут к украинско-белорусской традиции. В них, как и в украинско-белорусских виршах, нет еще выдержанного равносложного стиха, правильной цезуры, обязательной женской рифмы, и все же эти стихи — прямые предшественники силлабических виршей последней трети XVII в.

Силлабический (равносложный) стих не вытеснил полностью досиллабический, последний даже пережил его и закрепился в позднейшем раешном стихе, в то время как на смену силлабике пришла силлабо-тоника.

Среди образцов силлабических стихов последней трети XVII в. следует отметить стихотворные надписи монаха **Мардария Хоникова** (XVII в.) **(см. К.б.)** к миниатюрам Библии Пискатора (1679) и образцы школьной стихотворной культуры («Наказание от некоего отца к сыну своему», вирши Чудовского сборника, стихи в народно-песенном складе П. А. Квашнина)—

неравносложные вирши, близкие к народной лирике. Последние приобретают особую важность как начало тенденции сближения русского стиха с национальными истоками, которая проявилась наиболее ярко в творчестве В. К. Тредиаковского.

Расцвет русской силлабики связан с именем Симеона Полоцкого — первого поэта-профессионала, олицетворяющего собой тот тип писателя, который господствовал в России кануна преобразований и еще удержался в петровскую эпоху — близко стоящий ко двору, монах, библиофил, просветитель. Таковы ученики Полоцкого — Сильвестр Медведев и Карион Истомин, Дмитрий Ростовский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович, Федор Поликарпов, Мардарий Хоников, даже оппозиционеры Андрей Белобоцкий и Андрей Денисов.

В первой четверти XVIII в. в Поморье, на реке Выге, возник большой старообрядческий центр, во главе которого встал **Андрей Денисов** из рода новгородских князей Мышецких. Хорошо образованный, учившийся в Москве и Киеве, он организовал школу в своем монастыре, где обучали грамоте, грамматике, риторике, пиитике, устроил библиотеку. Из этой школы вышел ряд писателей — полемистов, проповедников, стихотворцев. В XVII в. в старообрядческой среде сложился и особый песенный репертуар, где отразились выдающиеся события первых десятилетий в истории старообрядчества (взятие Соловецкого монастыря московским войском, самосожжения) и настроения (переделки «Стиха о пустыне» Симеона Полоцкого, стихи о смерти, об антихристе и т. д.). Частично используя форму народных песен, эти старообрядческие «стихи» рано обнаружили связь с виршевой литературой.

Существование пиитики как школьного предмета, в результате усвоения которого учащиеся должны были овладеть «искусством» слагать вирши, составлять речи и писать «действа», привело к возникновению в XVII в. особой разновидности стихотворства — «школьной лирики». Слушателей обучали писать стихи необычной формы (в виде креста, звезды, яйца, в виде Пифагоровой теоремы); стихи, читающиеся одинаково справа и слева (так называемые «рачьи» стихи); стихи, состоящие из двустиший, в которых при последовательном чтении слова сначала из первого, затем из второго стиха (за исключением слов рифмующихся) получался смысл, прямо противоположный тому, который возникал при чтении в обычном порядке; стихи «эхические» (с рифмой, представлявшей повторение — «эхо» — рифмы предшествовавшего стиха); «каббалистические», или «хроностические», в которых численное значение

всех букв стиха или букв, особо графически выделенных, соответствовало времени написания данных вирш. Феофан Прокопович называл такие произведения «трудными пустяками», и все же школьное стихотворство существовало до середины XVIII в.; «хроностические» двустишия встречаются даже у А. Кантемира. Особое место в школьном стихотворстве занимали вирши, написанные либо целиком по-латыни, либо на смешанном латинско-русском языке («макароническое» стихи). Латинские стихи писали Стефан Яворский («Последнее прощание с книгами»), Феофан Прокопович («Описание местоположения Киева», «К портрету Петра Великого», «К портрету императрицы Екатерины I»), Феофил Кролик («К сочинителю сатир») и др.

Силлабическая поэзия отличалась, с одной стороны, энциклопедичностью, с другой — относительной легкостью сложения (допускались тавтологические рифмы, заимствования из других поэтов, обилия суффиксальных рифм и т.д.). В конце XVII — начале XVIII в. силлабические стихи распространились настолько, что проникли в сатиру («Повести о куре и лисице»), богослужебные книги (святцы), другие науки (стихотворные предисловия к анонимной «Книге, глаголемой арифметика» (1691) и «Арифметике» Леонтия Магницкого (1708), анонимному «Краткому учению о строении пеших полков» (1702)). Силлабические вирши использовались в описании гербов, на лубочных картинах, иконах. В результате силлабическое стихотворство, утратив всякое поэтическое начало, вступило в эпоху кризиса, который был преодолен только во второй трети XVIII века в результате поиска новых форм. Тем не менее именно на базе силлабической поэзии XVII столетия, сформированной ею системы жанров (торжественные канты, «приветственные стихи», возникшая в конце века «любовная переписка») развивалась поэзия XVIII века.

3. Поэзия Симеона Полоцкого. История силлабической поэзии началась в русской литературе с литературной деятельности Симеона Полоцкого (1629–1680) **(см. К.б.).** Литературным творчеством Полоцкий начал заниматься, еще обучаясь в Киево-Могилянской академии (стихи на польском, белорусском, украинском языках — элегии, сатирическая поэма, эпиграммы). После прибытия в Москву в 1664 г. он пишет на русском панегирические торжественные стихи, зарабатывает славу первого придворного поэта. В 1678 г. Полоцкий объединил все свои стихи в два обширных сборника — **«Рифмологион»** (1679–1680) и **«Вертоград Многоцветный»** (1677–1678), ненапечатанные при жизни автора.

В состав первого сборника вошли стихотворения, написанные «на случай», по поводу различных событий из жизни преимущественно царской семьи и приближенных ко двору лиц. Все эти стихотворения, приветственные, хвалебные, поздравительные, относятся к разряду панегирической поэзии (всего 800 стихотворений). Центральное место в составе сборника занимают так называемы «книжицы приветственные» — циклы стихотворений, объединенных единством темы и композиционного замысла, написанные по поводу событий в жизни царской семьи. Их пять (три «приветственные» и две траурные): «Благоприветствование» царю Алексею Михайловичу (1665), «Орел Российский» (1667), «Френы, или Плачи всех сынов и чинов православного Российского царства» о смерти царицы Марии Ильиничны (1669), «Глас последний ко господу Богу царя Алексея Михайловича» (1676) и «Гусль Доброгласная» (1676) .

Особенно интересна вторая «книжица приветственная» — «Орел Российский» — сложное литературное сооружение, построенное по правилам «барочной» архитектоники. Начинается произведение двумя посвящениями царю и царевичу, составленными в форме стихотворной криптограммы. За ними следует прозаический «Енкомион», похвальное слово, в котором автор уподобляет царя Алексея Михайловича солнцу, своими лучами освещающему весь мир и изливающему на всех милости. За ними — «Елогион», второе похвальное слово, составленное одиннадцатисложными силлабическими стихами, где чередуются риторические обращения и вопрошания, украшенные сравнениями, уподоблениями, метафорами, типично «барочным» гиперболизмом. Далее следует изображение солнца, в котором нарисован Орел Российский; солнце испускает сорок восемь лучей, в каждый луч вписана одна из присущих царю Алексею Михайловичу добродетелей: «правдолюбие», «правосудство», «добронравие», «щедродаяние» и др. Поэт обращается к Аполлону и его музам с просьбой «стиховещати», что означает орел, изображенный в солнце, и каждая из них прославляет Орла Российского. Далее следует рисунок зодиака и стихотворное объяснение каждого из его знаков. В аллегорическом толковании поэта каждый знак зодиака знаменует собою одно из тех качеств, приобрести которые должен царевич по примеру своего отца: смирение, труд «учения», правосудие, любовь к ближним и своему народу. Затем следуют стихи, написанные в форме сердца, в которых автор выражает лучшие пожелания всему царскому семейству. Потом идет стихотворный диалог «Фаетон и Ихо» о добродетелях царя Алексея Михайловича. Наконец, следуют акростих и пять посвященных

царю Алексею Михайловичу анаграмм. В заключение снова выступают музы и говорят, что скорее перо остановится, чем они перестанут хвалить царя. Заканчивается «Орел Российский» еще одним прославляющим царя стихотворным «Прилогом» и криптограммой, которой автор искусно зашифровал свое имя. Историко-литературное значение этого панегирического стихотворения Симеона Полоцкого и других произведений «Рифмологиона» заключается в формировании традиции, следы которой отчетливо заметны даже у поэтов-одописцев второй половины XVIII века.

В состав сборника «Вертоград многоцветный» вошло около 1240 стихотворений различных жанров: «подобия», «образы», «присловия», «толкования», «эпитафии», «образов подписания», «повести», «молитвы», «увещания», «обличения» (авторские их определения в предисловии). Все эти произведения носят нравоучительный характер (рассматривают вопросы брака («Вдовство»), достоинства («Дева»), чести, идеального правителя («Гражданство»), смысла жизни («Достоинство»), сатиры («Невежда», «Купецтво», «Монах»)). Не менее разнообразен сборник и в тематическом отношении. По сути это стихотворная энциклопедия по разным областям знания — по истории, античной и средневековой западноевропейской. Здесь соседствуют мифологические сюжеты и исторические анекдоты. Сам материал расположен по тематическим рубрикам и в алфавитном порядке.

Большое место в «Вертограде многоцветном» занимают стихотворения, отнесенные к жанру «подобий», «образов», «повестей», «епитафий», «обличений». Это стихотворные обработки а) разных повествовательных сюжетов из сборников повестей типа «Великого зерцала», «Римских деяний» — «Месть или отмщение», «Жена блудная», «Казнь за сожжение нищих» и т. д.; б) исторических анекдотов и изречений знаменитых в истории лиц; в) разного рода легендарно-агиографических повестей. Встречаются в сборнике Полоцкого стихотворения на темы из всемирной истории, географии, зоологии, минералогии, эмбриологии («Плод безмужный»), а также стихотворения, посвященные определению философских понятий, юридических терминов. Немало стихотворений дидактических, сатирических и шуточных. В целом сборник преследовал преимущественно научно-популяризаторские и дидактические цели; для него характерен энциклопедизм. Полоцкий хотел дать читателю широчайший свод знаний из разных отраслей науки: византийской и римской истории, природоведения, мифологии, космогонии и т. д. Специфические «барочные» черты проявляются в аллегоризме, вычурных сравнениях и уподоблениях, нередко

исчерпывающих содержание поэтической темы. Стихи Полоцкого иногда принимали форму настоящего зрелища — располагались в форме креста, звезды, лучей солнца, сердца. Форма стиха — форма внешняя, не поэтическая — для этого автора имела самодовлеющее значение. Он любил «курьезные стихи», например палиндромон, владел сложнейшими типами акростиха, писал макаронические вирши.

Оба сборника Полоцкого (это были первые в России сборники стихотворений) — явление в русской литературе XVII в. выдающееся. Они ввели в литературный обиход едва ли не все известные тогда поэтические жанры — от эпиграммы до торжественной оды, все наиболее употребительные размеры силлабического стихотворства — от краткого шестисложного до громоздкого тринадцатисложного.

В 1678 г. Полоцкий перевел стихами всю Псалтырь («Псалтырь рифмованная»). Это произведение пользовалось широкой популярностью до первой половины XVIII в.

Таким образом, творчество Полоцкого развивалось в русле панегирической и дидактической поэзии барокко с его обобщенностью и многозначностью символики, аллегоризмом, контрастностью образов, гиперболизацией, совмещением на одной плоскости христианской и греко-римской мифологии, большим количеством разных стилистических украшений, имеющих чисто декоративное назначение, нарочито затрудненной речью в результате необычной расстановки слов, дидактическим морализаторством, интересом к так называемым «фигурным» стихам, разного рода стихотворным ребусам, криптограммам. Язык поэзии Полоцкого чисто книжный, подчеркивающий отличие поэзии от прозы. Полоцкий пользуется вопросами, восклицаниями, инверсией, прокладывая дорогу классицистической поэзии.

Учениками и продолжателями дела Полоцкого стали **Сильвестр Медведев** (1641–1691) **(см. К.б.)** и **Карион Истомин** (ок. 1650–1717) **(см. К.б.),** а также **Стефан Яворский** (1658–1722) **(см. К.б.),** которые, наряду с Полоцким, подготовили расцвет русской силлабической поэзии в первой половине XVIII в., проложили путь ее крупнейшему представителю А. Д. Кантемиру.

Тема 11. Становление русского театра и драматургии

1. Русская придворная драматургия. Репертуар и своеобразие пьес. Значительным событием в культурной жизни Москвы было открытие в 1672 г. придворного театра, появление которого дало толчок к становлению и развитию нового рода русской литературы — драмы. В прошлом

театральные зрелища приравнивались церковными запретами к тем «позорищам и игрищам», за участие в которых духовные лица лишались сана, а на мирян налагалось церковное наказание (эпитимия). Актер особым чином принимался обратно в церковь, если он приносил покаяние. Элементы театрализованного «действа» были издавна известны на Руси в некоторых народных (свадьба, провод Масленицы и т. д.) и церковных (омовение ног, хождение на осляти) обрядах, но за пределы обрядового ритуала они не выходили. В первой половине XVII в., видимо, через скоморохов, в русском быту стал известен переносный кукольный театр.

Образцом театра стал театр Западной Европы, а не Украины, где к середине XVII в. уже сформировался школьный театр, с его серьезным, нравоучительным репертуаром. Западный театр познакомил русских зрителей с разнообразными пьесами, в которых сплетались традиции различных театральных и литературных направлений, где благочестивые сюжеты чередовались с шутовством, героические исторические эпизоды — с трогательными романическими сценами. Но репертуар московского театра содержал как правило примитивные пьесы бродячих европейских трупп, в тяжелом, местами непонятном переводе.

Первый русский театр возник при дворе царя Алексея Михайловича. Радостное событие в царской семье — рождение 30 мая 1672 г. царевича Петра — вызвало желание отпраздновать его по-новому. Инициатива создания театра принадлежала главе Посольского приказа Артемону Сергеевичу Матвееву. На чердаке дома боярина И. Д. Милославского отделали помещение для репетиций. В Немецкой слободе, где изредка устраивались любительские спектакли, разыскали пастора лютеранской церкви **Иоганна Готфрида Грегори**, который собрал группу в 60 человек из детей служилых и торговых иноземцев и приступил к их обучению. Грегори был не только первым режиссером, но и первым драматургом. Его перу принадлежит первая придворная пьеса «Артаксерсово действо» на материале Книги Есфири из Библии.

В подмосковном селе Преображенском, летней резиденции Алексея Михайловича, воздвигли театральную «хоромину». Царское место, убранное красным сукном, находилось у самой сцены. Для царицы и царевен были сооружены особые «клети», в виде лож, закрытых частой решеткой. Для остальных зрителей были поставлены деревянные лавки. Сцена была отделена от зрительного зала брусом с перилами и, вероятно, несколько приподнята. Представление длилось десять часов, и царь высидел его с удовольствием (бояре во время спектакля стояли), а по окончании

спектакля зрители направились в баню смывать грех своего участия в таковом «позорище».

Первый спектакль в Преображенском состоялся 17 октября 1672 г. Зрелище продолжалось десять часов. Представление, как и следующие ближайшие, велось на немецком языке. Для Алексея Михайловича приготовлен был русский перевод пьесы, но вручен был ему, вероятно, уже после представления. Успех постановки закрепил за театром статус постоянного придворного учреждения. Преображенский театр считался летним, а 22 января 1673 г. в Кремлевских палатах над дворцовой аптекой был открыт и зимний театр. Первые представления шли на немецком языке, потом (в 1673 г.) была организована русская труппа из детей мещан и подьячих («робята» и взрослые «игрецы»; женские роли исполнялись мужчинами). Театр продолжил работу в помещении над Аптекарской палатой Кремля. После смерти Грегори в 1675 г. руководство театральным делом перешло к Юрию Гивнеру, а в конце 1675 г.— к Степану Чижинскому.

Придворный театр имел хорошую материальную базу: дорогие ткани на костюмы, листовое золото и серебро на бутафорию; в спектаклях использовались декорации, написанные иностранным живописцем — Петром Энглесом, органная музыка. С 1674 г. при театре была организована балетная труппа. После смерти царя Алексея Михайловича в 1676 г. театр прекратил существование. Общедоступный театр открылся только в 1702 г. по повелению Петра I в Москве на Красной площади.

По своему происхождению пьесы придворного театра восходили к пестрому репертуару немецкого народного театра первой половины XVII в. Репертуар этот состоял частью из школьных драм, частью из так называемых «английских комедий» — пьес английских комедиантов, гастролировавших тогда по странам Европы. Эти «английские комедии» восходили в свою очередь к английскому театру елизаветинской эпохи (конец XVI — начало XVII в.), но в результате последующих переработок сохранили с ним лишь отдельные, преимущественно сюжетные связи. Содержание «английских комедий» черпалось из священной и светской истории, средневековой баллады, английской хроники, итальянской новеллы и т. п. Моралистический элемент в пьесах этого репертуара отсутствовал, но зато очень сильно выступал элемент внешней занимательности, усиленный разнообразными театральными эффектами — музыкой, пением, пляской, яркими декорациями. Трагические эпизоды чередовались здесь с циническими выходками шутов, при этом драматические страсти и одновременно самая

безудержная клоунада превосходили в этих пьесах всякое чувство меры. Эпизоды в таких пьесах громоздились на эпизоды часто без логической внутренней связи. В большинстве случаев «английские комедии» представляли собой эпическое повествование с чисто внешним признаком драматургического произведения — присутствием диалогической речи.

Репертуар театра Алексея Михайловича состоял из пьес преимущественно на сюжеты, заимствованные из библейских книг. В день открытия представлений была поставлена «Есфирь» («Артаксерксово действо»). Затем шли «Комедия о Товии Младшем» (1673), «Иудифь» (1674) «Егорьева комедия» (1675), «Жалостная комедия об Адаме и Еве» (1675), «Малая прохладная комедия об Иосифе» (1675), «Комедия о Давыде с Голиафом» (1676), «Комедия о Бахусе с Венусом» (1676). Первой из пьес на светский сюжет была историческая «Комедия о Тамерлане и Баязете», или «Темир-Аксаково действо» (по мотивам трагедии Марло) (1675). Из числа этих пьес дошли до нас только четыре: «Иудифь», «Комедия о Тамерлане и Баязете» — полностью и «Комедия об Адаме и Еве», «Комедия об Иосифе» — в отрывках.

«Артаксерксово действо», повествуя о далеких временах, имело злободневный смысл: намекало на положение немцев в Москве, которое автор пьесы Грегори недвусмысленно сравнивал с положением евреев в царстве Артаксеркса. Чтобы иллюзия эта была ясна и чтобы царь смог понять эстетические принципы театрального представления, пьеса была снабжена предисловием, которое произносил перед царем один из авторов. Он объяснял Алексею Михайловичу, что его слава также останется в веках, как слава многих исторических героев, что перед ним появится «потентат» (властитель), который давно умер, но воскреснет. Не только зрители видели перед собой исторических лиц — Артаксеркса, Эсфирь, Амана и проч., но и эти действующие лица видели зрителей, удивлялись тому, куда они попали, восхищались Алексеем Михайловичем и его царством, комментировали происходящее на сцене, свои поступки, разъясняли зрителям обычаи персов, вслух произносили свои мысли. Иногда действующие лица называли себя по имени, чтобы напомнить зрителям, кто они. Представление шло скорее всего без антрактов, которые могли бы нарушить с таким трудом созданную иллюзию происходящего в настоящем времени «действа». Время на сцене и в зрительном зале было едино.

Другим примером «придворной» драмы является комедия «Иудифь». Она написана на библейский сюжет: красавица Иудифь, обольстив ассирийского полководца Олоферна, отрубает ему голову и тем спасает свой

город Вефулию от врага. Идея произведения — прославление героического подвига Иудифи. Пьеса состоит из 7 актов и 29 сцен («сеней»); кроме того, между третьим и четвертым действиями находится «междосение». В пьесе действуют 63 персонажа. Центральная героиня появляется лишь в четвертом действии. Образ ее характеризует высокая патетика архаической книжной речи. Рядом с трагическими героями присутствуют «дурацкие» персонажи — служанка Иудифь Абра и ассирийский воин Сусаким, находящиеся во власти низменного чувства страха за жизнь (их язык — нарочито сниженные просторечия). Комизм их положения раскрывается через разговорные интонации, фарсовые приемы. Таким образом, торжественно-патетическая тональность пьесы периодически снижается комико-буффонными сценами. Главные герои пьесы делились на положительных и отрицательных, их характеры статичны. Комедия имела предисловие, в котором подчеркивалось, что торжество Иудифи над ассирийцами — символ грядущего торжества русского царя над «безбожными турками».

Московская «Иудифь» не совпадает ни с одной из европейских пьес об Иудифи, что дает основание предположить, что пастор Грегори ставил свою пьесу сам, следуя библейскому рассказу и стилю «английских комедий» народного театра (игра на контрастном сопоставлении пафоса и шутки, большое количество картин и действующих лиц, параллельная интрига, отсутствие единства места и времени, обилие сцен с кровавыми эффектами).

«Комедия о Тамерлане и Баязете» — переработка последних актов первой части трагедии известного английского драматурга Христофора Марло «Тамерлан Великий». «Комедия» воспроизводила отдельные эпизоды борьбы Тамерлана с турецким султаном Баязетом: выступление в поход, битву с Баязетом, взятие Баязета в плен и заключение его в железную клетку, самоубийство Баязета. Действие перебивалось комико-буффонными сценами с «шутовскими персонами» — Пикельгерингом (маринованная селедка) и Телпелом. «Комедия об Адаме и Еве» — оригинальная пьеса, на русском языке, которая по содержанию напоминает средневековую мистерию: в ней имеется пролог, вокальные антракты (хор ангелов); она подразделяется на действия и «сени»; в конце третьего действия появляются аллегорические фигуры Правды, Истины, Милосердия, Мира.

«Комедии» (термин «комедия» тогда употреблялся в значении драматического произведения, пьесы вообще) разделялись по жанрам: «жалостные», или «жалобные» (с трагической развязкой), «прохладные» (доставляющие

удовольствие, с благополучной развязкой) и «потешные», «радостные» (т.е. веселые комедии) .

Особенности придворной драматургии. Черпая сюжеты своих пьес из истории, из Библии, из античной литературы, драматурги-режиссеры старались придать им внешнюю занимательность. Этой цели служили пышные декорации, костюмы, высокая патетика исполнения, натуралистические сценические эффекты.

Другой особенностью являлось тесное переплетение трагического и комического. Параллельно с трагическими героями в действии участвовали комические «дурацкие» персонажи, рядом с высокой патетикой давались комические фарсовые сцены. Интермедии разряжали атмосферу драматического действия.

Действие развивалось медленно, так как пьесы тяготели к развернутому эпическому, а не к сценически-драматическому повествованию. Замедляли действие патетические диалоги.

Авторы пьесы обличали пороки и давали уроки торжества добродетели. Пьесы завершались торжеством религиозно-моральной правды над злом.

Героями выступали, как правило, цари, полководцы, библейские персонажи, что соответствовало общему аристократическому духу придворного театра. Герои делились на положительных и отрицательных; их характеры были статичны, но персонажи были деятельны.

Пьесы писались как правило прозой.

Зритель явно ощущал связь изображаемого на сцене «действа» с современной ему придворной жизнью. Так, прославление в «Артаксерксовом действе» мудрого, чувствительного сердцем царя Артаксеркса и его красавицы жены Есфирь проецировалось на жизнь Алексея Михайловича, женившегося на Наталье Нарышкиной. В предисловии пьесы содержался прямой панегирик русскому царю.

Театр царя Алексея Михайловича положил начало русской театральной культуре, создал традицию, которую можно проследить вплоть до половины XVIII в. Появление придворного театра способствовало развитию школьной драматургии. Связующим звеном придворной и школьной драматургии служат пьесы Симеона Полоцкого.

2. Школьный театр XVII столетия. Национальные особенности русского школьного театра. Поэтика. Появление школьного театра было тесно связано с развитием школьного образования. Школьный театр возник в Западной Европе еще в XII в., использовался церковными деятелями (в первую очередь иезуитами) в целях воспитания юношества. Иезуиты отказались от латинской комедии, в частности комедии Теренция

как образца, и поручили сочинение школьных пьес учителям коллегий — в духе средневековых моралите, на сюжеты преимущественно библейские и житийные, позже — исторические. С XVI в. школьный театр получил распространение на Украине и в Белоруссии, а со второй половины XVII в.— в Москве. Школьная драма возникла в XVII в. с появлением духовных школ (академии и семинарии) и просуществовала около 200 лет. Киевская духовная академия имела театр в противовес и в подражание театрам католических коллегий, находившихся во Львове, Полоцке, других городах. Украинский школьный театр функционировал до начала 70-х гг. XVIII в.

Украинские и русские школьные театры имели с польским множество соответствий (заимствования и общность природы этих театров). Тем не менее у восточных славян прижились, например, жанры «диалога», «мистериальной пьесы» (влияние народного религиозного театра), но не «суды», «сеймики», пьесы о преступниках на троне. Школьные театры Польши и России развивались в различных общественных условиях. В России увлечение театром грозило для духовных лиц снятием сана, а для гражданских — наложением епитимьи. Не приветствовалось внесение театральных элементов в общественную жизнь (воздвижение триумфальных врат и устройство празднеств). Такая ситуация существовала вплоть до 30-х гг. XVIII в. (статья «О позорищных играх» 1733 г.— первая русская статья, посвященная театру). В Польше театр был признан официально и не испытывал подобных гонений. Школьные театры Польши и России различно соотносились с другими видами театров, сосуществовавших с ними. Русский был связан с литургическим театром (Полоцкий «О Навуходоносоре-царе» и литургическое «Пещное действо»). Польский школьный театр был близок светскому. В отличие от польского, русский школьный театр не полностью реализовал свои возможности. Он не обратился к европейскому классическому репертуару, в меньшей степени развивал комедию. Границы русского школьного театра были размыты, он не имел столь строгого разделения на виды, как польский. Границы между пьесами различных видов легко нарушались.

Впервые на Руси школьные пьесы стали разыгрываться воспитанниками Киево-Могилянской академии. Жанр школьной драмы использовался в нравственно-воспитательных целях и служил средством борьбы с католическим влиянием. Широкое распространение в России школьный театр получил во второй половине XVII в., когда воспитанники Киево-Могилянской академии стали преподавателями школ в Москве, Ярославле,

Твери, Ростове, Пскове, Новгороде, Смоленске, Тобольске, Астрахани, Казани, Иркутске. Школа стремилась к массовости и доступности театрального искусства. Школьная драма развивалась в двух направлениях: христианско-католическом и антично-классическом.

Школьный театр занимал двойственное положение в системе культуры XVII в. С одной стороны, он имел развитую эстетическую программу. С другой, оставался средством воспитания. Театр показывал примеры благочестия и добродетельной жизни, примеры служения родине. Дидактическими были и пьесы светского характера, и моралите, и пьесы мистериального типа. Но особым дидактизмом отличались диалоги и декламации, которые были предназначены для практических школьных занятий, произносились для небольшого числа зрителей и не имели театрального оформления.

Сцена. Актеры. Школьные драматические представления были открытыми (предназначались для развития и поучения публики) и закрытыми (преследовали чисто учебные цели). На первого рода представлениях собирались учителя, ученики, гости, родители из различных социальных слоев. Тенденция к массовости определила и выбор художественных средств, и жанровые особенности театра.

Пьесы ставились в одном из помещений школы со сценой. Декорации рисовались на заднике или кулисах и закреплялись на вращающихся четырехугольных призмах. Существовала специальная система рычагов, с помощью которых действующие лица могли подниматься и опускаться, специальные люки. Половицы сцены были подвижны и могли изображать волнующееся море. Занавес иногда делил сцену на две части (большая и малая сцены). Иногда помещение не имело специального оборудования, оформлялся только задний план, костюмов не было. Иногда постановки выносились под открытое небо, на рыночную и церковную площади (традиция народного театра) .

Школьный театр был любительским, создавался силами учеников и учителей. Авторами драм были преподаватели риторики и поэтики или сами ученики. Целью постановки порой было овладение навыками риторики, знакомство с древними авторами. Основы сценической игры, режиссуры, драматургии черпались из различных руководств — трактата Доната «Три книги поэтических установлений», трактата Ланга «Об искусстве сценической игры», «Искусства поэтики» Феофана Прокоповича (все восходили к «Поэтике» Аристотеля).

Школьный театр отличался относительной подвижностью (постоянная смена актеров, подвижность постановок). У него был свой календарь, который был основан на цикле церковных праздников (пьесы ставились на Масленицу, Рождество и Пасху). Небольшие изменения в этом календаре были связаны с неожиданными событиями в общественной жизни (смерть царя, конец войны) или с приездом в школу гостей (по этому случаю произносились диалоги и декламации). Пьесы мистериального типа ставились в Великую пятницу, обычно в храме. Трагедии на исторические сюжеты, агиографические, мифологические пьесы — в Вербное воскресенье, на школьной сцене. Пьесы, наставляющие грешников, были частью карнавала. В конце учебного года ставились комедии.

Особенности школьного театра. Поэтика школьного театра ориентировалась на барочные принципы. Театр мыслился как подобие мира, а мир представлялся театром с режиссером Богом, Судьбой, Фортуной. Человек — актер и игрушка Высших сил. Театр напоминал о недолговечности человеческого существования, показывал тщетность стремлений добиться славы, богатства, любви. Театр как искусство метаморфозы наглядно иллюстрировал тему изменчивости, взаимообратимости положений.

Мир при всей безмерности и хаотичности в представлении барочных драматургов сводился к иерархической структуре, направленной по вертикали, и выглядел как система содержательных оппозиций. Представление о иерархической структуре мира театр отражал с помощью организации сценического пространства: использовалась симультанная сцена, которая символически повторяла строение мироздания, как его тогда представляли. Она была ориентирована по двум направлениям — по горизонтали и вертикали. Деление сцены по вертикали определяло пункты, в которых происходило действие: дворец, город, дорога (отмечалось декорациями). Деление по вертикали превращало сцену в трехъярусную — срединная часть означала мироздание, находящееся между раем и адом (верх — низ). Драматические герои двигались не только по горизонтальному направлению, но и по вертикали. То, что происходило на земле, соотносилось с тем, что творилось в мире («Успенская драма» **Дмитрия Ростовского** (1651–1709) **(см. К.б.)**. В дальнейшем симультанная сцена исчезает и сценическое пространство организуется при помощи кулис, занавеса и т. д. Движение по вертикали становится невидимым, о нем говорят актеры.

Школьная драма основывалась на семантических оппозициях (верх — низ, свет — тьма, красота — безобразие, внутреннее — внешнее,

добро — зло, Бог — дьявол, Бог — человек). Весь мир (мир вещей и отношений, мир мысли и чувств) делился на две части, каждый элемент которой имел антипода в другой. Все понятия приобретали положительное и отрицательное значение, вступали в противоречие со своими антиподами. Человек воспринимался как средоточие плотского и духовного, одновременно вещь и идея. Его земной путь — как странствие в чужих краях: человек гость на бренной земле, направляющийся к Богу. Мотивы гостя, пира, дороги, мореплавания способствовали созданию картины человеческой жизни как путешествия. Раздвоение жизненного пути (верх — низ) способствовало обязательному раздвоению человека (тело и душа) .

Театр синтезировал живопись, архитектуру, музыку, поэзию. Слово и музыка, изображение, жест, танец входили на равных в театральную структуру и были полноценными средствами эстетического воздействия на зрителя.

Русский школьный театр, как и польский, прошел путь от мистериальных диалогов к агиографическим трагедиям, от них — к панегирику с ярко выраженным общественно-политическим содержанием, сочетавшему элементы различных жанровых структур. Постоянство жанровой системы поддерживалось малой изменчивостью репертуара. Школьная драма чаще была основана на евангельской легенде или житийном предании. В школьном театре существовали жанры 1) чисто риторические — декламации, диалоги, суды (в польской литературе) — ораторские произведения, находящиеся на стыке литературы и театра, и 2) драматургические — моралите («Успенская драма» Д. Ростовского), рождественские и пасхальные драмы (мистерии) («Рождественская драма» Д. Ростовского), мартирологические драмы («Действо о святой мученице Евдокии»), пьесы о власти («Пьеса о воцарении Кира»), интермедии («Комедии о Иакове патриархе») .

Для школьной драмы было характерно: сжатое действо, отсутствие единства времени и места, смешение трагического и комического.

За основу сюжетов школьной драмы бралось обычно чудо, равно функциональное с неожиданностью (случай, встреча). Сюжеты имели статичный характер и зеркальное построение (повторялись сходные, но контрастные по содержанию ситуации). Школьный театр тяготел к классической форме: пролог (антипролог), пять актов, после каждого из которых выступал хор, развлекающий зрителя, и эпилог.

Герой школьной драмы нес большую сюжетообразующую и семантическую нагрузку. На нем держалось действие, он доносил авторскую идею.

Барочный герой с трудом идентифицируется: он меняет внешность с изменением костюма (костюм — важная характеристика героя, обозначающая повороты в жизненном пути). Герои школьной драмы — или праведники, или грешники (вариант блудного сына с рядом пороков, самый страшный из которых — святотатство).

Школьная драма писалась силлабическими стихами и строилась на обширных монологах. В ней допускалось использование латинского языка.

В число действующих лиц вводился ряд аллегорических персонажей-олицетворений (стремление к наглядности). Драматурги барокко могли персонифицировать явления природы (Земля, Небо, Солнце, Луна, Огонь, Вода, Зима, Вечность), части света (Европа, Африка), изменяемость жизни (Фортуна, Случай, Перемена), общие понятия (Справедливость). Аллегории действовали наряду с конкретными героями, могли выступать в пьесах всех жанров. Но они не нарушали границы условного мира (им отводились прологи, эпилоги, хоры, отдельные явления) .

Школьный театр использовал античную мифологию как систему символов для обозначения религиозных понятий и как способ воспроизведения реального мира, его истории. Античные герои, ситуации получали новую смысловую нагрузку, олицетворяли этические силы (Фурии — адские муки грешников; Ариадна — Божья Матерь; Артемида — Божественная любовь) .

Конец XVII — начало XVIII в.— расцвет школьного театра, когда он выходит за стены духовных училищ, появляется в провинции.

Большую роль в развитии школьной драматургии сыграл Дмитрий Ростовский (1651–1709), написавший для духовных школ Ярославля «Рождественскую драму», «Успенскую драму» и «Грешник кающийся». Они отличались сценичностью, стройностью композиции, живостью диалога.

3. Драматургическое творчество Симеона Полоцкого. Заметный след в истории русской драматургии оставил Симеон Полоцкий. Первые его опыты в этом жанре относятся еще ко времени учительства в «братской» школе в Полоцке. Для учащихся этой школы он около 1658 г. написал небольшую рождественскую пастораль под заглавием «Беседы пастушеские», которая, вероятно, была исполнена учащимися. Это разговор двух пастухов о рождестве Христовом, завершающийся традиционным рождественским «кантом»: «Ныне нам радость явися, Христос сын божий родися…». Писал Полоцкий и «декламации» — стихотворные монологи, поочередно произносимые чтецами, объединенные единством

темы и предназначенные для исполнения в присутствии каких-либо знатных лиц, иногда с «прологом» и «эпилогом». В Москве он написал более двадцати новых «декламаций», которые вошли в состав сборника «Рифмологион» — «Стиси краесогласнии в похвалу святыя преподобномученицы Евдокии» и др.

В 1670-х гг. Симеон Полоцкий от простейших форм школьной драматургии — «диалогов» и «декламаций» — перешел к форме более сложной — к драме. Его «Комедия о Навуходоносоре-царе, о теле злате и о трех отроцех в пещи не сожженных» и «Комедия притчи о блудном сыне» стали первыми в русской литературе образцами так называемой «школьной драмы». Составленные по типу небольших пьес дидактического характера, они имели простую композицию, небольшой объем, не включали аллегорические фигуры, обязательные для парадных школьных «трагедий» и «трагикомедий». Комедия «О Навуходоносоре-царе» (1673) была предназначена для придворного театра. «Комедия притчи о блудном сыне» (1673–1678), вероятно, разыгрывалась для назидательного представления выпускниками Московской школы. Обе — на грани придворного и школьного театров.

«О Навуходоносоре-царе» — пьеса в одном действии с обрамлением, прологом и эпилогом. Эпилог содержал прославление политики царя Алексея Михайловича, подобного солнцу. Навуходоносор — «помраченный «тьмой неверства»» злодей, схематичный герой, носитель одной черты. В пьесе было множество авторских ремарок, помогающих актерам ставить мизансцены, вводящие зрительные и звуковые эффекты.

В литературном отношении наиболее интересна последняя пьеса Полоцкого — **«Комедия притчи о блудном сыне»**, написанная на популярный в школьной драматургии евангельский сюжет притчи о блудном сыне, который ушел из родительского дома, растратил все свое состояние, а затем, раскаявшись, вернулся домой и был радостно принят отцом. Пьеса состоит из пролога, эпилога и шести действий, или «частей». В прологе говорится о содержании комедии и о пользе театральных представлений. В эпилоге высказывается мораль. Из ремарок следует, что каждая часть пьесы при ее исполнении на сцене должна была заканчиваться пением хора и, по традиционному обычаю школьных драм,— интермедией.

Пролог к «Комедии» — своеобразная теоретическая декларация. В ней доказывается преимущество зрительного наглядного восприятия материала перед словесным, необходимость введения «утехи ради» зрителя

веселой интермедии, ставится вопрос о высокой нравственной пользе театрального представления.

Основной конфликт пьесы отражает известное в бытовой повести столкновение двух мировоззрений, двух типов отношения к жизни: с одной стороны, отец и старший сын, готовый «отчия воли прилежно слушати», с другой — «блудный», стремящийся уйти из-под отцовской опеки, чтобы «весь мир посещати». В пьесе конфликт разрешается торжеством отцовской морали. Промотав богатство в чужих краях, «блудный» сын возвращается под родительский кров, признав свою вину. Дидактический смысл пьесы раскрывается в эпилоге. Произведение отразило стремление молодежи к усвоению европейских форм культуры и в то же время показало, что часть молодого поколения усваивает эти нормы весьма поверхностно, чисто внешне. Порок (стремление к поверхностному усвоению европейских форм культуры) наказан, добродетель торжествует. Желая поднять значение «Комедии» до уровня дидактического наглядного обобщенного примера, Полоцкий лишил персонажей конкретных индивидуальных черт, даже собственных имен (действующие лица — «отец», «сын старший», «сын младший», «купчин», «господин» и др.) — это собирательные образы. Действие пьесы разворачивается вне определенной эпохи и страны. Так же условно и само действие: приказания выполняются молниеносно — в тот самый момент, когда они даются; нужный по ходу действия персонаж всегда появляется вовремя; один герой осведомлен о мыслях другого еще до встречи с ним и т. д. Речи действующих лиц носят тот же подчеркнуто условный характер сентенций.

В соответствии с условиями школьного театра количество персонажей в «Комедии…» невелико. Действие развивается в строгой логической последовательности. Герои четко делятся на положительных и отрицательных. Аллегорические фигуры отсутствуют. Каждое действие заканчивается пением хора и интермедией, которая ставила целью развлечь зрителя, внести комическую разрядку в общий серьезный тон основного действия. С придворной драматургией пьесу роднит совпадение сюжета с событиями придворной жизни — в 1660 г. сын известного русского дипломата Афанасия Ордына-Нащекина в поисках лучшей жизни уезжает за границу, царь прощает его в 1665 г.

Интермедии, написанные Полоцким, до нас не дошли, но об их характере можно судить по другим сохранившимся интермедиям. Это комические сценки преимущественно бытового содержания, где изображаются обыкновенные люди, осмеиваются невежество, пьянство и т. п. Отражая

смешные стороны повседневной жизни, интермедия служила основой для дальнейшего развития жанра собственно комедии.

Таким образом, русская драматургия XVII — XVIII вв.— важный этап в развитии русского театра. Представленная, с одной стороны, пьесами придворного театра, а, с другой, школьной драмой, она отличалась разнообразим и достаточной оригинальностью. Общей чертой между придворным и школьным театром было обращение к библейским темам. Несмотря на известную ограниченность, придворный и школьный театры XVII в. подготовили развитие театрального дела первой четверти XVIII в. Логически последовательное развитие действия, четкость композиции, деление персонажей на положительных и отрицательных, дидактизм, стремление к логически обобщенному изображению явлений действительности драм XVII в. повлияли на становление русской классицистической драматургии (Ф. Прокопович, А. П. Сумароков, М. В. Ломоносов, Я. Б. Княжнин, В. И. Майков, П. А. Плавильщиков, М. М. Херасков). Есть общие моменты барочного русского театра и с романтической драмой. Наконец, принципиальное сходство присутствует с театром символистов, интеллектуальной драмой XX в.

Тема 12. Барокко в русской литературе XVII в.

1. Термин «барокко». Точки зрения на русское барокко. Во второй половине XVII века вследствие интенсивного сближения России с Западной Европой происходит проникновение в древнерусскую культуру элементов культуры европейской. Идет борьба сторонников византийско-греческой и латино-польской образованности. Начинается процесс дифференциации художественной литературы, ее вычленения из письменности исторической и религиозно-дидактической. Летописи видоизменяются в исторические повести (остаются только на периферии — «Сибирские летописи»), житие превращается в бытовую повесть и автобиографию, появляются бытовые и сатирические повести с вымышленным сюжетом, возникает драма и театр, силлабическая поэзия. Литература разрабатывает светскую тематику, опирается на фольклор. В центре ее внимания становится судьба обыкновенного человека, пытающегося выстроить свою жизнь по своей воле и разуму. Рядом с элементами книжного языка в литературе соседствует просторечие, деловой язык и язык фольклора. В этих условиях формировалось русское барокко.

Термин «барокко» был введен сторонниками классицизма в XVIII в. для обозначения изобразительного и архитектурного искусства предшествующего — грубого, безвкусного, «варварского». В литературоведение

термин ввел в 1886 г. Генрих Вельфмин в работе «Ренессанс и барокко». Он определил признаки барокко: живописность, глубина, открытость формы. Позже французский ученый Жан Руссэ выделил два основных мотива барокко — непостоянство и декоративность.

Поотношениюкрусскойлитературетермин«барокко»ввелЛ. В. Пумпянский (статья «Тредиаковский и немецкая школа разума», 1930). Наиболее полно русское барокко XVII в. было исследовано и охарактеризовано И. П. Ереминым (см. **II; 5, 6**). Теорию барокко в России XVII в. глубоко разработала чешская исследовательница С. Матхаузерова.

А. А. Морозов отнес всю русскую литературу второй половины XVII и первой половины XVIII в. к барокко, видя в этом направлении национальное своеобразие русской литературы («Проблемы барокко в русской литературе XVII — XVIII вв.», 1962). Против этой точки зрения выступили П. Н. Берков, Д. С. Лихачев. П. Н. Берков отрицал существование русского барокко и рассматривал русскую виршевую поэзию и драматургию XVII в. как зарождение нового классицистического направления. С. Матхаузерова говорила о существовании двух направлений в русском барокко — национального русского и заимствованного, польско-украинского (первое предшествует второму). Д. С. Лихачев полагал, что следует говорить о существовании только русского барокко, которое было заимствовано из польско-украинской литературы, но приобрело национальные черты: «если свое барокко достаточно развилось, то тем самым не могло быть нужды в чужом» («Развитие русской литературы X — XVII веков» — см. **II; 8, т. 1**). Той же точки зрения придерживался А. М. Панченко (см. **II; 10**).

2. Стиль барокко. В центре барочного искусства — личность художника. Парадокс барокко заключается в том, что художник, с одной стороны, отделял себя от толпы «простецов», замыкался в сознании собственной исключительности и непогрешимости, с другой — с терпением истинного просветителя старался «поднять до себя» эту толпу. Поэзия, согласно барочным идеям — это не отражение мира, а самовыражение художника, творчество — процесс создания внутренней гармонии. Поэтому среди профессионалов XVII в. так распространена поэзия «для себя» — например, дневниковые записи в стихах, стихотворные послания. Писатели барокко опирались на «писаный разум»: проповедовали истину, считая ее обладателем того, кто хорошо знал богословие, умел читать латинские и греческие тексты, изучил логику и диалектику, риторику и поэтику. Барочные поэты ощущали себя счастливыми обладателями истины. Для

них наука уже завершила цикл своего развития и не нуждалась в развитии опытного знания, в самостоятельном исследовании. В таком отношении к миру сказался сугубо книжный энциклопедизм барочных поэтов. Так, Симеон Полоцкий хотел дать читателю широчайший свод знаний из разных отраслей науки: богословия, древнегреческой, римской и византийской истории и т. д.— сознательно включал в поэзию мифологию, исторические анекдоты, космогонические воззрения, христианскую символику.

Для барочного писателя каждый элемент мироздания был эмблемой, отпечатком некой вечной идеи. Солнце считалось «гиероглифом» познания, Сатурн — воображения, Юпитер — способности здравого суждения. Звезды были космическим соответствием памяти. Человек представлялся «малым миром». Такие толкования позволяли связать воедино живую и неживую природу, мир видимый и мир трансцендентный.

Стиль барокко как бы собирал и коллекционировал сюжеты и темы. Он был заинтересован в их разнообразии, замысловатости, но не в глубине изображения. Внутренняя жизнь человека интересовала писателя только в ее внешних проявлениях. Быт и пейзаж присутствовали, но чистые и прибранные, по преимуществу богатые и узорчатые, как бы лишенные признаков времени и национальной принадлежности. Барокко, как и ренессанс, охотно заимствует темы и героев из античного мира, но использует их как драпировку, пышные декорации, на фоне которых протекает действие.

Барочный ансамбль безразличен к своим составляющим; как в орнаменте, здесь мирно уживаются люди и вещи. Автор не стремится к их художественному единству, воспринимает как звенья цепи, которая может быть наращена или усечена. Ансамбль подчинен одной идее — дать как можно больше информации и истолковать ее в назидательном духе.

Как европейское, так и московское барокко было орнаментальным, «куриезным», причудливым стилем. Но Россия усваивала только те иноземные влияния, которые в каких-то существенных чертах соответствовали национальной традиции. Так, в силлабической поэзии второй половины XVII в. мы не найдем любви-страсти, здесь не было места смеху. Симеон Полоцкий и его ученики сообщали своим виршам серьезное и несколько тяжеловесное настроение. От классического барокко московских стихотворцев отделяла также умеренность. В московском барокко не было «ужасов» — безобразия смерти и загробных мучений. В стихах о бренности всего земного, которые писали Симеон Полоцкий и его последователи, господствует скорее элегическое, чем трагическое настроение.

Наиболее существенными формальными признаками барокко ученые считают: 1) эстетическое выражение преувеличенного пафоса; 2) нарочитую парадность, церемониальность; 3) избыточное нагромождение в одном произведении несовместимых стилевых компонентов, подвижных форм; 4) внешнюю эмоциональность; 5) аллегоричность; 6) орнаментальность сюжета и языка.

Барокко пришло в Россию через поэзию Симеона Полоцкого, Кариона Истомина, Сильвестра Медведева, Андрея Белобоцкого, через канты, придворный театр, проповедь, сборники переводных повестей, через «литературные» сюжеты стенных росписей, через Печатный двор и Посольский приказ, через появившиеся частные библиотеки и новую школьную литературу, через музыкальные произведения В. П. Титова и др.

Виршевая поэзия и драма XVII в., триумфальные арки 1690–1720-х гг., в изобилии покрытые картинами с литературным текстом к ним, а также скульптурные изображения из дерева и изразцов раскрывают отчетливо и наглядно помпезность и в известной мере официальность стиля и художественных приемов барокко. Смешение античности и христианства, пестрота и витиеватость стиля, обилие аллегорических образов, сочетающихся с грубым натурализмом, совмещение фантастики и чудес, тяготение к пышным, репрезентативным формам — вот характерные черты искусства русского барокко. Но в России петровского времени с его пафосом государственного переустройства на новых «разумных» началах, с устремленностью к наукам барочная эстетика носила односторонний характер: идейное содержание произведений тяготело к просветительскому рационализму.

3. Отличия русского барокко от западноевропейского. Следует различать барокко а) как художественный метод и стиль, возникший и развивавшийся в определенную историческую эпоху; б) как тип художественного творчества, проявляющийся в разные исторические периоды. Барокко как стиль сформировался в России во второй половине XVII в. и проявился в виршевой поэзии, придворной и школьной драматургии.

В Европе барокко пришло на смену Ренессансу. Место ренессансного человека снова занял Бог — первопричина и цель земного существования. Обострился интерес к эсхатологии, мистике, теме «плясок смерти», страшного суда, загробных мучений. Барокко знаменовало собою причудливый синтез средневековья и Ренессанса. Эта средневековая струя в эстетике барокко способствовала усвоению этого стиля у восточных славян, для которых средневековая культура отнюдь не была далеким прошлым. В то

же время барокко никогда не порывало с наследием Ренессанса и не отказывалось от его достижений. Античные герои и боги остались персонажами барочных писателей, а античная поэзия сохранила для них значение высокого и недосягаемого образца. Ренессансная струя обусловила особую роль стиля барокко в эволюции русской культуры: барокко в России выполняло функции Ренессанса. Русское барокко не возвратилось к средневековым традициям, а укрепилось на этих традициях. Витиеватость стиля, любовь к контрастам, формальные увлечения, идея «суеты сует» всего сущего — все это не «возродилось» в барокко, а явилось в нем продолжением своих местных традиций.

Русский вариант барокко имел элементы просветительства: способствовал отходу от средневековых принципов искусства, развитию новой жанровой системы, стремился воздействовать на читателя и правителей, «воспитать» их, расширить межнациональные контакты литератур. Так как переход к барокко в русской литературе осуществлялся не от Ренессанса, как на Западе, а непосредственно от средневековья, этот стиль был лишен мистико-пессимистических настроений. Восточнославянское барокко имело более жизнерадостный, человекоутверждающий характер, способствовало расширению содержания литературных произведений, освобождению их от устаревших канонов. Внутренняя жизнь человека интересовала писателей главным образом в ее внешних проявлениях, но сам круг людей, исторических деятелей, вводимых в произведение, оказался более широким. Быт выступал в художественных текстах абстрактно, без признаков времени и национальности, но герой показывался в конкретной обстановке. Но как и западноевропейские авторы, русские барочные писатели представляли мир таинственным и непознаваемым, утверждали идею судьбы и воли Бога, дидактизм. Исходя из этого выстраивались художественный вымысел, система аллегорий и символов, структура произведений.

В начале XVIII столетия русское барокко продолжает развитие. Из Киево-Могилянской академии в Москву был вызван поэт и философ Стефан Яворский (1658–1722), который был назначен местоблюстителем патриаршего престола, а впоследствии возглавил Синод. Тогда же в Москве появился другой украинский барочный писатель, Дмитрий Туптало (1651–1709), ставший в 1702 г. ростовским митрополитом, уже прославленный сочинениями житий святых, школьных драм и барочных кантов. Вслед за **Стефаном Яворским (см. К.б.)** и **Дмитрием Ростовским (см. К.б.)** в Москву переехали и другие питомцы киевской

школы, утвердив «латинствующих» в качестве руководителей официальной культуры, а стиль позднего барокко в качеств официального стиля. Яворский стал проректором Московской духовной академии и закрепил в ней «учения латинские» по киевскому образцу. Дмитрий Туптало основал в Ростове «училище латинское и греческое». Вслед за этим и в других патриархиях были устроены школы, где культивировались торжественная проповедь, школьная драма и панегирическое стихотворство (самая крупная — новгородская, открытая в 1706 г. митрополитом Иовом). Стремясь просветить человека, чтобы сделать доступнее ему нравственное совершенство, барочные писатели уснащали свои тексты сведениями по античной мифологии и истории. Отвлеченность этой эрудиции преодолевалась в школьном и общедоступном театре, где «оживлялись» мифологические и исторические персонажи, появлялись аллегории — Слава, Мир и др.

В начале XVIII столетия успехи школьного барокко были велики и несомненны. Барочные вирши сочиняли ученики новгородской школы митрополита **Иова** (самое значительное произведение — поэма «Лествица к небеси», состоящая из четырех частей, в которых изображены Смерть, Страшный суд, Геена и Царство небесное), старообрядцы Выго-Лексинского общежительства в Олонецкой губернии (братья **Андрей** (1674–1730) и **Семен** (1682–1741) **Денисовы**, Марфа Лукина). Андрей Денисов написал «Обличение на книжицу Стефана Яворского об антихристе», но включал в выговские сборники его стихи. Семен Денисов в виршах для своего «Винограда Российского», сборника кратких житий мучеников за старую веру, также следовал барочной традиции.

Однако Петр I, требующий полной подотчетности государю во всех видах деятельности, практической полезности культуры, постепенно лишал поддержки барочную литературу. Его эпоха выдвинула новые эстетические принципы, другой тип писателя — не профессионала и интеллектуала, сочиняющего по обету или внутреннему убеждению, а служащего человека, пишущего по заказу или «по указу».

Стиль барокко в русской литературе конца XVII — начала XVIII в. подготовил появление русского классицизма.

Тема 13. Значение древнерусской литературы

1. Итоги развития древнерусской литературы. Древнерусская литература, развивавшаяся в течение семи веков, послужила основой формирования литератур трех восточнославянских народов: русского, украинского и белорусского. В жанрах исторической и воинской повестей, летописи, ораторской прозы, публицистики, жития, хождения получили

яркое отражение патриотические идеи славы и величия Русской земли, ее защиты от внешних врагов, нравственные идеалы. В центре внимания русской литературы XI — XVII вв. стояли исторические судьбы родины, государственное строительство, поэтому в ней преобладали исторические темы и эпические жанры. С процессом обмирщения литературы в нее проникал вымысел, возникали новые роды — драма и лирика — и новые жанры — бытовая, сатирическая и авантюрно-приключенческая повести, вирши, придворная и школьная драмы.

Процесс жанрообразования, осуществляющийся в XI — XIII вв., возобновился в XVI в. и протекал довольно интенсивно в XVII в., чему способствовало использование опыта фольклора, с одной стороны, и опыта западноевропейской культуры, с другой. В XI — XIII вв. оформляется большинство ключевых жанров древнерусской словесности — житие, ораторское красноречие, хождение, летописание, повесть. При этом постоянно возникали произведения, стоящие особняком от традиционной системы жанров, представляющие собой своеобразный жанровый синтез,— «Моление» Даниила Заточника, «Слово о полку Игореве», «Поучение» Мономаха. В XVI в. развивается публицистика, нарушая устойчивость основных жанров. В XVII в. начинается комплексная перестройка структуры древнерусской литературы. Чрезвычайно расширяется количество жанров за счет введения в литературу форм деловой письменности, фольклора, переводов. Усиливается сюжетность, занимательность, изобразительность, тематический охват. Появляется представление о сложном сочетании в характере добрых и злых черт; авторы начинают субъективно интерпретировать события. В литературе развиваются центробежные силы. Она становится «рыхлой» и удобной для перестройки и создания новой системы — системы литературы нового времени. Меняется ориентированность русской литературы на определенный тип литератур: связи идут не столько по линии церковных отношений (византийско-славянская), сколько по линии «беллетристики» и литературы, предназначавшейся для индивидуального чтения (западноевропейская). Возникает заинтересованность в памятниках, характерных для нового времени — в театре, стихотворстве. Однако на первых порах переводятся памятники не первоклассные, «провинциальные». Но, наряду с переводами конкретных произведений, переносятся стиль, литературные приемы, направления, эстетические вкусы и представления. Барокко как своеобразный русский Ренессанс окончательно приблизило русскую литературу к типу литературы нового времени. Личностное начало в литературе, которое до

барокко проявлялось эпизодически и в самых разных сферах, в барокко слагается в определенную традицию. Накапливающиеся жанры и перемена значения старых жанров именно в барокко приводит к сложению новой системы жанров — системы нового времени.

Система жанров средневековой литературы в XVIII в. не исчезла полностью. Она продолжала существовать в церковной, старообрядческой среде, среди простого люда. По-прежнему составлялись жития, переписывались старые сборники, составлялись даже летописные заметки, читались «Пролог», «Минеи Четьи», «Степенные книги», «Казанская история». По количеству списков средневековых русских произведений XVIII в. не уступает предшествующим векам. Сохраняется и европейское значение средневековой русской литературы для Молдавии, Валахии, Болгарии, Сербии, куда продолжают вывозиться русские рукописи и печатные издания. И тем не менее средневековая литература утрачивает свое значение в литературном развитии России. На первый план выходит новая литературная система, жанры, соответствующие западноевропейским. Появляется литературная периодика, печатная продукция. Литература получает новое культурное «окружение»: театр, критика, журналистика, новая наука и новая философия.

Тип писателя-профессионала, сформировавшийся в XVII в., не прижился в петровскую эпоху. Гуманитарный, просветительский характер творчества, независимость в выражении авторской позиции, энциклопедизм были перечеркнуты идеей полезности искусства. Писатель петровского времени — это служащий человек, подчиненный царю, сочиняющий по заказу. Поэзия из царицы искусств стала служанкой естественных наук и практических дисциплин. Это привело, с одной стороны, к ухудшению стиля, размаху дилетантизма (любовные элегии сочиняют петербургские светские дамы из семей князей Черкасских, Трубецких), с другой,— к высвобождению культуры из-под опеки церкви. При Петре происходит падение эстетических запретов на смех, веселье, любовную тему. Вне государственного заказа писатель стал волен в выборе тем и сюжетов.

В наследство XVIII в. литература XVII в. передает опыты чисто светского творчества в области повести, сатиры, лирической поэзии и драматургии. Она же закладывает основы классицистического стиля, в XVIII в. получающего преобладающее значение.

2. Связь древнерусской литературы с последующим литературным процессом. На базе древнерусской словесности произошел расцвет классической литературы XIX века, опирающейся на духовный опыт, философию и художественные открытия предшественников.

Из произведений древнерусской литературы русские классицисты М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, Я. Б. Княжнин заимствовали сюжеты, образы и мотивы. Они развивали патриотический пафос древнерусской литературы в своих одах, воспевающих Россию и ее монархов. А. Н. Радищев опирался на древнерусские жанры и пафос похвального слова, жития, хождения, послания, создавая «Письмо другу, жительствующему в Тобольске», «Житие Федора Васильевича Ушакова», «Путешествие из Петербурга в Москву». Традиции жанра хождения использовал в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзин.

Поэты-романтики воспевали героические подвиги князей, новгородскую «вольницу», вдохновляясь героическими и патриотическими темами и образами древнерусской литературы (у К. Ф. Рылеева — дума «Вещий Олег») .

К традициям древнерусской литературы обращался А. С. Пушкин. Он не только использовал сюжеты, мотивы и образы древнерусской литературы, но и прибегал к ее стилям, отдельным жанрам, поэтической образности для воссоздания духа времени. Через классицистическую поэтику он осмысляет некоторые героические мотивы в «Воспоминаниях о Царском селе» и в замысле героической поэмы «Игорь и Ольга». Под влиянием «Жития новгородского архиепископа Иоанна» создается незавершенная юношеская поэма «Монах». В поэме «Руслан и Людмила» чувствуется влияние древнерусской повести о Еруслане Лазаревиче. По мотивам летописей создается баллада «Песнь о Вещем Олеге», трагедия «Борис Годунов» (точная хронологическая датировка сцен, изложение событий очевидцами). Традиции летописного и агиографического стилей находим в пушкинской «Моей родословной», «Родословной моего героя», «История села Горюхина», «Повестях Белкина».

Древнерусские исторические сказания и предания, демонологические мотивы присутствуют в поэзии М. Ю. Лермонтова («Демон»). В «Песне про купца Калашникова» во всей глубине и истинности воскрешалась эпоха Ивана Грозного и имитировался повествовательный слог XVI века.

Героические мотивы древнерусской литературы и мотивы древнерусских сказаний, поэтика «Слова о полку Игореве» есть у Н. В. Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «Тарас Бульба»); отголоски трудов отцов церкви — в его «Размышлениях о Божественной литургии», в «Выбранных местах из переписки с друзьями».

К древнерусской литературе как к богатейшему психологическому и нравственному источнику обращались многие писатели второй

половины XIX в. В раннем творчестве Ф. М. Достоевского узнаваемы мотивы «Повести временных лет» («Бедные люди», «Двойник»). Притчи, жития использовались в его романном творчестве («Преступление и наказание», «Идиот», «Подросток», «Братья Карамазовы»). Нравственные идеи древнерусской литературы писатель перерабатывал, обновляя жанры реалистического повествования.

Поэтика воинской повести вошла в художественное творчество Л. Н. Толстого («Война и мир», «Севастопольские рассказы»). Под влиянием житийной литературы Толстой сделал набросок «Жития и страдания мученика Иустина-философа», написал повесть «Отец Сергий». Использовал Толстой древнерусский мотив путешествия («Воскресение»), жанр притчи («Исповедь», трактат «О жизни», драма-притча «Петр-хлебник») .

Мотивы и образы древнерусской литературы занимали большое место у Н. С. Лескова («Очарованный странник») и А. К. Толстого (баллада «Василий Шибанов», роман «Князь Серебряный»). Их отзвуки можно встретить у А. П. Чехова, М. Горького, В. В. Маяковского, С. А. Есенина и др. поэтов и писателей Серебряного века Особую злободневность героические темы и образы древнерусской литературы, ее патриотический пафос приобретали в годы суровых испытаний XX столетия. Героическое прошлое народа воскрешали исторические романы А. Н. Толстого («Петр I»), В. Г. Яна («Чингис-хан»), С. П. Бородина («Дмитрий Донской»), над нравственными вопросами, поставленными писателями XI — XVII вв., продолжали размышлять Ю. В. Бондарев («Игра»), А. И. Солженицын («Матренин двор»), В. М. Шукшин («Я пришел дать вам волю») и др.

Таким образом, древнерусская литература всегда оставалась богатейшим кладезем эстетического, нравственного, философского опыта наших предков, к которому обращались художники слова последующего времени. До сегодняшнего дня памятники древней словесности — это источник исторических фактов, художественных образов, языка эпохи, нравственных ценностей и патриотического духа русского народа, его коллективная память, свидетельствующая о неразрывной связи прошлого с настоящим.

3. Общекультурное, воспитательное и художественное значение древнерусской литературы. Значение древнерусской литературы состоит, во-первых, в том, что она помогает нам понять весь путь развития великой русской литературы. Именно в древнерусской словесности находятся истоки высокой идейности, патриотического пафоса, философской и нравственной глубины русской литературы нового времени. Древняя

литература передала отечественной литературе последующей эпохи свой огромный художественный опыт, богатство литературного языка, образной системы, поэтических приемов.

Во-вторых, в древнерусской литературе есть ряд произведений, которыми русский народ вправе гордиться независимо от того, насколько они оказались важны для дальнейшего развития русской литературы. Чрезвычайно высока художественная и общенациональная ценность «Повести временных лет», «Поучения» Владимира Мономаха, «Слова о полку Игореве», «Слова о погибели русской земли», «Повести о разорении Рязани Батыем», «Повести о Петре и Февронии Муромских», «Хождения за три моря» Афанасия Никитина, «Жития» протопопа Аввакума. Эти и многие другие произведения отражают богатейший духовный и эстетический опыт, литературные достижения отечественной словесности первых семи столетий ее существования.

В-третьих, своеобразие древнерусской литературы не только в характере ее отдельных произведений, но и в особом пути ее собственного развития — пути, тесным образом связанном с отечественной историей, религиозными, нравственными и эстетическими идеалами народа.

В настоящее время памятники древнерусской литературы представляют собой бесценный материал, который позволяет понять особенности культуры прошлого, своеобразие быта, склада мышления, психологии наших предков, их представления о прекрасном и художественном.

История, языкознание, этнография, география до сих пор обращаются к памятникам древнерусской письменности как к богатейшему источниковедческому материалу. В первую очередь к древнерусским летописям — уникальному явлению европейской средневековой письменности.

Патриотический пафос и лирический эмоциональный характер древнерусской литературы позволяют говорить о ее выдающихся произведениях как о важном средстве гражданского и нравственного воспитания человека и в наши дни.

РАЗДЕЛ II. УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Теоретические вопросы и задания, выносимые на СРС

Тема 1. Древнерусская литература — начальный этап в развитии русской литературы

I

1. Специфика курса древнерусской литературы.
2. Своеобразие бытования древнерусских текстов. Основные понятия истории древнерусского текста.
3. Типы письма, оформление рукописей.
4. Существующие периодизации древнерусской литературы.
5. Ключевые темы и проблемы древнерусской литературы.

II

1. Расшифруйте ключевые понятия, связанные с оформлением рукописей («устав», «полуустав», «скоропись», «вязь») и историей текста («список», «редакция», «извод», «протограф», «автограф») .
2. Назовите некоторые особенности (фонетические, морфологические и синтаксические) перевода и чтения древнерусских текстов.
3. Используя словари и справочники, дайте определения следующим терминам: «текстология», «палеография», «трансплантация», «конволют», «свод», «архетип».
4. Составьте хронологическую таблицу наиболее значимых литературоведческих трудов XIX — XX вв., посвященных древнерусской литературе.
5. Сделайте сообщение о ведущих российских исследователях древнерусской литературы.
6. Законспектируйте одну из статей (основные положения монографии), посвященных древнерусской литературе и написанных в последнее десятилетие.
7. Подготовьте сообщение об особенностях древнерусской литературы и книжности для школьников.
8. Сделайте конспект (развернутый цитатный план) к статье И. П. Еремина «Жанры древнерусского литературного творчества» (см. **IV; 3, стр. 488–500**).

9. Законспектируйте одну из научных статей последнего десятилетия, посвященную исследованию тематики и периодизации древнерусской литературы.

10. Выделите основные литературные центры Киевской Руси XII — начала XIII в. Определите жанры, наиболее активно развивающиеся в том или ином княжестве. Назовите образцы этих жанров и ключевые темы произведений (см. **I; 2, т. 2, ч. 1, стр. 19–162**).

11. Пользуясь библиографическими справочниками, определите, какие проблемы, связанные с древнерусской литературой, представляли особый интерес для российских ученых в XX столетии (см. **VI; 1, 2, 3, 4, 6;** можно обратиться также к «Трудам Отдела древнерусской литературы (см: **VII; 16**)»)?

Тема 2. Становление древнерусской литературы

I

1. Историческое положение Руси в X — XI вв. Принятие христианства.
2. Зарождение письменности и письменной литературы. Почему их появление не совпадает по времени?
3. Основные особенности средневекового миросозерцания. Человек в системе религиозного символизма (место человека в мире, смысл его жизни, проблема «самовласти»).
4. Древнерусская литература и фольклор.
5. Древнерусская литература и переводная литература.

II

1. Составьте реферативное сообщение «Кирилл и Мефодий».
2. Сделайте развернутую схему «Жанровый состав переводной литературы периода становления русской словесности», включив в нее названия конкретных произведений.
3. Напишите реферат «Фольклор Киевского периода», «Искусство Киевского периода», «Образованность и литературный язык Киевской Руси».
4. Охарактеризуйте такие особенности древнерусской литературы, как историзм, связь с религией, нормативность, этикетность и др. черты, отличающие ее от поздней классической литературы.
5. Найдите в справочной литературе определения первичных жанров.

6. Подготовьте реферат «Разделы и книги Священного писания».

7. Прочитайте работу Д. С. Лихачева «Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы» (см. **VII; 9**). Представьте ее в виде краткого сообщения, проиллюстрировав основные выводы конкретными примерами.

Тема 3. Русское летописание

I

1. История создания «Повести временных лет». Значение «Повести временных лет» как памятника истории, литературы и языка Киевской Руси.

2. Типы исторических лиц в летописи и их художественное своеобразие. Как выражается позиция летописца?

3. Характер псковских летописей.

4. История ранних летописных сводов (индивидуальное сообщение) .

5. Жизнеописание Даниила Романовича Галицкого. Изображение главного героя. Специфика архитектурных описаний. Идейное и поэтическое своеобразие «Легенды о траве евшан».

6. Защита прав Новгорода на политическую и церковную самостоятельность. Новгородское летописание и отражение в нем политической и общественной жизни феодальной городской республики; общерусские тенденции.

II

1. «История ранних русских летописных сводов» (индивидуальное сообщение).

2. Проанализируйте приведенные в «Повести временных лет» пословицы (притчи), прямые высказывания о лицах и событиях, библейские цитаты и аналогии. Определите особенности композиции «Повести временных лет». Самостоятельно установите, к каким жанрам относятся отрывки «Повести временных лет», приведенные в хрестоматии, докажите свое мнение. Образы каких персонажей «Повести временных лет» могут быть использованы для сопоставления с героями былин в школьном курсе литературе? Найдите свидетельства влияния на «Повесть временных лет» фольклора: отзвуки обрядовой поэзии, топонимических легенд, преданий, связанных с могильниками, дружинной поэзии, сказок, пословиц, поговорок. Сопоставьте

образ Пимена из «Бориса Годунова» А. С. Пушкина с образом автора «Повести временных лет».

3. «Монашество в Древней Руси» (индивидуальное сообщение) .

4. Выпишите из «Повести временных лет» примеры применения летописцем прямой речи и диалогов и раскройте их художественную функцию. Выделите в прямой речи лаконичные высказывания и охарактеризуйте их стиль.

5. Какие исторические события отразились в ростовской летописи XIII в.? В состав какой более поздней летописи она вошла? Охарактеризуйте манеру ростовского летописания (см. **I; 2, т. 2, ч. 1, стр. 61–62**) .

6. Составьте биографию княгини Ольги, используя сведения из «Повести временных лет» и «Степенной книги царского родословия». Сопоставьте получившийся портрет с научными сведениями о княгине (см., например, **IV; 3, стр. 503–507**). Какие сквозные эпитеты и образы употреблялись в отношении Ольги в древнерусской литературе?

7. Сопоставьте один из местных летописных сводов с общерусским XVI века («Воскресенская летопись», «Никоновская летопись»). В чем конкретно выразились новые тенденции в летописании XVI века?

8. По «Словарю книжников и книжности Древней Руси» выпишите биографические данные наиболее видных летописцев, имена которых дошли до современного читателя.

9. Найдите в «Летописце начала царства» черты летописи и исторической повести.

Тема 4. Жанр повести в древнерусской литературе

Историческая повесть

I

1. Время написания и проблема авторства «Истории о Казанском царстве». Изображение героев в произведении. Связь повествования со взглядами автора. Летописное начало и традиции воинской повести в «Истории…». Своеобразие стиля произведения.

2. «Новая повесть о преславном Российском царстве»: идейный замысел и своеобразие построения. Особенности жанра публицистического послания в повести.

3. Историческая основа и фольклорные традиции «Повести о преставлении и погребении князя М. В. Скопина-Шуйского». Своеобразие жанра.

4. История создания и идея «Истории в память предыдущим родам» Авраамия Палицына. Традиции воинской повести в произведении. Демократическое начало и бытовые элементы. Специфика сюжетно-композиционной организации и стилистика.

5. Осмысление истории в «Летописной книге», приписываемой И. М. Катыреву-Ростовскому.

6. «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков»: историческая основа и авторство. Изображение персонажей, роль деловой письменности и фольклора в формировании стиля произведения. Совмещение в «Повести об Азовском осадном сидении донских казаков» патриотического отношения к Русскому государству с оппозицией к московским боярам и дворянам.

7. «Повесть о псковском взятии». Критическое изображение великого князя Московского и его наместников. Образ «пресветлого града Пскова».

II

1. Сопоставьте образ Ивана Грозного, созданный в «Истории о Казанском царстве» и в исторических песнях о взятии Казани, народных сказках (о лапотнике, о горшене, о воре Барме или Шибарше, о Грозном и старце). С помощью каких приемов он создается (см. **I; 2, т. 2, ч. 1, стр. 471–484**)?

2. Как проявляется скрытая оппозиция московским порядкам в исторической повести «О приходе царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России самодержца, како казнил Великий Новгород» (см. **I; 2, т. 2, ч. 1, стр. 518–519**)?

3. Сравните изложение событий «смутного времени» в «Повести 1606 г.» и исторических песнях XVII в. о царе Василии Шуйском, о Ксении Годуновой, о Самозванце.

4. Как воплощается тема народной борьбы с завоевателями в летописной «Повести о тверском восстании 1327 г.»? * Сопоставьте своеобразие отражения событий в повести и в народной песне о Щелкане Дудентьевиче.

5. Проанализируйте своеобразие портрета и пейзажа в «Летописной книге» И. М. Катырева-Ростовского.

Воинская повесть

I

1. Возвышение Москвы в XIV в. Отражение в литературных памятниках роли Москвы — политического центра, объединяющего русские земли. Изображение в литературе Куликовской битвы.

2. Идейный пафос эпохи и его художественное воплощение в «Задонщине». Связь «Задонщины» со «Словом о полку Игореве». Проблема авторства и жанра «Задонщины».

3. Тема общенародного единства и героизма в повестях о татарском нашествии («Повесть о битве на реке Калке» (1223), «Повесть о разорении Рязани Батыем» (1237)). Особенности трактовки исторических событий.

4. Фольклорные мотивы в «Повести о битве на реке Калке».

5. История формирования текста «Повести о разорении Рязани Батыем».

II

1. Прочитайте тексты под годами 6476 (968), 6479 (971) из «Повести временных лет». Охарактеризуйте жанр воинской повести с точки зрения: а) соотношения повествования с описанием; б) численности событий, действующих лиц, их значения в сюжете повести и в ее композиции; в) включения в воинскую повесть текстов договоров, преданий, легенд и их места в сюжете; г) роли речей героев в развитии сюжета, в характеристике героев и в стиле повести.

2. Назовите основные мотивы «Повести о битве на реке Калке». Каков ее пафос?

3. Какова идея и проблематика «Повести о разорении Рязани Батыем»? Определите внутреннюю композицию повести. Охарактеризуйте сюжетно-композиционное своеобразие повести, способы изображения персонажей, стилистику.

4. Проанализируйте композицию, приемы характеристики персонажей, своеобразие и функции пейзажа, стилистические особенности «Сказания о Мамаевом побоище».

5. Прочитав повести Куликовского цикла, попробуйте составить цитатный портрет князя Дмитрия Ивановича. Как образ Дмитрия Донского и его эпоха отражаются в произведениях нового времени — трагедии «Тамира и Селим» (1750) М. В. Ломоносова, трагедии В. А. Озерова «Дмитрий Донской» (1807), стихотворении В. А. Жуковского «Певец

во стане русских воинов» (1812), думе «Дмитрий Донской» (1822) К. Ф. Рылеева, драме «Песня судьбы» (1908) и цикле А. А. Блока «На поле Куликовом» (1908)? Воспользуйтесь при этом материалами статьи А. С. Елеонской «Куликовская битва и русская литература».

6. Расскажите об изменениях в жанре воинской повести XIV в., воспользовавшись в качестве иллюстративного материала содержанием «Повести о Московском взятии от царя Тохтамыша» и «Повести о Темир-Аксаке».

7. * Найдите общие и различные черты «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» (принципы построения, композиционные элементы, соотношение лирического и эпического начал, изображение персонажей, элементы портрета, пейзаж и его функции, жанр) .

Историко-легендарная (беллетристическая) повесть

I

1. Культ архиепископа Иоанна в Новгороде и значение этого культа. Изображение в «Повести о путешествии архиепископа новгородского Иоанна на бесе в Иерусалим» быта высшего новгородского духовенства. Фольклорные и агиографические элементы в «Повести о путешествии архиепископа новгородского Иоанна на бесе в Иерусалим» и «Повести о посаднике Щиле».

2. История создания, авторство «Повести о Петре и Февронии Муромских». Как выражается фольклорное начало и житийные мотивы в повести? Разрушение житийного канона в повести. Приемы изображения центральных героев, идеального женского характера. Тема мудрости, тема супружеской верности.

3. Фольклорные и литературные «бродячие» сюжеты в повестях о мутьянском воеводе Дракуле, о Дмитрии Басарге, о Вавилонском царстве. Соотношение исторического факта и художественного вымысла. Принципы изображения центральных героев.

II

1. Прочитайте переводные повести XIII — XIV вв.— «Повесть об Индийском царстве» и «Сны царя Шахаиши». Почему утопический характер первой и эсхатологический — второй привлекли, на ваш взгляд, внимание переводчиков и читателей?

2. * Ф. И. Буслаев сравнивал сюжет «Повести о Петре и Февронии» со сказаниями древней Эдды (битва Зигурда со змеем Фафниром и союз

этого героя с вещей девой Валькириею), А. Н. Веселовский — с сагой о Рагнаре Лодброке. Какая точка зрения ближе вам? Аргументируйте ответ. С какими русскими сказками перекликается сюжет повести (см. **I; 2, т. 2, ч. 1, стр. 364–365**)?

3. Сделайте анализ «Повести о Тверском Отроче монастыре» с точки зрения особенностей тематики и сюжета. Как выражается символизм древнерусской литературы в этом памятнике? Воспользуйтесь при этом статьей Д. С. Лихачева «Повесть о Тверском Отроче монастыре».

4. Определите своеобразие композиции, системы образов, стиля «Повести о Петре и Февронии».

5. Назовите известное литературное произведение XIX в., в основу которого был положен сюжет «Повести о путешествии Иоанна Новгородского на бесе». Сопоставьте фабулы этих произведений, определите сходство и различие.

6. * Проанализируйте художественное осмысление сюжета и образов «Повести о Петре и Февронии» в музыкальных и литературных произведениях XX вв. (опера И. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и мудрой деве Февронии» (1904), рассказ И. А. Бунина «Чистый понедельник» (1944), «О Петре и Февронии Муромских» А. М. Ремизова (1951)) .

7. Прочитайте «Повесть о Басарге». Какова ее историческая основа? Каковы фольклорные истоки (сказочные и былинные мотивы)? Найдите загадки, анекдоты, входящие в ее состав (см. **I; 2, т. 2, ч. 1, стр. 340–345**) .

Сатирическая (комическая) повесть

I

1. Исторические причины возникновения самостоятельных сатирических жанров в русской литературе.

2. Использование традиций фольклора в «Повести о Ерше Ершовиче», «Повести о Карпе Сутулове и премудрой жене его», «Повести о Шемякином суде», «Повести о Бражнике», «Калязинской челобитной». Тема богатства и бедности, осмеяние неправедных судей и судебной волокиты в «Повести о Ерше Ершовиче» и «Повести о Шемякином суде».

3. Характер комизма в «Азбуке о голом и небогатом человеке», «Повести о Бражнике», «Калязинской челобитной», «Повести о Куре и Лисице», «Повести о попе Савве», «Празднике кабацких ярыжек».

4. Приемы и средства сатиры в сатирических повестях XVII в. Использование пародийных форм деловой и церковной письменности, аллегорической сатиры.

II

1. Выберите одну из сатирических повестей XVII века и проследите ее связь с устным народным творчеством.

2. Проследите особенности воплощения сюжета «Повести о бражнике» в рассказе Л. Н. Толстого «Кающийся грешник».

3. Назовите приемы сатиры, которыми пользуется автор «Калязинской челобитной»?

Бытовая повесть

I

1. Проблематика бытовых повестей XVII в.

2. Отражение основного конфликта эпохи в «Повести о Горе-Злочастии». Жизненный выбор молодого человека и его судьба. Фольклорное начало в поэтике повести. Книжные элементы. Образ главного героя и символическое значение образа Горя-Злочастия. Своеобразие стилистики и стиха произведения.

3. Широта охвата действительности в «Повести о Савве Грудицыне». Приемы раскрытия характера центрального героя. Роль и место любовной интриги в сюжете повести. Исторические и бытовые элементы; демонологические мотивы. Соединение различных жанровых традиций; новые элементы в сюжете; традиционное и новое в системе персонажей; своеобразие жанра.

4. Новое решение судьбы молодого человека в «Повести о Фроле Скобееве». Новеллистический характер сюжета. Связь повести с жанром плутовского романа. Своеобразие выражения авторской позиции. Стилистика и жанр произведения.

5. Особенности жанра «Повести о Карпе Сутулове и премудрой жене его». Образ купеческой жены Татьяны.

II

1. Назовите бытовые повести XVII века, содержащие явны черты западноевропейской плутовской новеллы.

2. Сопоставьте сюжеты «Повести о Карпе Сутулове» и повести «В ночь под Рождество» Н. В. Гоголя. Определите сходство и различия.

3. * Определите сходные и различные черты «Повести о Горе-Злочастии» и «Повести о Савве Грудицыне» (проблематика и идея, способы мотивировки событий, приемы изображения героев, особенности изображения места и времени действия, сюжет и композиция, жанровые традиции и стилистика).

4. Охарактеризуйте особенности литературной обработки сюжета «Повести о Фроле Скобееве» в литературе и музыке XVIII — XIX вв. (И. Новиков «Новгородских девушек святочный вечер», Д. Аверкиев «Комедия о российском дворянине Фроле Скобееве»; Т. Хренников опера «Фрол Скобеев») .

Тема 5. Своеобразие жанра «Слова о полку Игореве»

I

1. Идея «Слова о полку Игореве», сюжет, композиция. Место и роль исторических, публицистических и лирических отступлений в раскрытии основной идеи «Слова».

2. Образная система «Слова о полку Игореве»: изображение князей, природы, образ Русской земли, образ Бояна.

3. «Слово о полку Игореве» и устное народное творчество.

4. «Слово о полку Игореве» и литература XII — XIII вв.

5. Переводы «Слова» в XIX — XX вв., их типы и особенности.

6. Гражданский и патриотический пафос «Слова о полку Игореве» и формы его выражения.

7. Как представлен в «Слове о полку Игореве» собирательный образ Русской земли?

II

1. Назовите главные, второстепенные, внесюжетные образы «Слова о полку Игореве». Дайте им характеристику. Какими средствами создания характера пользуется неизвестный автор XII в.?

2. Докажите, что природа в произведении изображается через языческое мировоззрение и народно-поэтическую традицию. Назовите главный художественный прием при изображении природы в «Слове о полку Игореве»?

3. Проанализируйте особенности языка и поэтических средств «Слова о полку Игореве», его ритмический строй. Выпишите примеры

сравнений, эпитетов, метафор, образов-символов и расскажите об их функциональной нагрузке.

4. Проанализируйте поэтические и прозаические переводы «Слова», сделанные В. А. Жуковским, А. Н. Майковым, Л. А. Меем, И. И. Козловым, Д. Д. Минаевым, К. Д. Бальмонтом, Н. А. Заболоцким, И. А. Новиковым, В. И. Стеллецким, С.В.. Шервинским, И. И. Шкляревским, А. Ю. Черновым. Насколько точно каждый из них передает образы, поэтические и ритмические средства, своеобразие жанра произведения? Какой из этих переводов предпочтительней, на ваш взгляд, при изучении «Слова о полку Игореве» в школе?

5. * Выявите типологические связи и отличительные черты «Слова о полку Игореве» и средневекового эпоса других народов («Песнь о Роланде», «Песнь о моем Сиде», «Песнь о Нибелунгах», «Витязь в барсовой шкуре») (письменная работа).

6. * Сопоставьте факты, изображение героев, авторскую позицию, сюжетно-композиционное своеобразие и словесно-стилистические средства «Слова о полку Игореве» и летописных повестей о походе Игоря (по Лаврентьевской и Ипатьевской летописям). Найдите сходные черты и отличия.

7. Найдите и законспектируйте высказывания о «Слове о полку Игореве» в критике Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, В. Г. Белинского.

8. Проанализируйте цветовые образы «Слова о полку Игореве» и сделайте вывод об их значении. Сопоставьте цветопись «Слова» с созданиями русских иконописцев и другими произведениями древнерусской литературы (воинскими повестями) .

9. Прочитайте древнерусский текст «Слова о полку Игореве» и примечания к нему И. П. Еремина (см. **IV; 13, стр. 343–350**), а также раздел из учебника А. С. Орлова (см. **III; 6, стр. 123–126; 132–146**). Какие места памятника не поддаются осмыслению и вызывают споры? Почему?

10. Выделите основные этапы в исследовании «Слова о полку Игореве» в XIX в. Сформулируйте общие результаты изучения памятника представителями мифологической, культурно-исторической, сравнительно-исторической литературоведческих школ. Какие вопросы, связанные с произведением, находились в сфере обсуждения? (см. **III; 6, стр. 126–130**) .

11. Один из вариантов идеи «Слова о полку Игореве», предложенных учеными,— идея наказания Игоря за его грехи, расправу с жителями г. Глебова. Проследите по тексту воплощение идеи Божьего гнева. Докажите, так ли это.

12. Определите внутреннюю композицию «Слова о полку Игореве»: экспозицию, завязку, кульминацию, развязку действия.

13. Составьте хронологическую таблицу музыкальных и живописных произведений XIX — XX веков, вызванных мотивами и образами «Слова о полку Игореве», включив в нее творения Н. А. Римского-Корсакова, А. Л. Бородина, М. А. Врубеля, В. М. Васнецова, Н. К. Рериха и др. (см. **VI; 5; VII; 2**) .

14. Выскажитесь по поводу существующих версий об авторстве «Слова о полку Игореве». Присоединитесь к одной из них. Аргументируйте свою позицию (см. **VII; 20**) .

15. Используя «Синхронистическую таблицу», представленную в томе втором «Истории всемирной литературы» (см. **I; 1, т. 2, стр. 648–669**), составьте собственную по теме: ««Слово о полку Игореве» и мировой героический эпос».

16. Опираясь на «Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»» (см. **VI; 13**) и библиографические указатели, определите ключевые проблемы, связанные со «Словом о полку Игореве» (см. **VI; 14, 15**), которые вызывали и вызывают полемику в научных кругах.

Тема 6. Житийная литература XI — XVII вв.

I

1. Формирование жанра жития в XI в. Черты раннего психологизма в «Сказании о Борисе и Глебе» и «Житии Феодосия Печорского».

2. «Житие Бориса и Глеба» и проблема соотношений редакций жития. Осуждение княжеских братоубийственных распрей и защита родового старшинства в системе княжеского наследования. «Страстотерпчество» как особый тип святости.

3. Литературное значение «Жития Феодосия Печерского».

4. Своеобразие княжеского идеала в «Житии Александра Невского».

5. Отражение русской жизни, бытовых деталей монастырского быта, характера взаимоотношений монастыря с князьями в рассказах «Киево-Печерского патерика». Образ иконописца и своеобразие восприятия художественного творчества в патерике. Сюжетное

своеобразие патериковых новелл. Своеобразие стиля произведения. Жанровый состав патерика и своеобразие жанра патерикового жития. * Пушкин о патериковых рассказах.

6. «Слово о житии и преставлении Дмитрия Ивановича, царя русского» как произведение житийного жанра. Риторическое начало в стиле памятника.

7. «Житие Стефана Пермского», написанное Епифанием Премудрым: своеобразие типа житийного героя. Традиционное и новое в композиции жития.

8. «Житие Сергия Радонежского»: история текста. Отражение исторической жизни Руси в «Житии…». * Суждения Епифания о литературном стиле и своеобразие использования стиля «плетения словес» в произведении. * Отражение взглядов Епифания Премудрого на художественное творчество в послании Кириллу Тверскому о Феофане Греке.

9. Значение и литературное своеобразие «Великих Миней Четьих» митрополита Макария.

10. Своеобразие композиции и стилистики «Жития Юлиании Лазаревской». Изображение в нем жизни и быта дворянской усадьбы конца XVI — начала XVII в. Приемы раскрытия характера героини.

11. Раскол в русской церкви, его религиозное, культурное и социальное значение. Старообрядческая литература XVII в. Протопоп Аввакум и его сочинения. Личность Аввакума и его мировоззрение. Отражение социальных явлений эпохи в житии протопопа Аввакума. Композиция, принципы изображения главного героя, стиль жития. Литературные приемы Аввакума на фоне традиционной житийной литературы: внесение бытовых представлений и образов в традиционные библейские и агиографические сюжеты, сатира и юмор. * Решение вопроса о жанровой природе жития Аввакума в современном литературоведении (см. **VII; 6**). Новаторство Аввакума в области языка и стиля. * Взгляды Аввакума на художественное творчество (трактат «Об иконном писании») и новый взгляд на искусство, выраженный Иосифом Владимировым («О премудрой мастроте живописующих»). * И. С. Тургенев, М. Горький об Аввакуме.

12. * Роль архиепископа Арсения в истории тверской литературы (Арсениевская редакция «Киево-Печеркого патерика»). Тверские житийные повести («Повесть об убиении Михаила Ярославича Тверского») .

II

1. Прочитайте «Сказание о Борисе и Глебе» и определите основные признаки формирующегося жанра жития. *Определите приемы раскрытия характеров в произведении. Выявите портретную характеристику героев; функции плачей, молитв, размышлений; соотношение вымысла и действительности; авторскую позицию; религиозную фантастику. Определите черты сходства и отличия «Сказания…» от канонических житий. В чем христианский смысл подвига братьев? * Найдите в позднейшей литературе примеры воплощения аналогичной идеи (см. **I; 2, т. 2, ч. 1, стр. 265–267**) .

2. Выявите особенности композиции, приемы изображения центрального героя, своеобразие языка в «Житии Феодосия Печерского».

3. Напишите реферат на тему: «Второе южнославянское влияние на русскую литературу XIV — XV вв.» (см. **III; 6, стр. 234–243**) .

4. Прочитайте «Слово о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича». Найдите нововведения в области композиции, приемов описания главного героя, стиля, связанные со стилем «плетения словес».

5. На материале новгородского «Жития Михаила Колопского» (XV в.) проследите изменения в жанре жития (см. **I; 2, т. 2, ч. 1, стр. 265–267**) .

6. Дайте характеристику структуре «Великих Миней Четьих» Макария. Какие памятники стали подражанием макарьевским Минеям Четьим по самому типу работы в XVII — XVIII вв. (см. **I; 2, т. 2, ч. 1, стр. 434–436**)?

7. Каково соотношение житийного и исторического элементов в «Степенной книге», связанной с именем митрополита Макария? Докажите свою точку зрения, опираясь на сведения о конкретном князе, сравнивая жития одних и тех же святых (см. **I; 2, т. 2, ч. 1, стр. 437–439**).

8. Псковский поп Василий, в монашестве Варлаам, обрабатывал жития псковских и новгородских святых для Миней Четьих Макария. Свою литературную манеру он называл «плетением похвалы». В чем ее специфика? О чем свидетельствовало появление этого стиля в псковской литературе (см. **I; 2, т. 2, ч. 1, стр. 522**)?

9. Составьте реферативное сообщение по очерку В. О. Ключевского «Год Сергия».

10. Ознакомьтесь с точкой зрения на «Житие Александра Невского» Н. Серебрянского (см. **IV; 13, стр. 355–356**). Насколько она основательна, на ваш взгляд?

Тема 7. Жанр ораторского красноречия в древнерусской литературе

I

1. Личность и судьба Илариона. Религиозное и политическое начало в «Слове о Законе и Благодати». Произведение Илариона как памятник торжественного красноречия: композиция, поэтические и риторические средства (олицетворения, параллелизмы, сравнения, различные типы повторов, риторические вопросы и восклицания), ритмическая организация. Литературное значение «Слова о Законе и Благодати».

2. Рукописная судьба и проблема датировки «Поучения детям своим» Владимира Мономаха. Автобиографическое начало в памятнике. Композиция и своеобразие стилистики. Соотношение церковных и светских элементов в языке и стиле «Поучения».

3. Своеобразие поэтического стиля и изображения природы в «Слове в новую неделю по Пасце» Кирилла Туровского. Размышления Кирилла о поэтическом творчестве в тексте «О летописцах и песнотворцах». Лирико-драматический характер «слов» Кирилла Туровского, элементы символического пейзажа.

4. Поэтическое своеобразие отражения событий начала нашествия в «Словах» Серапиона Владимирского.

5. Русская земля и русская история в трактовке автора «Слова о погибели Русской земли». Гражданский и патриотический пафос «Слова» и формы его выражения.

6. Антибоярская направленность «Моления» Даниила Заточника. Апология князя и сильной княжеской власти. Новые критерии в определении общественной ценности человека. Образ автора в «Молении» Даниила Заточника и вопрос о социальной его принадлежности. Представление Даниила о сущности княжеской власти и отношении князя с подданными. Сатирические элементы в произведении.

7. Литературные элементы «Домостроя»: повествовательные и бытовые эпизоды, поучения.

II

1. Назовите художественные приемы, использованные автором «Слова о Законе и Благодати». Приведите конкретные иллюстрации из текста. Выпишите из памятника поэтические средства: метафоры, метафорические сравнения, риторические вопросы, риторические восклицания, словесные повторы, развернутые аллегории, антитезы (см. **III; 2, стр. 92–93**). Охарактеризуйте ритмику «Слова о Законе и Благодати». Охарактеризуйте композицию «Слова о Законе и Благодати».

2. Сопоставьте художественные особенности произведения Илариона и «Слова в новую неделю по Пасце» Кирилла Туровского. Что общего и различного в применении ими художественных средств, в частности образов природы?

3. Прочитайте «Слово о князьях», памятник XII в. Докажите его принадлежность к жанру ораторского красноречия. Назовите основные проблемы, поднимаемые в тексте. Охарактеризуйте особенности композиции, языка.

4. Назовите приемы, используемые Владимиром Мономахов в его «Поучении». Охарактеризуйте стиль памятника.

5. Прочитайте «Послание архиепископа новгородского Василия к епископу тверскому Федору о земном рае», включенное в состав Новгородской I (XIV в.) летописи. Выделите основные аспекты спора о рае на земле, отражающего одну из основ религиозного мировидения эпохи. Какие аргументы привлекает архиепископ Василий для доказательства своей точки зрения? Какие детали делают повествование типично новгородским (см. **I; 2, т. 2, ч. 1, стр. 125–127**)?

6. Поразмышляйте над проблемой авторства «Моления» Даниила Заточника. Опираясь на научные источники (на статью Д. С. Лихачева «Слово Даниила Заточника» (см. **IV; 13, стр. 326–328**)), поразмышляйте над следующими аспектами проблемы: 1) отражение образа автора в первой и второй редакциях; 2) социальное положение автора (дворянин, дружинник князя, холоп, ремесленник, скоморох); 3) Даниил Заточник как историческая личность. Что говорил об авторе «Моления» В. Г. Белинский (статья «Русская народная поэзия»)? Докажите, что в стиле памятника сочетаются фольклорная и книжная традиции.

7. Выпишите пословицы и поговорки, афористические изречения из «Моления» Даниила Заточника.

8. Найдите традиции «Слова о полку Игореве» в «Слове о погибели Русской земли».

9. Воспроизведите идеал князя-воина и правителя, отразившийся в «Поучении» Владимира Мономаха: а) забота о благе своего государства, его единстве, неукоснительное соблюдение клятв и договоров; б) забота о сохранении мира; в) князь — страж справедливости, пример высокой нравственности, трудолюбия, поборник просвещения. Войны и походы, изображенные в «Поучении». Занятия князя в мирное время.

10. Сопоставьте идею «Поучения» Владимира Мономаха (жизненная цель князя такая же, как у всякого христианина — исполнение своего призвания при помощи христианских добродетелей: смирения, терпения, милости,— подражание Христу, отвержение себя ради народа и отечества) с идеей «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя.

11. Как проповеднические сборники («Измарагд», «Златоуст») повлияли на памятник XVI в. «Домострой»? Охарактеризуйте домостроевский жанр. Назовите зарубежные образцы этого жанра. Выделите нравственные наставления в «Домострое», сгруппируйте их по темам. Какие поучения Сильвестра устарели, а какие актуальны и сегодня?

12. Сопоставьте письмо Сильвестра сыну («Домострой») и отрывок из поэмы

13. Н.В. Гоголя «Мертвые души» (наставление, данное Чичикову в детстве отцом). Что между ними общего и различного? Как в произведении ощущается эпоха его создания?

14. Какие идеи «Домостроя» являются определяющими для героини драмы

15. А.Н. Островского «Гроза» Кабанихи?

16. Опираясь на «Синхронистическую таблицу», представленную в томе втором «Истории всемирной литературы» (см. **I; 1, т. 2, стр. 648–669**), воспроизведите литературный контекст «Поучения» Владимира Мономаха. Какие произведения в жанре поучения были созданы к моменту написания русского текста в мировой литературе?

Тема 8. Эволюция жанра хождения в отечественной литературе XI — XVII вв.

I

1. История написания «Хождения» игумена Даниила. Личность повествователя в произведении Чувство родины в «Хождении». Легендарно-апокрифические элементы.

2. История создания «Хождения за три моря» Афанасия Никитина. Изображение Индии в хождении. Историческое и легендарное в произведении. Путешественник, его взгляды и размышления. Своеобразие стиля.

II

1. Составьте хронологическую таблицу известных науке русских хождений, относящихся к XIV — XV вв. (см. **I; 2, т. 2, ч. 1, стр. 225–234; 247–252**).

2. Напишите реферат о Святой Горе Афоне, одном из мест путешествия русских паломников, начиная с XI в.

3. Определите композицию, состав путевых очерков «Хождения» игумена Даниила. Охарактеризуйте язык, поэтику пейзажных и архитектурных описаний в хождении.

Тема 9. Русская публицистика XVI — XVII вв.

I

1. Основные идейные течения и нравственно-религиозные концепции в общественной мысли XVI в.

2. Полемика «иосифлян» и «заволжских старцев» во второй половине XV — начале XVI в. и ее отражение в публицистике.

3. Решение вопроса о происхождении знаков царского достоинства и генеалогии московских правителей в «Повести о Вавилонском царстве» и «Сказании о князьях Владимирских». Общественное и художественное значение повестей.

4. Жанровое своеобразие и стилистические особенности произведений Максима Грека и митрополита Даниила. Различие их литературных и идейных позиций.

5. Публицистические сочинения Ивана Пересветова: «Челобитная», «Сказание о царе Константине и Магмет-салтане». Политический идеал Пересветова. Антибоярская направленность его

сочинений. Программа общественных преобразований, необходимых для укрепления централизованной власти. Стиль публицистических памфлетов Пересветова.

6. Публицистика второй половины XVI века. Спор о божьем суде, верности православию, о характере властных полномочий государя-повелителя Святорусского царства как центральная проблема переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским. История возникновения и бытования переписки. В чем вы видите принципиальное отличие нравственно-религиозных и общественно-политических воззрений Ивана IV и А. М. Курбского (на примере первого царского послания Курбскому)? * Второе послание А. М. Курбского — ранний образец литературной критики. Выражение в письмах Курбского идеологии опального боярства. Стиль писем. Разоблачение Курбским тирании Ивана Грозного в «Истории о великом князе Московском».

7. Иван Грозный как писатель. Своеобразие стиля послания Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь. Автобиографические элементы в письмах Грозного Курбскому; ирония и сарказм, способы их выражения. Происхождение и особенности стиля посланий Грозного.

8. Публицистическое значение повести Нестора-Искандера о взятии Царьграда турками.

II

1. Выделите основные проблемы полемик XVII в. об иконном писании, опираясь на «Послание изуграфа Иосифа» и «Слово к любботщателям иконного писания» Симона Ушакова.

2. В полнейшем своем виде «Стоглав» — книга о постановлениях и деяниях собора 1551 г., созданная при деятельном участии митрополита Макария — содержит сообщение о иерархах, присутствовавших на соборе, и о предметах соборных решений. Какой тенденции (иосифлянской или нестяжательской), судя по «соборным ответам», придерживался собор (см. **I; 2, т. 2, ч. 1, стр. 439–441**)?

3. Сопоставьте образ Ивана Грозного, каким он представляется в «эпистолах» Андрея Курбского, с тем, каким он рисуется писателями и поэтами XIX века (стихотворение А. А. Майкова «У гроба Грозного», поэма М. Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», баллада «Василий Шибанов» и роман «Князь Серебряный» А. К. Толстого) .

4. Найдите элементы просторечия в стиле посланий Грозного. * Проанализируйте концепцию статьи Д. С. Лихачева «Сочинения царя Ивана Васильевича Грозного». Какие положения ее, по вашему мнению, достаточно обоснованы, а какие требуют дополнительных доказательств? * Традиции русской эпистолографии в литературе второй половины XVI в. (жанр послания в публицистике Иосифа Волоцкого, Вассиана Патрикеева, Максима Грека, Ивана Грозного, Андрея Курбского) (реферативное сообщение) .

5. Как представлял идеал правителя и его роль Иван Грозный и Андрей Курбский («Переписка»)? Чья позиция более близка концепции идеального правителя Владимира Мономаха («Поучение» Владимира Мономаха)?

6. Попробуйте нарисовать словесный портрет идеального гражданина с точки зрения публицистов XVI века, определив его обязанности по отношению к царю, церкви, семье. Опирайтесь при этом на публицистические произведения данного периода — «Переписку» Ивана Грозного и Андрея Курбского, произведения Ивана Пересветова, а также на «Домострой», приписываемый попу Сильвестру.

7. Воспроизведите оценку Н. А. Добролюбовым «Переписки» Андрея Курбского и Ивана Грозного, предложенную в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы».

8. Сопоставьте первое послание Андрея Курбского Грозному и его переложение в балладе А. К. Толстого «Василий Шибанов» с точки зрения пафоса, логичности и последовательности, наличия конкретных деталей.

Тема 10. Возникновение и развитие русской виршевой поэзии

I

1. Досиллабическое виршевое стихотворство в «Послании дворянина к дворянину».
2. Просветительский характер поэзии Симеона Полоцкого.
3. Своеобразие панегирических виршей Полоцкого.

II

1. Сделайте полный анализ одного из поэтических произведений Симеона Полоцкого.
2. Проанализируйте сатиры Полоцкого «Купецтво» и «Монах». Определите основные особенности стихотворения «Приветство…».

3. Выучите одно из стихотворных произведений С. Полоцкого наизусть.

4. Прочтите отрывок из предисловия к «Вертограду». Какое значение придает Полоцкий своему сборнику и какие задачи ставит перед ним? Как связана композиция сборника с нравоучительными целями «Вертограда»? Проследите соотношение элементов сюжета с рассуждением в композиции стихотворений. Какой из сюжетов наиболее распространен? Расскажите о поэтических приемах сборника.

Тема 11. Становление русского театра и драматургии

I

1. Русский и западноевропейский театры XVII столетия.

2. Злободневность проблематики «Комедии притчи о блудном сыне» С. Полоцкого и художественные приемы ее раскрытия.

3. «Иудифь» как придворная драма.

II

1. Ознакомьтесь с содержанием описания постановки в одном из флорентийских монастырей католической мистерии Фео Белькари «Благовещение», приписываемого Авраамию, епископу суздальскому (XV в.). Воспроизведите описание устройства средневекового мистериального театра, расположение действующих лиц на сцене, театральные приемы, декорации и костюмы. Как русские путешественники воспринимали невиданное зрелище в «латинской» церкви (см. **I; 2, т. 2, ч. 1, стр. 233–234**)?

2. * Сделайте полный анализ драматургического произведения XVII в.

3. Докажите текстом, что действие «Комедии притчи о блудном сыне» происходит в России.

4. Сопоставьте сюжет пьесы С. Полоцкого «Комедия притчи о блудном сыне» с евангельской легендой. Найдите отступления от евангельского сюжета, связанные с использованием автором художественного вымысла.

5. * Проанализируйте «Комедию притчи о блудном сыне» Полоцкого с точки зрения присутствия в ней черт школьной и придворной драмы. Каких черт больше?

6. Охарактеризуйте тип сюжета и принципы его построения в «Комедии притчи о блудном сыне» Полоцкого.

7. Охарактеризуйте тип сюжета и принципы его построения в пьесе «Иудифь».

Тема 12. Барокко в русской литературе XVII в.

I

1. Используя литературоведческие словари, дать определение термина «барокко».
2. Различия русского и западноевропейского барокко.

II

1. Сопоставьте два произведения русского и западноевропейского барокко. Назовите общие и отличительные черты.
2. Поразмышляйте об истоках русского барокко. Аргументируйте свою позицию.

Тема 13. Значение древнерусской литературы

I

1. Использование образов, сюжетов и жанров древнерусской литературы писателями XVIII, XIX и XX вв.
2. Традиции древнерусской литературы в славянских и западноевропейских литературах.

II

1. Назовите художественные произведения русской литературы XVIII — XXI вв., в которых отразились мотивы, образы и художественные приемы древнерусской литературы, продолжив ряд: «Повесть временных лет» — «Тамира и Селим» М. В. Ломоносова, «Святослав» К. Ф. Рылеева, «Песнь о вещем Олеге» А. С. Пушкина; «Повесть о путешествии Иоанна новгородского на бесе в Иерусалим» — комическая поэма «Монах» А. С. Пушкина, «Ночь перед Рождеством» Н. В. Гоголя; «Повесть о Петре и Февронии» — роман «В лесах» П. А. Мельникова-Печерского; «Повесть о Фроле Скобееве» — «Новгородских девушек святочный вечер» Н. И. Новикова, «Наталья — боярская дочь» Н. М. Карамзина, «Комедия о российском дворянине Фроле Скобееве» Д. В. Аверкиева; «Житие Сергия Радонежского» — «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского; «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона — «Владимир» Ф. Прокоповича;

«Сказание о Мамаевом побоище» — «Слово о Мамаевом побоище» В. М. Саянова…

2. Как отразился интерес к древнерусской литературе в живописи и музыке нового времени?

3. Составьте таблицу «Литературные параллели, реминисценции и образы древнерусской словесности в культуре XVIII — XX вв.», включив в первую ее колонку следующие произведения древнерусской литературы: «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Житие Александра Невского», «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе», «Повесть о Петре и Февронии», «Повесть о Фроле Скобееве», «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским». Во вторую поместите названия литературных произведений, созданных в XVIII — XX вв., в которых отразились мотивы, образы и реминисценции из них. В третью — произведения живописи и музыки (см. **IV; 3, стр. 536–539; III; 6, стр. 66–67; 134**) .

4. Используя «Словарь книжников и книжности Древней Руси» (см. **VI; 12 или VII; 19**), составьте хронологическую таблицу литературной деятельности русских книжников XI — XVII вв., включив в нее имена наиболее известных авторов.

Тематика практических занятий

Практическое занятие № 1

«Повесть временных лет» как исторический и литературный памятник

1. Жанр. Идейное содержание и структура «Повести временных лет».

2. Принципы изложения исторических событий:

а) этикетность различных жанров, входящих в состав «Повести временных лет»;

б) фрагментарность (закрытость фрагмента; оценка героя и события в рамках фрагмента);

в) система предзнаменований.

3. Автор и его роль в структуре сюжета. Гипотезы об авторстве «Повести временных лет».

4. Образная структура произведения. Типы героев и принципы их изображения.

Литература

Гиппиус А. А. Крещение Руси в «Повести временных лет» // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2008.— № 3.— С. 20–23.

Данилевский И. Н. Библия и «Повесть временных лет» // Отечеств. история.— 1993.— № 1.— С. 78–94.

Зиборов В. К. О новой биографии Нестора // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2008.— № 3.— С. 26–28.

Мельникова Е. А. Время устных преданий в составе «Повести временных лет» и время летописца // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2008.— № 3.— С. 43–45.

Пчелов Е. В. Композиционная схема княжеской генеалогии в «Повести временных лет» // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2008.— № 3.— С. 52–54.

Рычка В. М. «Двенадцать» (о символической функции чисел в летописной статье 6496 г.) // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2008.— № 3.— С. 58–60.

Савельев В. С. Особенности прямой речи персонажей «Повести временных лет» // Филол. науки.— 2008.— № 5.— С. 53–59.

Практическое занятие № 2

«Слово о полку Игореве» как художественная вершина древнерусской словесности

1. История открытия, публикации и изучения «Слова о полку Игореве». Скептическая школа в изучении памятника.
2. Историческая основа памятника и хронологическое его приурочивание. «Слово» и летописные повести о походе Игоря на половцев.
3. Жанровое своеобразие и стиль «Слова», его связь с жанром и стилем ораторской прозы, воинской повести и народной эпической песни.
4. Сюжет и композиция «Слова».
5. Своеобразие пейзажа в «Слове». Назначение природных образов.
6. Проблема авторства «Слова».
7. «Слово» и русская культура XII — XX столетий.

Литература

Адрианова-Перетц В.П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI — XIII веков.— Л., 1968.

Горский А. А. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: Историковедческие и историко-культурные проблемы.— М., 1992.

Дмитриев Л. А. К вопросу об авторстве «Слова о полку Игореве» // Рус. лит.— 1986.— № 4.— С. 3–24.

Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве»: Историко-литературный очерк.— М., 1982.

Рыбаков Б. А. Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве».— М., 1991.

Тимофеев Л. И. Ритмика «Слова о полку Игореве» // Рус. лит.— 1963.— № 1.— С. 88–104.

Энциклопедия «Слова о полку Игореве».— СПб., 1995.— Т. 1–5.

Практическое занятие № 3

Жанр поучения в литературе Киевской Руси. «Поучение» Владимира Мономаха

1. Жанр поучения в древнерусской литературе. Его история.
2. Идейно-художественное своеобразие «Поучения» Владимира Мономаха:

а) гипотеза о времени написания текста;

б) особенности композиции;

в) образ идеального князя в произведении;

г) своеобразие стиля Владимира Мономаха;

д) элементы автобиографии в «Поучении».

3. Идеи «Поучения» в русской литературе последующих веков.

Литература

Адрианова-Перетц В. П. Человек в учительной литературе древней Руси // Тр. Отд. древнерус. лит.— Т. 27.— М.; Л., 1972.— С. 3–68.

Красноречие Древней Руси: XI — XVII вв.— М., 1987.— С. 42–57; 70–99.

Литвина А. Ф. Жанр автобиографической преамбулы. «Поучение» Владимира Мономаха как духовная грамота // Славяноведение.— 2004.— № 4.— С. 3–27.

Черторицкая Т. В. Ораторское искусство Древней Руси // Красноречие Древней Руси.— М., 1987.— С. 5–30.

Практическое занятие № 4

Каноны жанра жития и «Житие» протопопа Аввакума

1. Жанр жития. Его разновидности и каноны.
2. Канонические русские житийные тексты.

3. Причины возникновения новых разновидностей житийного жанра («Житие Александра Невского», «Житие Стефана Пермского» Епифания Премудрого, «Житие Юлиании Лазаревской» и др.) .

4. Традиционное и новаторское в «Житии» протопопа Аввакума:

а) содержание и тематика произведения;

б) особенности композиции жития;

в) система образов и принципы изображения человека;

г) новаторство авторской литературной позиции;

д) особенности пейзажа;

е) «бытописание» и его функции в произведении;

ж) новое в понимании времени и пространства;

з) стиль.

5. Жанровое своеобразие «Жития» протопопа Аввакума.

Литература

Адрианова-Перетц В. П. Задачи изучения «агиографического» стиля Древней Руси // Тр. Отд. древнерус. лит.— Т. 20.— Л., 1964.— С. 47–71.

Антонова М. Ф. Некоторые особенности «Жития Стефана Пермского» // Тр. Отд. древнерус. лит.— Т. 34.— Л., 1979.— С. 127–134.

Грихин В. А. Проблемы стиля древнерусской агиографии XIV — XV вв.— М., 1973.

Гусев В. Е. О жанре «Жития протопопа Аввакума» // Тр. Отд. древнерус. лит.— Т. 5.— М.; Л., 1958.— С. 192–202.

Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума (творческая история произведения) .— Л., 1974.

Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: Духовные движения XVII века.— М., 1995.

Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания.— М., 1963.

Практическое занятие № 5

Жанровые разновидности древнерусской повести. «Повесть о Петре и Февронии»

1. Повесть как жанр древнерусской литературы.

2. Ранние жанровые разновидности повести: повесть историческая и воинская.

3. Время и причины возникновения жанра беллетристической повести. Характерные черты жанра.

4. Новые жанровые формы повести в литературе XVII века. Причины и условия их возникновения.

5. «Повесть о Петре и Февронии Муромских» Ермолая-Еразма:

а) автор произведения и его место в литературе XVI столетия;

б) сюжет, его историческая основа и фольклорные черты;

в) особенности композиции;

г) система образов и способы и приемы изображения персонажей;

д) проблематика и идея; авторская позиция в произведении;

е) своеобразие жанра.

Литература

Державина О. А. К вопросу о художественном методе и поэтическом стиле русской исторической повести начала XVII в // Учен. Зап. Моск. гор. пед. ин-та им. Потемкина.— М., 1957.— Т. 67, вып. 1.— С. 77–91.

Дмитриева Р. П. Повесть о Петре и Февронии.— М., 1979.

Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе.— Л., 1970.

Кузьмин А. И. Героическая тема в русской литературе.— М., 1974.— С. 8–21.

Прохазка Е. А. О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей // Тр. Отд. древнерус. лит.— Т. 42.— Л., 1989.— С. 228–240.

Ранчин А. М. О «неявной» символике в древнерусской агиографии // Мир житий: сб. материалов конф. (М., 3–5 окт. 2001 г.) .— М., 2002.— С. 67–70.

Скрипиль М. О. Повесть о Петре и Февронии Муромских в ее отношении к русской сказке // Тр. Отд. древнерус. лит.— Т. 7.— М.; Л., 1949.— С. 131–167.

Цыб С. В. А. А. Шахматов и хронология «Повести временных лет» // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2008.— № 3.— С. 70–71.

Практическое занятие № 6

«Хождение за три моря» Афанасия Никитина — «купеческое» хождение XV в.

1. Жанр хождения и его разновидности.
2. Каноны хождения: объект изображения, способ литературного обобщения, структура, образ повествователя, язык.
3. Своеобразие «Хождения за три моря» Афанасия Никитина:

а) история создания и основная цель произведения; судьба автора;

б) особенности композиции произведения;

в) основные темы путевых очерков;

г) особенности образа повествователя;

д) стиль хождения.

4. Значение «Хождения за три моря» Афанасия Никитина и его место среди русских путешествий XII — XVII вв.

Литература

Адрианова-Перетц В. П. Афанасий Никитин — путешественник-писатель // «Хождение за три моря» Афанасия Никитина.— 2-е изд.— М.; Л., 1958.— С. 93–125.

Водовозов Н. В. Записки Афанасия Никитина об Индии XV века.— М., 1955.

Ленхофф Г., Мартин Дж. Б. Торгово-хозяйственный и культурный контекст «Хождения за три моря» Афанасия Никитина // Тр. Отд. древнерус. лит.— Т. 47.— СПб., 1993.— С. 95–120.

Лурье Я. С. Русский «чужеземец» в Индии XV века // «Хождение за три моря» Афанасия Никитина.— М.; Л., 1958.— С. 61–87.

Осипов А. М., Александров В. А., Гольдберг Н. М. Афанасий Никитин и его время.— М., 1951.

Прокофьев Н. И. «Хождение» как жанр в древнерусской литературе // Учен. Зап. МГПИ им. Ленина.— М., 1968.— Т. 288.— С. 3–25.

Прокофьев Н. И. Хождение: путешествие и литературный жанр // Книга хожений: Записки русских путешественников XI — XV вв.— М., 1984.— С. 5–20.

Трубецкой Н. С. «Хожение за три моря» Афанасия Никитина как литературный памятник // Семиотика / сост. и общ. ред. Ю. С. Степанова.— Благовещенск, 1998.— Т. 2.— С. 473–475.

Успенский Б. А. Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хождения за три моря» Афанасия Никитина) // Успенский Б. А. Избр. тр.: в 3 т. Т. 1.— М., 1996.— С. 395–432.

Практическое занятие № 7

Публицистика XVI века

1. Идейные истоки русской публицистики.
2. Полемики и нравственно-религиозные концепции XVI в.:

а) теория «Москва — Третий Рим» («Послание» Филофея, «Сказание о князьях Владимирских»);

б) полемика о еретиках (Иосиф Волоцкий и Вассиан Патрикеев. «Слово о еретиках», «Ответ кирилловских старцев»);

в) полемика между «стяжателями» и «нестяжателями» («Устав» И. Волоцкого и «Устав» Н. Сорского);

г) публицистическое и философское осмысление проблемы самодержавной власти и Божьего суда («Слово, пространно

излагающее, с жалостию, настроения и бесчинения царей и властей…» М. Грека; «Сказание о Магмет-салтане» Ивана Пересветова; переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским) .

3. Жанровые разновидности русской публицистики.

4. Особенности публицистического стиля в литературе XVI в. Основные литературные приемы публицистической литературы.

Литература

Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека.— Л., 1984.

Замалеев А. Ф., Овчинникова Е. А. Еретики и ортодоксы: Очерки древнерусской духовности.— Л., 1991.— С. 63–100.

Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев — писатель-публицист // Вассиан Патрикеев и его сочинения.— М.; Л., 1960.— С. 78–138.

Куравашкин А. В. К проблеме изучения стиля посланий Ивана Грозного // Литература Древней Руси.— М., 1986.— С. 73–80.

Лихачев Д. С. Сочинения царя Ивана Васильевича Грозного. Существовали ли произведения Курбского и Грозного? // Лихачев Д. С. Великое наследие.— М., 1975.— С. 265–347.

Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века.— М.; Л., 1960.

Сергеев В. М. Структура текста и анализ аргументации первого послания Курбского // Методы изучения источников по истории русской общественной мысли периода феодализма.— М., 1989.— С. 118–130.

Хью Ф. Г. Вновь о переписке Грозного и Курбского // Вопр. истории.— 1984.— № 5.— С. 174–178.

Практическое занятие № 8

Виршевая поэзия. Творчество Симеона Полоцкого

1. Причины и условия появления в русской литературе силлабического стихосложения.

2. Полемика вокруг источников русской лирики.

3. Поэтическое творчество Симеона Полоцкого; его эволюция:

а) идейно-художественные особенности сборника «Рифмологион»;

б) идейный замысел, композиция и поэтические приемы сборника «Вертоград многоцветный».

4. Лирика С. Полоцкого и стиль барокко.

5. Силлабическая поэзия последователей С. Полоцкого.

Литература

Былинин В. К., Грихин В. А. Симеон Полоцкий и Симон Ушаков: К проблеме эстетики русского барокко // Барокко в славянских литературах.— М., 1982.— С. 192–220.

Гребенюк В. П. «Рифмологион» Симеона Полоцкого (История создания, структура, идеи) // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность.— М., 1982.— С. 259–308.

Демин А. С. Русская литература второй половины XVII — начала XVIII в.: Новые художественные представления о мире, природе и человеке.— М., 1977.

Морозов А. А. Симеон Полоцкий и проблемы восточно-славянского барокко // Барокко в славянских литературах.— М., 1982.— С. 170–190.

Панченко А. М. Истоки русской поэзии // Русская силлабическая поэзия XVII — XVIII вв. / общ. ред. В. П. Адриановой-Перетц.— Л., 1970.— С. 5–34.

Сазонова Л. И. «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого (Эволюция художественного замысла) // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность.— М., 1982.— С. 203–258.

Словарь книжников и книжности Древней Руси: в 3 вып. / ред. Д. М. Буланин.— СПб.— 1998.— Вып. 3: XVII в., ч. 3. П — С.— С. 354–379.

Практическое занятие № 9

Театр XVII столетия. «Комедия притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого

1. Возникновение русского театра: исторические и литературные условия.
2. Разновидности драмы XVII века. Специфические особенности.
3. Драматургическое творчество Симеона Полоцкого и стиль барокко.
4. «Комедия притчи о блудном сыне»:
   а) особенности жанра;
   б) сюжет и его истоки;
   в) композиция произведения;
   г) специфика образной системы;
   д) идея;
   е) стилевые особенности произведения.

Литература

Бочкарев В. А. Русская историческая драматургия 17–18 в.: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов.— М., 1988.

Державина О. А. Русский театр 70-х — 90-х гг. XVII и начала XVIII века // Ранняя русская драматургия (XVII — первая половина XVIII в.) Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в.— М., 1972.— С. 5–52.

Морозов П. О. Очерки по истории русской драмы 17–18 столетий.— СПб., 1988.

Софронова Л. А. Поэтика славянского театра: XVII — XVIII вв.— М., 1981.

Тематика рефератов, курсовых и дипломных работ

Образ русской земли в произведениях русской литературы XI в.

«Архангельское Евангелие» и «Остромирово Евангелие» как памятники древнерусской письменности.

Образы русских князей в «Повести временных лет».

Связь «Повести временных лет» с фольклором.

Проблематика «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона.

Основная тематика произведений русской литературы XIII — XV вв.

Традиции «Слова о полку Игореве» в «Задонщине».

Образ Александра Невского в древнерусской литературе.

Образ Сергия Радонежского в древнерусской литературе.

Образ России в «Никоновской летописи» и «Степенной книге».

Российские типы в «Повести о Горе-Злочастии» и «Житии» Аввакума.

«Житие» Аввакума как первая автобиография.

Публицистика Ивана Пересветова.

Проблема власти в русской публицистике XVI в.

Основные темы русской публицистики XVI в.

Отражение эволюции исторической повести в «Повести об азовском осадном сидении».

Тема «маленького человека» в произведениях XVII в.

Человек и природа в творчестве древнерусских писателей.

Фольклорные мотивы в произведениях древнерусской литературы.

Библейские мотивы и их роль в древнерусской литературе.

Художественное воплощение русского национального характера в древнерусской литературе.

Традиции древнерусской литературы в творчестве А. С. Пушкина.

«Поучение» Владимира Мономаха и трактат Никколо Макиавелли «Государь».

Идеал человека в древнерусской литературе.

Культурное и нравственное значение «Домостроя».

Библейские образы в «Повести временных лет».

Эстетические принципы житийного жанра и иконного писания в Древней Руси.

Стилистические различия «Поучения» Владимира Мономаха и «Домостроя».

Традиции житийной литературы в русской словесности XVII — XIX вв. (А. Н. Радищев «Житие Ф. В. Ушакова», Н. С. Лесков «Очарованный странник» и др.) .

«Жизнь Василия Фивейского» Л. Андреева как антижитие.

Философская проблематика «Повести о Петре и Февронии Муромских».

Куликовская битва и ее художественное изображение в древнерусской литературе.

«Повесть о Савве Грудицыне» как один из источников русского романа.

Литературные школы Сибири и Дона XVII столетия.

Полемика «грекофильской» (старомосковской) и западнической («латинствующей») партий XVII в. и ее литературное значение.

Специфика смеха в русской сатирической литературе XVII в.

Тема одиночества в русской литературе XVII века.

Демонологические мотивы в древнерусской литературе.

Идейные и художественные переклички «Повести о Петре и Февронии» и «Сказания о Тристане и Изольде».

«Предреннессансные» явления в русской литературе XIV — середины XV в.

Элементы Возрождения в русской литературе.

Эволюция темы «самовластности» человека в древнерусской письменности.

Тема семьи в древнерусской литературе.

Тема просвещения в древнерусской литературе.

«Экспрессивный» и «умиротворенный» стили в русской литературе и живописи рубежа XIV — XV в.

История русского книгопечатания XVI — XVII вв.

Осмысление жизни протопопа Аввакума в русском литературном сознании XIX в.

Книжная и фольклорная основы «Сказания о киевских богатырях».

Тема «злой жены» в древнерусской литературе.

Фольклорные основы в «Слове о полку Игореве».

Мотив испытания в русской средневековой литературе.

«Сказание о роскошном житии и весели» как антиутопия.

Литературные истоки «Слова о полку Игореве».

Тема «промысла Божия» в «Киево-Печерском патерике» и «Истории о Казанском царстве».

Художественный канон в русской живописи конца XVI — XVII в.

Русская шатровая архитектура конца XVI — XVII в.

Русское барокко в архитектуре XVII в.

Художественная индивидуальность Симона Ушакова.

Русские обработки западных и восточных повестей XVII в. («Повесть о Бове королевиче», «История о семи мудрецах», «Повесть о Еруслане Лазаревиче») .

Значение творчества Феофана Грека и Андрея Рублева для русской живописи XIV — XV вв.

Расцвет псковского зодчества в XV в.

Две линии в русской архитектуре периода «русского Возрождения»: шатровая и традиционная владимиро-суздальская архитектура.

Основные тенденции в живописи и скульптуре времен правления Ивана Грозного.

Библиографический список

Основная научно-учебная литература

I. Академические истории древнерусской литературы

1. История всемирной литературы: в 9 т. / гл. редкол.: Г. П. Бердников (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1983–1994.— Т. 2.— 1984.— 672 с.; т. 3.— 1985.— 816 с.; т. 4.— 1987.— 688 с.

2. История русской литературы: в 10 т. / ред.: акад. А. С. Орлов, проф. В. П. Адрианова-Перетц, проф. Н. К. Гудзий.— М.; Л.: Изд. АН СССР, 1941–1954. Т. 1. Литература XI — начала XIII века.— 1941.— 404 с; т. 2, ч. 1. Литература 1220-х — 1580-х гг.— 1945.— 532 с.; ч. 2. Литература 1590–1690 гг.— 1948.— 440 с.

3. История русской литературы: в 3 т. / гл. ред. Д. Д. Благой.— Т. 1. Литература X — XVIII веков / редкол.: В. П. Адрианова-Перетц и др.— М.; Л.: Изд. АН СССР, 1958.— 730 с.

4. История русской литературы: в 4 т. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века / редкол.: Н. И. Пруцков (гл. ред.) .— Л.: Наука, 1980.— 813 с.

II. Научные монографии и сборники

1. Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор.— Л.: Наука, 1974.— 171 с.

2. Адрианова-Перетц В.П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI — XIII веков.— Л.: Наука, 1968.— 203 с.

3. Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники: сб. статей.— СПб.: СПбГУ, 1997.— 220 с.

4. Демин А. С. Русская литература второй половины XVII — начала XVIII века: Новые представления о мире, природе, человеке.— М.: Наука, 1977.— 296 с.

5. Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы.— 2-е изд.— Л.: Изд. ЛГУ, 1987.— 326 с.

6. Еремин И. П. Литература древней Руси (Этюды и характеристики) .— М.; Л.: Наука, 1966.— 263 с.

7. Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы.— М.; Л.: АН СССР, 1952.— 240 с.

8. Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3 т.— Л.: Худож. лит., 1987.— Т. 1: О себе; Развитие русской литературы X — XVII веков; Поэтика древнерусской литературы. Монографии.— 653 с.; т. 2 Великое наследие; Смех в Древней Руси: Монографии; Заметки о русском.— 493 с.; т. 3: Человек в литературе Древней Руси; О «Слове о полку Игореве»; Литература — реальность — литература; О садах.— 519 с.

9. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси.— Л.: Наука, 1984.— 295 с.

10. Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века.— Л.: Наука, 1973.— 279 с.

11. Переверзев В. Ф. Литература древней Руси.— М.: Наука, 1971.— 302 с.

12. Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода.— Новосибирск: Наука, 1994.— 232 с.

13. Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко.— М.: Наука, 1991.— 261 с.

14. Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–$5VI вв.) .— М.: Индрик, 1998.— 416 с.

15. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре: в 2 т.— М.: Языки рус. культуры, 1995–1998.— Т. 1.— 875 с.; т. 2.— 902 с.

16. Федотов Г. П. Святые Древней Руси.— М.: Москов. рабочий, 1990.— 269 с.

17. Художественно-эстетическая культура Древней Руси: XI — XVII века.— М.: Ладомир, 1996.— 560 с.

18. Черная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени.— М.: Языки славян. культуры, 1999.— 304 с.

III. Учебники

1. Водовозов Н. В. История древней русской литературы: учеб. для пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.».— Изд. 3-е.— М.: Просвещение, 1972.— 383 с.

2. Гудзий Н. К. История древней русской литературы: учеб.— 8-е изд.— М.: Аспект Пресс, 2003.— 592 с.

3. История русской литературы: в 3 т.: учеб. для вузов. Т. 1 / под ред. проф. В. А. Десницкого (гл. ред.) .— М.: Учпедгиз, 1941.— 319 с.

4. История русской литературы XI — XVII веков: учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Русск. яз. и лит.» / Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, Я. С. Лурье и др. / под ред. Д. С. Лихачева.— 2-е изд., дораб.— М.: Просвещение, 1985.— 432 с.

5. Кусков В. В. История древнерусской литературы: учеб. для бакалавров: учеб. для студентов вузов.— 9-е изд.— М.: Юрайт, 2012.— 336 с.

6. Орлов А. С. Древняя русская литература XI — XVI вв.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937.— 379 с.

7. Пиккио Р. Древнерусская литература.— М.: Языки славян. культуры, 2002.— 352 с.

8. Сперанский М. Н. История древней русской литературы.— 4-е изд.— СПб.: Лань, 2002.— 542 с.

9. Щеблыкин И. П. История русской литературы (XI–$5IX вв.): учеб. для студ. пед. ин-тов.— М.: Высш. школа, 1985.— 511 с.

IV. Хрестоматии

1. Гудзий Н. К. Хрестоматия по древней русской литературе / сост. Н. К. Гудзий [Для филолог. фак. гос. ун-тов и фак. рус. яз. и лит. пед. ин-тов] .— Изд. 7-е, испр.— М.: Учпед-гиз, 1962.— 544 с.

2. Гусева Л. Н., Короткая Л. Л. История русской литературы в исследованиях: Хрестоматия. [Для филолог. фак. вузов] / сост. Л. Н. Гусева, Л. Л. Короткая.— Минск: Изд. БГУ, 1978.— 310 с.

3. Древнерусская литература / сост. Л. Д. Страхова.— М.: Олимп; ООО «Изд. АСТ-ЛТД», 1997.— 608 с.

4. Древнерусская литература: Хрестоматия / сост. Н. И. Прокофьев.— М.: Флинта: Наука, 2000.— 578 с.

5. Древнерусская литература в исследованиях: Хрестоматия: учеб. пособие для филолог. спец. вузов / сост. В. В. Кусков.— М.: Высш. школа, 1986.— 336 с.

6. Древнерусская литература: Избранные произведения [Отрывки] / сост. В. В. Мирский.— Рига: Звайгзне, 1981.— 126 с.

7. Древняя русская литература: Хрестоматия [По спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.»] / сост. Н. И. Прокофьев.— 2-е изд., доп.— М.: Просвещение, 1988.— 478 с.

8. Жовтис А. Л. Древнерусская литература. Хрестоматия. [Для гуманитар. вузов и фак.] — М.: Высш. школа, 1966.— 346 с.

9. Литература Древней Руси: Хрестоматия / сост. Л. А. Дмитриев; под ред. Д. С. Лихачева.— М.: Высш. школа, 1990.— 544 с.

10. Преданья старины глубокой: Антология памятников литературы: Хрестоматия / сост., пер., комм. Н. И. Прокофьева при участ. Н. В. Трофимовой.— М.: Изд. Дом Синергия, 2000.— 320 с.

11. Хрестоматия по древней русской литературе / сост. Н. К. Гудзий.— М.: Аспект Пресс, 2002.— 592 с.

12. Хрестоматия по древнерусской литературе: учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» / Сост. М. Е. Федорова, Т. А. Сумникова.— 3-е изд., испр. и доп.— М.: Высш. школа, 1986.— 216 с.

13. Художественная проза Киевской Руси XI — XIII веков / сост., пер. и прим. И. П. Еремина и Д. С. Лихачева.— М.: Гослитиздат, 1957.— 370 с.

V. Учебные пособия

1. Бочкарев В. А. Русская историческая драматургия 17–18 в.: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов.— М.: Просвещение, 1988.— 224 с.

2. Бочкарев В. А. У истоков русской исторической драматургии: Последняя треть XVII — первая половина XVIII в.: учеб. пособие для студ.— филолог.— Куйбышев: Б. и., 1981.— 96 с.

3. Грихин В. А. История древнерусской литературы XIV — XVII вв.: методич. указ. для студ.— заочников филолог. фак. гос. ун-тов / отв. ред. В. В. Кусков.— М.: Изд. МГУ, 1988.— 56 с.

4. Гусева Л. Н., Короткая Л. Л. История древней русской литературы и литературы XVIII в.: метод. пособие.— Минск: Изд. БГУ, 1982.— 111 с.

5. Давыдова Н. В. Евангелие и древнерусская литература: учеб. пособие.— М.: МИРОС, 1992.— 252 с.

6. Древнерусская литература / сост., автор справ. и метод. матер. Л. Д. Страхова.— М.: АСТ: Астрель, 2003.— 606 с.

7. Древнерусская литература XI — XVII вв.: учеб. пособие для студ. вузов, обуч. по спец. «Рус. яз. и лит.» / под ред. В. И. Коровина.— М.: ВЛАДОС, 2003.— 446 с.

8. История русской литературы X — XVII веков: учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье и др.; под ред. Д. С. Лихачева.— М.: Просвещение, 1980.— 462 с.

9. История русской литературы XI — XIX веков: учеб. пособие для студ. филолог. фак. высш. учеб. завед.: в 2 ч. Ч. 1 / под ред. Л. Д. Громовой, А. С. Курилова.— М.: ВЛАДОС, 2000.— 272 с.

10. Истрин В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–$5VII вв.): учеб. пособие для студ. вузов.— М.: Академ, 2003.— 382 с.

11. Кожин А. Н. Литературный язык Московской Руси: учеб. пособие.— М.: Рус. яз., 1984.— 184 с.

12. Колобанов В. А. Владимиро-суздальская литература XIV — XVI веков: спецкурс по древнерусской литературе. Вып. 1.— Владимир: Владимирский пед. ин-т, 1975.— 126 с.

13. Комментарии и задания к тексту «Повести временных лет» / отв. за вып. А. И. Кузнцова.— Ашхабад: Минист. высш. и ср. обр. Туркменской ССР, 1983.— 56 с.

14. Кусков В. В., Прокофьев Н. И. История древнерусской литературы: учеб. пособие для студ. нац. отд. пед. ин-тов.— Л.: Просвещение, 1987.— 287 с.

15. Менделеева Д. С. История литературы Древней Руси: учеб. пособие для студ. высш. проф. образ.— М.: Академия, 2012.— 364 с.

16. Ольшевская Л. А., Травников С. Н. Литература Древней Руси и XVIII века: учеб. пособие.— М.: Нов. школа, 1996.— 327 с.

17. Пауткин А. А. Галицкая летопись как памятник литературы Древней Руси: учеб.— метод. пособие для студ. филолог. фак. гос. ун-тов.— М.: Изд. МГУ, 1990.— 76 с.

18. Татаринова Л. Е. Древняя русская литература: метод. указ. для студ.— заочников 1 курса фак. журналистики гос. ун-тов.— М.: Изд. МГУ, 1985.— 40 с.

19. Трофимова Н. В., Каравашкин А. В. Древнерусская литература: практикум для студ.— филолог.— М.: Флинта: Наука, 1998.— 64 с.

20. Чудакова М. О. Рукопись и книга: Рассказ об архивоведении, текстологии, хранилищах рукописей писателей: книга для учителя.— М.: Просвещение, 1986.— 176 с.

21. Шайкин А. А. Поэтика и история. На матер. памятников русской литературы XI — XVI веков: учеб пособие по спецкурсу для студ. вузов, обуч. по спец. «Филология».— М.: Флинта: Наука, 2005.— 456 с.

22. Шулежкова С. Г. Язык одного из демократических направлений русской литературы второй половины XVII столетия: (К истории публицистики, созданной писателями-старообрядцами): учеб. пособие к спецкурсу.— Челябинск: ЧГПИ, 1982.— 95 с.

VI. Словари, справочники, библиографические пособия

1. Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР 1968–1972 гг. / РАН, Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом) .— СПб.: Дмитрий Буланин, 1996.— 280 с.

2. Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР 1973–1987 гг. / РАН, Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом) .— СПб.: Дмитрий Буланин, 1995–1996.— Ч. 1: (1973–1977) .— 174 с.; ч. 2: (1978–1982) .— 192 с.; ч. 3: (1983–1987) — 319 с.

3. Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР (России), 1988–1992 гг. / РАН, Ин-т русской литературы (Пушкинский дом) / сост. О. А. Белобродова и др.— СПб.: Дмитрий Буланин, 1998.— 340 с.

4. Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в России, 1993–1997 гг. / РАН, Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом) / сост. М. А. Салмина и др.— СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.— 324 с.

5. Булахов М. Г. «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке: Краткий энциклопед. словарь / под ред. Л. А. Дмитриева.— Минск: Университетское, 1989.— 247 с.

6. Дробленкова Н. Ф. Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР, 1958–1967 гг.: [в 2 ч.] / сост. Н. Ф. Дробленкова.— Л.: Наука.— Ч. 1. 1958–1962 гг.— 1978.— 206 с.; ч. 2. 1963–1967 гг., 1979.— 278 с.

7. Кусков В. В. Литература и культура Древней Руси. Словарь-справочник.— М.: Высш. школа, 1994.— 336 с.

8. Литература Древней Руси: Библиографический словарь / сост. Л. В. Соколова; под ред. О. В. Творогова.— М.: Просвещение: Учеб. литер., 1996.— 240 с.

9. Литература и культура Древней Руси: Словарь-справочник / сост. О. М. Анисимова, В. В. Кусков, М. П. Одесский; под ред. В. В. Кускова.— М.: Высш. школа, 1994.— 336 с.

10. Орлов А. С. Библиография русских надписей XI — XV вв. / отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц.— М.; Л.: Изд. АН СССР, 1952.— 238 с.

11. Русские писатели. Библиографический словарь. Справочник для учителя / сост. А. П. Спасибенко и Н. М. Гайденков.— М.: Просвещение, 1971.— 728 с.

12. Словарь книжников и книжности Древней Руси: в 3 вып. / отв. ред. Д. С. Лихачев.— Л. (СПб.): Наука: Дмитрий Буланин, 1987–1998.— Вып. 1: XI — первая половина XIV в.— 492 с.; вып. 2: Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 1. А — К.— 515 с.; ч. 2. Л –Я.— 528 с.; вып. 3: XVII в. Ч. 1. А — З.— 412 с.; ч. 2. И — О.— 438 с.; ч. 3. П — С.— 520 с.

13. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / сост. В. Л. Виноградова.— М.; Л.: Наука, 1965.— Вып. 1. А — Г / под ред. Б. А. Ларина и др.— 199 с.; вып. 2. Д — Копье / под ред. Б. Л. Богородского и др.— Л.: Наука, 1967.— 214 с.; вып. 3. Корабль — Нынешний.— 182 с.; вып. 4. О — П, 1973.— 234 с.; вып. 6. Т — Я и доп.— Л.: Наука, 1984.— 278 с.

14. Слово о полку Игореве: Библиографич. указатель (1968–1987 гг.) / сост. Н. Ф. Дробленкова и др.— Л.: Наука. 1991.— 205 с.

15. Слово о полку Игореве. Библиография изданий, переводов и исследований 1938–1954 / сост. Л. А. Дмитриев.— М.; Л.: АН СССР.— 91 с.

16. Энциклопедия литературных героев: Русская литература XVII — XIX века / под общ. ред. А. Н. Архангельского.— М.: Олимп: АСТ, 1997.— 592 с.

VII. Электронные ресурсы

Русская литература: от Нестора до Маяковского: [Электр. ресурс] .— Электрон. дан. и прогр.; 2-е изд., испр. и доп.— М.: Директ Медиа Паблишинг, 2003.— 1 электрон. опт. Диск (СД-РОМ) .

Сайты, содержащие художественные тексты по древнерусской литературе:

Библиотека литературы Древней Руси.— Тт. 1–12.— СПб., 1997–2003. http:// lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2070

http://drevne.ru/;

http://az.lib.ru/n/neizwestnye/.

http://infoliolib.info/subja.php?sid=8

Электронные научные издания

1. Адрианова-Перетц В.П. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // Слово о полку Игореве — памятник XII века.— М.; Л., 1962.— С. 131–168. http://philology.ru/literature2/ adrianova-perets-62.htm
2. Булахов М.Г. «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке: Краткая энциклопедический словарь / Под ред. Л.А. Дмитриева.— Минск, 1989. http://feb-web.ru/feb/slovbul/bul-abc
3. Былинин В.К. Неизученная школьная пьеса Симеона Полоцкого // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность.— М., 1982.— С. 309–317. http://philology.ru/literature2/bylinin-82.htm
4. Горский А.А. Проблема даты создания «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве».— Л., 1986.— С. 29–37. http://philology.ru/literature2/gorssky-86.htm
5. Гудзий Н.К. Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения.— М., 1934.— С. 7–59. http:// philology.ru/literature2/gudziy-34.htm
6. Гусев В.Е. О жанре жития протопопа Аввакума // Тр. Отд. древнерус. лит.— Т. 15.— М.; Л., 1958.— С. 192–202. http://philology.ru/ literature2/gusev-58.htm
7. Демкова Н.С. Житие протопопа Аввакума: (Творческая история произведения) .— Л., 1974. http://feb-web.ru/feb/avvakum/default. asp?/feb/avvakum/critics/dem/dem-001-/htm&
8. Курилов А.С. Симеон Полоцкий и русская историко-литературная мысль XVIII в. // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская

деятельность.— М., 1982.— С. 318–333. http://philology.ru/literature2/kurilov-82/htm

9. Лихачев Д. С. Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы // Исследования по древнерусской литературе.— Л., 1986.— С. 79–95. http://philology.ru/literature2/likhachov-86.htm

10. Лихачев Д. С. Литература эпохи «Слова о полку Игореве» // Памятники литературы Древней Руси. XII век.— М., 1980.— С. 5–22. http://philology.ru/literature2/likhachov-80.htm

11. Лихачев Д. С. О названии «Задонщина» // Исследования по древнерусской литературе.— Л., 1986.— С. 286–287. http://philology.ru/literature2/likhachov-86a/htm

12. Лихачев Д. С. Повесть временных лет.— СПб., 1999. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Likerat/lihach/povest.pht

13. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени.— 2-е изд., доп.— Л., 1985. http://feb-web.ru/feb/slovo/default.asp?/feb/slovo/critics/l85/l85–001-/htm&

14. Опарина А. А. Древнерусское «хождение» и барочные тенденции в литературе XVII века // Барокко и классицизм в истории мировой культуры: Мат-лы Межд. научн. конф.— СПб., 2001.— С. 122–126. http://philology.ru/literature2/oparina-01.htm

15. Творогов О. В. Литература Древней Руси.— М., 1981. http://nfoliolib.info/phi/iol/tvorogov/tvo.html

16. Тр. Отд. древнерус. лит. Тт. 1–37.— М.; Л., 1934–1989. http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=6097

17. Савельев О. А. Плач Адама в «Молении» Даниила Заточника // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера.— Петрозаводск, 2003.— С. 373–375. http://philology.ru/literature2/savelyeva-03a.htm

18. Сапунов В. Б. Ярославна и древнерусское язычество // Слово о полку Игореве — памятник XII века.— М.; Л., 1962.— С. 321–329. http://philology.ru/literature2/sapunov-62.htm

19. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Ч. 1–2.— Л., 1987–1989. http:// lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2048

20. Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. / ред. колл.: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, С. А. Семячко, О. В. Творогов.— СПб., 1995. http://feb-web.ru/feb/slovenc/es

VIII. Художественные тексты

1. Аввакум, протопоп Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / ред. Н. К. Гудзия.— М.: Сварог и К, 1997.— 494 с.

2. Аввакум, протопоп пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / изд. подг. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова.— Л.: Наука. 1975.— 263 с.

3. Адрианова-Перетц В.П., Покровская В. Ф. Древнерусская повесть / сост. В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская.— М.; Л.: Изд. АН СССР, 1940.— 326 с.

4. Апокрифические сказания об Иисусе, святом семействе и свидетелях Христовых / сост. И. С. Свеницкая, А. П. Скогорев.— М.: Когелет, 1999.— 176 с.

5. Апокрифические сказания: Патриархи, пророки и апостолы / сост. В. Витковская.— СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2005.— 405 с.

6. Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». [Исслед. и тексты] .— М.; Л.: Наука, 1965.— 231 с.

7. Библиотека литературы Древней Руси: в 8 т. / РАН; Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом); под ред. Д. С. Лихачева и др.— СПб.: Наука, 1997.— Тт. 1–5.

8. Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / РАН; Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом); под ред. Д. С. Лихачева и др.— СПб.: Наука, 1999–2005.— Тт. 1–11.

9. Виршевая поэзия (первая половина XVII в.): сб. / сост. В. К. Былинина, А. А. Илюшина.— М.: Сов. Россия, 1989.— 478 с.

10. Воинские повести Древней Руси / под. ред. В. П. Адриановой-Претц.— М.; Л.: Изд. АН СССР, 1949.— 354 с.

11. Воинские повести Древней Руси / сост. Н. В. Понырко.— Л.: Лениздат, 1985.— 495 с.

12. Данилов Кирша Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / изд. подг. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов.— М.; Л.: Изд. АН СССР, 1958.— 665 с.

13. Домострой: Энциклопедия семейной жизни / предисл. Л. Н. Вдовиной.— Ярославль: Верх.— Волж. кн. изд., 1991.— 144 с.

14. Древнерусские княжеские жития / сост., пер., коммент. В. В. Кускова.— М.: Круг, 2001.— 400 с.

15. Древнерусские летописи / перевод и коммент. В. Панова; ред. В. Лебедева.— М.; Л.: Академия, 1936.— 391 с.

16. Древнерусские повести / сост.А.С. Курилова.— Тула: Приокск. кн. изд-во, 1987.— 478 с.

17. Жизнь и житие Сергия Радонежского: сб. / сост. и коммент. В.В. Колесова.— М.: Сов. Россия, 1991.— 366 с.

18. Житие Александра Невского: Текст и миниатюры Лицевого летописного свода XVI в.— Л.: Аврора, 1990.— 86 с.

19. Задонщина; Летописная повесть о побоище на Дону; Сказание о Мамаевом побоище: сб. / пред. Б. Рыбакова.— М.: Худож. лит., 1982.— 263 с.

20. Записки русских путешественников XVI — XVII вв. / сост. Н.И. Прокофьева, Л.И. Алехиной.— М.: Сов. Россия, 1988.— 525 с.

21. За Землю Русскую!: Памятники литературы Древней Руси XI–XV вв.: сб. / сост. Ю.К. Бегунова.— М.: Сов. Россия, 1981.— 518 с.

22. Иван IV, царь, Курбский А.М. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским: [Тексты и переводы с древнерус.] / тесты подг. Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыбаков.— Л.: Наука, 1979.— 431 с.

23. Казанская история / подг. текста Г.Н. Моисеевой; под. ред. В.П. Адриановой-Перетц.— М.; Л.: АН СССР, 1954.— 193 с.

24. Книга хождений: Записки русских путешественников XI — XV вв. / сост. Н.И. Прокофьев.— М.: Сов. Россия, 1984.— 448 с.

25. Красноречие Древней Руси (XI–$5VII вв.): сб. / сост. Т.В. Черторицкой.— М.: Сов. Россия, 1987.— 444 с.

26. На поле Куликовом: Рассказы русских летописей и воинских повестей XIII — XV вв. / сост. А. Шмариков.— М.: Молод. гвардия, 1980.— 237 с.

27. Никитин Афанасий Хождение за три моря Афанасия Никитина / изд. подг. Я.С. Лурье, Л.С. Семенов.— Л.: Наука, 1986.— 214 с.

28. Памятники литературы Древней Руси, вторая половина XV века: сб. текстов / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева.— М.: Худож. лит., 1982.— 688 с.

29. Памятники литературы Древней Руси, вторая половина XVI в.: сб. текстов / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева.— М.: Худож. лит., 1986.— 640 с.

30. Памятники литературы Древней Руси, середины XVI в.: сб. / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева.— М.: Худож. лит., 1985.— 625 с.

31. Памятники литературы Древней Руси, XIV — середины XVI в.: сб. текстов / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева.— М.: Худож. лит., 1981.— 602 с.

32. Повести Древней Руси XI — XII века / сост. Н. В. Понырко.— Л.: Лениздат, 1983.— 574 с.

33. Повесть временных лет / под ред. В. П. Адриановой-Перетц.— 2-е изд.— СПб.: Наука, 1999.— 668 с.

34. Повесть о Петре и Февронии / подг. текстов и исслед. Р. Л. Дмитриевой.— Л.: Наука, 1979.— 339 с.

35. Полоцкий С. Избранные сочинения / подг. текста, ст. и коммент. П. П. Еремина.— М.; Л.: Изд. АН СССР, 1953.— 282 с.

36. Пьесы любительских театров: сб. / под ред. А. Н. Робинсона.— М.: Наука, 1976.— 860 с.

37. Русская демократическая сатира XVII века / отв. ред. Д. С. Лихачев.— 2-е изд., доп.— М.: Наука, 1977.— 254 с.

38. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. / под ред. О. А. Державиной.— М.: Наука, 1972.— 368 с.

39. Русская силлабическая поэзия XVII — XVIII вв. / общ. ред. В. П. Адрианова-Перетц.— Л.: Совет. писатель, 1970.— 424 с.

40. Сатира XI—XVII веков / сост. В. К. Былинина, В. А. Грихина.— М.: Сов. Россия, 1987.— 511 с.

41. Сказание о Борисе и Глебе: Факсим. воспр. житийных повестей из Сильвестровского сб. (2 пол. XIV в.) .— М.: Книга, 1985.— 160 с.

42. Сказание о Мамаевом побоище: Лицевая рукопись XVII в. из собр. Гос. ист. музея / авт. вст. ст. Т. В. Дианова.— М.: Сов. Россия, 1980.— 270 с.

43. Слово Даниила Заточника. По ред. 12 и 13 вв. и их переделкам / пригот. к печати Н. Н. Зарубин.— Л.: Изд. АН СССР, 1932.— 179 с.

44. Слово о полку Игореве / пер. А. Майкова.— Ярославль: Верх.— Волж. кн. изд., 1980.— 71 с.

45. Слово о полку Игореве / пер. Евг. Евтушенко.— М.: Вагриус, 2003.— 119 с.

46. Слово о полку Игореве: сб. / пер. В. А. Жуковского.— Ярославль: Верх. Волга, 2000.— 64 с.

47. Слово о полку Игореве: Переводы и комментарии / вс. ст. Д. С. Лихачева.— М.: Худож. лит., 1999.— 222 с.

Дополнительная литература

Тема 1. Древнерусская литература — начальный этап в развитии русской литературы

Горловский Ал. На холме Маковец: [Об идейно-эстетической ценности древнерусской литературы] // Наука и религия.— 1986.— № 5.— С. 36–40.

Демин А. С. О художественности древнерусской литературы / отв. ред. В. П. Гребенюк.— М.: Языки рус. лит., 1998.— 848 с.

Древнерусская литература. Источниковедение: сб. научн. тр. / отв. ред. Д. С. Лихачев.— Л.: Наука, 1984.— 272 с.

Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири: сб. / отв. ред. Н. Н. Покровский.— Новосибирск: Наука, 1982.— 271 с.

Древнехранилище Пушкинского дома: Мат-лы. и исслед.: сб. статей / ред. В. П. Бударагин и др.— Л.: Наука, 1990.— 302 с.

Исследования и материалы по древнерусской литературе: сб. статей / отв. ред. В. Д. Кузьмина.— М.: Изд. АН СССР, 1961.— Вып. 1.— 372 с.

Исследования по древней и новой литературе: сб. / редкол. Л. А. Дмитриев (отв. ред.) .— Л.: Наука, 1987.— 465 с.

Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной Руси: сб. научн. тр. / отв. ред. Е. К. Ромодановская.— Новосибирск: Наука, 1992.— 205 с.

Каравашкин А. В. Литературный обычай Древней Руси (XI–$5VI вв.) .— М.: РОССПЭН, 2011.— 551 с.

Кириллин В. М. О книжности, литературе, образе жизни Древней Руси.— М.: Глобал Ком, 2013.— 295 с.

Литература Древней Руси: Источниковедение: сб. научн. тр. / отв. ред. Д. С. Лихачев.— Л.: Наука, 1988.— 311 с.

Ранчин А. М. Вертоград Златословный. Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях.— М.: Нов. лит. обозрение, 2007.— 576 с.

Рыбаков Б. А. Мир истории. Начальные века русской истории.— М.: Молод. гвардия, 1987.— 351 с.

Тема 2. Становление древнерусской литературы

Буслаев Ф. И. Древнерусская литература и православное искусство.— СПб.: РХГИ: Лига Плюс, 2001.— 352 с.

Горский В. С. Философские идеи в культуре Киевской Руси XI — начала XII в.— Киев: Наук. думка, 1988.— 216 с.

Демин А. Крещение Руси и древнерусская литература // Вопр. лит.— 1988.— № 7.— С. 167–181.

Демин А. С. О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова / отв. ред. В. П. Гребнюк.— М.: Языки славян. культуры, 2003.— 758 с.

Древнерусская литература: Изображение общества / отв. ред. А. С. Демин.— Л.: Наука, 1991.— 245 с.

Истрин В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11–13 вв.) .— Пг.: Наука и школа, 1922.— 248 с.

Клеченов Г. Голос соборности: [Древнерусская литература] // Молод. гвардия.— 1997.— № 2.— С. 239–247.

Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси.— Л.: Изд. ЛГУ, 1986.— 312 с.

Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции / отв. ред. В. Л. Янин.— М.: Наука, 1987.— 320 с.

Кусков В. В. Эстетика идеальной жизни: избр. тр.— М.: МГУ, 2000.— 320 с.

Левшун Л. В. Категория жанра в средневековой восточнославянской книжности: жанр и канон // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2006.— № 4.— С. 101–116.

Либан Н. И. Лекции по истории русской литературы (от Древней Руси до первой трети XIX в.) .— М.: Изд. МГУ, 2005.— 461 с.

Лихачев Д. С. Развитие русской литературы XI — XVII веков.— СПб.: Наука, 1999.— 207 с.

Лихачев Д. С. Великий путь: Становление русской литературы XI — XVII в.— М.: Современник, 1987.— 299 с.

Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси.— 2-е изд.— М.: Наука, 1970.— 180 с.

Переверзев В. Ф. Литература Древней Руси.— М.: Наука, 1971.— 302 с.

Рождественская М. В. Роль библейских апокрифов в культуре Древней Руси: апокриф как литературный текст // Литература, культура и фольклор славянских народов. Мат-лы конф. (М., июнь 2002) .— М.: ИМЛИ РАН, 2002.— С. 3–12.

Сенчихина Ю. Б. Древнерусская философия: проблемы своеобразия // Русская философия: Многообразие в единстве. Мат-лы VII Российского симпозиума историков русской философии (М., 14–17 нояб. 2001 г.) .— М.: ЭкоПресс-2000, 2001.— С. 190–193.

Ужанков А. Н. Стадиальное развитие русской литературы XI — первой трети XVIII в. Теория литературной формации // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2007.— № 2.— С. 66–80.

Шайкин А. А. Становление художественного сознания в русской литературе // Рус. словесность.— 2005 — № 8.— С. 10–19.

Тема 3. Русское летописание

Алешковский М. Х. «Повесть временных лет». Судьба литературного произведения в древней Руси.— М.: Наука, 1971.— 135 с.

Аристов В. Ю. Отражение работы двух сводчиков 10-х годов XII в. в «Повести временных лет» // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2008.— № 3.— С. 9–10.

Вилкул Т. Л. Заимствования из Хроники Иоанна Малалы и Александрии Хронографической в Повести временных лет // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2008.— № 3.— С. 15–16.

Водолазкин Е. Г. Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI — XV веков): монография.— СПб.: Пушк. дом, 2008.— 494 с.

Гиппиус А. А. К проблеме редакций «Повести временных лет» // Славяноведение.— 2007.— № 5.— С. 20–44.

Данилевский И. Н. Библия и «Повесть временных лет» // Отеч. записки.— 1993.— № 1.— С. 78–94.

Жолобов О. Ф. Важный вклад в создание средневекового книжного свода // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2008.— № 4.— С. 102–106.

Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник (Опыт анализа) / отв. ред. В. Д. Королюк.— М.: Наука, 1957.— 207 с.

Конявская Е. Л. О «границах» древнерусской литературы (летописи: писатель и читатель) // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2003.— № 2.— С. 76–80.

Конявская Е. Л. Повесть временных лет и Краткий новгородский летописец // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2008.— № 3.— С. 32–34.

Котляр Н. Ф. Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах.— Киев: Нау-к. думка, 1986.— 160 с.

Котляр Н. Ф. Идейно-политическое кредо Галицко-Волынского свода // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2006.— № 4.— С. 19–41.

Котляр Н. Ф. О возможной природе нетрадиционности структуры и формы Галицко-Волынской летописи // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2005.— № 4.— С. 5–13.

Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания.— М.: Изд-во МГУ, 1977.— 406 с.

Лурье Я. С. К изучению летописного жанра // Тр. Отд. древнерус. лит.— М.; Л.: АН СССР, 1972.— Т. 27.— С. 76–93.

Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV — XV вв. / отв. ред. Д. С. Лихачев.— Л.: Наука, 1976.— 283 с.

Львов А. С. Лексика «Повести временных лет».— М.: Наука, 1975.— 367 с.

Михеев С. М. Отражение начальной летописи в Новгородской I летописи младшего извода // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2008.— № 1.— С. 45–59.

Назаревский А. А. О литературной стороне грамот и других документов московской Руси начала XVII века.— Киев: Изд. Киевск. ун-та, 1961.— 80 с.

Петрухин В. Я. Древнейший свод и «начало земли русской». Шахматовская реконструкция и «историческая школа» // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2008.— № 3.— С. 50–51.

Прохоров Г. М. Древнерусское летописание: взгляд в неповторимое.— М.: Ин-т рус. цивилизации.— СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2014.— 416 с.

Ранчин А. М. Семантика и структура рассказов об Олеге и Ольге в «Повести временных лет» // Вестник Москов. ун-та. Сер. 9. Филология.— 2002.— № 5.— С. 7–15.

Смирнов П. А. Отрабичак князю-Солнце: речи Владимира Святославича в «Повести временных лет» // Рус. речь.— 2007.— № 3.— С. 75–78.

Солодкин Я. Г. О датировке и хронологической структуре Нового летописца // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2004.— № 3.— С. 39–46.

Творогов О. В. Древнерусские хронографы.— Л.: Наука. 1975.— 320 с.

Творогов О. В. Лексический состав «Повесть временных лет»: (словоуказатели и частотный словник) .— Киев: Наук. думка, 1984.— 218 с.

Трофимова Н. В. След «Задонщины» в псковских летописях // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2003.— № 4.— С. 70–71.

Трофимова Н. В. Судьба сюжета о юноше-кожемяке в русском летописании // Рус. речь.— 2005.— № 3.— С. 86–90.

Франчук В. Ю. Киевская летопись: Состав и источники в лингвистическом освещении.— Киев: Наук. думка, 1986.— 180 с.

Шаблинская Н. С. Византийские хроники и русские летописи // Педагогич. технологии.— 2006.— № 2.— С. 122–123.

Шайкин А. А. История и сказка в «Повести временных лет» // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2003.— № 4.— С. 80–82.

Шайкин А. А. Поэтика начал и концовок в «Повести временных лет» // Рус. лит.— 2002 — № 4.— С. 13–31.

Шамаро А. Летописец [О дьяконе Киево-Печерского монастыря Несторе Летописце] // Наука и религия.— 1970.— № 8.— С. 40–45.

Шеков А. В. Заметки о черниговском летописании // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2008.— № 3.— С. 106–114.

Щавелев А. С. Становление власти первых князей в древнейших славянских летописях и хрониках // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2008.— № 3.— С. 73–75.

Тема 4. Жанр повести в древнерусской литературе

Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в.— М.; Л.: АН СССР, 1940.— 326 с.

Адрианова-Перетц В. П. Праздник кабацких ярыжек. Пародия-сатира второй половины XVII в.— М.; Л.: Изд. АН СССР, 1936.— 84 с.

Адрианова-Перетц В. П. Слово о Куликовской битве Софония Рязанца (Задонщина) // Воинские повести древней Руси / под. Ред В. П. Адриановой-Перетц.— М.; Л.: АН СССР, 1949.— С. 143–165.

Воротников Ю. Л. «Лишний человек» в древнерусской литературе // Мир библиографии.— 2001.— № 3.— С. 26–31.

Гардзанити М. Москва и «Русская земля» в Куликовском цикле // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2006.— № 1.— С. 105–112.

Гонно П. Неблагочестие и трактовка Священного Писания в «Повести о Савве Грудицыне» // Славяноведение.— 2003.— № 2.— С. 60–69.

Горский А. А. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: Историковедч. и историко-культурн. проблемы.— М.: Ин-т российск. истории, 1992.— 169 с.

Гудзий Н. К. Литература Киевской Руси и украинско-русское литературное единение XVII — XVIII веков.— Киев: Наук. думка, 1989.— 375 с.

Дмитриева Р. П. Был ли Софоний автором «Задонщины»? // Тр. Отд. древнерус. лит.— Л.: Наука, 1979.— Т. 34.— С. 18–25.

Еремина О. А. «Повесть о Петре и Февронии Муромских» как произведение христианской культуры // Рус. словесность.— 2001.— № 4.— С. 15–24.

Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / отв. ред. Я. С. Лурье.— Л.: Наука, 1970.— 595 с.

Кириллин В. М. Таинственная поэтика «Сказание о Мамаевом побоище».— М.: Языки славян. культуры, 2007.— 104 с.

Кириллин В. М. Четверичность как индекс таинственного содержания «Сказания о Мамаевом побоище» // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2006.— № 4.— С. 19–41.

Коржева П. Б. Язык юмора и сатиры: (Из истории развития речевых средств в создании комического эффекта в русской литературе) .— Алма-Ата: Мектеп, 1979.— 120 с.

Котляр Н. Ф. Воинская повесть в летописи Нестора // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2008.— № 3.— С. 34–36.

Круг чтения наших предков: Повесть о Горе и Злочастии // Вестник Российск. АН.— 2001.— Т. 71.— № 4.— С.341–347.

Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси (Бова, Петр Златых Ключей) .— М.: Наука. 1964.— 344 с.

Куликовская битва в литературе и искусстве: сб. статей / редколл: В. Г. Базанов (отв. ред.) .— М.: Наука, 1976.— 460 с.

Петров А. Е. «Александрия Сербская» и «Сказаие о Мамаевом побоище» // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2005.— № 2.— С. 54–64.

Ржига В. Ф. Слово Софония Рязанца о Куликовской битве (Задонщина) как литературный памятник 80-х годов XIV века // Повести о Куликовской битве.— М.: АН СССР, 1959.— С. 377–405.

Салмина М. А. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // Тр. Отд. древнерус. лит.— Т. 29.— М.; Л.: Изд. АН СССР, 1974.— С. 98–124.

Синицына Л. Тайна супружеской жизни: Город Муром и его обитатели // Дружба народов.— 2002.— № 7.— С. 127–148.

Скрипиль М. О. Повесть о Петре и Февронии Муромских и ее отношение к русской сказке // Тр. Отд. древнерус. лит. Т. 7.— М.: Изд. АН СССР, 1949.— С. 131–167.

Смирнов И. П. О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории // Смирнов И. П. Мегаистория: К исторической типологии культуры.— М.: Аграф, 2000.— С. 371–379.

Шайкин А. А. Фольклорные сюжеты «Повести временных лет» и их роль в летописных повестях // Традиционная культура.— 2004.— № 1.— С. 13–18.

Тема 5. Своеобразие жанра «Слова о полку Игореве»

Антоненко С. «Слово о полку Игореве»: новое прочтение в свете традиции // Москва.— 2004.— № 8.— С. 221–214.

Ануцкевич Н. П. Слово о полку Игореве: Перевод. Комментарий. Исследование: (Концепция палеографического, филологического и исторического толкования памятника) / отв. ред. Н. К. Митропольская.— Вильнюс: Рус. культ. центр, 1992.— 284 с.

Брызгалин Г. И. Чудесной тайны ключ: Новое прочтение «Слова о полку Игореве», опирающееся на уникальную закономерность, обнаруженную в строении поэмы.— Волгоград: Изд. Ин-та качества, 1994.— 95 с.

Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве».— М.: Аграф, 2000.— 608 с.

Гетманец М. Ф. Тайна реки Каялы: «Слово о полку Игореве.— 2-е изд.— Харьков: Изд. при Харьковск. гос. ун-те, 1989.— 168 с.

Гурченко Л. А. Русские древности «Слова о полку Игореве»: Лит. перевод. Комментарии. Исследование.— М.: Юс-Б, 2004.— 152 с.

Зализняк А. А. Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» // Вестник Российск. АН.— 2008.— Т. 78.— № 5.— С. 403–406.

Козлов В. П. Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»: Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. / отв. ред. В. И. Буганов.— М.: Наука, 1988.— 270 с.

Косоруков А. А. Гений без имени.— М.: Современник, 1986.— 288 с.

Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» — героический пролог русской литературы.— Л.: Худож. лит., 1967.— 119 с.

Лихачев Д. С. Избранное: «Слово о полку Игореве» и культура его времени.— СПб.: Logos, 2000.— 528 с.

Макович Р. К прочтению «темных мест» «Слова о полку Игореве» // Филологич. науки.— 2001.— № 4.— С. 55–65.

Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве»: [Пер. с англ] .— Л.: Наука, 1979.— 266 с.

Николаева Т. М. «Слово о полку Игореве». Поэтика и пушкинские тексты: [монография: в 2 кн.] .— Изд. 2-е.— М.: Комкнига, 2005.— 336 с.

Орлов А. С. Слово о полку Игореве.— Изд. 2-е.— М.; Л.: Изд. АН СССР, 1946.— 215 с.

Переяслов Н. Когда же наступит конец 800-летнему затмению над «Словом…» // Север.— 2006.— № 9 / 10.— С. 108–120.

Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве»: в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века.— Л.: Наука, 1980.— 251 с.

Ранчин А. М. Путеводитель по «Слову о полку Игореве»: учеб. пособие — М.: Изд-во Московского ун-та, 2012.— 176 с.

Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве».— М.: Наука, 1972.— 520 с.

Савельева Л. В. О Ярославе Остомысле как герое «Слова о полку Игореве» // Рус. речь.— 2003.— № 2.— С. 77–82.

«Слово о полку Игореве» в гравюрах В. А. Фаворского: Рисунки. Эскизы. Гравюры / подг. Ю. А. Молок.— М.: Искусство, 1987.— 258 с.

«Слово о полку Игореве» и его время: сб. статей / отв. ред. Б. А. Рыбаков.— М.: Наука, 1985.— 415 с.

«Слово о полку Игореве» и мировоззрение его эпохи: сб. научн. тр. / отв. ред. В. С. Горский.— Киев: Наук. думка, 1990.— 178 с.

Соколова Л. В. Первое издание «Слова о полку Игореве» и современное прочтение текста // Рус. лит.— 2002.— № 4.— С. 3–12.

Судьин Г. Г. «Слово о полку Игореве» и философская мысль Древней Руси (дискуссионные проблемы) // Русская философия: Многообразие в единстве. Мат-лы VII Российского симпозиума историков русской философии (М., 14–17 нояб. 2001 г.) .— М.: Эко-Пресс-2000, 2001.— С. 198–201.

Сумаруков Г. В. Кто есть кто в «Слове о полку Игореве».— М.: Изд-во МГУ, 1983.— 144 с.

Тимофеев В. П. Другое «Слово о полку Игореве».— М.: Вече, 2007.— 430 с.

Федоров В. Г. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла.— М.: Молод. гвардия, 1956.— 175 с.

Фомичев С. А. «Слово о полку Игореве»: поэтическая обработка исторического сюжета // Рус. лит.— 2008.— № 3.— С. 81–85.

Чернов А. Надо ли еще переводить «Слово о полку Игореве»: [О переводах «Слова…»] // Юность.— 1980.— № 1.— С. 95–99.

Шелемова А. О. Автор «Слова о полку Игореве» — поэт или религиозный проповедник // Религиоведение.— 2005.— № 1.— С. 94–99.

Тема 6. Житийная литература XI — XVII вв.

Артамонов Ю. А. К вопросу о времени и истории написания летописного рассказа статьи 6599 (1091) г. о перенесении мощей преподобного Феодосия Печерского // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2008.— № 3.— С. 11–12.

Башлыкова М. Е. «Паси овцы Моя…»: образ доброго пастыря в Киево-Печерском патерике // Рус. речь.— 2005.— № 2.— С. 70–73.

Биленкин В. «Чтение» преп. Нестора как памятник «глебоборисовского культа» // Тр. Отд. древнерус. лит.— СПб.: Дмитрий Буланин, 1993.— Т. 46.— С. 63–64.

Богданов А. П. Перо и крест: Русские писатели под церковным судом.— М.: Политиздат, 1990.— 478 с.

Богославский С. А. Текстология древней Руси. Т. 2.: Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе.— М.: Языки славянск. культур, 2007.— 651 с.

Введенский А. М. Житие варягов-мучеников: Летопись и Пролог // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2008.— № 3.— С. 13–14.

Виноградов В. В. К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления // Тр. Отд. древнерус. лит.— М.; Л.: АН СССР, 1958.— Т. 14.— С. 353–381.

Воронин Н. Н. Анонимное сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор // Тр. Отд. древнерус. лит. Т. 8.— М.; Л.: АН СССР, 1957.— С. 11–56.

Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума (Творческая история произведения) .— М.: Изд. МГУ, 1974.— 168 с.

Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники литературы XIII — XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний.— Л.: Наука, 1973.— 303 с.

Дмитриева Р. П. Четьи сборники XV в. как жанр // Тр. Отд. древнерус. лит.— Т. 27.— М.; Л.: АН СССР, 1972.— С. 150–180.

Духанина А. В. К вопросу об атрибуции Пространной редакции «Жития Сергия Радонежского»: лингвистические данные // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2006.— № 3.— С. 5–19.

Иванова Н. Д. Образное слово и понятие в «Житии Сергия Радонежского» // Литература Древней Руси.— М.: Наука, 1988.— С. 31–39.

Конявская Е. Я. Древнейшая редакция Киево-Печерского патерика // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2006.— № 1.— С. 32–45.

Конявская Е. Я. К вопросу об особенностях «Жития Авраамия Смоленского» // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2001.— № 1 (3) .— С. 111–113.

Михеев С. М. Рассказ о Святополке и Ярославе и легенда о Борисе и Глебе: «Древнейший свод» и свод 70-х годов XI в. // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2008.— № 3.— С. 45–46.

Понырко Н. В. Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в Выговской старообрядческой литературе // Тр. Отд. древнерус. лит.— Т. 29.— М.: АН СССР, 1974.— С. 154–169.

Ранчин А. М. К вопросу о текстологии Борисоглебского цикла // Вестник МГУ. Сер. 9 Филология.— 1987.— № 1.— С. 5–15.

Руди Т. Р. О композиции и топике жития Юлиании Лазаревской // Тр. Отд. древнерус. лит.— СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.— Т. 50.— С. 133–143.

Сосницкая Д. В. Житие Богородицы в русской рукописной традиции // Рус. речь.— 2007.— № 5.— С. 70–73.

Ужанков А. Н. Святые страстотерпцы Борис и Глеб: к истории канонизации и написания житий // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2000.— № 2.— С. 28–50; 2001.— № 1.— С. 37–49.

Хабаров О. Б. Образ святой мирянки Юлиании Лазаревской в литературе второй половины XIX в. // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2006.— № 4.— С. 116–122.

Язык русской агиографии XVI века: (Опыт автоматич. анализа): Полный словоуказатель к древнерусскому рукописанию / А. С. Герд и др.— Л.: Изд. ЛГУ, 1990.— 335 с.

Тема 7. Жанр ораторского красноречия в древнерусской литературе

Будовниц И. У. Памятник ранней дворянской публицистики // Тр. Отд. древнерус. лит.— Т. 8.— М.; Л.: АН СССР, 1951.— С. 138–157.

Григорьев Ю. «И в теплом дому, и всегда в порядке»: размышления о «Домострое» и не только о нем // Наука и религия.— 2001.— № 9.— С. 34–35.

Козлов С. В. Символико-аллегорическая образность «цветов» в древнерусской ораторской прозе XI — XII в. // Древняя Русь. Вопр. медиевистики.— 2000.— № 2.— С. 51–65.

Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника / редколл.: Е. М. Иссерлин (отв. ред.) .— Л.: Изд. ЛГУ, 1981.— 232 с.

Лихачев Д. С. Социальные основы стиля «Моления Даниила Заточника» // Тр. Отд. древнерус. лит.— Т 10.— М.: АН СССР, 1954.— С. 106–119.

Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона.— Киев: Наук. думка, 1984.— 240 с.

Николаевский П. Русская проповедь в XV и XVI веках // Альфа и Омега.— 2009.— № 1.— С. 85–104; № 3.— С. 133–150.

Розов Н. Н. Рукописная традиция «Слова о законе и благодати» // Тр. Отд. древнерус. лит.— Т. 17.— М.; Л.: АН СССР, 1961.— С. 42–53.

Соловьев А. В. Заметки к «Слову о погибели Русской земли» // Тр. Отд. древнерус. лит.— Т. 15.— М.; Л.: АН СССР, 1958.— С. 109–113.

Сорокин В. Б. Древнерусская литература об уме и глупости // Рус. речь.— 2007.— № 6.— С. 83–85.

Ужанков А. Слово на первый юбилей Крещения Руси // Наука и вера.— 2008.— № 7.— С. 27–29.

Яковлев И. Святитель Кирилл Туровский // Журнал Москов. Патриархии.— 2004.— № 4.— С. 62–73.

Янькова Н. А. Слова и поучения против пьянства в древнерусской литературе // Религиоведение.— 2005.— № 1.— С. 89–93.

Тема 8. Эволюция жанра хождения в отечественной литературе XI — XVII вв.

Адрианова-Перетц В. П. Афанасий Никитин — путешественник-писатель // Хождение за три моря Афанасия Никитина.— М.: Изд. АН СССР, 1958.— С. 93–125.

Галимуллина А. Ф. Специфика жанра «хождение» / «путешествие»: на материале вузовского курса литературы // Лит. в школе.— 2008.— № 9.— С. 22–23.

Глушакова Ю. П. О путешествии игумена Даниила в Палестину // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: сб. ст. к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова.— М.: Изд. вост лит., 1963.— С. 79–87.

Зееман К. Д. К вопросу об иерархии жанров древнерусской литературы // Исследования по древней и новой литературе.— Л.: Наука, 1987.— С. 95–100.

История жанров в русской литературе X — XVII вв.: сб. ст.— Л.: Наука, 1972.— 467 с.

Пак Н. И. «Что все видех очима своима»: жанр хождения в русской литературе // Ли-т. в школе.— 2008.— № 9.— С. 9–13.

Пауткин А. А. Игумен Даниил и его невольные «соавторы» // Рус. речь.— 2007.— № 1.— С. 74–79.

Прокофьев Н. И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI — XVI вв. // Литература Древней Руси.— Вып. 1.— М.: Наука, 1975.— С. 5–39.

Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI — XIII вв.: Очерки литературно-исторической типологии.— М.: Наука, 1980.— 336 с.

Тема 9. Русская публицистика XVI — XVII вв.

Демин А. С. Писатель и общество в России XVI — XVII веков: Общественные настроения / отв. ред. О. А. Державина.— М.: Наука, 1985.— 352 с.

Иванов А. И. Литературное наследи Максима Грека. Характеристика, атрибуции, библиография.— Л.: Наука, 1969.— 248 с.

Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России: сб. научн. тр. / отв. ред. Е. К. Ромодановская.— Новосибирск: Наука, 1992.— 205 с.

Казимова Г. А. Толкование Псалтыри Максимом Греком // Рус. речь.— 2007.— № 5.— С. 79–81.

Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя) .— М.: Языки русск. культуры. 1998.— 416 с.

Калугин В. В. Литература и письменность в представлении древнерусских писателей (Иван Грозный и Андрей Курбский) // Филологич. науки.— 1994.— № 1.— С. 12–22.

Короткая Л. Л. Публицистика XIII — XVI вв. в борьбе с церковно-религиозной идеологией.— Минск: Изд. Мин-ва высш., средн. спец. и проф. образ. БССР, 1963.— 82 с.

Опарина Т. А. Образ «третьей части звезд небесных» в русской публицистике XVII века // Славяноведение.— 2003.— № 2.— С. 70–78.

Публицистика и исторические сочинения периода феодализма: сб. научн. тр. / отв. ред. Е. К. Ромодановская.— Новосибирск: Наука, 1989.— 277 с.

Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века.— М.: Наука, 1974.— 407 с.

Синицына Н. В. Максим Грек в России.— М.: Наука, 1977.— 332 с.

Токарева Э. И. Интралингвистический аспект древнерусской публицистики // Вестник Адыгейского гос. ун-та.— 2009.— Вып. 1 (41) .— С. 92–95.

Ученова В. В. От вековых корней: Становление публицистики в русской культуре.— М.: Сов. Россия, 1985.— 176 с.

Федотова М. А. Письма и послания Дмитрия Ростовского и эпистолярный жанр конца XVII — XVIII вв. // Литература, культура и фольклор славянских народов. Мат-лы конф. (М., июнь 2002) .— М.: ИМЛИ РАН, 2002.— С. 47–57.

Тема 10. Возникновение и развитие русской виршевой поэзии

Демин А. С. Русская литература второй половины XVII — начала XVIII века: Новые художественные представления о мире, природе, человеке.— М.: Наука, 1977.— 296 с.

Жуков Д. А., Пушкарев Л. Н. Русские писатели XVII века.— М.: Молод. гвардия, 1972.— 336 с.

Захаров И. С. Борьба идей в философской мысли на Украине на рубеже XVII — XVIII вв. (Стефан Яворский) .— Киев: Наук. думка, 1982.— С. 63–112.

Никитин О. В. Лингвистическая традиция приказной школы стихотворства 17 века // Рус. речь.— 2004.— № 5.— С. 81–87.

Смит Д. Взгляд извне / Статьи о русской поэзии и литературной деятельности патриарха Никона.— СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.— 520 с.

Татарский И. А. Симеон Полоцкий: (Его жизнь и деятельность) .— М.: Б.и., 1986.— 342 с.

Тема 11. Становление русского театра и драматургии

Алексеев М. П. Шекспир и русское государство 16–17 вв. // Шекспир и русская культура / под ред. ак. М. П. Алексеева.— М.; Л.: Наука, 1965.— С. 784–805.

Берков П. Н. Русская народная драма // Русская народная драма XVII — XVIII вв. / общ. ред. И. П. Еремина.— М.: Искусство, 1953.— С. 9–40.

Всеволодский-Гернгросс В. Н. Русский театр. От истоков до сер. XVIII в.— М.; Л.: Изд. АН СССР, 1957.— 343 с.

Державина О. А. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. // Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. / под ред. О. А. Державиной.— М.: Наука, 1972.— С. 180–203.

Елеонская А. С. Стихотворство и драматургия. Творчество Симеона Полоцкого // Елеонская А. С., Орлов О. В., Сидорова Ю. Н. и др. История русской литературы 17–18 веков.— М.: Высш. школа, 1969.— С. 5–60.

История русской драматургии XVII — первой половины XIX века.— Л.: Наука, 1982.— 536 с.

Морозов П. О. Очерки по истории русской драмы 17–18 столетий.— СПб.: Тип. В. С. Балашова, 1988.— 389 с.

Сафронова Л. А. Поэтика славянского театра XVII — XVIII вв. Польша, Украина, Россия.— М.: Наука, 1981.— 264 с.

Тема 12. Барокко в русской литературе XVII в.

Гудзий Н. К. Литература Киевской Руси и украинско-русского литературного единения XVII — XVIII веков.— Киев: Наук. думка, 1989.— 373 с.

Истомин К. Книга любви знак в честен брак: Эмблематическая поэма в стиле русского барокко, объединяющая искусство слова и изображения.— М.: Книга, 1989.— 43 с.

Развитии барокко и зарождение классицизма в России XVII — начала XVIII в. / отв. ред. А. Н. Робинсон.— М.: Наука, 1989.— 237 с.

Тема 13. Значение древнерусской литературы

Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение: Избр. тр. / отв. ред. В. Н. Баскаков, Н. С. Никитина.— Л.: Наука, 1989.— 410 с.

Данте и славяне: сб. статей / под общ. ред. И. Бэязы.— М.: Наука, 1965.— 271 с.

Древнерусская и классическая литература в свете исторической поэтики и критики: Межвуз. научно-темат. сб. / ред. Н. А. Горбанов (отв. ред.) .— Махачкала: Изд. Дагестанского ун-та, 1988.— 182 с.

Древнерусская литература и ее связи с новым временем: сб. статей / отв. ред. О. А. Державина.— М.: Наука, 1967.— 392 с.

Древнерусская литература и русская культура XVIII — XX вв.: сб. статей / ред. Д. С. Лихачев (отв. ред.) .— Л.: Наука, 1971.— 383 с.

Духовная культура славянских народов: Литература. Фольклор. История: сб. статей к IX Междунар. съезду славистов / ред. М. П. Алексеев.— Л.: Наука, 1983.— 382 с.

Зарубежные славяне и русская литература: сб./отв. ред. М. П. Алексеев.— Л.: Наука, 1978.— 262 с.

Истоки, традиция, контекст в литературе: межвуз. сб. научн. тр. / ред. И. С. Приходько (отв. ред.) .— Владимир: ВГПИ, 1992.— 119 с.

Лихачев Д. С. Древнерусская литература и современность // Рус. лит.— 1978.— № 4.— С. 25–31.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы.— 3-е изд.— М.: Наука, 1979.— 352 с.

Макогоненко Г. П. Проблемы Возрождения и русская литература // Рус. лит.— 1973.— № 4.— С. 67–85.

Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века.— Л.: Наука, 1980.— 216 с.

Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература.— Л.: Наука, 1971.— 284 с.

От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»: сб. статей к 90-летию Н. К. Пиксанова / редколл.: Ф. Я. Прийма (отв. ред.) .— Л.: Наука, 1969.— 476 с.

Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — XVIII в.): сб. статей / отв. ред. А. Н. Робинсон.— М.: Наука, 1971.— 431 с.

Русско-болгарские фольклорные и литературные связи: сб. статей: в 2 т. / редкол.: В. Г. Базанов и др.— Л.: Наука, 1976.— Т. 1.— 375 с.

XVII век в мировом литературном развитии: сб. статей / редкол.: Ю. Б. Виппер и др.— М.: Наука, 1969.— 502 с.

Хабарова О. Б. Поэма Сергея Есенина «Песнь о Евпатии Коловрате» и летописная «Повесть о разорении Рязани Батыем»: художественно-исторические параллели // Современное есениноведение.— 2007.— № 6.— С. 220–227.

Шекспир и русская культура / под ред. М. П. Алексеева.— М.; Л.: Наука, 1965.— 823 с.

Приложение

Список текстов для обязательного прочтения

Литература Киевской Руси

1. Повесть временных лет.
2. **Владимир Мономах** «Поучение». Послание Олегу Святославичу.
3. **Митрополит Иларион** «Слово о Законе и Благодати».
4. Сказание о Борисе и Глебе.
5. **Нестор** «Житие Феодосия Печерского».
6. **Игумен Даниил** «Хождение».
7. Апокрифы: Сказание, како сотвори Бог Адама. Хождение Богородицы по мукам.

Литература периода феодальной раздробленности

8. **Кирилл Туровский** «Слово в новую неделю по Пасхе», «Слово о летописцах и песнотворцах».
9. Слово о полку Игореве.
10. **Даниил Заточник** «Моление».
11. Киево-Печерский патерик.
12. Галицко-Волынская летопись.

Литература периода борьбы с монголо-татарами

13. Повесть о битве на реке Калке.
14. Повесть о разорении Рязани Батыем в 1237 г.
15. Слово о погибели Русской земли.
16. Житие Александра Невского.
17. **Серапион Владимирский** Слова.

Литература периода объединения Северо-Восточной Руси

18. Задонщина.
19. Сказание о Мамаевом побоище.
20. **Епифаний Премудрый** «Житие Стефана Пермского», «Житие Сергия Радонежского».
21. Повесть о путешествии архиепископа новгородского Иоанна на бесе в Иерусалим.
22. Сказание о Дракуле.
23. **Афанасий Никитин** «Хождение за три моря».

Литература Московского централизованного государства

24. Ермолай-Еразм «Повесть о Петре и Февронии Муромских».

25. Домострой.

26. Переписка **Андрея Курбского** и **Ивана Грозного**.

27. Иван Пересветов «Сказание о Магмет-салтане».

28. История о Казанском царстве.

Литература первой половины XVII столетия

29. Новая повесть о преславном Российском царстве.

30. Дружина Осорьин «Житие Юлиании Лазаревской».

31. Иван Катырев-Ростовский «Летописная книга».

32. Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков.

Литература второй половины XVII столетия

33. Повесть о Ерше Ершовиче.

34. Повесть о Карпе Сутулове и премудрой жене его.

35. Повесть о Шемякином суде.

36. Повесть о Бражнике.

37. Калязинская челобитная.

38. Повесть о Фроле Скобееве.

39. Повесть о Горе-Злочастии.

40. Повесть о Савве Грудицыне.

41. Повесть о Тверском Отроче монастыре.

42. История о храбром рыцаре Петре Златых Ключей и о прекрасной королевне неаполитанской Магилене.

43. Протопоп Аввакум «Житие».

44. Симеон Полоцкий Вирши из сборников «Вертоград многоцветный» и «Рифмологион»: «Приветство», «Купецтво», «Монах», «Жабы послушливыя», «Пиянство». «Язык», «День и нощь» и др. «Комедия притчи о Блудном сыне».

45. Сильвестр Медведев Вирши: «Епитафион», «Благожелательное приветствование», «Плач и утешение двадесятьма двема виршами», «Вирша в великую субботу», «Подпись к портрету царевны Софьи» и др.

46. Карион Истомин Вирши из «Букваря» и «Полиса»: «Приветствие царевне Софье Алексеевне», «Эпитафия царице Наталье Кирилловне», «Послание Дмитрию Ростовскому», «Бел лист являет светлейши победы…», «Стихи увещательныя от греховнаго льщения» и др.

47. Иудифь.

Примерный перечень вопросов к зачету и экзамену по курсу «История древнерусской литературы»

1. Хронологические границы древнерусской литературы и ее специфические особенности.
2. Основные темы древнерусской литературы.
3. Проблема художественного метода древнерусской литературы.
4. Характер средневекового миросозерцания и его связь с методом и системой жанров древнерусской литературы.
5. Древнерусская литература в трудах русских литературоведов.
6. Основные периоды в развитии древнерусской литературы.
7. Система жанров древнерусской литературы и характеристика основных жанров.
8. Исторические предпосылки возникновения древнерусской литературы.
9. Роль фольклора и византийской книжности в формировании древнерусской литературы.
10. Философские основы древнерусской литературы.
11. Апокрифы и их классификация.
12. Своеобразие идейно-художественного содержания апокрифов «Како сотвори Бог Адама» и «Хождение Богородицы по мукам».
13. История раннего русского летописания.
14. Основные положения гипотезы А. А. Шахматова о происхождении «Повести временных лет». Уточнения и поправки ее Д. С. Лихачевым. Гипотеза Б. А. Рыбакова.
15. Основные идеи и жанровый состав «Повести временных лет».
16. Композиция «Повести временных лет». Система образов и изображение героев. Своеобразие стиля «Повести временных лет».
17. Историческое и художественное значение «Повести временных лет».
18. «Слова о Законе и Благодати» Илариона — образец торжественного красноречия. Идейно-художественные особенности и значение памятника.
19. Типы поучений в древнерусской литературе. Основные идеи «Поучения» Владимира Мономаха. Особенности жанра и стиля.
20. «Послание» Владимира Мономаха Олегу Святославичу — княжеское послание и художественно-публицистическое произведение.
21. Жанр житий в литературе Киевской Руси. Различные типы житий.

22. «Житие Феодосия Печерского» как преподобническое житие.

23. Главная идея «Сказания о Борисе и Глебе» и художественные средства ее выражения.

24. «Хождение» игумена Даниила как первое русское паломническое хождение. Даниил — автор и герой произведения.

25. Возникновение и характерные черты литературных стилей феодальных княжеств. Летописание Галицко-Волынского княжества XIII в.: идейное и художественное своеобразие.

26. Ораторское искусство Кирилла Туровского.

27. История открытия, опубликования и изучения «Слова о полку Игореве». «Скептическая» школа в изучении «Слова».

28. Соотношение «Слова о полку Игореве» с летописными повестями о походе Игоря Святославича на половцев. Соотношение языческих и христианских элементов в произведении.

29. Центральная идея «Слова о полку Игореве» и сюжетно-композиционные средства ее выражения. Исторические отступления в сюжете и композиции и их функции.

30. Историческая основа, образная система «Слова о полку Игореве». Способы и приемы изображения персонажей.

31. Особенности стиля «Слова о полку Игореве». Поэтические средства и ритмические особенности произведения.

32. Проблема жанра «Слова о полку Игореве». Черты типологической общности произведения с эпосом европейских и азиатских народов средневековья.

33. Проблема авторства «Слова о полку Игореве».

34. Поэтические переводы и переложения «Слова о полку Игореве», их краткая характеристика.

35. Основные темы «Слова» Даниила Заточника и «Моления» Даниила Заточника. Особенности их стиля. История текстов, гипотезы об авторстве.

36. История формирования Киево-Печерского патерика. Его идейно-художественные особенности.

37. Отражение событий монголо-татарского нашествия в произведениях древнерусской литературы. Жанр воинской повести в литературе XIII в.

38. Идеи, сюжет, композиция и образная система «Повести о разорении Рязани Батыем».

39. Идейно-художественное своеобразие «Слова о погибели Русской земли». Гипотезы о происхождении памятника.

40. «Житие Александра Невского» как новая разновидность житийного жанра.

41. Новые идейные и эстетические явления в литературе эпохи Куликовской битвы.

42. Идейно-художественное своеобразие «Задонщины». Черты сходства и различия «Задонщины» и «Слова о полку Игореве».

43. Новые художественные явления в жанре воинской повести («Сказание о Мамаевом побоище») .

44. Стиль «плетения словес» в русской литературе.

45. Общая характеристика творчества Епифания Премудрого. Характер героев и принципы их изображения. Епифаний Премудрый в русской культуре XIV — XVI вв.

46. Стиль «плетение словес» в «Житии Стефана Пермского». Особенности изображения главного героя.

47. «Житие Сергия Радонежского»: история и жанрово-художественное своеобразие текста.

48. Возникновение жанра беллетристической повести в русской литературе.

49. Возникновение купеческого хождения («Хождение за три моря» Афанасия Никитина) .

50. Основные жанры и темы публицистики конца XV — XVI в.

51. Политическое и литературное значение «Сказания о князьях Владимирских».

52. Общая характеристика творчества Максима Грека. Его идейная направленность и характер его литературной манеры.

53. Основные идеи публицистики Ивана Пересветова и способы их выражения. Общественно-политическое и литературное своеобразие «Сказания о Магмет-салтане».

54. Переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского. Характер писательской манеры Ивана Грозного и Андрея Курбского.

55. Жанр «Повести о Петре и Февронии». Связи произведения с устным народным творчеством и традициями агиографии. Беллетристическое начало в повести.

56. Характер исторического повествования в «Истории о Казанском царстве» и ее литературное значение. Своеобразие замысла, изображения героев, жанра, стиля.

57. Монументальные исторические произведения XVI в. Никоновский летописный свод. Степенная книга.

58. Основные направления в развитии русской литературы XVII в.

59. Отражение борьбы русского народа с польско-шведской интервенцией 1606–1612 гг. в исторических произведениях древнерусской литературы.

60. Своеобразие выражения авторской позиции и особенности жанра «Новой повести о преславном Российском царстве».

61. Новые художественные явления в «Летописной книге», приписываемой И. М. Катыреву-Ростовскому.

62. Традиционное и новое в «Повести об Азовском осадном сидении донских казаков».

63. Изменения в жанре жития в литературе первой половины XVII в. («Житие Юлиании Лазаревской»).

64. Характер конфликта, средства его разрешения, своеобразие жанра и стиля «Повести о Горе-Злочастии».

65. Борьба старого и нового в «Повести о Савве Грудицыне». Жанровые особенности произведения.

66. Характер изображения нового героя и новой героини в «Повести о Фроле Скобееве».

67. Элементы сатиры в «Повести о Карпе Сутулове». Жанровые особенности произведения.

68. Основные темы и жанры сатиры XVII в. Характеристика сатирических повестей («Повесть о бражнике», «Повесть о Шемякином суде», «Повесть о Ерше Ершовиче», «Калязинская челобитная») .

69. Своеобразие жанра бытовой повести. Характеристика повестей о Горе-Злочастии, о Савве Грудицыне, о Фроле Скобееве.

70. Авантюрно-приключенческая переводная повесть в литературе XVII в.

71. Характер мировоззрения протопопа Аввакума и его отражение в «Житии». Новаторский характер произведения. Особенности замысла, стиля и жанра.

72. Появление и развитие виршевой поэзии в русской литературе.

73. Элементы барокко в поэзии Симеона Полоцкого.

74. Сборник Симеона Полоцкого «Вертоград многоцветный». Замысел, основные темы, стиль.

75. Сборник Симеона Полоцкого «Рифмологион». Содержание и стиль.

76. Барокко в русской литературе XVII в. и споры о нем.

77. Появление придворного театра в России. Характер репертуара. Художественные особенности пьес.

78. Идейно-художественные особенности придворной комедии «Иудифь».

79. Школьный театр. Репертуар. Характерные черты школьных драм.

80. Проблематика и художественные особенности «Комедии притчи о блудном сыне» Симеона. Полоцкого.

81. Значение русской литературы XI — XVII вв. для развития последующей отечественной словесности.

Краткий словарь терминов и понятий

Автограф (от греч.autos — сам; grapho — пишу) — собственноручный авторский рукописный текст, важный источник установления канонического текста произведения, цельный материал для изучения творческого процесса художника слова.

Агиография (от греч. hagios — святой и grapho — пишу) — литература житийного характера; жития и патериковые новеллы.

Аллегория — (от греч. allegoria — иносказание) — одна из форм иносказания, в которой конкретный образ используется для выражения отвлеченного понятия или суждения. Внешний вид А. в древнерусской литературе был канонизирован (словарь Масена «Зеркало образов скрытой истины, являющее символы, эмблемы, гиероглифы, загадки», 1650). Справедливость имела в руках весы, Добродетель олицетворял Геркулес в львиной шкуре, Мир выступал с зеленой ветвью и т.д. В А. восторжествовало стремление барокко к наглядности. А. имели свои антиподы (Смирение — Гордость), могли повторять главных героев, заменять их, предсказывать действие, служить характеристике героя.

Апокриф (от греч. apokryphos — тайный, сокровенный) — произведение, развивающее темы, идеи и сюжеты Ветхого и Нового Заветов, ориентирующиеся на канонические формы, но по каким-либо причинам не вошедшие в канон. Первоначально термин обозначал книги, доступные для избранных, для знатоков. Позднее А.— запрещенные официальной церковью книги еретиков.

Архетип (от греч. archētypos — первообраз) — наиболее общие и фундаментальные мотивы и образы, имеющие общечеловеческий характер и лежащие в основе любых художественных структур; наиболее древний

(обычно неизвестный) текст письменного памятника, явившийся первоисточником для последующих копий.

Барокко (от порт. barroco — жемчужина неправильной формы) — одно из направлений в искусстве и литературе XVII в. В русской литературе проявилось заметней всего в виршевой поэзии и драматургии.

Вариант (вид) текста (от лат. varians, variantis — изменяющийся) — в широком смысле слова текстовые отличия, имеющиеся между автографами, копиями, списками или печатными изданиями одного произведения; в узком — список, в котором не обнаруживается сознательного стремления изменить текст, а есть только разновидность текста, образовавшаяся в результате нарастания ошибок в процессе переписки и их неудачных или более или менее удачных исправлений.

Вирша (от польск. wierszy; лат. versus — стих) — русское и украинское досиллабическое и силлабическое стихотворение книжного происхождения.

Вязь (от праслав. вязати — вязать, плести) — старинное декоративное письмо (возникло в Византии еще в первой половине XI в.), при котором буквы соединяются в непрерывный орнамент; сплетение нескольких букв или целых слов в один сложный знак или слитную группу.

Гимнография (от греч. hymnos — гимн, хвала, grapho — пишу) — религиозное стихотворчество, произведения которого изначально предназначались для коллективного хорового песнопения, направленного на прославление Бога, во время христианского церковного богослужения, литургии.

Грамота (от греч. grammata от gramma — буква, письмена) — это восходящее к деловому, канцелярскому жанру произведение литературы XVII в., смысл которого — не только в информации о каких-то событиях, но и в воздействии на разум, но и на душу читателей. Для нее характерна повышенная эмоциональность, в принципе чуждая делопроизводству и всегда присущая художественным текстам.

Декламация (от лат. declamatio) — стихотворные монологи, поочередно произносимые чтецами, объединенные единством темы и предназначенные для исполнения в присутствии каких-либо знатных лиц, иногда с «прологом» и «эпилогом».

Евангелие-апракос, апостол-апракос (от греч. apraktos — «праздничный») — выбранные чтения из Евангелий и Апостольских деяний и посланий, расположенные в порядке чтения их во время церковных служб

(определенные чтения на определенные дни недели или на дни церковных праздников) .

Житие (от древнерус. «жити» — существовать) — в христианских средневековых литературах жизнеописания святых.

Извод — в древнерусской литературе вид текста памятника, возникший стихийно, нецеленаправленно, в результате многократной переписки текста в определенной среде, местности, стране. В результате такой переписки текста в нем неизбежно отражаются особенности языка той или иной среды, местности бытования текста.

Интермедия (от лат. intermedius — находящийся посреди) — небольшая пьеса или сценка, обычно комического характера, разыгрываемая между действиями основной пьесы (драмы или оперы), а иногда в тексте самой пьесы. В русской драматургии И. парадировали текст или входили в него в качестве самостоятельных сценок на разговорном языке.

Канонизация (от греч. canon — правило, образец) — процесс узаконивания через особое постановление высшей церковной власти чествование церковью умершего подвижника веры и благочестия как святого.

Канонический текст (от греч. canon — правило, образец) — термин текстологии, означающий подлинно авторский текст в его последней редакции, общепринятый для всех изданий этого произведения на данной ступени изучения источника текста.

Комедия (от греч. kōmōidia, от kōmos — веселая процессия, ōidē — песнь) — в древнерусской литературе употребляется в значении драматического произведения, пьесы вообще. Разделялась по жанрам: «жалостные», или «жалобные» (с трагической развязкой), «прохладные» (доставляющие удовольствие, с благополучной развязкой) и «потешные», «радостные» (то есть веселые комедии) .

Конволют (от лат convolutus — «свернутый», «сплетенный») — сборник, составленный из разных ранее самостоятельно написанных произведений или рукописей и переплетенный в один том.

Космография (от греч. kosmos — порядок, гармония, красота и grapho — пишу) — название ряда географических сочинений, переводных или русских компилятивных, распространившихся в рукописной книжности Московской Руси XVI — XVII вв.

Летопись — жанр древнерусской литературы; произведение историографии, излагающие события «по летам», то есть в хронологической последовательности. Как и хроники, Л. представляли собой своды, или компиляции: Л. стремились начать изложение с «самого начала» (от сотворения

мира, образования того или иного государства), поэтому обращались к уже существовавшим источникам, повествующим о более древних временах. Отдельные летописные рассказы объединены особым, эпическим стилем изображения действительности.

Мартиролог (от греч. martyrion — мученик и logos — слово) — сборник повествований о мучениках (или исповедниках), перенесших страдания за веру в Иисуса Христа от язычников, особенно в первые века христианства.

Мартирологическая (агиографическая) драма (от греч. martyrion — мученик; drama — действие) — драматургическое произведение на основе моралите. Если герой был не закоренелым грешником, но переживал преображение, которое решительно меняло его, и из грешника он превращался в мученика, святого, тогда моралите становилось агиографической и мартирологической драмой. В мартирологических драмах (мартиролог — сборник повествований о святых и мучениках), кроме обязательного эпизода мучений, часто встречались ситуации блуждания по лесу.

Менологий (от греч. menos — месяц и logos — слово) — в греческой церкви книга, содержащая жития святых, упорядоченные по месяцам (по дням церковного года), и предназначенная для домашнего и монастырского чтения; в принципе соответствует русским Минеям Четьям.

Минеи служебные (от греч. menaīos — месячный) — книги, содержащие похвалы святым, читаемые во время церковных служб.

Мине′и Че′тьи (от греч. menaīos — месячный; четьи — читаемые, предназначенные для чтения) — средневековый сборник пространных житий святых, сказаний и поучений, предназначенных для чтения и расположенных по числам месяца. «Великие М.Ч.» — свод древнерусских оригинальных и переводных памятников, главным образом житийных и риторических, церковно-учительного и исторического характера, состоящий из 12 книг-миней.

Мистерия (от лат. misterium — таинство, обряд) — основной жанр религиозного театра позднего Средневековья, созданный на сюжеты Библии и Евангелия. В школьном театре бытовали, прежде всего, рождественские и пасхальные драмы — драматургические произведения, связанные с темой рождения, смерти и воскресения Христа. Преимущественно разрабатывали сюжеты моралите, только утверждая значение рождения и мук Христа для возрождения человека.

Моралите′ (фр. moralitē от лат. moralis — нравственный) — дидактическое произведение на различные поучительные, религиозные

и философские темы, имевшее распространение в Западной Европе в XIV — XVI вв., а в России в XVII в. С помощью аллегорических персонажей, олицетворяющих грехи и добродетели, изображалась борьба добра и зла за душу героя, символизирующего весь человеческий род. М. обличало пороки и прославляло добродетели; обычно писалось в стихах. Человек следит за борьбой высших сил, колеблется и побеждает только с помощью ангелов, Милосердия Божьего. Борьба противодействующих сил могла преобразоваться в суд над грешником. Таким образом, М. делились на пьесы о праведных и грешных.

Ораторское красноречие (ораторская проза) (от лат. orare — говорить) — живая речь, получившая художественную разработку, благодаря которой она воспринимается как разновидность прозы. Основные жанры: проповедь, полемическая речь на религиозные темы (церковное красноречие), панегирики (светское красноречие) и др.

Палеография (от греч. palaios — древний и grapho — пишу) — историко-филологическая дисциплина, изучающая памятники древней письменности с целью определения времени и места их создания, орудия письма; прослеживает изменения графической формы письменных знаков, изучает системы сокращений и тайнописи, украшение и оформление рукописей книг.

Палея′ (греч. palaia diathēkē — Ветхий Завет) — группа средневековых литературных энциклопедических памятников, в основе которых — изложение событий ветхозаветной истории.

Патери′к (отечник) (от греч.и лат. pater — отец) — средневековый сборник назидательных новелл из жизни отшельников какой-нибудь местности или монастыря, прославившихся особым благочестием, а также название сборников их изречений. Иногда рассказы повествовали о мирских людях, прославившихся своим благочестием и аскетизмом или, напротив, грешниках, наказанных Богом за свои преступления.

Патри′стика (от греч. pater — отец) — сочинения римских и византийских богословов III — XI вв., почитавшихся как «отцы церкви». В них обосновывались и комментировались основы христианской религии, велась полемика с еретиками, излагались в форме поучений и наставлений основы христианской морали или правила монашеского быта.

Повесть (от праслав. ведати — знать) — в древнерусской литературе эпический прозаический жанр, повествующий о событиях в объективной манере.

Полуустав — одна из графических разновидностей письма в греческих и славянских рукописях, возникшая как упрощение устава и обеспечивающая большую скорость написания.

Поучение (от древнерус. учити — обучать, наставлять) — вид проповеди, относящийся к дидактическому красноречию; произведение поучительно-наставительного характера, содержащее рекомендации.

Про′лог (от греч. prologos) — славяно-русский средневековый литературный сборник календарных чтений на весь год, составленный по греческим месяцесловам (менологиям, синаксарям). Содержание П. составляют краткие (проложные) жития святых, поучения и назидательные рассказы, заимствованные в основном из Патериков, которые располагаются по дням каждого месяца. П. стал известен на Руси с XIII в. и получил широкое распространение.

Протограф (от греч prōtos — первый и grapho — пишу) — текст, к которому восходит один или несколько текстов; близкий по тексту предшественник дошедшего до нас списка или группы списков (копий, редакций), более поздних по времени создания.

Публицистика (от лат. publicus — общественный) — вид литературы, характеризующийся общественно-политическим содержанием и предназначенный для воздействия на сознание максимально широкого круга читателей.

Пьеса о власти (от франц. piece — кусок, часть) — драматическое произведение XVII в. Имела в своей основе тему заговора, разрушения власти. Ее герои — неблагодарные наследники и неверные слуги. К пьесам о власти примыкал круг тем о сражающихся королях, в которых есть ситуации встречи с послами и преследования героя, ситуация сражения.

Редакция (от франц. rédaction от лат. redactus — приведенный в порядок) — в древнерусской литературе означает такую переработку текста, в которой можно проследить сознательное стремление автора или переписчика изменить текст в определенном направлении, чтобы он отражал взгляды создателя этой Р., соответствовал его вкусам и склонностям. Эта переработка текста могла быть вызвана или какими-либо общественными событиями, или чисто литературными интересами и вкусами книжника, или целью обрусить памятник — одним словом, это литературная переработка.

Сатира (от лат. satira от satura — смесь) — 1) определенное (в основном отрицательное) отношение творящего к предмету своего изображения (т. е. к изображаемой действительности), определяющее выбор средств

художественного изображения и общий характер образов; 2) эпическое или стихотворное произведение древнерусской литературы, имеющее сатирическую основу.

Свод — сведенные в одно целое и расположенные в определенном порядке сведения, материалы, тексты, документы.

Силлабическое стихосложение (от греч. syllabē — слог) — стихосложение, в котором ритмичность создается повторением стихов с одинаковым количеством слогов, а расположение ударных и безударных слогов не упорядочено. Силлабическое стихосложение характерно языкам с постоянным ударением — французскому, польскому. Короткие стихи (до восьми слогов) обычно не имеют цезуры, более длинные делятся цезурой на два полустишия.

Синаксарий / Синаксарь (от греч. synaksarion — сборник) — сборник кратких повествований житий святых; то же, что Пролог.

Синкретизм (от греч. synkretismos — соединение) — первоначальная слитность элементов, впоследствии выделяющихся в самостоятельные образования. По отношению к древнерусской литературе термин обозначает первичную жанровую нерасчлененность.

Скоропись — беглое слитное рукописное письмо в средневековых рукописях, возникшее из полууставного во второй половине XIV века для ускорения процесса письма и сменившее древний устав и полуустав. Употреблялась, в частности, в канцеляриях и частном делопроизводстве. В XIX в. из С. появился современный рукописный шрифт.

Слово — в древнерусской литературе 1) название прозаического произведения, относящегося к торжественному красноречию; 2) название ряда древнерусских литературных памятников, не являющееся жестко закрепленным жанровым определением, употребляемое в нейтральном значении «произведение», «сочинение».

Список (от праслав. писати — пестрить, красить) — любой источник, содержащий текст конкретного произведения; он может быть автографом или копией.

Текстология (от лат. textus — ткань, связь и от греч. logos — слово) — отрасль филологической науки, изучающая приемы анализа литературных произведений в целях восстановления истории и установления текстов, используемых потом для дальнейшего литературоведческого исследования, интерпретации. Важнейшей задачей Т. является историческое осмысление и критическое прочтение текста на основе изучения источников,

выявления их генеалогии, интерпретации переработок; точное научное издание текстов.

Устав — тип почерка древних славянских рукописей, выполненных кириллицей, отличающийся четким начертанием каждой буквы, отсутствием сокращений.

Фаце′ция (от лат. facetia — шутка, острота) — западноевропейская «смехотворная» новелла; смешной рассказ или анекдот о забавном или поучительном случае из жизни, приключении.

Хождение, или хожение (от праслав. ход — движение, перемещение в каком-либо направлении) — литературный жанр древнерусской литературы; первоначально описание путешествия в Палестину, на Афон, в Константинополь (в святую землю, средоточие христианских святынь), затем — описание любого путешествия вообще, новых мест, чужих стран; путевые заметки. Х. называли также «паломниками», «путниками», «странниками», «посольствами», «скасками».

Хроника (от греч. chronos — время, grapho — пишу) — вид исторического повествования по годам, сложившийся в античности и широко распространенный в средневековье в странах Европы и Азии, излагающий всемирную историю; запись событий в хронологической последовательности. В отличие от летописи, хронограф состоит не из цепи статей по годам, а из цепи новелл с законченным сюжетом. Наряду с историческими лицами в хронографе появляются безымянные герои («некий человек разумен»), которых не знает летопись.

Хронограф (от греч. chronos — время и grapho — пишу) — древнерусское историческое, отчасти компилятивное сочинение типа хроники, содержащее обзоры по всемирной истории.

Шестоднев (от греч.Hexaēmeron) — церковнославянское название памятников религиозной литературы, содержащих развернутые комментарии к повествованию библейской Книги Бытия о сотворении Богом мира за шесть дней.

Школьная драма (от греч. drama — действие) — один из жанров церковной драматургии, который развивался при духовных школах (академиях и семинариях) и примыкал к латинским драмам гуманистов; возник в конце XV — начале XVI в. в странах Западной Европы.

Эпистола (епистолия) (от греч. epistolē — послание, письмо) — послание, изначально задуманное или позднее осмысленное как художественная или публицистическая проза, предназначенная широкому кругу читателей.

Аввакум, протопоп (1621–1682). Глава раскольников, фанатически отстаивавший свои убеждения и погибший за них на костре. Талантливый писатель, написавший около 80 сочинений («Житие», «Книга бесед», «Книга толкований», а также послания, челобитные), 64 из которых созданы в ссылке на берегу Ледовитого океана, в земляном срубе Пустозерска и переданы через стрельцов. В 1672–1673 гг. написал собственное «Житие», описывающее жизнь автора и гонения из-за старообрядческих взглядов.

Родился в селе Григорьеве Нижегородской области. В 20 лет был поставлен в дьяконы, а затем в священники. Фанатическое служение навлекло на него неудовольствие паствы и начальства. Был вынужден искать защиты в Москве, но реформа Никона привела его в стан оппозиции. За свои убеждения был сослан в Тобольск, где отстегал ремнем дьякона Ивана Струну. Возмущенные прихожане хотели утопить его. А. отправили в Даурию под начало воеводе Пашкову. После 10 лет ссылки А. вызвали в Москву, где снова убеждали принять реформу, когда это оказалось безрезультатным, его расстригли и предали анафеме. На это А. ответил преданием анафеме своих судей и непризнанием суда церковного собора. По желанию царя А. посетил С. Полоцкий, но и тот не убедил старообрядца порвать с расколом. В 1667 г. А был сослан в Пустозерск, его единомышленникам устроили публичную казнь: урезали языки. За рассылку грамот из Пустозерска Лазарю, Епифанию и Федору повторно урезали языки и отсекли по руке, а А. посадили в землянку на хлеб и воду. В 1682 г. всех узников «за великие на царский дом хулы» сожгли на площади в Пустозерске.

В «Книге бесед» находится полемическое рассуждение А. «Об иконном писании», направленное против новых исканий в искусстве XVII в., связанных с именами живописца Симона Ушакова и его единомышленника Иосифа Владимирова, автора трактата об искусстве. Эти живописцы отстаивали новые принципы иконного писания, основанные на стремлении к жизненной правде и достоверности изображаемого. В частности, Ушаков считал необходимым для живописца изучение анатомии человека, а Владимиров полагал, что лики на иконах не должны быть «зачаделыми», «темновидными», «мрачными и неподобными», кои должны быть «световидными». Аввакум защищал старую манеру.

Волоцкий Иосиф (Иосиф Санин) (ок. 1439 / 1440–1515). Сын волоколамского боярина. Двадцати лет принял пострижение у основателя Боровского монастыря, игумена Пафнутия, под руководством которого В. прошел все ступени монастырского «искуса». Под влиянием Пафутия, известного московскими симпатиями, формировались и политические убеждения В., будущего официального советника московских князей, Ивана и Василия. После смерти Пафнутия энергичный, богословски образованный В. был назначен игуменом Боровского монастыря, попытался ввести более суровый, чем при его предшественнике, монастырский устав, но натолкнулся на сопротивление братии. Тогда В. оставляет Боровский монастырь и основывает в 1479 г. свой собственный, у себя на родине, в удельном княжестве Волоцком. Благодаря деятельности В. основанная «пустынька» превратилась в образцовое хозяйство и религиозно-культурный центр с уставом по типу древних восточных монастырей. По этому уставу все монахи должны были подчиняться правилам строгого общежития, чтобы монастырское богатство принадлежало самому монастырю, а не лично монахам.

Начало литературной публицистической деятельности В. относится к 1493 г., когда в Новгороде была открыта новгородским архиепископом Геннадием тайная ересь «жидовствующих». В. пишет послание епископу суздальскому Нифонту (1492–1494) и послание своему брату, игумену Вассиану Санину, жившему в Москве, в которых просит «накрепко» встать против еретиков, отбросив страх перед «сильными мира сего», сочувствующим этой ереси; обвиняет митрополита Зосиму, не принимающего мер против еретиков. В 1493–1494 гг. В. подробно излагает историю возникновения ереси и ее сущность, «деяния» созванного в 1490 г. в Москве собора на еретиков в «Сказании о новоявившейся ереси новгородских еретиков». Это сказание В. впоследствии присоединил в качестве предисловия к составленному сборнику обличительных «слов», направленных против новгородской ереси, «Просветитель» (не ранее 1502). К тому же периоду деятельности относится ряд посланий (архимандриту Евфимию», Послание четырем духовным лицам о расстригшемся черноце», «Послание вельможе», Послание неизвестному обличителю ереси и др.) и краткая редакция Монастырского устава.

Ко второму периоду деятельности В. относятся «Слово об осуждении еретиков», «Слово о благопремудростных коварствах», два послания Василию III, ряд посланий, трактат «Яко не подобает святым божиим церквам обид творити».

Стиль В. высокопарен и торжествен. Он ссылается на библейские и «святоотеческие» тексты, опровергает аргументы противников логически. После смерти В. крупнейшим представителем иосифлянской публицистики был его ученик, постриженник Волоколамского монастыря, с 1522 г. митрополит всея Руси — Даниил (слова и послания по вопросам догматики, обряда, нравственности и быта).

Герман, монах (? — 1682). Известно, что в молодости он был келейником патриарха Никона и потом оставался одним из самых близких ему людей. В то время, когда Никон покинул патриарший престол и поселился в своем любимом Воскресенском монастыре (Новый Иерусалим), Г. пребывал там в сане иподьякона. Здесь он последовательно занимал должности уставщика, строителя, архимандрита (с 1681 г.). В 1680 г. Герман — в числе подписавших челобитную о возвращении опального Никона в Новый Иерусалим, на что патриарх Иоаким не дал разрешения. В 1681 г. участвовал в отпевании тела Никона, который, получив разрешение вернуться в основанную им обитель, умер по дороге туда. Г. владел хорошей библиотекой из книг и рукописей на церковнославянском, русском, польском, греческом и латинском языках.

Судя по акростихам, Г. безусловно принадлежат 14 духовных песен («Радуися, благодатная…», «Господи! Возвах к тебе, услыши мя…» и др.), две эпитафии Никону и, по всей видимости, заранее заготовленная эпитафия самому себе.

Грек Максим (в миру **Михаил Триволис**) **(1480–1556).** Родился в г. Арты в семье воеводы. Юность прошла в Италии, где учился у знаменитых педагогов эпохи Возрождения — философа Иоганна Ласкариса, Альдо Мануччи, Иеронима Савонарола. Затем Г. живет на Афоне около 10 лет, постригается в греческом Ватопедском монастыре. В 1518 г. был приглашен в Москву для перевода с греческого «Толковой псалтири». После окончания труда участвовал в исправлении богослужебных книг — Триоди Цветной, Часослова, Псалтири, Евангелия и Апостола. По своему мировоззрению, отразившемуся в его словах («Сказание к отрицающимся…» и др.), тяготел к «заволжским старцам»: осуждал вотчинный быт русских монастырей. В 1520-е гг. Г. написал трактат Карпову, три послания Николаю «Немчину» или «Герману», обличительное «Слово», «Послание князю Токмакову». В них он критиковал ереси латинян, препятствующие соединению церквей, писал против астрологии. Сочинения Г. написаны в соответствии с правилами риторического искусства: с соблюдением

логики, аргументации, книжного языка. Наряду с традиционными поучительными и полемическими «словами» и посланиями Г. пишет эмоционально насыщенные морально-философские сочинения в форме обращения к своей душе или беседы ума с душой, составленные в диалогической форме. Встречаются у него и короткие похвальные слова, а также медитации, проникнутые обличительным пафосом, вроде слова о «ненасытном чреве» или о «прелести сонных мечтаний». В начале 1525 г. Г. был взят под стражу как еретик, защитник «нестяжателей» («Стезание Любостяжателя с нестяжателем»), автор дерзостных речей об отношениях русских к патриарху константинопольскому и сослан в Волоколамский монастырь «иосифлянином» митрополитом Даниилом. Там его морили стужей, угаром, голодом. В 1531 г. Г. судили вместе с В. Патрикеевым и сослали в тверской Отрочь монастырь, где он пробыл 20 лет. В тверском монастыре Г. пишет «Стязание о известном иноческом жительстве» (основная идея — монах должен жить сбором милостыни), в 1532 г. начинает составлять сборник своих сочинений («Слово, пространно излагающее с жалостию нестроения и бесчиния царей и властей последнего жития» и др.). Освобожденный уже в царствование Грозного, Г. писал свои последние труды в иной обстановке. Последние годы он прожил в Троице-Сергиевом монастыре, где, перейдя на свободное положение, обратился к общим вопросам управления государством. Сочинения Г. отличаются стройностью и чувством меры, краткостью изложения, введением диалогов, обращений к людям, олицетворений предметов. Они разнообразны по форме: проповедь, академическое рассуждение, образец из письмовника. Г. можно считать одним из первых филологов на Руси. Его трактат «Похвальныя словеса блаженныя и святыя книги грамматики» — хвалебное слово, в котором говорится об огромном образовательном и воспитательном значении изучения языка.

После смерти Г. его труды нашли широкое признание на Руси, а сам писатель был причислен к лику «святых».

Грозный Иван Васильевич (1530–1584). Великий князь (с 1533) и царь (с 1547) всея Руси, писатель и публицист. Кроме переписки с Курбским, в 50–80-е гг. Г. создал и другие «епистолии» — «Послании Василию Грязному» (1574), «Послании польскому вице-регенту в Ливонии Полубенскому и гетману Яну Ходкевичу», «Послание в Кириллов Белозерский монастырь» (1573) по поводу нарушения монастырского устава постриженными боярами Шереметьевым, Хабаровым, Собакиным. Начиная с самоуничижения («горе мне окаянному! Ох мне скверному!»), Г. напоминает

о своем посещении Кирилловой обители в 1567 г., своем желании пострижения и упрекает за нарушение монастырского предания. Далее саркастически противопоставлен строгий монастырский устав и роскошная жизнь «любострастных» бояр-монахов («у вас Шереметьев сидит в келье что царь»), укоряется монастырское начальство за постоянные грамоты, испрашивающие послабления постриженным боярам. Особенности стиля Г. отразились также в челобитной Ивана Васильевича об отборе людей во «двор» государю Московскому Симеону (1575), в богословских спорах царя с протестантским пастором Яном Рокитой (ответ И. В. Яну Роките сохранился не только в развернутом, но и в сокращенном виде — как «Послание против люторов» Парфения Уродивого; тем же именем (предположительно, литературным псевдонимом царя) подписан гимнографический «Канон ангелу грозному воеводе (Михаилу Архангелу)») и иезуитом Поссевино (1570), публицистическом введении к деяниям Стоглавого собора. К творчеству Г. могут быть отнесены также послания за рубеж от имени бояр, например, ответное послание 1564 г. Сигизмунду II Августу и Григорию Ходкевичу от имени И. Д. Бельского, И. Ф. Мстиславского и др. лиц, которых польский король тайно приглашал на свою службу. Стиль Г. назвали «кусательным» (включал конкретные зарисовки действительности, использовал просторечия, разговорные интонации, даже бранные слова, обращения к разуму читателей и ответы на его возможные возражения, пояснительные конструкции; высокая риторика сочетается со скоморошеским стилем). Этот стиль обнаруживается и в дипломатических грамотах (шведскому королю Юхану III, Стефану Баторию). Послания Г. — свидетельство начала разрушения строгой системы книжного литературного стиля и появления стиля индивидуального. В своем завещании («Духовная», 1572) царь высказал убеждение, что он и семейство его непорочны на московском престоле; что он изгнанник, ведущий борьбу с врагами. Он завещал детям любить друг друга, учиться всякому делу и не скорбеть из-за лишений и гнева божьего.

Даниил, игумен (вторая пол. XI — начало XII в.). Вероятно, Д. — игумен одного из монастырей Черниговщины. По косвенным данным можно полагать, что Д. был постриженником Киево-Печерского монастыря, возможно, возглавлял небольшую группу русских паломников в Палестину (предположительно был в 1104–1107 гг.). По пути из Руси Д. останавливался в Константинополе, Эфесе, на острове Кипр. В самой Палестине провел 16 месяцев, жил в монастыре св. Саввы под Иерусалимом, посетил различные районы Иерусалимского королевства. Д. подробно описывает

маршрут каждой поездки, увиденные достопримечательности, попутно пересказывает библейские и апокрифические легенды или предания церковной истории (возможно, часть их рассказана опекавшим его монахом). Очевидно, что после возвращения из Палестины Д. был назначен Владимиром Мономахом епископом в г. Юрьев, где он написал другие произведения (ученые называют летописную повесть о Шаруканском походе 1111 г., «Слово святого Григория») .

Ермолай-Еразм (XVI в.). Фамилия не дошла до нас, в своих произведениях он называл себя «Прегрешным», «Еразм» — монашеское имя. Псковский священник, принявший в конце 40-х — начале 50-х гг. XVI в. монашество (имя Еразм). Писатель-публицист. И успех церковной карьеры, и дальнейшие неудачи, и разочарования Е.— Е. были определены его писательской деятельностью. В 40-е гг. жил в Пскове, в конце 40-х — начале 50-х переведен в Москву, в Кремль, во дворцовый собор Спаса на Бору протопопом. Очевидно, входил в круг церковных писателей и начитанных священников митрополита Московского Макария, поручившего собирать по русским городам предания о праведниках, которых церковный собор мог бы провозгласить святыми. Таким образом, создавались «Великие Четьи Минеи» — расположенные по дням месяца рассказы о жизни святых Православной церкви. По поручению Макария было написано по крайней мере три произведения (об этом упоминается в «Молении к царю» Е.— Е., конец 40-х — начало 50-х). Шедевром литературы XVI в. стала «Повесть о Петре и Февронии» Е.— Е., не включенная однако в детище Макария из-за несоответствия канонам (отсутствие традиционной структуры жития, бытовой характер чудес, монологи героев не всегда связаны с обращением к Богу, ореол святости присущ не монашеской, а идеальной супружеской жизни). Ранее Е.— Е. написал публицистический трактат «Правительница» (наставление царям), «Книгу о Троице», «Повесть о рязанском епископе Василии» (последовательность написания неизвестна, но произведения дошли до нас в составе двух сборников 50-х и 60-х гг.), послания.

Расцвет творчества Е.— Е. падает на середину века, но он был очень непродолжительным. Уже в «Молении к царю» Е.— Е. жалуется на притеснение вельмож. Видимо, и со стороны Макария произошло охлаждение к его писательскому таланту. Е.— Е. не причислял себя к какому-либо идейному направлению современности, был одинок. После принятия монашества о нем забывают, и произведения его переписываются как анонимные.

Жидята Лука, епископ (? — 1059 / 1060). Знатный новгородец, Ж. (епископ с 1036 по 1060–1061 г.) вскоре после смерти первого новгородского епископа Иоакима, родом грека, в 1036 г., по желанию великого князя киевского Ярослава, был поставлен новгородским епископом, вопреки завещанию Иоакима, который преемником своим назначил своего ученика грека Ефрема. Ж. занимал новгородскую кафедру 23 года, покровительствовал церковному строительству и развитию книжности. В 1055 г. один из холопов Ж. оклеветал его вновь поставленному митрополиту-греку, сменившему русского митрополита Илариона. Ж. был вызван в Киев, осужден и подвергнут заточению, в котором пробыл три года. В 1058 г. Ж. не только получил свободу, но и вернул себе епископскую кафедру в Новгороде.

«Поучение к братии» Ж. невелико по объему. Вслед за вступительным обращением к «братии» следует перечень ряда положений новой веры, обрядовых требований и моральных предписаний, изложенных без притязаний на литературность, простым древним языком. Излагая элементарные правила поведения, Ж. обращался к полуязыческой аудитории, не имевшей самых примитивных представлений о христианстве и новой культуре, к аудитории, не отошедшей еще от обычаев родового общества. Ж. учит не мстить, не заниматься «москолудством» (ряженьем), не молвить «срамные» слова, ходить в церковь и вести себя в ней смирно. Составляя свой перечень правил поведения, Ж. опирается на библейские заповеди: «Чтите стара человека и родителя своя, не кленитеся божиим именем, не иною заклинаете, ни проклинайте. Судите по правде, мзды не емлите, в лихву не дайте, бога ся бойте, князя чтите… Не убий, не укради, не соляже, лжи послух не буди, не навиди, не завиди, не клевечи, блядни не твори ни с рабою, ни с кем же. Не пий без года, но здовол, а не до пианства…».

Заточник Даниил (XII или XIII в.). Предполагаемый автор двух произведений, очень близких друг другу по тексту — «Слова» З. и «Моления» З. Датировке этих произведений и их взаимоотношению между собой посвящено довольно много исследований, но ни одно из них не может быть принято как бесспорное. Возможно, что это не два произведения одного автора, а самостоятельное и переделанное произведения или оба восходят к какому-то третьему тексту. «Моление» и «Слово» относятся, вероятно, к XII и XIII вв. Какое произведение «старше» неясно. Неясно и то — кто такой З.: действительно существовавшая личность или некий собирательный образ, объединивший многих авторов и редакторов. Выражение «заточник», очевидно, прозвище, указывающее на занимаемое З. положение

(заключенный, сосланный человек или человек, согласившийся на подневольную работу). Летописец XIV в. считал З. действительно заточенным на озере Лаче лицом. Под 1387 г. в «Симеоновской летописи» рассказывается о некоем попе, пришедшим из Орды «с мешком зелия», и сосланном на озеро Лаче, «идеже бе Данило Заточник».

Иларион, митрополит (сер. XI в.). Священник княжеской церкви в Берестове, близ Киева. Между 1037 и 1050 гг. произнес либо в Десятинной церкви, либо в Софийском соборе свое «Слово о Законе и Благодати». По настоянию великого князя Ярослава Мудрого, слышавшего слово, И. был назначен в 1051 г. главой всей русской церкви — митрополитом Киевским. После смерти Ярослава Мудрого (1054) кафедру митрополита стал занимать грек Ефрем. И. уходит в Киево-Печерский монастырь, принимает монашество под именем Никон.

В настоящее время безусловно принадлежащими И. считаются: «Слово о Законе и Благодати», «Молитва» и «Исповедание веры». Спорным является приписывание ему авторства «Сказания о распространении христианства на Руси», «Слова к брату столпнику».

Истомин Карион (ок. 1650–1717). Сын курского подьячего, дальний родственник С. Медведева. Выступил в качестве поэта в начале 1680-х гг. Около 1676 г. принял монашество в одном из курских монастырей и вскоре по вызову Медведева переехал в Москву, где изучает латинский и греческие языки. В 1679 г. И. поступил на службу на Печатный двор сначала в качестве рядового писца, а затем в качестве книжного справщика. С 1686 г. слушал курс в открывшейся академии, выступал в роли придворного стихотворца и ритора (писал проповеди, панегирики, эпитафии, духовную лирику, даже пробовал себя в жанре героической поэмы; переводил с латинского). С 1698 г. занимал должность начальника Печатного двора. В последние годы жизни жил в Новгороде и преподавал в организованной им школе. И. принадлежал к числу тех московских просветителей второй половины XVII в., которые занимали примирительную позицию между «западниками» и «грекофилами». Искусству слагать стихи он учился сначала у Полоцкого и Медведева, а с 1685 г. — у братьев Лихудов, то есть как поэт формировался под перекрестным влиянием двух традиций: украинского школьного «барокко» и новогреческой ученой поэзии. Поэтическое наследие И. очень велико. Писал он в самых разнообразных жанрах: приветствия, поздравления, панегирика, акафиста, молебна, молитвы, надписи к иконам, надгробной эпитафии. Кроме отдельных стихотворений, до

нас дошли сборники его стихов: два сборника приветственных стихов царевне Софье (1681, 1682), «Книга Вразумление, стихотворными словесы состоящаяся…» (1683), посвященная «вразумлению» царя Петра, которое чинит устами автора сам Бог, «Книга Стамна духоносная или Ведры…» в честь Богородицы и святых, стихотворная биография Иисуса Христа «Едем си есть сладость прохлаждающая и вразумляющая человека зрением духовным…» (1693). Создал И. и два стихотворных учебника «Малый букварь» (1694) и «Большой букварь» (1696), краткую стихотворную энциклопедию наук из школьного обучения «Полис, си есть Град царства небеснаго…» и «Домострой», адресованный школьникам и излагающий правила поведения, общения со старшими, дозволенные игры. В большинстве случаев стихотворения И. производят впечатление чисто механического версификаторства, за которым редко скрывается подлинное поэтическое вдохновение. Особенно сильно ощущается трафаретность его стихотворчества в многочисленных панегириках в адрес особ царской фамилии (они написаны большей частью цветистым языком, синтаксически усложнены) .

Катырев-Ростовский Иван Михайлович (XVII в.). Ростовский князь, ветвь которого принадлежала к верхнему слою государева двора. Василий Шуйский сослал К.— Р. в Тобольск за «шатость» в борьбе с Лжедмитрием II, который в 1608 г. подходил к Москве. Только в 1613 г. К.— Р. вернулся в Москву. При царе Михаиле ему давали важные поручения: он ходил на Тулу против татар воеводой, оборонял Замоскворечье. В 1622 г. его повысили до дворянина московского и в перечнях дворян всегда писали первым. К.— Р. жил в Москве, сопровождал государя в походы и богомолья, обедал за царским и патриаршим столом. В 1630 г. его назначили начальником Владимирского судного приказа, который, должно быть, ведал исковыми делами жителей Владимира с уездом. В 1632 г. К.— Р. едет первым воеводой в Новгород на три года. Остаток жизни провел в Москве.

Главным произведением К.— Р. является «Повесть книги сея от прежних лет», которую заключают вирши. Повесть — очерк истории смутного времени с углубленным интересом к человеческой личности и целыми рифмованными отрывками.

Кирилл (ок. 827–869) и Мефодий (ок. 815–885). Славянские просветители, создатели славянской азбуки, проповедники христианства, первые переводчики богослужебных книг с греческого на славянский

язык. К. (до принятия монашества в начале 869 г.— Константин) и его старший брат М. (имя, данное при рождении неизвестно) родились в г. Фессалоники (Солунь) в семье богатого и знатного вельможи, военачальника. К. получил образование при дворе византийского императора Михаила III в Константинополе, где одним из его учителей был Фотий. Хорошо знал славянский, греческий, латинский, еврейский и арабский языки. Отказавшись от предложенной ему императором карьеры, К. стал патриаршим библиотекарем, затем преподавал философию. В 840-х гг. успешно участвовал в диспутах с иконоборцами; в 850-х гг. был в Сирии, где одержал победу в богословских спорах с мусульманами. Около 860 г. совершил дипломатическую поездку к хазарам. М. рано поступил на военную службу, десять лет был управителем одной из населенных славянами областей, затем удалился в монастырь. В 860-х гг., отказавшись от сана архиепископа, стал игуменом монастыря Полихрон на азиатском берегу Мраморного моря. В 863 г. К. и М. были направлены византийским императором в Моравию с проповедью христианства на славянском языке. Перед отъездом К. создал славянскую азбуку и с помощью М. перевел с греческого на славянский язык несколько богослужебных книг (избранные чтения из Евангелия, апостольские послания, Псалтырь, Часослов и др.). В науке нет единого мнения по вопросу о том, какую азбуку создал К.— глаголицу или кириллицу (большинство ученых считают, что глаголицу). Проповедь братьев на славянском языке заложила основу национальной церкви, но вызвала недовольство немецкого католического духовенства. К. и М. были обвинены в ереси и в 866 (867) г. вызваны в Рим папой Николаем I. По дороге, получив специальное послание от папы Адриана II с разрешением распространять славянское богослужение, распространяли славянскую грамоту (обучили славянскому письму более 50 человек) и славянский богослужебный обряд в княжестве Паннонии. После приезда в Рим К. тяжело заболел, принял схиму и умер, М. был посвящен в сан архиепископа Моравии и Паннонии. Впоследствии, в результате интриг немецкого духовенства, был заключен в тюрьму, после освобождения продолжал свою деятельность в Моравии. М. перевел на славянский язык «Ветхий завет», «Номоканон» (Правила святых отцов), Книги отеческие, «Закон судебный людям» (сборник административных законов). К.— автор сочинения «Писание о правой вере». Написанные К. три греческих сочинения — «История», «Похвальное слово» и «Гимн» — не сохранились: компиляция из них в плохом церковно-славянском переводе дошли под заглавием «Слово на перенесение мощей преславного Климента».

Установленный русской церковью день памяти К. и М.— 24 мая (День славянской культуры и письменности), К.— 27 февраля, М.— 19 апреля.

Курбский Андрей Михайлович (ок. 1528–1583). Родился в родовитой семье ярославских князей, оппозиционно настроенной к власти московских князей. В 1556 г. был пожалован боярским чином. Участвовал в походе на Казань, воеводствовал в походах против крымцев, ногайцев, против Ливонского ордена, входил в число советников Грозного. После начала правительственных репрессий против противников царя и неудачного сражения в 1562 г. оставил в Юрьеве жену и сына и бежал из Дерпта в Литву (г. Вольмар). Около 20 лет прожил на чужбине, в постоянных тяжбах по поводу своих новых имений, дарованных ему польскими королями. Любовь к книжным занятиям была воспитана у К., вероятно, семейными традициями и литературной модой придворной среды. Сбежав в Литву, князь К. должен был выполнять земскую военную повинность, утешался изучением физики и этик Аристотеля, «святоотеческих» сочинений, переводил «Богословие» Дамаскина, «Диалектику», «Житие Варлаама и Иоасафа» и др. произведения. Авторское «я» писателя особенно сильно проявилось в его «Истории о великом князе московском» (1573–75) и четырех эпистолиях к царю Ивану Васильевичу (1564–1579). Задачей первого произведения является выяснение вопроса, как из доброго подвижника-царя образовался «прегордый мучитель». Зерно жестокости правителя К. находит в его беспризорном детстве среди потакателей злым его страстям. Упреки царю в невнимании к мудрым советникам (попу Сильвестру, Алексею Адашеву) К. начинает после взятия Казани, когда монахи и приказные люди стали потакать властям ради земельных имений. С удаления Сильвестра и Адашева начинаются казни, реестр которых занимает последующий текст «Истории». Образ «неправедного» царя становится «сыном сатаны» и апокалипсическим «зверем». В 80-е гг. К. составлена «История о осьмом соборе». Литовская переписка К. (три письма воеводе киевскому князю Константину Острожскому, два письма к виленскому печатнику Кузьме Мамоничу и др.) имеет полемический характер. В ней К. выступает защитником православия против «латинства». К. составил сборник «Новый Маргарит», состоящий в основном из произведений Иоанна Златоуста, ранее неизвестных или вновь переведенных.

Произведения московского периода К. представлены несколькими посланиями (три письма старцу Псковско-Печерского монастыря Вассиану Муромцеву, «Ответ о правой вере» — посвящены догматическим вопросам) .

Логофет Пахомий (Серб) (? — 1484). Серб по национальности. Прибыл на Русь с Афона между 1429 и 1438 гг. (ему было не менее 30 лет) и начал литературную деятельность в Новгороде. Занимался в основном переработкой московских и новгородских житий в риторическом ключе («Житие Сергия Радонежского» Епифания и др.). Около 1440–1443 г. переселяется в Троицко-Сергиев монастырь. Здесь перерабатывает жития и пишет церковные службы московским святым — митрополиту Алексею, троицким игуменам Сергию и Никону. В дальнейшем живет в Новгороде (1459–1460), в Москве (1461–1462), в Белоозере (1462–1463), где он по поручению московских властей работал над житием Кирилла Белозерского. В первый свой приезд в Новгород при Евфимии II написал службу Варлааму Хутынскому, «Похвальное слово» ему же и «Житие Варлаама». Простые и непосредственные новгородские рассказы Л. «удобрил» витиеватым красноречием, искусно добиваясь в них ритмической гладкости слога, необходимой для богослужения, и усилил в них назидательный смысл. Во время вторичного приезда в Новгород при архиепископе Ионе Л. наряду со службами новгородским святым пишет службы, имевшие общерусское значение: Евфимию II (Великому), Антонию Печерскому, Савве Вишерскому. Особое значение имело заказанное Ионой «Сказание о чуде преподобного Варлаама Хутынского» 1460 г., написанное в духе московских взглядов. Умер Л. в возрасте около 76 лет, ранее 1484 г.

Л. стал официальным агиографом, писавшим по заказу высших светских и церковных властей и получавшим за свою работу вознаграждение. Смотрел на свой труд как на ремесло; это был мастер-профессионал, отлично усвоивший русский литературный язык и прислушивающийся к требованиям своих заказчиков. Значение агиографической манеры Л.— в создании общей формы, которая сгладила областное разнообразие агиографических приемов.

Л. приписывается ряд анонимных произведений. Так, по предположению А. А. Шахматова, он составил в 1442 г. «Хронограф», т. е. всеобщую историю в византийско-славянском аспекте, и «Повесть об отражении татар венгерским королем Владиславом». А. С. Павлов считал Л. автором «Слова изобрано от св. писаний, еже на Латыню». И. Н. Жданов приписывал Л. «Сказание о князех Владимерских».

Медведев Сильвестр (в миру Семен Агафоникович Медведев) **(1641–1691).** Сын подьячего. Родился в Курске. В начале 1660-х гг. переехал в Москву и поступил на службу в Приказ тайных дел в качестве писца, а затем — подьячего. Учился в школе Спасского монастыря, организованной

Полоцким. Окончив курс обучения, М. участвовал в составе правительственной делегации в переговорах со шведскими и польскими дипломатическими представителями. После возвращения из-за границы в 1671 г. М., по совету, видимо, Симеона Полоцкого, принял монашество и несколько лет провел в одном из курских монастырей. В 1677 г. он вернулся в Москву и поселился в Спасском монастыре вместе с Полоцким в качестве его личного секретаря (выступал в роли редактора и даже критика ученых текстов Полоцкого). Через год получил официальное назначение на должность справщика Печатного двора, которую занимал до 1689 г. После смерти Полоцкого занял его место придворного поэта и проповедника, открыл латинскую школу в Заиконоспасском монастыре. В 1689 г. был арестован по приказу Петра как участник заговора в пользу Софьи, расстрижен и казнен на Красной площади. Как литератор М. примыкал к направлению московских просветителей XVII в., участвовал в полемике по вопросам высшего образования в Российском государстве, книжного исправления и просвещения («Хлеб животный», «Книга о Манне хлеба животного» (предана анафеме и сожжению), «Известие истинное»). Поэтическое наследие М. невелико. Впервые публично в роли поэта он выступил в 1680 г., уже после смерти учителя. По заказу царя Федора Алексеевича М. написал «Епитафион» — обширную эпитафию из двенадцати строф. В 1681 г. М. составил «Сказание о стрстех Иисуса Христа» и «Благожелательное приветствование» царю по случаю рождения царевича Ильи Федоровича, но не успел поднести его: царевич скончался. В 1682 г. М. переделал его в «Приветство брачное» (по случаю второго бракосочетания царя Федора). После смерти царя М. почтил его память длинной элегией «Плач и утешение двадесятьма двема виршами». Поздние стихотворения М. посвящены Софье — «Вручение» проекта Академии и «Подпись» к ее портрету с латинским стихотворным переводом (типичные образцы «барочной» панегирической лирики). Стихи М. мало оригинальны: все они представляют собой более или менее искусный монтаж частью из стихотворений Полоцкого, частью из стихотворений, ранее написанных самим М. Как правило, М. упрощал стилистику своего предшественника: устранял аллегорические уподобления, мифологические подробности и т. д.

Мономах Владимир Всеволодович (1052–1125). Великий киевский князь с 1113 г. Прославился успешными походами против половцев, содействовал упрочению единства русской земли. Устанавливает культ князей братьев Бориса и Глеба. Покровительствовал летописанию, напоминая об историческом единстве княжеского рода.

М.— первый известный нам мирской писатель, который, по собственному замечанию, сначала предпринял отбор материала из любимых книжных источников, придал ему определенный план и, наконец, создал оригинальное произведение — «Поучение» детям и «инь кто прочтет». Первоначально «Поучение» состояло из трех частей: собственно «Поучения», «Летописи» его жизни (первой русской автобиографии) и письма («грамотицы» князю Олегу Святославичу) .

Наседка Иван Васильевич (1570–1660). В 24 года был посвящен в сан дьякона и служил в церкви своего родного села Клементьева близ Троице-Сергиева монастыря. Драматичные события Смуты пережил в Москве, рассылал по русским городам патриотические грамоты. С середины 1615 г. вместе с Дионисием и Арсением Глухим занялся исправлением Требника и других служебных книг. Церковный собор, состоявшийся три года спустя в столице, счел поправки еретическими, справщиков отлучили от церкви и сослали «под крепкий начал» в монастыри. Н., хоть и отлученный, сумел остаться на свободе и продолжал оспаривать соборное постановление. Став патриархом Московским и всея Руси, Филарет назначил новый собор для пересмотра дела. За неделю Н. сочинил полемический трактат из 13 глав, а затем — новый, из сорока. Собор оправдал справщиков. Филарет приблизил Н. к царской семье, сделав крестовым попом Благовещенской церкви. Вместе с русским посольством Н. едет в Данию в 1622 г., где он собирает материал для самого известного своего сочинения антипротестантского «Изложения на люторы». В 1626 г. Н. назначен ключарем главного храма России — Большого Успенского собора в Кремле, получает общественное признание как виднейший богослов-полемист (полемика с пастором Фельгабером и др.). С 1638 г. Н. служит на Московском печатном дворе, включает отрывки из «Изложения на люторы» в чин (ритуал) присоединения к православию иноверцев. В 1649 г. возглавляет Книжную справу Печатного двора. Овдовев, принимает монашество с именем Иосиф. В 1651 г. грекофил Никон, став патриархом, сослал Н. в северный Кожеезерский монастырь.

Нестор (ок. 1057 — нач. XII в.). Монах Киево-Печерского монастыря, агиограф и летописец. Был пострижен при игумене Стефане (1074–78) и возведен в «диаконский сан». Канонизирован, видимо, не был. Написал «Чтение о житии и погублении блаженную страстотерпцю Бориса и Глеба» по канону жития-мартирия и преподобническое «Житие Феодосия

Печерского». Вопрос о времени написания житий остается спорным (80-гг. XI — начало XII в.).

Имя «Нестор» присутствует в заглавии «Повести временных лет» по Хлебниковскому списку (XVI в.) летописи Ипатьевской. В старшем списке (Ипатьевском, нач. XV в.) имя Нестора опущено. Сомнения в принадлежности Н.— агиографу «Повести временных лет» были высказаны уже в XIX в. Представители «скептической школы» (М. Т. Каченовский, С. М. Строев) указывали на противоречия между «Повестью временных лет» и «Житием Феодосия Печерского». А. А. Шахматов объяснял это противоречие тем, что летопись была составлена 25 годами спустя, а противоречащий кусок был включен из старшего «Киевского свода».

Никитин Афанасий (? — 1475). Тверской купец, автор «Хождения за три моря», описывающего путешествие в Индию, которое было совершено между 1466 и 1475 гг. (в настоящее время принято датировать время путешествия 1471–1475 гг.). Отправившийся в Северный Азербайджан (Ширван), Н. имел с собой, как видно из летописной редакции «Хождения», только верительные грамоты своего государя — великого князя Михаила Тверского и тверского епископа. Он пытался было пристроиться к шедшему по Волге каравану московского посла в Ширван Василия Панина, но разминулся с ним и встретил Панина лишь в Дербенте. Под Астраханью Н. и его товарищи были ограблены ногайскими татарами; они обратились к «ширваншаху» (местному государю) и послу Панину, но помощи не получили. Из-за опасности разорения и несостоятельного должничества, Н. отправился не домой, а в Баку и в Персию, а оттуда в Индию. Единственный товар, который он рассчитывал продать, был привезенный с большим трудом конь. Мусульманский хан Чюнера (Джунира) отобрал у него коня, требуя, чтобы Н. перешел в ислам, и только помощь знакомого персидского купца помогла путешественнику вернуть назад его собственность. Когда Н. через шесть лет после начала своего путешествия с трудом вернулся на Русь, он едва ли был более способен расплатиться с долгами, чем в начале пути. Н. вернулся в Россию (в западную, Литовскую Русь) уже, очевидно, больным — он умер, не добравшись до Смоленска. Записи его доведены до приезда в Крым на обратном пути, самый характер записей указывает на их современность событиям. Единственный литературный жанр, с которым «Хождение» Н. обнаруживает сходство, это «паломники» в Святую землю (путевой дневник). Литературное значение «Хождения за три моря» определяется его свободой от канонов, личным характером повествования.

Никон (Великий) (? — 1088). Игумен Киево-Печерского монастыря, летописец. Н. позднее 1058 г. поселился вместе с отшельником Антонием в пещере на берегу Днепра; впоследствии на этом месте возник Киево-Печерский монастырь. В начале 60-х гг. постриг сына боярина Иоанна и одного из приближенных Изяслава, и этим навлек на себя гнев царя. В 1061 г. вынужден был покинуть Киев и уехать в Тмуторокань, где основывает монастырь. Окончательно вернулся в Киево-Печерский монастырь, возможно в 1077 г. С 1078 г. и до смерти Н. был его игуменом.

Гипотеза о Н. как авторе летописного свода, составленного около 1073 г., принадлежит А. А. Шахматову. По версии ученого, свод Н. явился продолжением древнейшего свода 1037 г., ввел форму погодных статей. По мнению Д. С. Лихачева, Н. впервые изложил легенду о призвании варягов и предположил, что киевский князь Игорь является сыном Рюрика. Свод Н. был использован впоследствии составителем «Начального свода» в 1093–1095 гг.

Пересветов Иван (XVI в.). Выходец из Литвы, до приезда в Россию в 1538 г. служил у польского короля Сигизмунда I, затем у Угорского короля Януша и чешского короля Фердинанда. Московский царь пожаловал П., привезшего модель гусарских щитов и «речи из многих королевств» о царе Иване Васильевиче, поместьем, но он прожился и обнищал. Выступал как писатель-публицист. Характер сочинений П.— иносказательный; он выражен частью в форме легендарных фактов и предсказаний. П. изображает недостатки государственной жизни Москвы и дает советы к их исправлению под видом греческой неурядицы, доведшей до гибели Византию Константина, и турецкой правды, проводником которой выставлен Магмет-султан. П. принадлежат следующие сочинения: «Сказание о последнем византийском императоре Константине» (1546–1547); «Сказание о греческих христианских книгах» (1547); «Сказание о Магмет-султане» (1547); «Речи мудрых докторов и философов и воеводы волошского Петра» (1548); челобитные (1549) .

В литературном отношении сочинения П. отличаются ясным, образным языком, не перегруженным элементами церковнославянской речи.

Печерский Феодосий (ок. 1036–1074). Игумен Киево-Печерского монастыря, автор поучений. Родился в состоятельной семье в г. Васильеве (под Киевом), детство провел в Курске. Отец П. умер, когда ему было 13 лет. В 1055–1056 гг. П., с детства отличавшийся благочестием, ушел с паломниками в Киев; там постригся в монахи и поселился в пещере вместе

с Никоном Великим и Антонием. П. был одним из создателей Киево-Печерского монастыря и вторым (после Варлаама) его игуменом (с 1062 г. до смерти). Под руководством П. были возведены многие монастырские строения, в том числе Успенский собор.

Вопрос об объеме литературной деятельности П. пока не решен. По-видимому, ему принадлежат пять поучений «к братии» в дни третьей недели великого поста («О терпении и о любви», «О терпении и о любви и о посте», «О терпении и о милостыни», «О терпении и о смирении», «О хождении к церкви и о молитве»); два поучения «О душевной пользе», подписанных именем Феодора Студита; короткое «поучение к келарю»; два послания к князю Изяславу Ярославичу о «неделе» и о «вере латынской»; молитвы «за вся крестьяны» и молитва «к господу о согрешениях», ошибочно подписанная именем Иоанна Златоуста. Не дошли до нас обличительные послания (епистолии) к князю Святославу, отнявшему у старшего брата своего Изяслава киевский стол, о которых упоминает Нестор, автор жития Феодосия Печерского. В своих поучениях к монастырской братии П. требует соблюдения элементарных предписаний монастырской дисциплины (не опаздывать к началу богослужения, при встрече кланяться друг другу и т. д.) и полного отречения от мира, воздержания, постничества, смирения, покаяния, особенно терпения и послушания. Краткие и безыскусственные, несмотря на обилие библейских цитат, поучения П. во многом напоминали аналогичные поучения Феодора Студита (ум. в 826 г.), устав которого П. пытался ввести в Киево-Печерском монастыре. В послании о «вере латынстей» автор припоминает заветы своего «праверного» отца и матери «христианы», советует не общаться с латинянами: ни «учения» их слушать, ни «обычая» их держаться, ни дочерей своих не выдавать. Далее он подробно перечисляет латинские «ереси»: в субботу они постятся, едят вместе с псами и кошками, едят «мертвечину» и «хвост бобровый», веруют в исхождение духа святого и от сына, пьют собственную мочу, кладут мертвецов ногами на запад, а не на восток и т. д. Заканчивается послание призывом «блюстися кривоверных» и похвалой православной веры.

Полоцкий Симеон (Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович) (1629–1680). Родился, по-видимому, в Полоцке. Высшее образование получил в Киево-Могилянской коллегии, крупнейшем тогда православном центре высшего гуманитарного и богословского образования. В 1656 г. принял монашество в Полоцком Богоявленском монастыре, а затем стал учителем в Полоцкой «братской» школе. После занятия Полоцка поляками

П. в 1663 или 1664 г. переехал в Москву. Как человек образованный и начитанный в богословской литературе С.П. был привлечен к участию в правительственных мероприятиях, направленных против старообрядчества (богословско-полемический трактат «Жезл правления», 1666). В 1667 г. П. был приглашен в наставники царских детей. Талантливый проповедник, ученый полемист и богослов, переводчик и педагог, П. вошел в историю русской литературы прежде всего как основоположник русской силлабической поэзии. Стихи П.— наиболее яркое и полноценное выражение школьного «барокко» в русской литературе XVII в. В его стихах налицо все характерные признаки этого стиля: аллегоризм, интерес к греко-римской мифологии, большое развитие разных стилистических «украшений», имеющих чисто орнаментальное назначение, нарочито-затрудненная речь в результате необычной расстановки слов и т.п. Строгий ревнитель чистоты усвоенного им стиля, П. тщательно следил, в особенности в первые годы своей литературой деятельности, за тем, чтобы стихи его соответствовали всем нормам этого стиля. Его можно считать классиком силлабического стиха, канонизатором строгой точности в счете слогов, обязательной цезуры в одиннадцати и тринадцатисложном стихе, преимущественно женской рифмы и «переноса». П. принадлежат два поэтических сборника: «Рифмологион» (1680) и «Вертоград многоцветный» (1678), заключающие в себе стихотворения, две драмы: «Комедия притчи о блудном сыне» и «Комедия о Навуходоносоре-царе», несколько учебных пособий, переложение стихами Псалтыри (1680). Наконец, П.— первый придворный поэт и проповедник (сборник «Обед душевный» (1682) и «Вечеря душевная» (1683)), получавший за свой труд вознаграждение. Он создал в Москве нечто вроде писательского цеха, новый тип писателя — монаха, педагога, знатока языков, риторики и поэтики. Владел богатой библиотекой из шестисот томов (завещал Сильвестру Медведеву) .

П.— автор панегирических стихотворений, посвященных членам царской семьи, а также написанных по поводу различных событий придворной жизни. Эти стихотворения предвосхищают тематику и стиль похвальной оды классицизма XVIII в.

Премудрый Епифаний (конец XIV — не позже 1422). Происходил из Ростовской области, где и получил образование. Будучи монахом Троицко-Сергиева монастыря, в последнее десятилетие XV в. паломничал, побывал в Константинополе, на Афоне и в Иерусалиме. Видимо, в 90-е гг. П. переселяется в Москву. Во время нашествия Едыгея (1408–1409 гг.) П. укрылся в Твери, которая помогала Едыгею против Москвы. Здесь участвовал

в писании жития тверского князя Михаила Александровича и поддерживал переписку с игуменом Тверского монастыря Кириллом («Из послания иеромонаха Епифания Кириллу», где П. говорит о свободе творчества Феофана Грека, иронизирует над скованностью и неуверенностью «нециих наших» иконописцев, неспособных оторваться от образцов). Был знаком с видными деятелями культуры, в том числе с Феофаном Греком. Лучшими сочинениями П. являются «Житие Стефана Пермского» и «Житие Сергия Радонежского». Они отличаются изобилием риторических фигур, повторов, цепью эпитетов. П. склонен к декламаторским суждениям и толкованиям, самостоятелен в изобретении мотивов и эпизодов. В его произведениях есть следы местного патриотизма.

В 1415 г. П. уже не жил в Москве. Скорее всего, он уже вернулся в Троице-Сергиеву лавру, так как в 1418 г. закончил требовавшую его присутствия там работу над житием Сергия Радонежского. Можно предполагать, что П. замышлял написать Житие Феодора Ростовского, но нам оно неизвестно. Некоторые ученые приписывают П. «Сказание» (указание пути к Иерусалиму), «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича».

Ростовский Дмитрий (в миру Даниил Савич Туптало) **(1651–1709).** Сын казака Киевского полка, родился близ Киева, в местечке Макарове. Обучался в Киево-Могилянской коллегии. В 17 лет принял постриг в киевском Кирилловском монастыре. Прославился как церковный оратор, до 1677 г. проповедовал в черниговской епархии. К этому времени относится первое дошедшее до нас сочинение Р.— «Руно орошенное». В 1677–1679 гг. читал проповеди в Слуцке, здесь изучил латынь, польский язык и литературу. Вернувшись на родину, стал игуменом Максаковского монастыря, а в 1682 г.— настоятелем Батуринской обители. По монашескому обету в 1684 г. начинает основной труд своей жизни — «Четьи Минеи» (закончил в 1705 г.). В полемике о времени евхаристии поддерживал «латинствующих». Прожил на Украине 11 лет, частями печатал «Четьи Минеи», составил хронологические таблицы, «еллино-римский» календарь, писал стихи и духовные песни. В 1696 г. знакомится с Карионом Истоминым. В 1700 г. Петр, видимо, по совету друга Р. Стефана Яворского, вызывает его в Москву и назначат митрополитом Тобольским и Сибирским, а затем митрополитом в Ростове. В Ростове Р. открывает школу, которая просуществовала до 1706 г. Здесь учили славянской и греческой грамматике, пению, сочиняли торжественные речи, вирши, драмы. В 1705 г. Р. начал

составлять библейскую «Летопись», но закончить труд не успел. Черновые рукописи его по завещанию были положены в гроб.

Савватий (1 половина XVII в.). Справщик Печатного двора, поэт. Имя С. известно из акростихов, которыми начинались некоторые из его стихотворных посланий. Служил в Книжной справе с 1634 по 1652 г. Был учителем сына боярина Н. И. Одоевского, посла в Польше, сочинил наставления ученику «Прещение вкратце о лености и нерадении всякому, бываемому во учении» и «Азбука отпускная тебе, моему ученику». Причины отстранения С. от книжной справы в 1652 г. с приходом к власти патриарха Никона неизвестны.

С.— представитель «приказной школы» поэтов, сложившейся в 1630-х гг. и просуществовавшей два десятилетия. В нее входили приказные служащие — монахи-справщики, связанные друг с другом служебными и личными дружескими отношениями (Петр Самсонов, Стефан Горчак, Михаил Злобин, Ермолай Азанчеев, Иван Наседка). Их поэтическая деятельность носила неофициальный характер и состояла в регулярном обмене обширными посланиями. С. обращался со стихотворными посланиями к собратьям по перу, а также к Ивану Никитичу Романову, царскому духовнику Никите, царю Михаилу, дьяку Василию Волкову и т. д. Часть его стихотворных посланий написана по чисто житейским поводам: ходатайство о должности, рассуждение о дружбе, работа справщика. Перу С. принадлежит «Предисловие к Царственной книге, сиречь к Гранографу», в которой неравносложными стихами изложена хроника византийских императоров (далее должен был следовать текст Хронографа). Другое произведение — «Слово о прелестнем сем и видимом нами свете» и нравоучительные стихотворения — «О свете», «О плоти», «О утробе» развивали традиционную для христианской литературы тему бренности человеческой жизни. Стихи С. напечатаны не были. Это неравносложные вирши с парной рифмой, чаще глагольной. Они содержали «остроумие» (поэтический язык), акростихи, уподобления, традиционные для византийско-славянской книжности.

Симон, епископ (? — 1226). Был пострижен в Киево-Печерском монастыре, затем был игуменом одного из владимирских монастырей и духовником великой княгини, жены Всеволода Юрьевича. В 1214 г. был поставлен епископом в Суздаль и Владимир. С именем епископа С. связывают «Послание» **Поликарпу** (и авторство Киево-Печерского патерика), который искал епископского места и временно был игуменом двух

монастырей, Козьмодемьянского и Дмитровского, «Послание Изосима святого» к княгине Верхуславе-Анастасии, дочери Всеволода Большое Гнездо (1225–1226 гг.), «Слово о создании церкви Печерской» (не ранее 1222 г.), посвященное описанию чудесных обстоятельств сооружения основанной в 1073 г. соборной церкви в Печерском монастыре. Основная его мысль — о «промысле божьем», руководившем постройкой храма: Бог-отец благословил место будущего храма «росою», «столпом огненным и облаком светлым», Бог-сын подарил строителям свой «золотой пояс», которым они измерили высоту, ширину и длину церкви, Дух святой «огнем невещественным» выкопал яму для основания церкви; Богородица подарила церкви свою икону и прислала из Царьграда мастеров церковных.

Свое послание Акиндину Поликарп снабдил приложением — 11 рассказами о печерских святых (тем самым дополнив 9 рассказов «Послания» С.), о которых велел ему написать некогда игумен. Поликарп в свое время «мало нечто» поведал ему, но многое забыл «от страха», о многом, смутившись, «исповеда неразумно». В отличие от Симона, Поликарп предназначал свои рассказы широкому кругу читателей, это придает посланию Акиндину «литературный» характер — оно служит своеобразным предисловием для дальнейшего повествования. Вероятно, что уже в XIII в., дополнившись сказанием «Повести временных лет» о печерских иноках Демьяне, Иеремии, Матвее и Исакии, эти произведения получили название «Киево-Печерского патерика».

Смолятич Климент (? — после 1164 г.). Схимник Зарубского монастыря, С. по воле князя киевского Изяслава в 1147 г. был поставлен митрополитом собором русских епископов, без санкции константинопольского патриарха. После смерти князя Изяслава оставил митрополичью кафедру. Из литературного наследия С. сохранилось только его «Послание к некоему пресвитеру Фоме» (С. приписывают также поучение «В субботу сыропустную память творим святых отець», «Слово о любви Климово»). Послание состоит из двух частей, связанных между собой. В первой содержится ответ на упреки пресвитера Фомы в тщеславии и самомнении, в незаконном захвате митрополии, в стремлении к «славе». Климент не искал митрополичьей власти, богатства, не желал прослыть «философом», писать не от «почитаемых писаний», а «от Омира, и от Аристоля, и от Платона». То, что Фома называет «философией», в действительности является опытом «духовного», символического толкования «божественных писаний», без которого многое в писании остается непонятным. Вторая часть послания С. состоит из образцов подобного рода «духовных» толкований

библейских текстов, основанных на иносказательном, символическом их понимании и характерных для так называемой «александрийской» школы комментаторов Библии.

«Ипатьевская летопись» характеризует С. как «книжника и философа», подобного которому не было «в Русской земле».

Сорский Нил (в миру Николай Федорович Майков**) (ок. 1433–1508).** Родился в Москве. Литературная деятельность указывает на основательное церковное образование, знание греческого языка. Пострижен в Кирилло-Белозерском монастыре. С. считал своим учителем старца Паисия Ярославова. Был в Константинополе, ряд лет прожил на Афоне. Возвратившись на Русь, С основал близ Кирилло-Белозерского монастыря скитское житие, формы которого принес с Афона (расположение келий вне единой связи, независимо одна от другой). Литературное наследие С. невелико: малый «Устав», или «Предание учеником своим, хотящим жити в пустыне его», большой «Устав» из 11 глав, с предисловием; ряд посланий к разным лицам; молитва и поминание; ряд мелких заметок и переводов. В первых двух произведениях содержатся все основы учения «нестяжателей» и подробное изложение теории нравственного совершенствования, на которой предлагалось построить жизнь русского монашества. В «Уставе» ярче, чем в других сочинениях С., сказалась его литературная манера: общее аскетическое направление мыслей, стремление к созерцательному экстазу. Последние годы жизни провел в своей пустыне, не вмешиваясь в разгоревшуюся вокруг монастырского землевладения и вопроса о еретиках борьбу, когда его последователи (князь-инок Вассиан Патрикеев — «Слово ответно противу клевещущих истину евангельскую и о иноческом житии и устроении церковнем» и др.) отстаивали нестяжательство монастырей и терпимое отношение к еретикам.

Туровский Кирилл (XII в.). Жил предположительно, в 30–70-е годы XII в., имел славу «другого Златоуста», «воссиявшим паче всех» на Руси. Житие Т. сообщает о нем следующие факты: сын богатых родителей, родился в городе Турове. С ранних лет посвятил себя изучению «божественных книг», скоро постригся в монахи, занимался толкованием христианских книг. Строгий образ жизни Т. (монах-аскет) и его начитанность обратили на него внимание туровского князя и местного населения: Т. был поставлен в епископы Турова. Почти все из сочинений Т. сохранились, за исключением посланий к князю Андрею Боголюбскому: это группа слов на воскресные дни недели вербной, пасхальной и ряда послепасхальных,

на вознесение, «святых отцов никейского собора»; «Сказание о черноризчестемь чину», «Притча о человечестей души и о телеси…», обличение ростовского епископа Федорца, канон, несколько поучений, многочисленные молитвы. Из произведений гимнографических Т. могут быть приписаны молитвы «Канон молебен» и «Канон и стихиры на успение княгини Ольги, бабы Владимира». Стиль воскресных проповедей Т., тяготеющий к притче, аллегориям, проявляется и в произведениях других жанров — «Повести о белоризце человеце и о мнишестве» (притча о беспечном царе и его мудром советнике), «Притче о человеческой душе и о телеси…» (притча о слепом и хромом). Гимнографические произведения Т.— вариации темы мольбы о прощении грехов, о помощи против «беса стужающего». Они полны евангельских образов, изложены несколько изысканным языком. Видимо, прежде всего за ораторское мастерство Т. был причислен к лику святых (в XIII в.) .

Хворостинин Иван Андреевич (? — 1625). Происходил из рода ярославских князей. Его отец, умерший в 1604 г., был в опричнине и, по-видимому, пользовался расположением Ивана Грозного. Юный Х. был близок к Лжедмитрию, который пожаловал его кравчим. Царь Василий Шуйский сослал Х. в Иосифов-Волоколамский монастырь, откуда последний вернулся к моменту освобождения Москвы от поляков. В 1613–1619 гг. служил на воеводстве в Мценске, Новосили, Переяславле-Рязанском. В 1622–1623 гг. его сослали в Кирилло-Белозерский монастырь за еретичество и склонность к «латынской» вере (запрещал дворне ходить в церковь, считая, что «молиться не для чего и воскресения мертвых не будет», не постился в страстную неделю и т. д.). Убежденный «западник», Х. заявлял, что «на Москве людей нет, все люд глупой» и хотел уехать в Литву. У него были отобраны рукописи с «укоризнами» на москвичей. В 1623 г. князь покаялся на монастырском соборе, и ему позволили вернуться в столицу. Х. стал монахом и умер в Троице-Сергиевой лавре.

Дошедшие до нас сочинения Х. («Словеса дней и царей и святителей московских», «Повесть слезная о Листриском соборе» и др.) и его вирши («Молитва Христу Богу», «Изложение на еретики»), вопреки религиозной шаткости автора, характеризуют его как противника «римской прелести». Эти сочинения, видимо, писались в последний год его жизни с целью внушить царю и патриарху, что раскаяние монастырского узника было чистосердечным.

Хоников Мардарий (XVII в.). Монах. В 1670–1680-х гг. служил на Печатном дворе и принадлежал к верхушке московской интеллигенции той поры. Был образованным человеком: свободно владел латынью, знал древнегреческий. В 1676 г. назначен на должность книгохранителя (библиотекаря) Печатного двора. Только в 1680 г. Х. получил повышение: он стал справщиком всей работы Печатного двора, наряду с Сильвестром Медведевым, Карионом Истоминым и Иосифом Белым. С 1686 г. имени Х. в расходных книгах уже нет. Возможно, это дата его смерти. В настоящее время известно лишь одно произведение Х.— стихи на библейские сюжеты, которые относятся к 1679 г. («Любезный мой мне,— невеста глашает…», «Соломон царь сый зело богатейший…» и др.) Это частью самостоятельные тексты, а частью перевод латинских подписей к гравюрам амстердамской Библии Николая Пискатора, второе издание которой (1674) пользовалось в России широкой популярностью. Картинки на библейские темы, выпускавшиеся в России в XVIIIв.,частозаимствовалисьизизданияПискатораинередкосопровождались стихами Х.

Шаховской Семен Иванович (XVII в.). Представитель ярославских удельных князей, мало пострадавших в опричнину, но особо не поднимавшихся. Скромный и прямодушный человек, образованный и очень непрактичный в мирских делах. В 1606 г., когда северские города восстали против царя Василия Шуйского, Ш. служил под Ельцом. Здесь его постигла первая опала: его увезли в столицу и без объявления причин сослали в Новгород — «в мор», однако с дороги повернули в деревню. В 1608–1610-х гг. был на службе в Москве, сражался с тушинцами, потом перешел на их сторону. Участвовал в ополчении 1611 г. под Москвой, в битве за Смоленск против поляков. Вторая опала — ссылка на Унжу (1615) — результат его собственной челобитной, в которой он жаловался, что «заволочен со службы да на службу». В конце 1619 г., после смерти третьей жены, Ш. женился в четвертый раз, что противоречило законам церкви и вызвало гнев патриарха Филарета. В своем «Молении» Ш. оправдывался перед патриархом. В 1620 г. несколько князей Шаховских были уличены в «великих винах» политического характера, в 1622 г. Ш. сослали в Тобольск за подозрения в укрывательстве, конфисковали имущество. Но после возвращения патриарх даже поручил ему как признанному авторитету в словесности составление послания к персидскому шаху (1625). В 1628–1631 гг. Ш. опять в опале: воеводствует в Енисейске, потом живет в Тобольске, в 30-е гг. возвращается в Москву, участвует в посольствах

в Польшу, бывает у государева стола. В конце 1630–1640-е гг. он то занимает пост воеводы в Крапивне, Усть-Коле, Устюге, то попадает в немилость. След его теряется в 1653 г. Среди стихотворных произведений Ш. известно «Послание князю Д. М. Пожарскому».

Яворский Стефан (до пострижения Симеон) **(1658–1722).** Поэт, писавший стихи на латинском, русском, украинском и польском языках и увенчанный званием «лавроносного поэта»; оратор, философ, ученый-богослов, крупный церковный деятель. Преподавал в Киево-Могилянском коллегиуме и Славяно-греко-латинской академии. Один из первых организаторов «школьного театра», яростный борец с протестантством и расколом. Родился в небогатой семье в местечке Яворов Львовской губернии. Окончил Киево-Могилянский коллегиум, преобразованный в 1701 г. в академию. Принимает униатство и уезжает учиться в западные иезуитские школы (Вильно, Львов, Познань, Люблин). В 1689 г., вернувшись в Киев, публично отрекается от униатства, принимает монашеский чин и начинает преподавательскую деятельность (преподавал философию, риторику, поэтику, теологию) в Киево-Могилянском коллегиуме. В 1700 г., будучи в Москве, написал надгробное слово фельдмаршалу Алексею Шеину по просьбе Петра I. Царь оставляет Я. в Москве и рекомендует патриарху Адриану рукоположить его в сан митрополита Рязанского и Муромского. Несмотря на аскетическую позицию и высказанное сопротивление, Я. принужден был принять этот сан в 1700 г. и в том же году стал протектором Славяно-греко-латинской академии, где перестроил учебный процесс по образцу Киево-Могилянского коллегиума, ввел «школьный театр». После смерти патриарха в декабре 1700 г. Я. назначен на должность администратора и местоблюстителя патриаршего престола. Поддерживал все светские реформы Петра, направленные на развитие промышленности, флота, науки, образования, но был скрытым сторонником патриаршества, которое задумывал упразднить царь. Я. был противником протестантизма, позиции которого резко укреплялись, выступал против активного вторжения светской власти в церковные дела, против раскольничества. Участвовал в полемике с раскольниками о конце света («Знамения пришествия антихриста», 1703 г.). Не раз просил отпустить его в Киев, даже хотел принять схиму, но это ему было не позволено. В 1712 г. написал поучение «О хранении заповедей господних», с которым выступил на именинах царевича Алексея, где критиковал Петра. В отместку царь лишил его права публичной проповеди на три года. В 1718 г. написал свою последнюю книгу «Камень веры», направленную против

лютеранства и протестантизма в целом (скрытые адресаты — Петр, его окружение и главный идейный противник с 1716 г. Феофан Прокопович).

Стихотворное наследие Я. невелико, причем большую его часть составляют латинские и польские произведения-панегирики в честь гетмана Мазепы, Варлаама Ясинского и др. В 1720–1721 гг., уже тяжело больной, пишет стихотворения «О титулы, пропасти паче вас называти» (титулы «обыкли людей пожирати») и «Стяжателя сих книг последнее книгам целование» (прощание со своими книгами, переданными Благовещенскому монастырю, «светом очей», «медом и сотом») .

Проверка содержания прочитанных текстов

«Сказание, како сотвори Бог Адама»

1. Из скольких частей хотел создать Господь Адама?

2. Куда отлучился Господь, когда «окоянный сотона» надругался над человеком?

3. Из чего Господь сотворил собаку для охраны Адама?

4. Что сотворил «окоянный сотона» с Адамом, когда Господь отошел в горный Иерусалим взять от ветра дыхание Адаму?

5. Как объяснил дьявол необходимость болезней человеку?

6. В какой стороне света насадил Господь рай?

7. Какие события будущего открыл Бог Адаму?

8. Сколько дней был Адам в раю?

«Хождение Богородицы по мукам»

1. Кто стал проводником Богородицы по аду?

2. За что страдали в аду первые из грешников, которых увидела Богородица?

3. Кто стерег мучающихся в аду?

4. Какой грех искупали грешники, мучающиеся во тьме?

5. За какие грехи обитатели ада страдали в огненной реке?

6. Какой грех наказывался подвешиванием за ноги и поеданием тела червями?

7. Кого подвешивали за зуб, а тело терзали змеи?

8. Как наказывались те, кто пропускал заутрени во Святую неделю?

9. Кого подвешивали за язык к железному дереву?

10. Сколько раз просит Богородица о грешниках перед Богом? Кто к ней присоединяется с аналогичной просьбой?

11. Как отреагировал Господь на просьбу Богородицы?

12. Кому из грешников не сочувствует Богородица, несмотря на их просьбу помолиться о них, считая, что «поделом им их страдания».

«Повесть временных лет»

1. От какого сына Ноя произошли, по версии «Повести временных лет», славяне?

2. Чему более всего удивился святой Андрей, посетив Новгород?

3. Какое племя славян основало Киев?

4. Кто, по преданию, построил Киев и как город получил свое название?

5. Как летопись объясняет призвание на Русь варягов?

6. Какое насилие творили обры над славянами-дулебами?

7. Кто из русских князей в знак победы повесил свой щит на вратах Царьграда?

8. Как умер князь Олег?

9. Какая хитрость Олега помогла ему взять город Царьград без боя?

10. Кем и где был убит киевский князь Игорь? Что было причиной этого?

11. Какой «чести» были удостоены послы Искоростеня, которые после убийства князя Игоря пришли сватать его вдову за своего князя Мала?

12. Какую «малую» дань потребовала княгиня Ольга от древлян и как она воспользовалась ею?

13. Как предупреждал князь Святослав своих врагов о том, что он идет воевать с ними?

14. Какой подвиг совершил отрок-киевлянин и в чем проявилась военная хитрость воеводы Претича во время осады Киева печенегами?

15. Как погиб князь Святослав?

16. Почему полоцкая княжна Рогнеда не захотела выйти замуж за Владимира?

17. Как князь Владимир выбирал веру для русичей?

18. Перечислите кумиров, окружавших теремной двор Владимира?

19. Как характеризовали послы Владимира, направленные к болгарам, немцам и грекам, веры этих народов?

20. Кто из русских был крещен первым? Где это произошло?

21. Как Ольге удалось избежать замужества с греческим царем Константином?

22. Где крестился князь Владимир? Что послужило поводом для этого?

23. Как происходило крещение в Киеве?
24. Какой подвиг совершил юноша-кожемяка? Какой город был основан в честь этого подвига?
25. Как был спасен Белгород при осаде города печенегами?
26. Как отреагировал Владимир на сетования дружинников, что они на пирах князя едят деревянными ложками?
27. По какой причине князь Мстислав воздвиг в Тмутаракани церковь святой Богородицы?
28. Где похоронен князь Ярослав? В каком гробу?
29. За что летописец восхваляет Ярослава?
30. Кто стал источником клеветы на Василька Теребовльского, которого обвинили в предательстве?
31. Отомстил ли князь Владимир Святополку за ослепление Василька?

«Хождение» игумена Даниила

1. Кто сопровождал игумена Даниила по святым местам в Иерусалиме?
2. Какое легендарное чудо увидел Даниил близ церкви святого Стефана-первомученника на пути к Иерусалиму?
3. Как охарактеризовал Даниил воду в реке Иордан?
4. Какие звери водятся, по словам Даниила, на берегах Иордана?
5. С какой русской рекой Даниил находит много общего у реки Иордан?
6. Что в устройстве лавры святого Саввы Даниил сравнивает со звездами на небе?
7. Как объясняет игумен Даниил, что в Мертвом (Содомском) море нет ни рыб, ни раков, ни червей?
8. Что попросил игумен Даниил, представ перед иерусалимским королем Болдуином?
9. Где было поставлено русское кадило относительно греческого и иерусалимского (в головах, в ногах, на уровне груди Господа Иисуса Христа) на гробе Господнем?
10. Скольких русских князей с женами и детьми записал игумен Даниил в октении (молитвенное прошение) в лавре св. Саввы?

«Житие Феодосия Печерского»

1. О каком художественном произведении, написанном до «Жития Феодосия Печерского», вспоминает автор во вступительной части?

2. Кто дал будущему святому имя «Феодосий», то есть «посвященный Богу»?

3. За что мать Феодосия, которая любила его больше, чем других своих детей, возложила однажды на него оковы, не кормила два дня и держала взаперти?

4. Какое занятие стало основным для Феодосия в отрочестве и юности?

5. Что сделал Феодосий с дорогой одеждой, которую дарил ему властелин города, и чем ее заменил?

6. Кто постриг Феодосия в монахи и в каком монастыре?

7. На какой поступок решается мать Феодосия для того, чтобы хоть изредка видеть сына-монаха?

8. Что сделал Феодосий для Киево-Печерского монастыря?

9. Приведите примеры смирения Феодосия во время его жизни в монастыре.

10. Кратко воспроизведите один из фантастических эпизодов, связанных с Феодосием.

11. Что сказал Феодосий князю Изяславу, когда увидел однажды множество музыкантов у него на пиру? Как отреагировал на эти слова князь?

«О летописцах и песнотворцах», «Слово в новую неделю по пасце» Кирилла Туровского

1. В чем назначение летописцев и песнотворцев, по мнению Кирилла Туровского?

2. С чем Кирилл Туровский сравнивает зиму и весну?

3. Кого Туровский называет агнцами, а кого тельцами, сосущими молоко учения Христа?

4. Кто, по выражению Туровского, «приводит к духовному ярму словесных тельцов и погружает в мысленные бразды крестную соху, прочерчивает бразду покаяния, сыпет духовное семя и веселится надеждами будущих благ»?

5. Кого Кирилл Туровский называет рыбаками, черпающими полную церковную сеть из рек апостольских?

6. Кого Туровский сравнивает с трудолюбивой пчелой, живущей в пустынях самокормлением, творящей медвяные соты, дающие человеку сладость, а церкви необходимое?

7. Кто, по выражению Туровского, славит на пасхальной неделе Бога своей песней, «гласом неумолкающим»?

«Киево-печерский патерик»

1. Как старец Прохор, умевший превращать золу в соль, посрамляет Святополка Изъяславича?

2. За что был утоплен инок Григорий в Днепре князем Ростиславом и как князь расплачивается за это?

3. Какие князья изображаются в патерике с симпатией?

4. Какие обличия принимают бесы, искушавшие монахов монастыря?

5. Кому из монахов перед смертью явился ангел и пообещал царство небесное за труды его?

6. Каким цветком бросал бес, которого увидел однажды Матфей-прозорливец в церкви, в братию, чтобы соблазнить поющих на службе сном?

7. Какую историю рассказывает Поликарпу Симон, чтобы убедить его не думать о епископстве, а утвердиться в монастыре?

8. Что сказал св. Афанасий братии, когда монахи нашли его воскресшим из мертвых и плачущим и спросили: «Как ты ожил и что ты видел?»

9. Какую историю рассказал Поликарпу Симон, чтобы предостеречь его от порабощения бесом гнева?

10. Кто поразил Евагрия-диакона, отказавшегося простить молящего его перед смертью о прощении Тита-попа, а умирающего исцелил?

11. Как блаженный Григорий наказал злых людей, которых бес подослал украсть его книги? Что сделал Григорий со своими книгами, чтобы они не соблазняли других?

12. Как Григорий-чудотворец наказал воров, укравших овощи и плоды с деревьев из его палисадника?

13. Какое чудо случилось после гибели Григория-чудотворца?

14. Как помогал Прохор-черноризец людям во время голода?

15. Какой князь обидел инока Прохора и чем это для него обернулось? Как ему удалось добиться прощения Печерского монастыря и что свидетельствовало об этом прощении?

Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим

1. Как архиепископ Иоанн заставил служить себе беса?

2. К какой христианской святыне повелел отнести себя бесу Иоанн?

3. Какое чудо свершилось с Иоанном, когда он помолился на коленях у дверей церкви св. Воскресения?

4. Какой запрет беса нарушил Иоанн и при каких обстоятельствах?

5. Как опорочил бес Иоанна перед народом?

6. Как народ понял, что Иоанн не виновен?

7. Куда двинулся крестный ход после того, как Иоанн простил новгородцев?

8. Как было отмечено то место на берегу реки Волхово, куда приплыл святой, изгнанный из Новгорода?

Сказание о Дракуле

1. Как, по мнению автора, переводилось имя мутьянского воеводы Дракулы?

2. Как Дракула наказал турецких послов, не снявших, по своему обычаю, перед ним колпаков?

3. Как «воодушевил» Дракула свою небольшую рать на битву с огромным турецким войском?

4. Как Дракуле удалось углубиться со своим войском на 5 дневных переходов в турецкие земли без единой потери, добыть богатство, вывести христиан и перебить неприятеля?

5. Как Дракула избавил свою землю от больных, старых и нищих?

6. Какого из двух католических монахов, пришедших к нему за подаянием, Дракула наградил за мудрость, а какого посадил на кол?

7. Назовите эпизоды, показывающие Дракулу борцом с воровством.

8. Назовите эпизоды, показывающие Дракулу как хранителя семьи.

9. Как одному из послов, которому был уже приготовлен золоченый кол, удалось не только спастись, но и получить от Дракулы награду за мудрость?

10. Какой ценой Дракуле удалось выйти из темницы венгерского короля, где он был 12 лет, и вновь получить свои земли?

11. Как поступил Дракула с разбойником, забравшимся к нему во дворец и пойманным приставом?

12. Как умер Дракула?

«Сказание о Магмет-салтане» Ивана Пересветова

1. Почему Бог выдал великого царя Константина туркам, по мнению Магмет-салтана?

2. Как Магмет-салтан боролся с несправедливыми судьями?

3. Каким образом греческие судьи несправедливым судом прогневали Бога и чем заменил их неправедный суд Магмет-салтан?

4. Кого Магмет-салтан велел судить бесплатно, но с особой строгостью, и казнить беспощадно?

5. Магмет-салтан считал, что рабы долго не могут быть сильными воинами. Сколько лет он допускал держать человека в плену, в рабстве?

6. Какое наказание установил турецкий султан за обман воина торговцами (обвес) и за воровство товара?

7. Какими достоинствами должен обладать, по мнению Магмет-салтана, христианский царь?

8. Как относился Магмет-салтан к христианству?

9. Что, по версии «Сказания», не хватает истинной вере христианской россиян и турецкой справедливости?

История о Казанском царстве

1. Кто нашел место для Казани — красивое, богатое скотом, пчелами, рыбой, овощами, угодьями, и какое препятствие для обладания этой землей нужно было устранить?

2. Кто и как избавил земли, которые стали потом казанскими, от великой напасти?

3. С какими городами автор «Истории о Казанском царстве» сравнивает Москву, воссиявшую после падения Золотой Орды?

4. Опишите сон, который увидел казанский царь накануне взятия Казани.

5. Что видел во сне сеит (вельможа) казанский накануне поражения Казани и как расшифровали этот сон волхвы?

6. Кого, по повелению царя, не убивали русские воины в захваченной Казани?

7. Как называется часть «Истории о Казанском царстве», содержащая контрастное описание прошлой Казани, царства нечестивого и греховного, и Казани обновленной православными храмами и верой христианской?

8. Опишите одежду и манеру поведения царя, въезжающего в Москву с победой.

9. Как женам и девам боярским и княжеским удалось увидеть торжественный въезд царя в Москву?

10. За что, по мнению автора, Иван Грозный останется в памяти русского народа?

Домострой

1. Как определяет автор в гл. 1 цель своего произведения?

2. Чем грозит читателям, по мнению автора, отказ от его советов и как вознаградится их приятие?

3. Как нужно относится к больным, заключенным и бедным, по совету «Домостроя»?

4. Как сделать еду и питье в сладость, а вкушение пищи превратить в доброе дело, которое ангелы запишут?

5. Чему нужно учить своих детей (гл. 15) и какими средствами?

6. Кто ответственен за грехи детей, совершенные по небрежению родителей?

7. Как нужно воспринимать смерть доброго, умного ребенка?

8. Как нужно собирать приданое дочери?

9. Насколько допустимо насилие при воспитании детей?

10. Какая награда ожидает тех, кто чтит родителей в немощи и старости и какое наказание ждет тех, кто осуждает родителей, ругает или бьет их?

11. Как нужно воспринимать поношение, укоризну?

12. Можно ли спастись от ада хозяину, который чинит неправду, грабит, клевещет, творит распутство (или его жена, дети, люди), но подает милостыню зерном и плодом (гл. 22)?

13. Какой девиз должен стать руководящим в повседневной жизни (гл. 27)?

14. Каковы правила обращения с чужим, взятым взаймы (гл. 32)?

15. Каковы правила наказания жен?

16. Какие культуры советует разводить автор на своем огороде (гл. 45)? Какого привычного для нас овоща нет в этом перечне?

17. Что в огороде приносит наибольшую прибыль при продаже?

18. Что из напитков полагалось пить за столом госпоже?

19. Как обращаться с пьяным гостем во время пира?

20. Чем должен закончить день хозяин, если пир прошел удачно (гл. 50)?

21. В гл. 54 отмечается, что все съестное в погребе, ледниках, подвалах должно быть в ведении ключника. Что рекомендуется держать в особом погребе, под замком, и следить за этим самому хозяину?

Новая повесть о преславном Российском царстве

1. Кому адресована «Новая повесть о преславном Российском царстве»?

2. Об осаде какого города поляками идет речь в повести? Что было бы, по мнению автора, если бы таких несокрушимых городов, поборников веры, в Российском государстве было б хотя бы немного?
3. Какую свадебную картину рисует автор повести, метафорически говоря об осаде города?
4. Кто, по выражению автора «Новой повести о преславном Российском царстве», непоколебимо стоит, словно столп посреди нашей великой земли и защищает православную веру, побеждая агарянские полчища только учением?
5. За что держит, по выражению автора, злого короля непокоренный город, не давая идти дальше?
6. Что сделал со шляхтичем Блинским, стрелявшим в кремлевскую икону Богородицы, народ?
7. Как восприняли русские люди слухи о том, что польский король готов посадить сына своего на русский престол?
8. С каким камнем автор сравнивает патриарха Гермогена, которого безрезультатно соблазнял предатель боярин Салтыков? Что ответил патриарх на его брань и оскорбления? Чем закончилось это столкновение?
9. Что должны делать христиане в годину тяжелых испытаний для Родины, по версии «Новой повести о преславном Российском царстве»?
10. Зачем, по мнению автора, предатель Федор Андронов с друзьями грабят великие сокровища московских князей и царей Руси?
11. Как автор повести объясняет то, что он не открывает своего имени?
12. Какую форму придает автор «Новой повести о преславном Российском царстве» своему произведению?

«Житие» протопопа Аввакума

1. Что говорит протопоп во вступлении о языке своего повествования?
2. Кто побуждал Аввакума написать житие?
3. Кто из родителей учил Аввакума страху Божию?
4. Как Аввакум нашел свою будущую жену?
5. Какое видение предстало однажды Аввакуму, когда он молил Господа отлучить его от духовных детей (паствы) — тяжкого бремени?
6. О каких чудесах рассказывает Аввакум, вспоминая период бед и болезней?

7. За что Василий Петрович Шереметьев, казанский воевода, хотел бросить Аввакума в Волгу?

8. Какой глас услышал после Никоновой реформы духовник Аввакума в Чудовом монастыре?

9. При каких обстоятельствах Аввакуму однажды явился ангел?

10. За что воевода Пашков избил Аввакума, сковал по рукам и ногам?

11. Какое чудо произошло с дощеником Пашкова, которое все трактовали как наказание за побои невинному Аввакуму?

12. После какого события Пашков стал «тужить» по Аввакуму?

13. Кто подкармливал протопопа и его семью в голодное время в Сибири, когда они ели только коренья, траву и то, что не доедали волки?

14. Что ответил протопоп жене, когда та однажды взроптала: «Долго ли муки эти будут!»?

15. Как появилась в хозяйстве Аввакума черненькая курочка, которая исправно давала по два яичка в день?

16. Из-за чего поссорились однажды Аввакум со снохой воеводы Пашкова Евдокией Кирилловной, у которой он крестил сына?

17. При каких обстоятельствах Аввакум молил Бога о смерти русского войска?

18. Почему Аввакум молился только за Еремея, сына Пашкова, участвовавшего в монгольском походе, и тем чудесным образом спас его?

19. Кого вывез, спасая, Аввакум из Сибири на Русь?

20. Как отреагировала протопопица на слова Аввакума, сказанные однажды: «Связали вы меня!»?

21. Кто передал письмо Аввакума царю?

22. Кого винил Аввакум в своих бедах и как воспринимал мучения единомышленников (Морозовой, Урусовой и др.)?

23. Какое последнее слово сказал царь Аввакуму перед высылкой в Пустозерск?

Повесть о Шемякином суде

1. С чего начались мытарства бедного брата в «Повести о Шемякином суде»?

2. Почему бедный сам пошел за богатым братом к судье, а не стал дожидаться вызова?

3. Какая претензия была к бедняку у попа?

4. Почему к попу и богатому брату присоединился третий обвиняемый?

5. Как рассудил Шемяка бедного с богатым?

6. Какой вердикт вынес Шемяка по делу бедняка и попа?

7. Какой вердикт Шемяка вынес по делу неумышленного убийства старика?

8. Сколько бедняк взял с брата и попа, чтобы решение суда не выполнялось?

9. Как отреагировал Шемяка, узнав, что бедняк показывал в узле не золото, а камень, которым грозил его убить?

Повесть о бражнике

1. В чем особенность земной жизни Бражника?

2. Как Бог оценил земную жизнь Бражника?

3. Как Бражник посрамил апостола Петра, не пускавшего его в Рай?

4. Как был посрамлен Бражником апостол Павел?

5. Как Бражник посрамил царя Давыда, не пускавшего его в Рай?

6. Как Бражник посрамил царя Соломона?

7. В чем Бражник обвинил святителя Николу?

8. Как Бражник убедил Иоанна Богослова открыть ему врата рая?

9. Какое место в Раю занял Бражник?

Повесть о Ерше Ершовиче

1. Какие рыбы и откуда родом подали челобитную в суд на Ерша Ершовича?

2. На чем приехал Ерш с семейством в Ростовское озеро?

3. В чем обвинялся Ерш на судебном разбирательстве?

4. Как объяснил Ерш попытку оговорить его в суде истцами?

5. Какими «связями» похвалялся Ерш?

6. Как Ершу удалось отклонить свидетельства Сига, рыбы Лодуги и Сельди-рыбы, которые могли назвать истинных хозяев Ростовского озера?

7. Почему не пошла в понятые рыба Мень?

8. Что, по словам Ерша, стало с документами на владение Ростовским озером, которые у него были?

9. Как обманул Ерш воеводу Осетра, в результате чего тот лишился жены и детей?

10. Как пострадало от Ерша семейство воеводы Сома?

11. Какой вердикт вынес суд по делу Ерша?

12. Кто в процессе над Ершом выступал палачом, тюремщиком и секретарем?

Калязинская челобитная

1. Кто и кому пишет «челобитную»?

2. Кто главный виновник бед монахов Колязинского монастыря?

3. Какие упреки в адрес архимандрита звучат в челобитной?

4. Как звали лучших бражников, которых искали по всем монастырям и послали для образца в Колязинский монастырь, чтоб научить пить братию?

5. Что должен делать новый, «добрый», настоятель, которого монахи ждали вместо нынешнего?

6. Какой «нажиток» имеют у себя «крылоские люди» (монахи), по выражению авторов челобитной?

7. Какой отчет просят ниспросить у архимандрита Гавриила колязинские монахи?

8. Что вызывает муть в глазах у монахов Калязинского монастыря, а у малодушных — бессонницу и кожный зуд за плечами?

9. Как готовы помочь архимандриту монахи, только бы тот поскорее убрался из Калязина прочь по Волге?

10. Что грозят сделать клирошане, если архимандрит останется в монастыре?

Повесть о Савве Грудицыне

1. Почему отец Саввы, Фома, переселяется из Великого Устюга в Казань?

2. Сколько лет было Савве, когда он повел, по настоянию отца, суда к Соли Камской?

3. За что жена Бажена Второго рассердилась на Савву Грудицына и как ему отомстила?

4. Какую сделку заключил Савва с бесом?

5. Где Савва мог найти беса при надобности?

6. Кто пытался возвратить Савву на путь добродетели?

7. Что подносит Савва в богатом привидевшемся ему городе сатане, сидящему на престоле?

8. Кто открывает Савве глаза на его названного брата?

9. Что подарил немецкий полковник солдату-новобранцу Савве за изрядные познания в воинской науке?

10. Как удалось скрыться Савве с бесом из враждебного Смоленска, когда поляки, укреплявшие город, обнаружили их?

11. Сколько польских исполинов удалось победить Савве при помощи беса-оруженосца под Смоленском?

12. Почему Савва должен был уехать из-под Смоленска, несмотря на то, что он вместе с братом постоянно одерживал победы?

13. При каких обстоятельствах Савва исповедуется в своих грехах священнику?

14. Как отомстил бес Савве за исповедь и как царь Михаил Федорович помог ему вынести наказание?

15. Кто явился во сне Савве, измученному бесом?

16. Какое чудо совершила на Савве Богородица в праздник пресвятой Богородицы Казанской?

17. Какую клятву, данную Богородице во сне, исполнил Савва после излечения?

Повесть о Карпе Сутулове

1. Куда отправился за товаром купец Карп Сутулов, оставив на попечение друга Афанасия Бердова свою жену Татьяну?

2. Перечислите по порядку тех, кто добивался Татьяны Сутуловой.

3. Во что Татьяна Сутулова переодела архиепископа для свидания?

4. Куда Татьяна спрятала незадачливых ухажеров друг от друга?

5. Как три сундука с ухажерами Татьяны оказались у воеводы?

6. Как обнаружили поклонников Татьяны в сундуках?

7. Как поплатились купец, поп, архиепископ за свои неудачные похождения?

8. Как отнесся муж Татьяны Сутуловой к происшедшему с женой?

Повесть о Фроле Скобееве

1. На какой праздник собирала к себе дочерей дворян дочь стольника (придворного) Аннушка?

2. Кому в доме Аннушки открылся Фрол Скобеев, пришедший в женском наряде на праздник?

3. Как мамка посоветовала Аннушке скрыть ее грех?

4. Зачем отец Аннушки повелел приехать ей в Москву?

5. Как Аннушке удалось бежать из родительского дома и выйти замуж за Фрола Скобеева?

6. Почему Фрол Скобеев вынужден был раскрыть тайну женитьбы на Аннушке?

7. Как Фролу удалось выпросить родительское благословение на брак с Аннушкой?

8. Чем занимался Фрол Скобеев до женитьбы и на что он жил после нее?

Повесть о Горе-Злочастии

1. Какого плода, по версии автора повести, не велел вкушать Бог Адаму и Еве?

2. Как Молодец оказался на чужбине?

3. Почему Горе-Злочастие привязалось к Молодцу?

4. Где, по словам Горя-Злочастия, его вотчина, гнездо?

5. Как, явившись во сне, Горе-Злочастие пыталось заманить Молодца в кабак?

6. При каких обстоятельствах Горе явилось Молодцу наяву?

7. Как было одето Горе, явившееся наяву Молодцу?

8. Когда Молодец покоряется Горю-Злочастию?

9. Какую жизнь и поведение Горе-Злочастие советует избрать Молодцу?

10. Как Молодцу удалось избавиться от Горя?

Тесты по курсу

Становление древнерусской литературы

1. Назовите «солунских братьев».
2. Который из них имел прозвище «философ» и за что?
3. Когда русская православная церковь отмечает память святых Кирилла и Мефодия?
4. Назовите литературные труды, приписываемые Кириллу и Мефодию.
5. Известно, что кириллица и глаголица в IX в. были в ходу равнозначно. Какая из азбук, будучи более архаичной, вышла из употребления в X — XI вв., а какая стала основой всех славянских алфавитов, в том числе русского.
6. Какую из азбук — кириллицу или глаголицу, по мнению большинства ученых, создали Кирилл и Мефодий?

Литература Киевской Руси

1. Когда была создана «Повесть временных лет»?

а) в XI в.;

б) в XII в.;

в) в XIII в.

2. В составе каких более поздних летописных сводов была обнаружена «Повесть временных лет»?

а) Ипатьевской;

б) Галицко-Волынской;

в) Новгородской;

г) Лаврентьевской.

3. Укажите, какой художественный прием использует митрополит Иларион в следующем отрывке из «Слова о Законе и Благодати»: «Тогда начать мрак идольский от нас отходити и **зоре благовериа** явишася, тогда тма идольский погыбе и **слово** евангельское землю нашю **осиа**… крест грады **свящаше**».

а) эпитет;

б) метафора;

в) синтаксический параллелизм;

г) олицетворение.

4. Укажите, кто из перечисленных князей не является героем «Повести временных лет».

а) Святослав;

б) Олег;

в) Александр Невский;

г) Игорь Новгород-Северский.

5. В каком из ранних русских житий более последовательно соблюдаются каноны византийского жития?

а) «Сказание о Борисе и Глебе»;

б) «Житие Феодосия Печерского» Нестора;

в) «Житие князя Михаила Черниговского и боярина Феодора».

6. «В лето 6415. Иде Олег на грекы, Игоря оставив Киеве…». Какому году по современному летоисчислению соответствует эта дата?

7. Назовите героев «Повести временных лет», о которых идет речь:

а) «И повеле … воем своим колеса изделати и вставляти на колеса корабля. И бывшю покосну ветру, въспя парусы съ поля, и идяше къ граду. И видевше греци и убояшася, и реша, выславше ко…: «Не погубляй града, имемъся *по дань*, якоже хощеши»»;

б) «Князю… възрастъшю и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, и легъко ходя, аки пардус, войны многи творяше… И посылаше къ странам, глаголя: «Хочю на вы ити»».

Литература периода феодальной раздробленности

1. Укажите, какой реальный исторический факт был положен в основу «Слова о полку Игореве».

а) неудачный поход Игоря против половцев в 1185 году;

б) победа над половцами, одержанная киевским князем Святославом в 1184 году;

в) поход против половцев Владимира Мономаха;

г) междоусобные распри южнорусских князей.

2. В каком веке был обнаружен древнерусский памятник «Слово о полку Игореве»?

а) в XVII в.;

б) в XVIII в.;

в) в XIX в.;

г) в XX в.

3. Летописцы какого княжества в XII — начале XIII в. следовали стилевым традициям «Повести временных лет»?

а) галицко-волынские летописцы;

б) новгородские летописцы;

в) киевские летописцы.

4. Кто из героев «Слова о полку Игореве» «изронил золотое слово со слезами смешанное»?

а) Ярославна, жена Игоря;

б) Святослав, князь Киевский;

в) Всеволод, брат Игоря;

г) сам князь Игорь.

5. Сколько раз Игорь вступал в бой с врагом?

а) один;

б) два;

в) три;

г) четыре.

6. Чем заканчивается «Слово о полку Игореве»?

а) смертью Игоря;

б) бегством Игоря из плена;

в) Игорь остается в плену;

г) казнью Игоря.

7. Укажите, кто из русских поэтов не переводил «Слово о полку Игореве».

а) В. А. Жуковский;

б) В. И. Майков;

в) Н. А. Заболоцкий;

г) А. С. Пушкин.

8. Укажите, какой герой выражает авторскую позицию в «Слове».

а) Игорь;

б) Всеволод;

в) Святослав;

г) Ярославна.

9. Назовите основную тему «Слов» Кирилла Туровского:

а) изложение правил христианской нравственности;

б) объяснение смысла церковных праздников;

в) жизнь природы;

г) история принятия Русью христианства.

10. Назовите известных русских ораторов XI — XIII вв.:

а) митрополит Иларион;

б) Климент Смолятич;

в) Василий Великий;

г) Лука Жидята;

д) Кирилл Туровский;

е) Серапион Владимирский.

Литература XIII — XVI вв.

1. Когда был выполнен первый полный перевод Библии на Руси?

а) в XIV в.;

б) в XV в.;

в) в XVI в.

2. Какой из летописных сводов был иллюстрированным?

а) Никоновский свод (XVI в.);

б) московский свод 1408 г.;

в) Лицевой летописный свод (XVI в.);

г) Новый летописец (XVII в.) .

3. Наличие устойчивых эпитетов (русь православная, синие облака, вечные колокола, черный ворон, острые мечи, златое стремя, борзые кони) роднит «Задонщину» с:

а) военной повестью;

б) устным народным творчеством;

в) летописью;

г) житием.

4. Кому из героев «Повести о разорении Рязани Батыем» принадлежат слова «Не полезно бо есть нам християном тобе нечестивому царю водити жены своя на блуд. Аще нас приодолееши, то и женами нашими владети начнеши»?

а) князь Федор Юрьевич Рязанский;

б) великий князь Георгий Всеволодович Владимирский;

в) Евпатий Коловрат;

г) князь Ингварь Ингоревич.

5. Какой эпизод является лирическим в «Задонщине»?

а) сбор русского войска;

б) описание первого боя;

в) плач русских жен по убитым;

г) слава погибшим в бою от имени князя Дмитрия Ивановича.

6. Из скольких относительно самостоятельных эпизодов состоит «Повесть о разорении Рязани Батыем»?

7. Укажите значение рефренов («О Русская земля, ты уже за холмом» — в «Слове о полку Игореве», «… за землю Русскую, за веру христианскую» — в «Задонщине») .

а) придают законченность смысловому эпизоду;

б) создают ритм;

в) служат украшением повествования;

г) переключают внимание читателя с одного эпизода на другой.

8. Черты каких жанров содержит «Житие Александра Невского»?

а) житие и воинская повесть;

б) житие и летопись;

в) житие и ораторское красноречие;

г) историческая повесть и летопись.

9. В каком из житийных текстов проявляются черты стиля «плетения словес»?

а) «Житие Стефана Пермского» Епифания Премудрого;

б) «Повесть о Петре и Февронии» Ермолая-Еразма;

в) «Житие Кирилла Белозерского» Пахомия Логофета.

10. Назовите основные проблемы, поднятые в переписке Андрея Курбского с Иваном Грозным.

11. Когда возникло Московское княжество?

12. Назовите автора «Жития Сергия Радонежского»:

а) Епифаний Премудрый;

б) Ермолай-Еразм;

в) Иван Пересветов;

г) Максим Грек.

13. Кто благословил Дмитрия Донского на Куликовскую битву:

а) Феодосий Печерский;

б) Сергий Радонежский;

в) монах Пересвет.

14. Как называлась река, на которой произошло первое столкновение русских с монголо-татарами:

а) Каяла;

б) Сновь;

в) Калка;

г) Дон.

15. Назовите повести куликовского цикла. Что позволяет объединять их в единую группу?

16. Назовите произведения, из которых взят следующий отрывок:

а) «Некогда ж обедоваше под трупием мертвых человек, иже на колие саженых множьство бо округ стола его; он же среди их ядяше и тем услажашесь»;

б) «Она же рече: «Отец и мати моя поидоша взаем плакати. Брат же мой иде чрез ноги в нави зрети»»;

в) «Индеяне же не едят никоторого же мяса, ни яловичины, ни боранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, а свиней же у них велми много».

17. Кто является автором теории «Москва — Третий Рим»?
18. С кем связано начало московского летописания?

Литература XVII в.

1. Главной идеей «Калязинской челобитной» является:

а) слава «благой» судьбы;

б) призыв к милосердию;

в) осуждение мздоимства и несправедливости в судах;

г) осуждение вражды между братьями.

2. Из какого текста взят данный отрывок: «Поревнуем и подивимся великому оному нашему граду Смоленьску, его же стояние к Западу, како в нем наша братия, православныя християне, сидят, и великую всякую скорбь и тесноту трпят, и стаят крепце за православную веру, и за святыя Божия церкви, и за свои души, и за всех за нас, а общему нашему сопостату и врагу, королю, не покорятся и не здадутся»?

3. Перескажите недостающий фрагмент текста:

«Бражник же еще начя у врат рая толкатися. И приде ко вратом Иоанн Богослов, друг Христов, и рече: «Кто у врат рая толкаетца?» <…> И рекоша вси святии отцы: «Буди благословен ты, бражник, тем местом во веки веков». Аминь».

4. Составьте композиционный план фрагмента «Повести и Шемякином суде»:

а) «Бедный же веды себе, что погибель ему будет от брата и от попа, и умысли себе смерти предати, бросися прямо с мосту в ров, хотя ушибьтися до смерти»;

б) «По неколику времени прииде убоги к богатому просити лошеди, на чемь ему себе дров привести»;

в) «И потом нача поп з богатым ужинати, убогова же не позовут к себе ясти».

5. Назовите героя «Повести о Ерше Ершовиче», которому принадлежит реплика:

а) «А то Ростовское озеро прямое мое, и не их… А те люди… были у отца моего в холопях. Да после, господа, яз батюшка своего, не

хотя греха себе по батюшкове душе, отпустил их на волю и з женишками и з детишьками…»;

б) «Право, он прямой человек, ведомый вор мне он не одно зло учинил — брата моево… затащил в невод, а сам, аки бес, в ячейку вывернулся… а брата моево на берег выволокли да обухом и з детми прибили, и Ершь скачет да пляшет, а говорит: «А дак-де нашево Обросима околачивают»»;

в) «Что ты, братец, меня хощешь взять, а я тебе не пригожуся в понятые — брюхо у меня велико, ходити я не могу, а се у меня глаза малы, далеко не вижу, а се меня губы толсты, перед добрыми людьми говорить не умею».

6. Какие каноны житийного жанра сохраняются в «Житии» протопопа Аввакума?

7. Определите жанровую принадлежность произведения:

а) «Повесть об Ульянии Осорьиной»;

б) «Новая повесть о преславном Российском царстве»;

в) «Повесть о Горе-Злочастии»;

г) «Повесть о Тверском Отроче монастыре»;

д) «Повесть о Савве Грудицыне».

Итоговый тест

1. До какого века существовало русское летописание?

а) до XV в.;

б) до XVIII в.;

в) до XVII в.:

г) до XVI в.

2. Какое из названных житий является автобиографическим?

а) «Житие Юлиании Лазаревской»;

б) «Житие» протопопа Аввакума;

в) «Житие Федора Васильевича Ушакова».

3. Назовите специфические черты русской литературы, в отличие от литературы нового времени.

4. Перечислите ключевые жанры древнерусской литературы.

5. Из какой страны были привезены первые переводы библейских текстов, необходимых для богослужения?

6. Назовите художественный текст, который не является апокрифом.

а) «Прение Христа с дьяволом»;

б) «Хождение Богородицы по мукам»;

в) «Сказание о Борисе и Глебе»;

г) «Повесть о Соломоне и Китоврасе».

7. «Слово» — это жанр древнерусской литературы…

а) в котором рассказывается о праведной жизни главного героя во имя христианской веры;

б) который предназначался для произнесения вслух перед аудиторией;

в) в котором рассказывается о реальных исторических событиях;

г) в котором дается иная трактовка событий «Священного Писания».

8. Назовите разновидность житийной литературы, характерную именно для Руси:

а) преподобническое житие;

б) святительское житие;

в) княжеское житие.

9. Определите жанровую принадлежность произведений:

а) «Как сотворил Бог Адама»;

б) «Деяние апостолов»;

в) «Сказание о Борисе и Глебе»;

г) «Сказание о Магмет-салтане»;

д) «Повесть временных лет»;

е) «Шестоднев».

10. Как назывался памятник, известный на Руси с XI — XII веков, автором которого был монах Косма Индикоплов (плаватель в Индию), описывающий устройство Вселенной?

11. Из какого текста взят данный отрывок?

а) «Аз бо есмь, княже господине, аки трава блещена, растяще на застении, на ню же ни солнце сиаеть, ни дождь идет; тако и аз всем обидим есмь, зане огражден есмь страхом грозы твоеа, яко плодом твердым»;

б) «Въстани, о честнаа главо, от гроба твоего, въстани, отряси сон! Неси бо умерл, нъ спиши до обьщааго всем въстаниа. Въстани, неси умердл, несть бо ти лепо умрети, веровавшу въ Христа — живота всему миру».

в) «Фаворьская же гора чюдно и дивно, и несказанно, и красно уродилася есть от бога, поставлено есть красно и высоко велми и велика… Есть гора та вся камена».

Учебное издание

Н. Г. Юрина

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Учебно-методическое пособие

Подписано в печать 17.02.2015.
Электронное издание для распространения через Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова,
д. 17-Б, комн. 324.
Тел./факс: (495) 334-82-65; тел. (495) 336-03-11.
E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru